

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
"SUPREMACY OF LAW"**

**REVISTA ȘTIINȚIFICĂ INTERNAȚIONALĂ
"SUPREMAȚIA DREPTULUI"**

**МІЖНАРОДНИЙ НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА»**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА»**

№ 3

Спеціалізоване
видавництво

Specialized
publishing house

**CONTENT
CUPRINS
ЗМІСТ
СОДЕРЖАНИЕ**

**THEORY, HISTORY OF STATE AND LAW. CONSTITUTIONAL LAW
TEORIA, ISTORIA STATULUI ȘI DREPTULUI. DREPTUL CONSTITUȚIONAL
ТЕОРИЯ, ІСТОРІЯ ДЕРЖАВИ І ПРАВА. КОНСТИТУЦІЙНЕ ПРАВО
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО**

RAILEAN P. ACCEȚIUNEA CONTEMPORANĂ A LEGALITĂȚII CA PRINCIPIU FUNDAMENTAL AL STATULUI DE DREPT	5
TATARU G. RĂSPUNDEREA ȘEFULUI DE STAT: CONCEPT ȘI FORME.....	12
БОРШЕВСКИЙ А. ЗАЩИТА ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ	18
ПАМПУРА М.В. ТРАНСФОРМАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ СУЧАСНОСТІ ТА ЇХ ВПЛИВ НА ДЕРЖАВНО-ПРАВОВУ ДІЙСНІСТЬ УКРАЇНИ	26

**ADMINISTRATIVE LAW
DREPTUL ADMINISTRATIV
АДМІНІСТРАТИВНЕ ПРАВО
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**

РАЙНІН І.Л. РЕГІОНАЛЬНА ПРОГРАМА ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПУБЛІЧНОЇ БЕЗПЕКИ І ПОРЯДКУ В ХАРКІВСЬКІЙ ОБЛАСТІ.....	32
САВЧЕНКО Л.А. ПРИЗНАЧЕННЯ, ЗВІЛЬНЕННЯ ЧЛЕНІВ РАХУНКОВОЇ ПАЛАТИ УКРАЇНИ ТА ГАРАНТІЇ ЇХ ПРАВОВОГО СТАТУСУ ЗА НОВИМ ЗАКОНОМ УКРАЇНИ «ПРО РАХУНКОВУ ПАЛАТУ»	40
КУДЕРСЬКА Н.І., КУДЕРСЬКА І.О. СПИСКИ (ПЕРЕЛІКИ, РЕЄСТРИ) НЕМАТЕРІАЛЬНОЇ КУЛЬТУРНОЇ СПАДЩИНИ.....	46
ЗАЯРНЫЙ О.А. КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРИКЛАДНАЯ МОДЕЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТОЛОГИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕЁ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	53
ЛЕМЕШ Д.Л. СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	61
ФЕЛИК В.И. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ КООРДИНАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ.....	66

СОСНА А. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ИСКОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	71
DIACONU M. REFLECTII ASUPRA EFECTELOR CONTENCIOSULUI ADMINISTRATIV.....	80
MICU V. RĂSPUNDEREA CONSTITUȚIONALĂ A PARLAMENTULUI.....	85
COZMA D. BUNA-CREDINȚĂ ÎN ACTIVITATEA JUDECĂTORULUI.....	90
SEMEREY B.V. THE PRINCIPLES OF THE NATIONAL POLICE OF UKRAINE.....	95

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS
DREPTUL PENAL, PROCEDURA PENALĂ ȘI CRIMINALISTICA
КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО, КРИМІНАЛЬНИЙ ПРОЦЕС ТА КРИМІНАЛІСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

IACUB I. SECURITATEA JURIDICĂ – PRINCIPIU FUNDAMENTAL ÎN STATUL DE DREPT.....	99
COSTACHI G. ECHILIBRUL DINTRE STABILITATEA ȘI DINAMICA CONSTITUȚIEI – GARANȚIE IMPORTANTĂ A REGIMULUI CONSTITUȚIONALITĂȚII.....	106
БАНДУРКА І.О. ОБ’ЄКТ НЕНАЛЕЖНОГО ВИКОНАННЯ ОБОВ’ЯЗКІВ ЩОДО ОХОРОНИ ЖИТТЯ ТА ЗДОРОВ’Я ДІТЕЙ.....	111
КОРОВАЙКО О.І. МІЖНАРОДНІ АКТИ ЯК ОСНОВА РОЗВИТКУ КРИМІНАЛЬНОГО ПРОЦЕСУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ НА ҐРУНТІ ПРІОРИТЕТУ ВИЗНАННЯ І ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПРАВ ТА СВОБОД ЛЮДИНИ.....	116
ТКАЧЕНКО Н.Н. ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБ’ЄКТОВ СУДЕБНО-ЕКСПЕРТНОЇ ДЕЯТЕЛЬНОСТІ В УГОЛОВНОМУ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	123
НЄБИТОВ А.А. ХАРАКТЕРИСТИКА ОСІБ, ЯКІ ЗАЙМАЮТЬСЯ СЕКСУАЛЬНОЮ ЕКСПЛУАТАЦІЄЮ.....	128

CIVIL, BUSINESS, COMMERCIAL AND EMPLOYMENT LAW
DREPTUL CIVIL ȘI PROCEDURA CIVILĂ. DREPTUL AFACERILOR, DREPTUL
ECONOMIC ȘI AL MUNCII
ЦИВІЛЬНЕ, ПІДПРИЄМНИЦЬКЕ, ГОСПОДАРСЬКЕ ТА ТРУДОВЕ ПРАВО
ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО

СОСНА Б. ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ, УВОЛЕННЫХ В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ И В СВЯЗИ С СОКРАЩЕНИЕМ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЯ.....	134
БОСЫЙ Д. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЙ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ.....	147
ВЕРДИЯН Г.В. ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕЩНОСТИ И ПРАВООЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	158

МУХТАСАРОВА Т.Р.
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВООТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 163

АЛИЕВ САБУХИ ОСМАН ОГЛУ
ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ
КАК ПРЕСТУПНОЕ ДЕЯНИЕ ПРОТИВ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 168

**BANKING AND FINANCE LAW
DREPTUL BANCAR ȘI FINANCIAR
БАНКІВСЬКЕ ТА ФІНАНСОВЕ ПРАВО
БАНКОВСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО**

КОБЗЕВА Т.А.
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМОЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ, НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ 173

**PROMINENT LEGAL SCHOLARS AND SCIENTIFIC HERITAGE
SAVANȚI JURIDICE PROEMINENȚI ȘI PATRIMONIUL ȘTIINȚIFIC
ВИДАТНІ ВЧЕНІ-ЮРИСТИ ТА ЇХ НАУКОВА СПАДЩИНА
ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ-ЮРИСТЫ И ИХ НАУЧНЫЕ НАСЛЕДИЯ**

АНИКИН В.
ПОВОРНИК ПРАВА И ЗАКОННОСТИ:
АКАДЕМИК ЮРИЙ ТОДЫКА..... 179

ACCEPȚIUNEA CONTEMPORANĂ A LEGALITĂȚII CA PRINCIPIU FUNDAMENTAL AL STATULUI DE DREPT

**Railean Petru - doctor în drept, ex-judecător al Curții Constituționale a Republicii
Moldova**

Accepțiunea contemporană a legalității ca principiu fundamental al statului de drept. Articolul cuprinde un studiu detaliat asupra conceptului și fenomenului legalității, urmărindu-se scopul de a contura accepțiunea contemporană a legalității ca principiu fundamental la statului de drept și a argumenta necesitatea reconceptualizării acestuia în condițiile democratizării societății, moment indispensabil pentru asigurarea finalității procesului de edificare și consolidare a statului de drept în Republica Moldova.

Cuvinte-cheie: legalitate, principiul legalității, reconceptualizarea legalității, stat de drept, conținutul legalității, subiecții legalității.

The contemporary meaning of legality as a fundamental principle of the rule of law. Article includes a detailed study on the concept and phenomenon of legality, with the aim to outline the contemporary meaning of legality as a fundamental principle of the rule of law and to argue the need for its reconceptualization in conditions of democratization of society, as indispensable requirement to complete the process of building and strengthening the rule of law in Moldova.

Keywords: legality, the principle of legality, reconceptualization of legality, rule of law, the content of legality, the subjects of legality.

Современный смысл законности как основополагающего принципа правового государства. В данной статье автор предлагает подробное исследование законности как явление, с целью обозначения современного смысла законности в качестве основополагающего принципа правового государства и доказать необходимость его переосмысления в условиях демократизации общества, как необходимое условие для завершения процесса создания и укрепления правового государства в Молдове.

Ключевые слова: законность, принцип законности, переосмысление законности, правовое государство, содержание законности, субъекты законности.

„La baza statului de drept stă principiul legalității”
(Curtea Constituțională a Republicii Moldova
[9])

Introducere. Actualitatea acestui subiect vorbește de la sine. Transformările democratice inițiate în ultimul deceniu al secolului trecut, care au marcat trecerea societății noastre de la un regim politic totalitar la unul bazat pe drept și pe valorile democratice, au impus în mod inevita-

bil o reorganizare a puterii în stat în baza unor noi principii constituționale. În acest context, o nouă reafirmare a cunoscut, în viziunea noastră, și **principiul legalității** în viața societății și activitatea statului. Incontestabil, principiul în cauză a fost unul central și pentru funcționarea puterii în fostul regim sovietic, însă odată cu ruina acestuia și inițierea edificării unui nou stat, a survenit necesitatea reconceptualizării legalității și ajustarea acesteia la noile realități democratice în

vederea protejării unor noi valori recunoscute ca supreme pentru stat și societate.

Scopul studiului rezidă în conturarea accepțiunii contemporane a legalității ca principiu fundamental al statului de drept și argumentarea necesității reconceptualizării acestuia în condițiile democratizării societății, moment indispensabil pentru asigurarea finalității procesului de edificare și consolidare a statului de drept în Republica Moldova.

Rezultate obținute și discuții. Pentru o configurare fidelă și completă a accepțiunii contemporane a legalității, e necesar, pentru început, a vedea care este explicația lexicografică a termenului, precum și unele momente din evoluția acestei categorii.

Etimologie și accepțiuni. În general, termenul „legalitate” își are etimologia în latinescul „*legalis, -e*” (*de lege*). Dicționarul Explicativ Ilustrat al Limbii Române [6, p. 1032] explică cuvântul ca fiind: 1) caracter a ceea ce este legal, a ceea ce este în conformitate cu legea; 2) principiu potrivit căruia orice persoană fizică sau juridică este obligată să respecte legea; 3) situație conformă legii; 4) ordine legală care asigură viața și activitatea unei societăți, a unui stat.

Într-un sens restrâns, *legalitatea* este explicată în *Micul Dicționar Juridic*: „conformitate între acțiune și normele legale dintr-o societate” [8, p. 123], precum și în *Dicționarul politic* [17, p. 143]: „calitate de a fi în conformitate cu legea”. În același timp, în ambele dicționare este consemnată și valoarea de principiu a legalității, în primul caz este exemplificat principiul legalității incriminării; în al doilea – principiul legalității activității administrației publice.

Un sens mai larg al termenului este consemnat în *Dicționarul de administrație publică* [12, p. 88], potrivit căruia legalitatea presupune:

1) condiție de fond a actului administrativ, care constă în conformitatea acestuia cu legea și celelalte acte normative;

2) sfera principiilor și normelor de drept ce trebuie respectate de către cetățeni/instituții;

3) ordinea de drept în raporturile internaționale potrivit căreia statele acționează conform principiilor suveranității naționale, a independenței, egalității în drepturi, neamenințării cu forța și neamestecului în treburile interne.

Merită atenție în context și explicația termenului *legalitate* din dicționarele rusești. Astfel, în *Marele Dicționar Juridic* [22, p. 199], legalitatea este explicată ca „supremație a legii, care presupune executarea strictă a legilor și a actelor normative subordonate acestora de către toate instituțiile statului, persoanele cu funcții de răspundere și alte persoane. Legalitatea constituie unul din elementele democrației și ale statului de drept.”

Un sens similar poate fi atestat și în dicționarele enciclopedice ale dreptului constituțional [21, p. 143-144; 20, p. 150], în conținutul cărora legalitatea este explicată ca: respectarea strictă a Constituției, legilor, precum și a altor acte normative adoptate în conformitate cu acestea de către toate organele puterii de stat, autoritățile administrației publice locale, funcționarii publici, cetățenii și asociațiile lor.

Sub acest aspect, este relevantă și explicația dată de *Dicționarul de termeni juridici uzuali* [5, p. 253], conform căreia: „legalitatea este un principiu general de drept, potrivit căruia autoritățile de stat, instituțiile publice și toți cetățenii sînt obligați să respecte legea, comportamentul lor să fie conform prevederilor acesteia; principiu ce consacră supremația legii în întreaga activitate socială.”

În pofida diversității de accepțiuni recunoscute „legalității”, trebuie să precizăm că aceasta se opune conceptului de „legitimitate” (noțiuni adesea greșit confundate). În opinia distinsului cercetător T. Drăganu opoziția dintre legalitate și legitimitate se rezumă în esență la faptul că legalitatea este un principiu care are la bază ideea că normele juridice în vigoare trebuie strict respectate, în timp ce legitimitatea presupune o judecată de valoare asupra unui anumit sistem, de exemplu, de guvernământ. Acesta este declarat bun sau rău în funcție de convingerile politice, de idealurile și aspirațiile înrădăcinate la un moment istoric dat în mentalitatea colectivității sau a unei părți a ei. Astfel, legalitatea exprimă o situație obiectivă, o realitate existentă într-o anumită perioadă de dezvoltare a unei țări, în timp ce legitimitatea este un dat social subiectiv, dependent de evoluția concepțiilor și sentimentelor dominante într-o colectivitate. Mai mult, ceea ce este legitim pentru o parte a societății, poate fi ilegitim pentru alta [7, p. 177-178].

Prin urmare, din toate explicațiile expuse se poate desprinde destul de clar caracterul complex al legalității ca fenomen juridic, moment ce justificat a atras atenția mai multor cercetători pe parcursul timpului [14, p. 37].

Spre o nouă concepție a legalității. Din punct de vedere istoric, în studiile de specialitate se susține că în ipostaza sa de cerință de respectare și executare strictă a normelor juridice, legalitatea a apărut concomitent cu dreptul [25, p. 38], fiind o derivată a acestuia. În calitatea sa de fenomen evolutiv, legalitatea s-a dezvoltat împreună cu dreptul și societatea și, în forma în care o cunoaștem astăzi, ea s-a cristalizat în perioada formării democrației burgheze [35, p. 19-22], etapă în care dreptul a devenit măsura libertății indivizilor. Anume în această perioadă istorică legalitatea s-a format ca idee, ca principiu fundamental și ca regim de viață al societății democratice [13, p. 21].

În pofida faptului că legalitatea întotdeauna a însemnat respectarea și executarea normelor dreptului, trebuie să recunoaștem că conținutul acesteia este foarte diferit în condițiile despoțiilor orientale, democrației sclavagiste ateniene, absolutismului feudal, regimurilor totalitare sau democratice contemporane. Mai mult, după cum susține C. Ionescu [10, p. 275], practic, fiecare stat, care și-a întemeiat organizarea socială pe respectul legii, a conferit principiului legalității conotații distincte.

Privită în ansamblu, natura legalității presupune o legătură nemijlocită cu activitatea de legiferare. Cu toate acestea însă, potrivit opiniei prof. Gh. Costachi, legalitatea nu înseamnă doar existența legilor, totalitatea lor sau conducerea societății cu ajutorul legilor, chiar dacă există tangențe între aceste categorii. Evident, dacă nu există legi atunci nu poate fi vorba nici de legalitate. Prin urmare, legile constituie fundamentul legalității. Guvernarea societății prin intermediul emiterii de legi, care conțin reguli generale de conduită, obligatorii pentru executare, constituie *alfa* și *omega* legalității, dar, în același timp, e de necontestat că legalitatea nu se reduce numai la aceste adevăruri, esența sa fiind cu mult mai profundă [2, p. 139].

Suntem de părerea că acest moment este destul de bine demonstrat de trecutul sovietic al statului nostru. Astfel, după cum atestă cercetătorii,

sistemul totalitar a fost dominat de la început de mitul „legalității revoluționare”, apoi de cel al „legalității socialiste” (sovietice), care prin esență, exprima interesele elitei (clasei) ce deținea puterea și conducea statul și societatea (pentru detalii a se vedea R.F. Vagapov [23, p. 24-28]). În pofida acestui fapt, legalitatea era concepută ca executare strictă și fermă a legilor (și a actelor normative subordonate legilor) de către toate organele de stat, organizațiile obștești, funcționarii publici și cetățeni [31, p. 23]. Prin urmare, elementul primar al legalității era obligativitatea legii și, în special, executarea ei „oarbă” (strictă și fermă) de către absolut toți subiecții relațiilor sociale [2, p. 140]. Or, în timp ce se accentua obligativitatea executării normelor de drept, se neglija (excluea) total importanța conținutului lor. În opinia justă a prof. Gh. Costachi, anume acest aspect fundamentează diferența majoră a conținutului legalității din diferite perioade istorice, inclusiv contemporană [3, p. 205].

Evident, o asemenea accepțiune a legalității (considerată a fi una strict pozitivistă [26, p. 84]) e caracteristică regimului totalitar, în cadrul căruia statul realiza un control total asupra societății și a cetățenilor. Respectiv, prăbușirea regimului totalitar și inițierea unei ample reformări și democratizări ale societății au determinat reconsiderarea conceptului legalității [14, p. 38] (și nu doar o substituție de termeni: „legalitatea socialistă” cu „legalitatea” [28, p. 19; 33, p. 19]).

În acest sens, I.A. Krasnov [27, p. 150] conturează câteva condiții care au justificat reconceptualizarea legalității. Astfel, în viziunea sa, noțiunea de „legalitate socialistă” reflectă un sistem de relații sociale bazat pe regula subordonării ierarhice stricte. Interpretarea „legalității” doar ca o cerință de respectare strictă a normelor de drept de către toți subiecții, presupune refuzul de a înțelege esența acestei categorii, care este una complexă ce reflectă caracterul juridic complicat al organizării vieții social-politice a societății. Este important că o asemenea percepție a legalității o reduce nejustificat la ideea de *obligativitate*, care este prin esență o trăsătură obiectivă a dreptului, iar într-un sens mai larg presupune o *disciplină statală* (respectiv, fiind de necontestat că este obligatoriu atât ordinul superiorului, cât și hotărârea instanței judecătorești). De aici reiese

că legalitatea nu este doar o cerință de respectare a normelor de drept, dar și o cerință de realizare corespunzătoare a drepturilor și libertăților cetățenilor. Ca rezultat, noțiunea de legalitate trebuie să se răsfrîngă nu numai asupra comportamentului celor care execută legea, dar și asupra sferei de creare a dreptului (activitatea legislativă și normativă [32, p. 27]).

În același timp, sînt destul de sugestive și reflecțiile lui D.A. Ponomarev, potrivit căruia: dacă înțelegem legalitatea ca o respectare strictă și riguroasă a actelor normativ-juridice în vigoare, atunci trebuie să recunoaștem legalitatea ca un mijloc prin care se asigură realizarea legilor statului, care astfel este nelimitat în activitatea sa legislativă și normativă. Respectiv, în condițiile în care voința poporului, ca singurul titular al puterii, nu se răsfrînge asupra activității legislative a statului, atunci în ce constă totuși esența unui stat de drept? Pe de altă parte, dacă e să acceptăm că activitatea statului trebuie să fie limitată de voința poporului, atunci principiul „supremației voinței poporului ca titular al puterii” este sau nu parte a legalității? Dacă da, atunci legalitatea excede cu mult limitele sferei de realizare a dreptului, cuprinzînd și sfera de creare a acestuia [35, p. 6].

Din cîte se poate observa, cercetătorul destul de corect accentuează momentul-cheie al legalității care trebuie să suporte impactul transformărilor democratice, asupra căruia vom reveni cu detalii pe parcurs. La moment însă, e necesar să subliniem că reconceptualizarea legalității nu presupune în niciun caz negarea unui asemenea element ca obligativitatea respectării legii, deoarece în lipsa acesteia devine imposibilă ordinea de drept, iar însăși noțiunea de legalitate își pierde sensul [4, p. 72].

Un alt aspect important asupra căruia s-a atras atenția în noile condiții post-totalitare, în primul rînd, a fost distincția dintre drept și lege [24, p. 516] și, respectiv, accentuarea caracterului de drept al legii (calitatea legislației, conținutul legii [15, p. 19]). Cu toate că asupra unor asemenea momente au fost expuse unele idei și în literatura juridică sovietică (de ex., M.S. Strogovici [37, p. 23], I. Pavlov [34, p. 16-18]), totuși, ele nu au fost dezvoltate teoretic în măsura necesară și, cu atît mai mult, aplicate practic (cauza fiind evidentă – e.n.).

Așadar, fundamentul *legalității socialiste* era constituit din interesele statului (mai bine zis ale celor care dețineau puterea), care se aflau deasupra cetățenilor și a societății. În prezent, recunoașterea constituțională a priorității drepturilor și libertăților omului, a intereselor societății civile, a schimbat nu doar prioritățile ca principii, dar și scopurile, sarcinile legalității, mecanismul realizării acesteia. În condițiile contemporane, problema legalității sub aspect calitativ capătă un nou conținut. Ea a devenit un element care predetermină esența mecanismului juridico-statal democratic [33, p. 5-6].

Concomitent cu conștientizarea acestor momente, în studiile de specialitate s-a atras atenția la două aspecte importante: conținutul normativ al legalității și subiecții asupra cărora se extinde aceasta.

Referitor la conținutul legalității, majoritatea cercetătorilor susțin că aceasta presupune necesitatea respectării tuturor normelor de drept (în caz contrar, s-ar atenua regimul legalității din stat [29, p. 220]), iar unii precizează că este vorba doar de executarea normelor cuprinse în legi (altfel, în timp ce, pe de o parte, se accentuează supremația legii, pe de altă parte, se reduce semnificația acesteia în sistemul actelor normative ale statului [24, p. 525]).

Desigur, sînt și cercetători mai puțin categorici. Bunăoară, S.S. Alexeev care, definind legalitatea ca cerință de a respecta și executa strict și riguros toate normele juridice, concomitent accentuează prioritatea celor care se conțin în legi (de unde, potrivit domniei sale, derivă termenul de legalitate) [19, p. 38].

O soluție de compromis pentru această situație, identificată în literatura juridică, constă în conturarea a două accepțiuni ale legalității – *extensivă* și *restrictivă*. Sensul restrictiv semnifică cerința de a respecta legile statului, cel extensiv – nu numai legile, dar și toate actele inferioare legii.

În ceea ce ne privește, susținem ideea potrivit căreia esența legalității presupune respectarea și executarea legii [36, p. 112; 2, p. 173; 4, p. 102]. Pe cale de consecință, de aici derivă și necesitatea de a respecta și executa actele normative inferioare, emise în baza legii, în corespundere și spre executarea acesteia. Deci, este un proces unic, în care nu e binevenită diferențierea între legi și ordine,

instrucțiuni, regulamente etc., deoarece acestea sînt elaborate pentru a facilita executarea concretă a legii. Mai mult, actele normative subordonate legilor (în cea mai mare parte fiind acte administrative) beneficiază de prezumția legalității, moment ce reliefează valoarea normei de drept, indiferent de forma juridică pe care o îmbracă.

Pe de altă parte, vorbind de conținutul normativ al legalității, trebuie să precizăm că acesta în prezent, în noile condiții democratice, s-a extins fără precedent, înglobînd în sine nu doar legea și actele subordonate acesteia, ci și convențiile și tratatele internaționale la care Republica Moldova este parte, acestea fiind recunoscute ca parte a sistemului juridic (de drept) intern, deci, obligatorii pentru toate autoritățile statului și prioritare în raport cu legea și Constituția statului [1].

Referitor la subiecții legalității, considerăm că este unul dintre cele mai esențiale aspecte ale legalității din perioada contemporană – perioadă de edificare a statului de drept [13, p. 22]. După cum am enunțat anterior, într-o accepțiune general recunoscută, legalitatea presupune respectarea legilor de către toți membrii societății. O asemenea privire asupra lucrurilor se dovedește însă a fi insuficientă, deoarece pentru societățile democratice, principiul legalității necesită o precizare, și anume că el se extinde, în primul rînd, asupra statului și a aparatului acestuia [14, p. 40]. Majoritatea savanților concretizează în acest sens că legalitatea se răsfrînge asupra activității tuturor participanților la relațiile sociale, adică stat, organe de stat, organizații obștești, funcționari publici, cetățeni. Totodată, există opinii care restrîng acest cerc de subiecți, excluzînd din el cetățenii și asociațiile acestora.

Un moment semnificativ la capitolul dat atestăm la N.G. Alexandrov [18, p. 105-106], care, neadmițînd echivalarea încălcării legii de către un funcționar cu cea comisă de un cetățean simplu, subliniază că nerespectarea normelor de drept de către ultimii presupune comiterea de către ei a delictelor (fapt pentru care ei poartă răspundere juridică), dar nu încălcarea legalității, care poate fi recunoscută doar demnitarilor de stat și funcționarilor publici. Respectiv, în viziunea domniei sale, legalitatea poate fi privită în două sensuri: în accepțiune *extensivă*, legalitatea înseamnă cerința

de a respecta legile de către toți subiecții de drept; în accepțiune *restrictivă*, legalitatea presupune respectarea legilor anume de către funcționarii de stat, altfel spus legalitatea privește exclusiv activitatea aparatului de stat.

Este de remarcat în același context și poziția prof. N.V. Vitruk [24, p. 527], care susține că nu trebuie egalat pericolul sporit al încălcării legii de către funcționari cu pericolul abaterilor comise de către cetățenii de rînd. Legalitatea presupune că funcționarii publici îndeplinesc exact cerințele legilor, constată încălcările de lege, le reprimă, restabilesc drepturile lezate și atrag la răspundere persoanele vinovate. Anume din această perspectivă legalitatea se caracterizează în mod obligatoriu prin prezența unui mecanism eficient de protecție a legilor statului, inclusiv de protecție a drepturilor și intereselor cetățenilor și ale altor subiecți de drept. Respectiv, delictele, abaterile comise de către cetățeni și de alte persoane nu sînt încălcări ale legalității, deoarece ele formează esența încălcării ordinii de drept din societate. Aceasta, desigur, nu eliberează cetățenii de răspunderea juridică ce poate surveni pentru orice abateri.

O asemenea poziție a fost destul de aspru criticată în doctrină, susținîndu-se că „legalitatea e unică, obligatorie pentru toți în egală măsură și pentru organele puterii și pentru cetățeni” [36, p. 111]. Mai mult, excluderea cuiva din cercul subiecților legalității sugerează iluzia lipsei obligației de a respecta normele de drept. Prin urmare, se produce o restrîngere a sferei legalității, ea fiind destinată doar unui anumit cerc de subiecți. O asemenea restrîngere ascunde pericolul creării „zonelor moarte”, în care legea nu acționează, distruge ideea universalității legalității, caracterul general obligatoriu al normelor de drept, egalității tuturor în fața legii, fapt ce practic subminează considerabil regimul legalității [29, p. 220].

Relevantă, în acest context, considerăm a fi ideea prof. Gh. Costachi, potrivit căruia în general, legalitatea este un principiu al activității statului de drept, al aparatului și funcționarilor acestuia. În cazul în care în sfera dată nu va fi asigurată și realizată legalitatea, cetățenilor le va reveni obligația unilaterală de a respecta și executa legile autoritare și subiective ale statului (elitei politice). În cazul dat, domnia sa identifică și

o anumită legitate: cu cât este mai scăzut nivelul legalității în aparatul de stat, cu atât devine mai strictă obligația cetățenilor de a respecta legea, mai aspre devin măsurile de asigurare a respectării legii, fiind aplicate inechitabil față de cetățeni și alte persoane (situație caracteristică unui regim antidemocratic) [2, p. 170-171].

Deci, excluderea cetățenilor din cercul subiecților legalității nu afectează în nici un fel obligația ce le revine de a respecta legile (chiar dacă sînt emise și executate în condiții de ilegalitate), deoarece prin esența lor acestea sînt general obligatorii, executarea lor fiind asigurată printr-un mecanism eficient de protecție a normelor de drept (organe specializate, instanțe judecătorești, proceduri și metode speciale etc.) [16, p. 85].

În același timp, savantul atrage atenția că nu trebuie confundate categoriile de *lege* și *legalitate*, deoarece în timp ce legea presupune, în principiu, o normă de reglementare a conduitei, fiind general obligatorie, legalitatea presupune atitudinea (cerințele) față de conținutul ei, de acțiunea ei, de rolul ei etc. Prin urmare, susținerea universalității legalității doar în baza universalității legii (sau identificarea lor) este incorectă. De aici principiul legalității atribuit cetățenilor este distinct de cel caracteristic statului, presupunînd doar un sens foarte îngust – respectarea legii [2, p. 171]. Completînd această idee, precizăm că dacă cetățenilor le revine doar obligația de a respecta legile, autoritățile statului sînt obligate atât să le respecte, cât și să le realizeze și aplice în vederea respectării și protecției drepturilor și libertăților omului [14, p. 42].

Respectiv, conchidem că legalitatea este, în primul rînd, un principiu al activității statului (autorităților statale), respectarea consecventă a acestuia determinînd esența de drept a statului. „Respectarea legalității” de către acești subiecți nu trebuie redusă la „respectarea legii” *stricto sensu*, întrucît ea presupune respectarea principiilor dreptului și a valorilor sociale fundamentale, în special, a demnității, drepturilor, libertăților și intereselor legale ale omului și cetățeanului [13, p. 24]. Or, după cum subliniază însăși Curtea Constituțională a Republicii Moldova [9]: „respectarea principiului legalității asigură concomitent respectarea celorlalte principii, deoarece legali-

tatea este condiția existenței și mijlocul realizării tuturor principiilor constituționale”.

Într-o formă cât mai concisă se poate susține că principiul legalității reprezintă o cerință obiectivă într-un stat de drept și o garanție a desfășurării în condiții optime a tuturor mecanismelor sociale. Datorită acestui fapt legalitatea trebuie considerată ca o regulă esențială la nivelul întregului sistem de drept, întrucît edificarea unei economii de piață și pe această bază a statului de drept nu poate fi concepută fără respectarea legii [11, p. 57].

Esența și particularitățile statului de drept conferă astfel legalității un conținut cu mult mai complex, multiaspectual, ce depășește semnificativ limitele conceptuale tradiționale ale acestei categorii [3, p. 205]. O moștenire a trecutului însă, a rămas lipsa unei viziuni unice asupra definirii, conținutului și elementelor legalității ca fenomen juridic (multilateral [30, p. 42]), moment asupra căruia ne vom reține atenția în unul din viitoarele demersuri științifice.

Literatura:

1. *Constituția Republicii Moldova* din 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 12.08.1994, nr.1 (cu modificări și completări pînă în 14.07.2006).
2. Costachi Gh. *Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova*. Chișinău: Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, 2009.
3. Costachi Gh. *Prin știință spre un stat de drept*. Volum omagial. Monografie. Chișinău: Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, 2011 (Î.S. F.E.-P. „Tipografia Centrală”).
4. Costachi Gh., Hlipcă P. *Organizarea și funcționarea puterii în statul de drept*. Monografie. Chișinău: Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, 2010.
5. Derșidan E. *Dicționar de termeni juridici uzuali*. Ediție revăzută și adăugită. București: Proteus, 2005.
6. *Dicționar Explicativ Ilustrat al Limbii Române*. Chișinău: Arc, Gunivas, 2007.
7. Drăganu T. *Drept constituțional și instituții politice*. Tratat elementar. Vol. I. București: Lumina Lex, 1998.

8. Hanga Vl. *Mic dicționar juridic*. București: Lumina Lex, 1999.
9. *Hotărîrea Curții Constituționale a Republicii Moldova pentru controlul constituționalității unor prevederi din Legea nr. 163 din 22 iulie 2011 pentru modificarea și completarea unor acte legislative (Sesizarea nr. 30a/2011)*, nr. 3 din 09.02.2012. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 38-41 din 24.02.2012.
10. Ionescu C. *Studii de drept constituțional*. București: Lumina Lex, 2001.
11. Leș I. *Principii și instituții de drept procesual civil*. Vol. I. București: Lumina Lex, 1998.
12. Parlaghi A.P. *Dicționar de administrație publică*. București: Editura Economică, 2000.
13. Railean P. *Conținutul și valoarea legalității într-un stat de drept*. În: *Legea și Viața*, 2010, nr. 9.
14. Railean P. *Esența și importanța activității juridictionale în asigurarea legalității în statul de drept*. Teză de doctor în drept. Chișinău, 2014.
15. Railean P. *Legalitatea ca element principal al edificării statului de drept*. În: *Legea și Viața*, 2012, nr. 8.
16. Railean P. *Mecanismul juridictional de asigurare a legalității în statul de drept*. Chișinău: S.n., 2015 (Tipografia Centrală).
17. Tămaș S. *Dicționar politic: instituțiile democrației și cultura civică*. Ediția a II-a. București: Șansa, 1996.
18. Александров Н. Г. *Право и законность в период развернутого строительства коммунизма*. Москва, 1961.
19. Алексеев С. С. *Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования*. Москва: «Статут», 1999.
20. Арутюнян Г. Г., Баглай М.В. *Конституционное право: Энциклопедический словарь*. Москва: Норма, 2006.
21. Баглай М. В., Туманов В.А. *Малая энциклопедия конституционного права*. Москва: Бек, 1998.
22. *Большой Юридический Словарь*. Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. Москва: Инфра-М, 2004.
23. Вагапов Р. Ф. *Теоретическая разработка и практическая реализация законности в России. Советский и постсоветский периоды*. В: Вектор науки ТГУ, 2011, №1(4).
24. Витрук Н. В. *Законность: понятие, защита и обеспечение*. В: *Общая теория права*. Под общей ред. проф. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.
25. Вопленко Н. Н. *Понятие и основные черты законности*. В: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция, 2006, № 8.
26. Игнатович Г. Ф. *Сущность конституционного принципа законности: правозаконность или конституционность*. В: Вестник Поволжской Академии Государственной Службы, 2010, №4(25).
27. Краснов И. А. *Понятие законности в современном обществе*. В: Юридический аналитический журнал. 2005, №3-4 (15-16).
28. Куртиян О. В. *Особенности реализации принципа законности в деятельности Конституционного Суда РФ*. В: Вестник Челябинского Государственного Университета, 2006, №2(75).
29. Лазарев В. В. *Общая теория права и государства*. Москва: Юристъ, 1996.
30. Липинский Д. А. *О принципе законности юридической ответственности*. В: Вектор Науки ТГУ, 2010, № 7(10).
31. Лукашева Е. А. *Социалистическое правосознание и законность*. Москва: Юридическая литература 1973.
32. Малейн Н. С. *О законности в условиях переходного периода*. В: *Теория права: новые идеи* (выпуск четвертый). Москва, 1995.
33. Мамий М. Р. *Теория и практика обеспечения режима законности в современной России*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2007.
34. Павлов И. *К вопросу о теории общенародной социалистической законности*. В: *Социалистическая законность*, 1962, № 6.
35. Пономарев Д. А. *Теоретические проблемы развития понятия законности в отечественной юридической науке*: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уфа, 2002.
36. Строгович М. С. *Проблемы общей теории права*. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1990.
37. Строгович М. С. *Теоретические вопросы советской законности*. В: *Советское государство и право*, 1956, №4.

RĂSPUNDEREA ȘEFULUI DE STAT: CONCEPT ȘI FORME

Tataru Gheorghi - avocat, doctorand la Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei

Răspunderea șefului de stat: concept și forme. Articolul cuprinde o serie de reflecții asupra instituției răspunderii șefului de statul fiind identificate formele răspunderii și temeiurile acestora. În concret, autorul atrage atenția asupra formelor de răspundere a Președintelui Republicii Moldova, reglementate de legislația în vigoare, precum și la faptele pentru care acestea pot interveni. În consecință, conchide că Președintele Republicii Moldova este pasibil de următoarele forme de răspundere juridică: constituțională penală, contravențională și civilă.

Cuvinte-cheie: șef de stat, Președintele Republicii Moldova, Constituția, responsabilitatea șefului statului, demiterea președintelui, răspunderea, răspunderea constituțională, răspunderea penală, răspunderea contravențională.

Ответственность Главы государства: понятие и формы. В данной статье исследована проблема ответственности главы государства, конкретные ее формы и основания. В частности, автор обращает внимание на формы ответственности президента Республики Молдова предусмотренные законодательством, а также деяния за которых они могут применяться. Следовательно, делается вывод о том, что президент Республики Молдовы может быть привлечен к следующим форм юридической ответственности: уголовной, конституционной, административной и гражданской ответственности.

Ключевые слова: глава государства, президент Республики Молдова, Конституция, ответственность, ответственность главы государства, импичмент президента, конституционная ответственность, уголовная ответственность, административная ответственность, гражданская ответственность.

Responsibility of the Head of State: concept and forms. Article includes some reflections on the institution Head of State liability being elucidated forms and the grounds on which may occur. The author draws attention to the forms of liability Moldovan President governed by the law in force, and on the facts for which they can intervene. Consequently concludes about the forms of legal liability which is liable Moldovan President: criminal liability constitutional liability, contravention liability and civil liability.

Keywords: head of state, President of the Republic of Moldova, Constitution, responsibility of the Head of State, impeaching of the President, liability, constitutional liability, criminal liability, the liability for contravention.

Introducere. În general, Președintele republicii ca șef al statului ocupă un loc important în mecanismul interacțiunii dintre ramurile puterii, o importantă obligație a căruia constă în asigurarea funcți-

onării autorităților statului. În acest sens, doctrina operează cu conceptul de „funcția de mediere” a șefului de stat, care presupune că „Președintele nu este un „magistrat suprem”, ci... „o simplă magistratură

de influență”, un factor al „bunelor oficii”, iar atunci când se impune, el este un „factor reglator” în mecanismul statal, precum și în raporturile dintre stat și societate” [9, p. 334]. În acest scop, Președintele veghează echidistant la buna funcționare a autorităților publice, înlesnind, totodată, colaborarea autorităților publice, aplanând sau prevenind relațiile tensionate dintre acestea ori dintre ele și societate [1, p. 325].

Din perspectiva exercitării unei asemenea funcții, șeful statului are un rol important în sistemul general al „frînelor și contrabalansurilor” [27, p. 115]. Cu toate acestea, este important a ști ce fel de pîrghii au alte autorități ale statului prin care ar putea influența și echilibra puterea șefului de stat. Răspunsul în cazul dat privește nemijlocit instituția răspunderii șefului de stat, văzută ca un mijloc eficient de contrabalansare a puterii acestuia [27, p. 116].

Scopul prezentului studiu rezidă în abordarea teoretică a instituției răspunderii șefului de stat, în baza doctrinei și a legislației în vigoare, în vederea conturării conținutului acesteia și a formelor concrete de manifestare.

Rezultate obținute și discuții. În ultimul timp, tot mai mult se susține că fenomenul răspunderii juridice a șefului de stat reprezintă cea mai credibilă probă a unui regim democratic. Sub acest aspect, în statele cu regim politico-juridic autoritar instituția în cauză fie lipsește, fie are un caracter fictiv [27, p. 115]. În acest sens, doctrina de drept constituțional și constituțiile statelor moderne au stabilit două mari soluții [11, p. 325-326]:

- **în formele de guvernămînt monarhice**, șeful statului este „iresponsabil” pentru actele pe care le-ar îndeplini în această calitate. Responsabilitatea în acest caz revine miniștrilor sau primului-ministru care au atribuția de a contrasemna actele monarhului. Această exonerare de răspundere are la bază principiul potrivit căruia „regele nu poate face nimic rău”. Așadar, în statele monarhice, nu se recunoaște răspunderea șefului de stat, întrucît personalitatea monarhului se consideră inviolabilă, iar puterea acestuia este concepută ca avînd proveniență divină. Dispoziții corespunzătoare se conțin practic în constituțiile majorității statelor monarhice. Bunăoară, art. 13 din *Constituția Regatului Danemaricii* [18] stabilește: „Regele este liber de răspundere, persoana lui este sacră. Miniștrii sunt responsabili de actul guvernării, responsabilitatea lor fiind reglementată de lege”.

- **în formele de guvernămînt republicane**, se consideră că răspunderea trebuie să existe, deoarece șeful statului nu poate fi în afara răspunderii politice a guvernanților [16, p. 247]. Astfel, șeful statului îi revine o responsabilitate directă pentru modul în care își exercită mandatul.

Din perspectiva dată se poate susține că în statele contemporane democratice, răspunderea șefului de stat este un element important al mecanismului de separare a ramurilor puterii în stat [25, p. 54], a sistemului contemporan de frîne și contrabalansuri ca fundamente ale statului de drept. În același timp însă, este important ca limitele și mecanismul răspunderii șefului de stat să corespundă cerințelor generale ale răspunderii juridice, să garanteze stabilitatea și continuitatea puterii de stat în general și a puterii șefului de stat în special, să contribuie la depășirea crizelor constituționale ale puterii, să fie orientată spre reglarea pașnică și corectă a eventualelor conflicte politico-statale.

Vorbind nemijlocit despre instituția răspunderii Președintelui Republicii Moldova, ne vom reține atenția inițial la cadrul juridic care o reglementează. Astfel, principalele reglementări în materie sunt concentrate în Legea Supremă a statului, care stipulează în acest sens următoarele [5]:

Art. 89. Demiterea. „(1) În cazul săvîrșirii unor fapte prin care încalcă prevederile Constituției, Președintele Republicii Moldova poate fi demis de către Parlament cu votul a două treimi din numărul deputaților aleși. (2) Propunerea de demitere poate fi inițiată de cel puțin o treime din deputați și se aduce neîntîrziat la cunoștința Președintelui Republicii Moldova. Președintele poate da Parlamentului și Curții Constituționale explicații cu privire la faptele ce i se impută.”

Art. 92. Răspunderea Președintelui interimar. „Dacă persoana care asigură interimatul funcției de Președinte al Republicii Moldova săvîrșește fapte grave, prin care încalcă prevederile Constituției, se aplică articolul 89 alineatul (1) și articolul 91.”

În termeni universali, procedura demiterii șefului de stat mai este numită și „impeachment”, termenul fiind preluat din engleză, în traducere semnificînd „punerea sub acuzare” sau „aducerea în fața tribunalului”. În limbajul juridic universal prin termenul dat este denumită procedura utilizată de legiuitor pentru a elimina un mare demnitar de stat, fiind considerată similară moțiunii de cenzură prin

care se demite întreg Guvernul. În forma sa clasică, „impeachment-ul” reglementează înaintarea acuzaării și recunoașterea vinovăției demnitarului public de către Parlament, ultimul acționînd aici în calitate de instanță judecătorească [22].

În baza reglementărilor constituționale în materie, putem identifica două momente importante ale răspunderii Președintelui republicii: *formele acesteia și faptele pentru care răspunderea poate interveni*.

Referitor la **formele răspunderii șefului de stat** reglementate de Constituție, în literatura de specialitate pot fi atestate păreri diferite. Bunăoară, unii cercetători moldoveni susțin că Legea Supremă se referă la două forme de răspundere [6, p. 326; 22]: *penală* (cea care intervine pentru comiterea de infracțiuni) și *civilă* (care intervine pentru încălcarea Constituției).

La rîndul lor, cercetătorii români opinează că răspunderea șefului de stat (reglementată de Constituție) este una de natură *politică* și cuprinde, practic, două faze distincte [10, p. 472]: *răspunderea politică propriu-zisă*, pe care șeful statului și-o asumă (în condițiile art. 95 alin. (1) din Constituția României [7]) față de Camera Deputaților și Senat și o *răspundere față de popor*, concretizată în referendumul organizat pentru demiterea Președintelui. O altă formă de răspundere a Președintelui este cea *penală*, care de asemenea este inițiată de către Parlament (Camera Deputaților și Senat), prin punerea sub acuzare pentru înaltă trădare, și finisată deja de Înalta Curte de Casație și Justiție a României (art. 96 din Constituția României).

O altă poziție poate fi atestată la cercetătorul B. Slipenski, în viziunea căruia șeful statului în baza Constituției este pasibil de următoarele forme de răspundere [21, p. 29]: *constituțională și penală*.

Argumentele în acest sens pornesc logic de la **natura faptelor comise** de către șeful de stat. Astfel, în cazul răspunderii penale, este indicată concret survenirea răspunderii pentru comiterea unei infracțiuni. Prezintă importanță, în acest context faptul că spre deosebire de legislația altor state (România, Federația Rusă etc.), Președintele Republicii Moldova răspunde penal pentru comiterea oricărei infracțiuni (nu doar pentru trădarea de patrie) prevăzute de legea penală. În schimb, legiuitorul nostru nu reglementează dezvoltat modul de aplicare (procedura) a acestei forme de răspundere (cu excepția instanței competente – Curtea Supremă de Justiție),

un rol deosebit la elucidarea acestui aspect revenindu-i doctrinei juridice.

În încercarea de a exemplifica situația în care poate interveni răspunderea penală a șefului de stat, pot fi invocate obligațiile funcționale ale acestuia reglementate de *Legea cu privire la statutul persoanelor cu funcții de demnitate publică* [13] (Președintele Republicii Moldova exercitînd de asemenea o funcție de demnitate publică, conform Anexei nr. 1 a acestei legi), potrivit căreia:

„(1) Demnitarul este obligat să prezinte, în condițiile legii, declarație cu privire la venituri și proprietate. (2) Demnitarul este obligat să respecte întocmai regimul juridic al conflictului de interese.”

Pornind de la obligațiile demnitarului enunțate, este clar că șeful statului i se impune să-și declare toate veniturile obținute prin completarea și comunicarea, în condițiile legii, la primirea mandatului, anual, pe parcursul acestuia, și la încetarea lui, a declarației de avere și de interese [19, p. 210]. Mai mult, completarea și actualizarea periodică a declarațiilor de avere și de interese trebuie să se facă de Președinte cu buna-credință, astfel încît cele declarate să corespundă situației reale a veniturilor obținute și, după caz, a intereselor sale, în caz contrar putîndu-se angaja față de acesta răspunderea penală [19, p. 210].

Potrivit legislației României (*Legea nr.176 din 2010 privind integritatea în exercitarea funcțiilor și demnităților publice*, art. 28 [14]), fapta Președintelui României care cu intenție, depune declarații de avere sau declarații de interese care nu corespund adevărului este o infracțiune de fals în declarații, prevăzută de art. 326 din noul Cod penal al României din 2009 [4]), pedeapsa pentru această faptă fiind închisoarea de la 3 luni la 2 ani.

Sub aspect comparativ, Codul penal al Republicii Moldova (în art. 352¹) stabilește pentru infracțiunea de fals în declarații o pedeapsă cu amendă în mărime de pînă la 600 unități convenționale sau cu închisoare de pînă la 1 an cu privarea de dreptul de a ocupa anumite funcții sau de a exercita o anumită activitate pe un termen de pînă la 5 ani [3].

O altă obligație a demnitarului – Președinte al Republicii, este respectarea regimului juridic al conflictului de interese, moment confirmat și în *Legea cu privire la conflictul de interese* [12], în care Președintele Republicii Moldova este recunoscut ca subiect al declarării intereselor personale (art. 3) și, respectiv, este obligat să anunțe Comisia Națională

de Integritate despre conflictele de interese în care se află (art. 9 alin. (2) din Lege). În același timp, Legea expres prevede că subiecții care cad sub incidența sa nu au dreptul (art. 5 alin. (3)):

- a) să utilizeze sau să admită utilizarea informației de serviciu sau a oricărei alte informații legate de activitatea lor în interese personale;
- b) să facă uz de serviciu pentru obținerea unui beneficiu neprevăzut de lege ...;
- c) să folosească, direct sau indirect, orice bun proprietate publică în interese personale;
- d) să facă uz de avantajele funcției oficiale sau ale statutului deținute anterior.

În context, cercetătorii susțin că în pofida faptului că legile citate sunt importante pentru conturarea cercului de *obligații* ce fac parte din statutul juridic al Președintelui Republicii Moldova, cu regret, legiuitorul evită a specifica consecințele neonorării acestora de către șeful statului, ceea ce și creează confuzii și neclarități în materia răspunderii juridice a acestuia [21, p. 30].

În viziunea noastră, o anumită lumină asupra problemei în cauză este dată de art. 25¹ din *Legea cu privire la conflictul de interese*, în care este prevăzută răspunderea pentru încălcarea prevederilor acesteia. Selectiv, vom cita următoarele:

„(3) Fapta persoanei în privința căreia s-a constatat starea de incompatibilitate constituie temei pentru încetarea mandatului, (...).

(6) Nedepunerea declarației de interese personale de către subiectul declarării în termenele stabilite la art. 14 din prezenta lege constituie contravenție și se sancționează conform art. 330² din Codul contravențional. (7) Indicarea intenționată în declarația de interese personale a datelor inexacte sau incomplete constituie infracțiune și se sancționează conform art. 352¹ din Codul penal. (8) Fapta persoanei în privința căreia s-a constatat că a obținut beneficii materiale pentru emiterea/adoptarea unui act administrativ sau pentru încheierea unui act juridic constituie infracțiune și se sancționează conform Codului penal.”

Din aceste dispoziții, se poate trage concluzia că Președintele Republicii Moldova este pasibil atât de răspundere penală, cât și contravențională.

De asemenea, momente importante se conțin și în art. 23 din *Legea cu privire la statutul persoanelor cu funcții de demnitate publică*, în care este stipulat:

„(1) Demnitarul își exercită mandatul cu bună-credință. În cazul încălcării acestei prevederi, demnitarul poartă răspundere personală. (2) Încăl-

cările comise în exercițiul mandatului atrag răspunderea *disciplinară, civilă, contravențională* sau *penală* în condițiile legii. (3) Neexecutarea sau executarea necorespunzătoare de către persoana cu funcție de demnitate publică a obligațiilor, prerogativelor și competențelor sale, indiferent de prezența culpei, poate atrage după sine revocarea sau eliberarea din funcție ...”

Referitor la formele concrete de răspundere, menționăm că cea *disciplinară* este imposibilă în cazul șefului de stat, deoarece este o autoritate uni-personală și nu există organe ierarhic superioare, competente să o aplice. Valabile rămân a fi în acest sens celelalte forme de răspundere juridică: penală, contravențională și civilă.

O idee similară poate fi atestată și în literatura românească. În acest sens, P. Manta susține că în ce privește răspunderea juridică, aceasta are două direcții după cum faptele au sau nu legătură cu funcția de Președinte. În situația în care faptele ilicite (de natură patrimonială, contravențională sau penală) n-au legătură cu funcția pe care o exercită Președintele, el va putea fi sancționat ca orice cetățean, potrivit principiilor dreptului comun, în funcție de caracterul și gravitatea faptei comise. Astfel, nimic nu oprește ca Președintele să răspundă, de exemplu contravențional și patrimonial dacă într-o deplasare particulară a provocat un accident prin încălcarea regulilor de circulație. Când însă, încălcarea legii are în vedere fapte care au legătură cu exercitarea funcției, atunci problema răspunderii se pune în alți termeni (respectiv suspendarea și demiterea din funcție) [15, p. 18].

Mai mult, în viziunea noastră, în acest caz intervine, în principal, o formă distinctă de răspundere juridică – **răspunderea constituțională**. Acest moment poate fi dedus din art. 89 alin. (1) din Constituția Republicii Moldova, care expres prevede survenirea răspunderii pentru „săvârșirea unor fapte prin care se încalcă prevederile Constituției” (relevante în cazul nostru fiind asemenea fapte prin care se încalcă jurământul depus la investire de către Președinte, fie regimul incompatibilităților etc.).

Destul de relevant în acest context este I. Muruianu [17, p. 282], în opinia căruia dispozițiile constituționale din art. 89, denotă **natura juridico-constituțională a răspunderii**, care este confirmată și de procedura aplicării stabilită în alin. (2) al aceluiași articol:

„Propunerea de demitere poate fi inițiată de cel puțin o treime din deputați și se aduce neîntârziat la cunoștința Președintelui Republicii Moldova. Președintele poate da Parlamentului și Curții Constituționale explicații cu privire la faptele ce i se impută.”

Deci, instanțele responsabile în acest caz de aplicarea răspunderii constituționale față de șeful de stat sunt Parlamentul și Curtea Constituțională (care printr-un aviz se pronunță asupra circumstanțelor ce justifică demiterea din funcție a Președintelui Republicii Moldova – art. 63 lit. c) din *Codul jurisdicției constituționale* [2]).

În literatura de specialitate, drept temei pentru survenirea răspunderii constituționale a șefului statului este recunoscută a fi și **neîndeplinirea obligațiilor constituționale** sau **abuzul de drepturile constituționale** (denumite și *delicte constituționale* [26, p. 12-19; 24, p. 260; 23, p. 58-69]). Drept ilegală în acest caz se consideră, de exemplu, înaintarea în Parlament de trei ori consecutiv a uneia și aceleiași candidaturi la funcția de prim-ministru al Guvernului. Prin esență, neîncălcând norma constituțională concretă, șeful statului face abuz de dreptul său constituțional (consacrat în alin. (1) al art. 98 din Constituție), deoarece conștient admite survenirea consecințelor nefavorabile – criza constituțională [17, p. 283; 8, p. 7-8].

Desigur, la o primă vedere pare a fi dificilă calificarea faptelor comise de Președinte ca fiind delicte constituționale, mai ales că și doctrina noastră juridică lasă mult de dorit în acest sens, teoria răspunderii constituționale fiind foarte puțin dezvoltată în arealul nostru științific.

În acest sens, unii cercetători susțin că neîndeplinirea obligațiilor constituționale sau abuzul de drepturile constituționale, într-un șir de cazuri poate fi elucidat doar prin înțelegerea sistemică a normelor și principiilor constituționale [8, p. 8]. Alți doctrinari (pe care îi susținem), sunt de părerea că ar fi oportun totuși ca legiuitorul să precizeze cercul faptelor calificate ca încălcări ale Constituției ce pot fi comise de șeful statului, pentru ca astfel să fie consolidat statutul juridic al funcției de Președinte al Republicii și a se evita arbitrariul în cazul atragerii la răspundere a acestuia [21, p. 32].

Una din trăsăturile importante ale răspunderii constituționale a șefului de stat pe care ținem să o subliniem, constă în faptul că aplicarea acestea

nu exonerează subiectul de altă formă de răspundere juridică. Este relevantă în acest sens, răspunderea penală, care în esență este una posterioară celei constituționale. Aceasta deoarece după cum se știe, șeful statului nu poate fi atras la răspundere penală aflându-se sub protecția imunității. Doar în condițiile în care Parlamentul decide punerea sub acuzare a Președintelui pentru infracțiunile comise (ceea ce presupune în esență **ridicarea imunității** acestuia – sancțiune constituțională), poate fi dedus instanței judecătorești (Curtea Supremă de Justiție) [20, p. 80].

În doctrina românească s-a opinat cu o asemenea ocazie că angajarea răspunderii penale nu este împiedicată de imunitatea pe care o are Președintele potrivit Constituției, deoarece aceasta din urmă vizează strict opiniile politice exprimate de șeful statului în exercițiul mandatului și în legătură cu acesta și nu îndeplinirea unor obligații impuse de lege [19, p. 210]. Cu toate acestea însă, trebuie să recunoaștem că atragerea la răspundere penală a șefului de stat fără a i se ridica imunitatea de către Parlament este imposibilă [21, p. 32].

Așadar, după cum se poate observa, în cazul comiterii unei infracțiuni, șeful statului este pasibil de două forme de răspundere juridică: prima – *răspunderea constituțională* materializată prin ridicarea imunității și a doua – *răspunderea penală* prin condamnarea de către Curtea Supremă de Justiție.

Concluziv, putem menționa că răspunderea șefului de stat poate fi divizată în două mari categorii: cea care intervine pentru actele și faptele ilicite (de natură patrimonială, contravențională sau penală) ce n-au legătură cu funcția pe care o exercită și cea care intervine pentru încălcarea legii în procesul de exercitare a funcției. În primul caz, șeful statului va fi atras la răspundere civilă, contravențională și penală în condițiile legii, în timp ce în al doilea caz, șeful statului va fi pasibil de răspundere penală, contravențională și constituțională.

Bibliografie

1. Arseni A. Drept constituțional și instituții politice. Tratat. Vol. II. Chișinău: CEP, USM, 2014.
2. Codul jurisdicției constituționale, nr. 502 din 16.06.1995. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova Nr. 53-54 din 28.09.1995.

3. Codul penal al Republicii Moldova, nr. 985 din 18.04.2002. Republicat în Monitorul Oficial al Republicii Moldova din 14.04.2009, nr. 41-44.
4. Codul Penal al României din 17 iulie 2009 (actualizat) (LEGEA nr. 286). Publicat în: Monitorul Oficial al României nr. 510 din 24 iulie 2009; în vigoare din 1 februarie 2014.
5. Constituția Republicii Moldova, adoptată la 29.07.1994, în vigoare din 27.08.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 12.08.1994, nr. 1.
6. Constituția Republicii Moldova: comentariu/ coord. de proiect: Klaus Sollfrank; red.: Nina Pîrțac, Lucia Țurcanu. Chișinău: Arc, 2012.
7. Constituția României, adoptată în ședința Adunării Constituante din 21 noiembrie 1991, publicată în Monitorul Oficial al României, Partea I, nr. 233 din 21 noiembrie 1991, intrată în vigoare în urma aprobării ei prin referendumul național din 8 decembrie 1991. Republicată în Monitorul oficial al României, nr. 767 din 31 octombrie 2003.
8. Costachi Gh., Muruianu I. Delictul constituțional ca temei al răspunderii constituționale. În: Jurnalul Juridic Național: teorie și practică, 2014, nr. 4.
9. Deleanu I. Drept constituțional și instituții politice. Tratat. Vol. II. București: Europa Nova, 1996.
10. Ionescu C. Drept constituțional și instituții politice. Ediția a 2-a, revăzută. București: ALL BECK, 2004.
11. Ionescu C. Drept constituțional și instituții politice. Sistemul constituțional românesc. Vol. II. București: Lumina Lex, 1997.
12. Legea cu privire la conflictul de interese, nr. 16 din 15.02.2008. În: Monitorul Oficial Nr. 94-96 din 30.05.2008.
13. Legea cu privire la statutul persoanelor cu funcții de demnitate publică, nr. 199 din 16.07.2010. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 194-196 din 05.10.2010
14. Legea României nr.176 din 2010 privind integritatea în exercitarea funcțiilor și demnităților publice. Publicat în Monitorul Oficial al României, Partea I, nr. 621 din 2 septembrie 2010.
15. Manta P. Răspunderea politică și juridică a președintelui României. În: Analele Universității "Constantin Brâncuși" din Târgu Jiu, Seria Științe juridice, Nr. 1/2008.
16. Muraru I., Tănăsescu E. S. Drept constituțional și instituții politice. Ed. 12, Vol. II. București: C.H. Beck, 2006.
17. Muruianu I. Reflecții asupra răspunderii constituționale a Guvernului și a Președintelui Republicii Moldova. În: Teoria și practica administrării publice, materialele conferinței științifico-practice cu participare internațională din 20-21 mai 2013. Chișinău: 2013.
18. My Constitutional Act with explanations, 9th edition. The Communications Section, Danish Parliament, August 2012. [resurs electronic]: https://constitutii.files.wordpress.com/2013/02/my-constitutional-act_with_explanations_version-9.pdf. (accesat la 18.06.2016).
19. Pupăzan C. G. Considerații cu privire la protecția mandatului Președintelui României. În: Analele științifice ale Universității „Al.I.Cuza” Iași, Tomul LIX, Științe Juridice, 2013, Nr. I.
20. Railean P. Esența și importanța activității juridictionale în asigurarea legalității în statul de drept. Teză de doctor în drept. Specialitatea: 552.01 – Drept public (drept constituțional). Chișinău, 2014.
21. Slipenski B. Reflecții asupra instituției răspunderii șefului de stat. În: Legea și Viața, 2015, nr. 5.
22. Zaporozjan V. Demiterea Președintelui Republicii Moldova – variantă a „impeachment-ului” clasic. [resurs electronic]: <http://constitutia.md/demiterea-presedintelui-republicii-moldova-varianta-a-impeachment-ului-clasic/>. (accesat la 18.06.2016).
23. Виноградов В.А. Состав конституционного деликта. În: Законодательство, 2003, nr. 10.
24. Забровская Л.В. Конституционно-правовые деликты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003.
25. Карасев А.Т., Мамаева Я.Ю. Особенности реализации процедуры отрешения президента РФ от занимаемой должности. В: Вопросы управления, №2(27) апрель 2014 г.
26. Лучин В.О. Конституционные деликты. În: Государство и Право, 2000, nr. 1.
27. Мамаева Я.Ю. Конституционно-правовой анализ применения института ответственности в отношении главы государства. В: Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека, 2014, nr. 3.

ЗАЩИТА ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

Боршевский Андрей - доктор наук, старший научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы

Эта статья описывает национальное законодательство по защите прав этнических меньшинств. Все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту закона от всякой дискриминации и от всякого подстрекательства к дискриминации.

Дискриминация людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения является препятствием к дружественным и мирным отношениям между нациями и может привести к нарушению мира и безопасности среди народов, существование расовых барьеров противоречит идеалам любого человеческого общества.

Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 20 ноября 1963 (резолюция Генеральной Ассамблеи 1904 (XVIII)) торжественно подтверждает необходимость скорейшей ликвидации расовой дискриминации во всем мире во всех его формах и проявлениях и обеспечения понимания и уважения достоинства человеческой личности.

Ключевые слова: этнические меньшинства, права этнических меньшинств, НПО, национальное законодательство.

Acest articol descrie legislația națională privind protecția drepturilor minorităților etnice. Toate persoanele sunt egale în fața legii și au dreptul la o protecție egală a legii împotriva oricărei discriminări și împotriva oricărei incitări la discriminare.

Discriminarea împotriva persoanelor pe motive de rasă, culoare sau origine etnică este un impediment în calea relațiilor de prietenie și pașnice între națiuni și poate duce la tulburarea păcii și securității între popoare, existența barierelor rasiale contrazice idealurilor oricărei societăți umane.

Declarația Națiunilor Unite privind eliminarea tuturor formelor de discriminare rasială din 20 noiembrie 1963 (Rezoluția Adunării Generale 1904 (XVIII)) afirmă solemn necesitatea eliminării rapide a discriminării rasiale în întreaga lume, sub toate formele și manifestările sale, precum și asigurării înțelegerii și respectării demnității umane.

This article describes the national legislation to protect the rights of ethnic minorities. All human beings are equal before the law and are entitled to equal protection of the law against any discrimination and against any incitement to discrimination.

Discrimination between human beings on the grounds of race, colour or ethnic origin is an obstacle to friendly and peaceful relations among nations and is capable of disturbing peace and security among peoples and the harmony of persons living side by side even within one and the same State, the existence of racial barriers is repugnant to the ideals of any human society.

United Nations Declaration on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination of 20 November 1963 (General Assembly resolution 1904 (XVIII)) solemnly affirms the necessity of speedily eliminating racial discrimination throughout the world in all its forms and manifestations and of securing understanding of and respect for the dignity of the human person.

Key words: ethnic minorities, rights of ethnic minorities, NGO, national legislation.

Вводная часть и актуальность. Молдова - многонациональная страна, поэтому защита прав национальных меньшинств должна являться постоянной заботой государства. Развитие Республики Молдова как многонационального, демократического, правового государства, обеспечение его национальной безопасности и сохранение территориальной целостности возможны только в условиях межнационального мира и гражданского согласия.

По данным Национального бюро статистики РМ в Молдове проживают: молдоване (их доля в общей численности населения составляет 75,8% и увеличилась по сравнению с 1989 годом на 5,9%), украинцы - 8,4% (в 1989 г. - 13,8%), русские - 5,9% (в 1989 г. - 13%), гагаузы - 4,4% (в 1989 г. - 3,5%), румыны - 2,2% (в 1989 г. - 0,1%), болгары - 1,9% (в 1989 г. - 2%), евреи - 0,11% (в 1989 г. - 1,5%), цыгане - 0,4% (в 1989 г. - 0,3%) [1, р. 40].

Национальные меньшинства исторически являются неотъемлемой частью общества и обогащают его своим трудом и самобытной культурой.

Последние десятилетия характеризуются во всем мире возросшим национальным самосознанием, образованием и активизацией деятельности значительного числа национальных общественных организаций. Со всей остротой поднимаются вопросы правового обеспечения конституционных принципов на свободное национальное развитие каждого человека, возможностей сохранения его этнокультурной самобытности.

Наряду с позитивными тенденциями в национальной сфере более жестко проявились и некоторые негативные процессы, связанные с нарушением национального равноправия, ксенофобией, дискриминацией по признаку национальной принадлежности, развитием национализма и экстремизма. Это побуждает государство уделять растущее внимание развитию в обществе толерантности, налаживанию межэтнического и межконфессионального согласия.

Правовая защита национальных меньшинств - одна из наиболее актуальных проблем, стоящих перед мировым сообществом,

от разрешения которой во многом зависит политическое положение страны.

Статья 16 Конституции Молдовы гарантирует права национальных меньшинств: все граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения [2].

Цель данной статьи состоит в выявлении законодательного закрепления прав этнических меньшинств в Молдове и выявление роли гражданского общества в этом процессе.

Методы и использованные материалы. Методологической основой исследования является совокупность научных принципов изучения правовой защиты прав этнических меньшинств во взаимосвязи с общими процессами развития социально-экономической и политической жизни общества.

Исходя из цели и задач статьи, в работе используются конкретно-исторический и диалектический методы. В процессе работы широко использовался сравнительный и системный подходы.

Структурно-функциональный метод явился основой для вычленения инвариантного аспекта системы, выделения функций каждого из ее компонентов, проявляя свою продуктивность при изучении институционального аспекта правовой характеристики защиты прав этнических меньшинств в Республике Молдова.

Также использован *метод сравнительно-правового анализа*.

Основная часть. Полученные резюме и обсуждения. Исполняя рекомендации отдельных представителей Совета Европы, Парламент РМ принял закон № 121 от 25.05.2012 года «Об обеспечении равенства», запрещающий дискриминацию по всем признакам, в том числе и по признаку сексуальной ориентации.

Данный закон является одним из наиболее скандальных законодательных актов последних лет. Отметим, что Священный Синод Русской православной церкви призвал Молдову внести изменения в закон об обеспечении ра-

венства. «Православная Церковь усматривает в некоторых положениях закона, принятого вопреки воле большинства граждан Республики Молдова, опасность для нравственной и духовной целостности молдавского общества», – отмечается в обращении.

Закон об обеспечении равенства перед принятием назывался «О недискриминации», затем «О равенстве шансов».

Данный закон был опубликован в Официальном мониторе РМ № 103 от 25.05.2012 года и вступил в силу с 1 января 2013 года [3].

В целях исполнения закона РМ «Об обеспечении равенства» Парламент РМ принял закон «О деятельности Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства» № 298 от 21.12.2012 года, опубликованный в Официальном мониторе РМ № 48 от 05.03.2013 года [4].

В преамбуле закона РМ «Об обеспечении равенства» указано, что настоящий закон создает необходимую базу для применения Директивы 2000/43/ЕС Совета от 29 июня 2000 года об обеспечении выполнения принципа равенства лиц независимо от расовой или этнической принадлежности, опубликованной в Официальном журнале Европейского Союза № L180 от 19 июля 2000 года, и Директивы 2000/78/ЕС Совета от 27 ноября 2000 года о создании общих стандартов в поддержку равноправия в сфере занятости и труда, опубликованной в Официальном журнале Европейского Союза № L 303 от 2 декабря 2000 года.

Данный закон состоит из 5 глав, заключающих в себя 23 статьи.

Согласно части (1) ст. 1 закона РМ «Об обеспечении равенства» целью настоящего закона является предупреждение и борьба с дискриминацией, а также обеспечение равных прав всем лицам, находящимся на территории Республики Молдова, в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах жизни независимо от расы, цвета кожи, национальности, этнического происхождения, языка, религии или убеждений, пола, возраста, ограниченных возможностей, взглядов, политической принадлежности, а также на основе любого другого подобного признака.

Согласно части (2) ст. 1 этого закона положения закона не распространяются и не могут быть истолкованы как наносящие ущерб: семье, основанной на браке по взаимному согласию между мужчиной и женщиной; отношениям усыновления; религиозным культам и их составным частям в части, связанной с религиозными убеждениями.

Статья 2 закона РМ «Об обеспечении равенства» дает толкование понятиям, содержащимся в этом законе:

дискриминация – любое различие, исключение, ограничение или предпочтение в правах и свободах личности или группы лиц, а также поддержка дискриминационного поведения, основанного на реальных признаках, установленных в настоящем законе или предполагаемых;

прямая дискриминация – обращение с одним лицом по любому из запретительных признаков менее благоприятное, чем с другим лицом в сопоставимой ситуации;

косвенная дискриминация – любое очевидно нейтральное условие, действие, критерий или практика, ставящие одно лицо в неудобное положение по сравнению с другим лицом по установленным в настоящем законе признакам, кроме случая, когда такое условие, действие, критерий или практика объективно оправданы законной целью и средства достижения этой цели являются пропорциональными, соответствующими и необходимыми;

дискриминация по ассоциации – любой акт дискриминации, совершенный против лица, которое, хотя и не является частью категории, определенной по установленным настоящим законом признакам, связано с одним или несколькими лицами, принадлежащими к данным категориям лиц;

расовая сегрегация – любое действие или бездействие, которое прямо или косвенно приводит к разделению или различию лиц по признакам расы, цвета кожи, национальной или этнической принадлежности;

домогательство – любое нежелательное поведение, которое ведет к созданию недоброжелательной, враждебной, деструктивной, унижительной или оскорбительной обстановки, целью или результатом которого

является унижение достоинства личности по установленным настоящим законом признакам;

подстрекательство к дискриминации – любое поведение, посредством которого лицо оказывает давление или проявляет определенное поведение с целью дискриминации третьего лица по установленным настоящим законом признакам;

виктимизация – любое действие или бездействие, сопровождающееся негативными последствиями в результате подачи жалобы, предъявления иска в судебную инстанцию в целях обеспечения применения положений настоящего закона или предоставления информации, в том числе свидетельских показаний, которые касаются жалобы или иска, поданных другим лицом, а также ряд других определений.

По нашему мнению, данные определения сформулированы нечетко, что затрудняет единообразное применение закона.

Согласно ст. 4 закона РМ «Об обеспечении равенства» серьезными формами дискриминации являются: продвижение или осуществление дискриминации органами публичной власти; поддержка дискриминации посредством средств массовой информации; размещение дискриминационных сообщений и символов в общественных местах; дискриминация лиц по двум или более признакам; дискриминация, совершенная двумя или более лицами; дискриминация, совершенная два или более раза; дискриминация, совершенная в отношении группы лиц; расовая сегрегация.

Смысл ст. 4 данного закона не понятен. Можно сделать вывод, что дискриминация проявляется в серьезных и несерьезных формах.

Статья 5 закона РМ «Об обеспечении равенства» предусматривает методы ликвидации дискриминации следующими методами: предупреждения любых дискриминационных действий посредством введения специальных мер, включая позитивные меры, в целях защиты лиц, находящихся в невыгодных по сравнению с другими лицами условиях. Позитивные меры должны применяться до достижения равенства и социальной интеграции

лиц или групп лиц, находящихся в невыгодных по сравнению с другими лицами условиях; посредничества в разрешении возникших вследствие совершения дискриминационных действий конфликтов мирным путем; наказания за дискриминационное поведение; возмещения материального и морального вреда, причиненного вследствие дискриминационного действия.

Запрет дискриминации при найме на работу установлен ст. 7 закона РМ «Об обеспечении равенства». Запрещается любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, следствием которых являются ограничение или подрыв равных возможностей или отношения при найме на работу или увольнении, в непосредственной трудовой деятельности и профессиональной подготовке.

Являются дискриминационными следующие действия работодателя: размещение объявлений о найме на работу с указанием условий и критериев, препятствующих или благоприятствующих определенным лицам; необоснованный отказ лицу в найме на работу; необоснованный отказ в допуске лиц к курсам повышения профессиональной квалификации; неравная оплата за работу одного вида и/или объема; дифференцированное и необоснованное распределение трудовых заданий, вытекающее из предоставления лицам менее благоприятного статуса; домогательство; любые иные действия, противоречащие законным положениям.

Запрет дискриминации, причем не только при найме на работу, установлен Конвенцией МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» от 25.06.1958 г. и ст. 8 Трудового кодекса РМ № 154-XV от 28.03.2003 года [6].

Согласно части (1) ст. 8 ТК РМ в рамках трудовых отношений действует принцип равноправия всех работников. Запрещается любая прямая или косвенная дискриминация работника по признаку пола, возраста, расы, цвета кожи, национальности, вероисповедания, политических убеждений, социального происхождения, места жительства, наличия физических, умственных или психических отклонений, ВИЧ/СПИД-инфицирования, членства в профсоюзе или участия в профсо-

юзной деятельности, а также по иным критериям, не связанным с профессиональными качествами работника.

Часть (1) ст. 8 ТК РМ запрещает дискриминацию не только при найме на работу.

К сожалению, запреты, установленные ст. 8 ТК РМ и законом РМ «Об обеспечении равенства», нарушаются не только работодателями, но и Парламентом.

Несмотря на категорические запреты дискриминации в области трудовых отношений, у нас имеются и действуют законы, явно нарушающие запрет дискриминации по признаку возраста и др.

Так, пункт j) ст. 82 ТК РМ обязывает прекращать трудовые отношения в связи с достижением возраста 65 лет с руководителем государственного, в том числе муниципального предприятия или предприятия с преимущественно государственным капиталом.

Пункт с) части (1) ст. 301 ТК РМ обязывает работодателей прекращать индивидуальные трудовые договоры с педагогическими работниками и с работниками организаций в области науки и инноваций в связи с назначением им пенсии по возрасту [7, с. 118-122].

И эти, явно дискриминационные, нормы действуют.

Ранее согласно пункта i) ст. 82 ТК РМ (в редакции закона РМ № 8-XVI от 09.02.2006 г.) работодатели были обязаны прекращать индивидуальные трудовые договоры со всеми работниками, имеющими право на пенсию по возрасту или за выслугу лет.

Этот противоречащий ст. 16 Конституции закон действовал со 2 июня по 27 июля 2006 г. и позволил работодателям уволить «неудобных» им пенсионеров.

При этом Высшая судебная палата РМ признала такие увольнения законными, а Конституционный суд РМ по этому не высказался [7, с. 118-122].

Указанные обстоятельства дают основания сомневаться в том, что закон «Об обеспечении равенства» сможет обеспечить декларируемые им равенство и запрет дискриминации.

Трудно надеяться, что законодатели, принявшие дискриминационные законы, сами их отменяют, тем самым признав свои, мягко го-

воря «ошибки», а точнее ошибки, позволяющие нарушать права простых граждан.

Для того, чтобы закон «Об обеспечении равенства» действовал, а не играл роль декларации, следовало бы, по нашему мнению, отменить пункт i) ст. 82 и пункт с) части (1) ст. 301 ТК РМ.

Также следовало бы изменить и часть (1) ст. 87 ТК РМ, установив, что увольнение по инициативе работодателя всех работников, в том числе и не членов профсоюза, допускается только с предварительного письменного согласия профсоюзного органа (профсоюзного организатора) предприятия.

Закону РМ «Об обеспечении равенства» противоречит и часть (5) ст. 24 ГПК РМ (в редакции закона № 155 от 5 июля 2012 года), согласно которой судебные акты вручаются участникам процесса на языке, на котором ведется процесс, или, по их просьбе, на государственном языке.

Согласно части (1) ст. 24 ГПК РМ судопроизводство по гражданским делам в судебных инстанциях ведется на молдавском языке.

Следовательно, действующая редакция части (5) ст. 24 ГПК РМ лишает русскоязычное население права на получение судебных актов на русском языке, что ограничивает их возможности по обжалованию судебных актов.

По нашему мнению, следует изменить часть (5) ст. 24 ГПК РМ, восстановив ее старую редакцию.

Статья 8 закона РМ «Об обеспечении равенства» запрещает дискриминацию в сфере торговли и обслуживания. На практике такие формы дискриминации встречаются крайне редко, но лишней запрет не повредит.

Статья 9 этого закона запрещает дискриминацию в сфере образования. Образовательные учреждения не могут устанавливать критерии приема в них, основанные на определенных ограничениях, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством [3].

Важную роль в борьбе с дискриминацией должен играть Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства.

Порядок организации и деятельности, функции, права и обязанности установлены ст. 11-15 закона РМ «Об обеспечении равенства» и законом РМ «О деятельности Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства» № 298 от 21.12.2012 года [4].

Порядок создания этого Совета установлен ст. 11 закона РМ «Об обеспечении равенства».

Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства (далее – Совет) является коллегиальным органом со статусом юридического лица публичного права, созданным для обеспечения защиты от дискриминации и обеспечения равенства всем лицам, которые полагают себя жертвами дискриминации. Совет действует на началах беспристрастности и независимости от органов публичной власти.

Совет состоит из пяти членов, не имеющих какой бы то ни было политической принадлежности, назначаемых Парламентом на пятилетний срок; трое из них являются представителями гражданского общества. Не менее трех членов Совета должны быть лиценциатами права.

Функции Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации обеспечению равенства установлены ст. 12 закона РМ «Об обеспечении равенства».

Совет осуществляет следующие функции: рассматривает соответствие действующего законодательства стандартам по недискриминации; выдвигает предложения о внесении изменений в действующее законодательство в области предупреждения и борьбы с дискриминацией; утверждает консультативные заключения о соответствии проекта нормативного акта законодательству в области предупреждения и борьбы с дискриминацией; осуществляет мониторинг порядка выполнения законодательства в данной области; собирает информацию о масштабах, состоянии и тенденциях явления дискриминации на общенациональном уровне и подготавливает исследования и доклады; направляет органам публичной власти предложения общего характера о предупреждении

и борьбе с дискриминацией, а также об улучшении отношения к лицам, подпадающим под действие настоящего закона; содействует повышению уровня информированности и осведомленности общества в целях ликвидации всех форм дискриминации в контексте демократических ценностей; сотрудничает с международными организациями, имеющими полномочия в области предупреждения и борьбы с дискриминацией; рассматривает жалобы лиц, полагающих себя жертвами дискриминации; обращается в соответствующие органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного производства в отношении должностных лиц, допустивших в своей деятельности дискриминационные действия; устанавливает правонарушения, содержащие элементы дискриминации, в соответствии с Кодексом о правонарушениях; информирует органы уголовного преследования в случае совершения дискриминационных актов, содержащих элементы преступления; способствует мирному разрешению конфликтов, возникших в результате совершения дискриминационных актов, путем примирения сторон и поиска взаимоприемлемого решения; выполняет иные функции, установленные настоящим законом и положением о деятельности Совета.

Совет осуществляет свои функции в соответствии с главой IV (ст. 18-20) закона РМ «О деятельности Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства».

При осуществлении своих функций по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства всех лиц, полагающих себя жертвами дискриминации, Совет принимает решения, определения по вопросам, возбужденным по собственной инициативе, консультативные заключения, констатирующие акты, подготавливает заявления и ходатайства, разрабатывает исследования и отчеты, представляет информацию и подает запросы.

Совет действует на началах беспристрастности и независимости от других органов публичной власти, физических или юридических лиц.

Статья 21 вышеуказанного закона предоставляет Совету возможность вносить предложения по совершенствованию законодательства.

В целях совершенствования законодательства по предупреждению и борьбе с дискриминацией, а также изменения практик в данной области Совет: рассматривает соответствие действующего законодательства стандартам по недискриминации и выдвигает предложения о внесении изменений в действующее законодательство в области предупреждения и борьбы с дискриминацией; выносит консультативные заключения о соответствии проектов нормативных актов законодательству в области предупреждения и борьбы с дискриминацией; осуществляет мониторинг порядка внедрения законодательства в области предупреждения и борьбы с дискриминацией; разрабатывает программные документы в целях предупреждения, борьбы и улучшения положения в области дискриминации и осуществляет мониторинг их внедрения; утверждает регулятивные акты о внутренних процедурах реализации своих функций.

Согласно ст. 22 этого закона каждый из членов Совета вправе выдвигать предложения о внесении изменений в законодательство и представлять свое мнение по проектам нормативных актов, предмет которых касается области дискриминации.

Согласно ст. 23 этого закона предложения о внесении изменений в законодательство или консультативные заключения принимаются членами Совета на основе консенсуса и представляются заинтересованным органам в установленном порядке.

Однако в законе не указано, в какой срок заинтересованный орган должен дать ответ на предложение или на консультативное заключение Совета. По нашему мнению, следует установить месячный срок для ответа на предложение или консультативное заключение Совета, а также санкции за отказ рассмотреть предложение или консультативное заключение.

Деятельность Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и привлечению

к ответственности за дискриминацию регулируется ст. 32-36 вышеуказанного закона.

В целях обеспечения восстановления в правах лица, полагающего себя жертвой дискриминации, и применения санкций за дискриминационные действия Совет: направляет органам публичной власти предложения общего характера о предупреждении и борьбе с дискриминацией и изменении отношения к лицам, подпадающим под действие Закона об обеспечении равенства и настоящего Положения; в случае несогласия с мерами, принятыми лицом, совершившим дискриминационное действие, обращается к вышестоящему органу за принятием соответствующих мер; обращается в соответствующие органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного производства в отношении должностных лиц, допустивших в своей деятельности дискриминационные действия; констатирует правонарушения, содержащие элементы дискриминации, в соответствии с Кодексом о правонарушениях; информирует органы уголовного преследования в случае совершения дискриминационных актов, содержащих элементы преступления.

В качестве констатирующего субъекта Совет передает в судебную инстанцию для рассмотрения по существу протокол о правонарушении и материалы дела.

Проект протокола о правонарушении составляется членом Совета, которому распределена жалоба в соответствии с пунктом 47, или членом Совета, который подал уведомление по собственной инициативе.

Протокол о правонарушении утверждается голосами трех членов Совета и подписывается членами, участвовавшими в его утверждении.

В судебном заседании по делу о правонарушении участвует член Совета, составивший протокол о правонарушении, либо другой член, назначенный председателем Совета.

По нашему мнению, вышеупомянутый закон содержит слишком сложный порядок констатации правонарушения: Протокол о правонарушении должен составляться одним членом Совета по форме, утвержденной приказом Министерства финансов № 34 от

31.03.2011 г. [5], и не должен утверждаться тремя членами Совета.

Активную роль в деле защиты прав национальностей играют неправительственные организации Молдовы. Одной из таких организаций, активно занимающейся защитой прав граждан, в том числе и прав национальностей, является Институт демократии.

Вывод: В целом законодательство Республики Молдова в области прав равенства соответствует международным нормам, Молдова ратифицировала основные международные акты, гарантирующие права национальностей. Однако на практике законодательство нуждается в укреплении механизмов его реального обеспечения, так как демократическое законодательство о правах национальностей является важнейшим механизмом защиты их прав и сохранения их культурного наследия. Отметим, что только в правовом государстве гражданские свободы национальностей соблюдаются и защищаются в полном объеме.

Литература

1. Anuarul statistic al Republicii Moldova. Chişinău, 2012.
2. Конституция Республики Молдова. Кишинев, 2016.
3. Закон РМ об обеспечении равенства № 121 от 25.05.2012 г. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2012. № 103.
4. Закон РМ о деятельности Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства № 298 от 21.12.2012 г. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2013. № 48.
5. Приказ Министерства финансов № 34 от 31.03.2011 г. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova. 2011. № 59-62.
6. Трудовой кодекс РМ. Кишинев, 2014.
7. Трудовые книжки. Комментированное научно-практическое, справочное пособие / Науч. ред. Сосна Б. И. и др. Кишинев, 2012.

ТРАНСФОРМАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ СУЧАСНОСТІ ТА ЇХ ВПЛИВ НА ДЕРЖАВНО-ПРАВОВУ ДІЙСНІСТЬ УКРАЇНИ

Пампура Максим Валерійович - кандидат юридичних наук, аспірант Харківського національного університету внутрішніх справ

УДК 316.4

Определены основные направления трансформационных процессов в современном мире. Рассмотрены содержание и особенности современных общемировых трансформационных процессов в различных сферах жизни мирового сообщества, дан анализ их влияния на государственно-правовую действительность современной Украины, в частности, – приоритеты участия Украины в международных политических отношениях.

Ключевые слова: трансформация, трансформационные процессы, глобализация, демократизация, модернизация, международные отношения.

Sunt stabilite direcțiile de bază ale proceselor de transformare în lumea modernă. Sunt examinate conținutul și caracteristicile proceselor globale contemporane de transformare în diferite domenii ale vieții comunității mondiale, se analizează impactului acestora asupra realității de stat și drept a Ucrainei contemporane, în special - prioritățile participării Ucrainei în relațiile politice internaționale.

Cuvinte cheie: transformare, procese de transformare, globalizare, democratizare, modernizare, relații internaționale.

The main directions of transformational processes in modern world are offered. The content and specific features of the contemporary world's transformational processes are considered. The interrelation of the world's transformational process and democratic modernization processes in Ukraine is analyzed. The priorities of Ukraine in international political relations are offered.

Key words: transformation, transformational processes, globalization, democratization, modernization, international relations.

Постановка проблеми. Нинішній етап світового політичного розвитку характеризується наявністю цілої низки специфічних рис, пов'язаних із розвитком інформаційного суспільства, розширенням політичних кордонів, демократизацією і децентралізацією державної влади, інтернаціоналізацією та розвитком міжнародного права. Зазначені якісні перетворення, що кардинальним чином змінюють сутність світової соціально-політичної та економічної системи, безпосередньо позначаються на характері й змісті державно-правової дійсності сучасної України.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Питання соціальних та політичних трансформацій розроблялося такими класиками сучасної наукової думки, як З. Бжезінський, Д. Гелд, С. Гантінгтон, Г. О'Доннел, Е. Мак-Грю, А. Пшеворський, Д. Растоу, Е. Тоффлер, Ф. Шміттер, П. Штомпка та ін. Значний внесок у розвиток теорії трансформаційних процесів стосовно посттоталітарних країн зробили такі вітчизняні та зарубіжні дослідники, як В. Гельман, Є. Головаха, В. Горбатенко, Т. Загороднюк, Е. Ковтуненко, В. Колісник, О. Куценко, М. Михальченко, Н. Паніна, В. Солдатенко, М. Шульга та ін.

Не вирішені раніше проблеми. Незважаючи на велику кількість наукових досліджень у даній сфері, на особливу увагу сьогодні заслуговують питання щодо сутності і змісту, темпів та форм трансформаційних процесів у сучасному світі, адже ті проблеми, з якими стикнулася Україна на сучасному етапі її розвитку, виявилися безпосередньо пов'язаними із фундаментальними світовими трансформаційними процесами, що й зумовлює актуальність статті.

Мета. Метою статті є дослідження змісту та особливостей загальносвітових трансформаційних процесів, що передбачає аналіз основних напрямків та особливостей процесу трансформації в усіх сферах життя світової спільноти, а також їх впливу на державно-правову дійсність сучасної України.

Виклад основного матеріалу. Ціла низка взаємозалежних та взаємообумовлених трансформаційних процесів, які відбуваються в сучасному світі, такі як інтенсифікація глобалізації, третя «хвиля» демократизації, а також збільшення значення і підвищення активності наднаціональних організацій та міжнаціональних соціальних рухів безпосередньо відбиваються на державно-правовій дійсності окремих країн, визначаючи розвиток їх соціально-політичної, правової, економічної та культурної сфер життя. Так, економічна глобалізація, як підкреслюють сучасні вчені, загострила напруженість між демократією як територіально вкоріненою системою реалізації влади та дією глобальних ринків і транснаціональних мереж корпоративної влади. У світі, в якому держави намагаються протистояти потужним силам глобальних ринків або діям транснаціональних корпорацій, під питання ставиться сама ефективність національної держави [1, с.92]. Під впливом інформаційної складової глобалізації відбувається фактичне розмивання «територіальної свідомості», «віртуалізація» державного простору – як відзначає О. Білінов, його одночасна глобалізація та локалізація стають ключовими характеристиками нової соціальної і державно-правової дійсності [2, с.57]. Ю. Ткачук до найважливіших чинників, що визначають характер і спрямованість трансформаційних процесів у світі, окрім економічної революції та революції в інформаційних технологіях, відносить процес демократизації (утвер-

дження ліберальних демократій у постсоціалістичних країнах Центральної і Східної Європи), та поширення політики націоналізму, відзначаючи, таким чином, одночасне існування двох протилежних тенденцій, що мають політичний характер, – інтеграції, об'єднання держав, з одного боку, та постійне виникнення нових державних утворень – з іншого [3, с.9]. Е. Мак-Грю виокремлює такі взаємозалежні види трансформаційних процесів, як ліберальний інтернаціоналізм, радикальний республіканізм та космополітична демократія, що безпосередньо зумовлюються загальними процесами демократизації та глобалізації сучасного світу [4]. На думку Л. Рассказова, у сфері політики, перш за все, слід відзначити такі тенденції розвитку та спрямованості трансформаційних процесів, як демократизація, формування громадянського суспільства, зменшення державного втручання у життя особистості, збільшення ролі наднаціональних інститутів, що по-новому ставить питання про державний суверенітет у сучасному світі [5, с.457-459].

До головних проявів світових трансформаційних процесів сьогодні найчастіше відносять стрімке зменшення ролі національних держав – держави як традиційні актори міжнародних відносин стають усе менш ефективними й більш вразливими в конкуренції з новими акторами, у боротьбі зі зростаючими антидержавними тенденціями в сучасному світі. Так, за словами Г. Мальцева, «настає епоха організацій та організаційної влади з її витонченим раціональним інструментарієм управління в умовах масового індустріального та постіндустріального суспільства» [6, с.303]. На те ж саме вказує й І. Лукашук, який вважає, що «організації, що діють на постійній основі, довели свою позитивну роль у регулюванні розбіжностей між державами», адже «конфлікти між членами організації виникають значно рідше, ніж конфлікти за участі держав» і «чим у більшій кількості організацій держава бере участь, тим більше виявляються її можливості в урегулюванні цих розбіжностей» [7, с.29]. Посилення ролі міжнародних організацій поєднується з іншою тенденцією сучасних міжнародних відносин – появою нових суб'єктів, як легальних (формальних і неформальних), так і нелегальних.

Визначною формою світових трансформаційних процесів називають також розширення горизонтальних контактів і безпосередньої взаємодії між структурами громадянського суспільства різних держав, невідконтрольних національним урядам, але в той же час досить впливових і масових. Так, нова політична система, що складається у сучасній Європі, спрямована на інтенсифікацію інтеграційних процесів і об'єднання держав. Відбувається радикальний перегляд національної державності, що піддається подвійному впливу: впливу міжнародної й наднаціональної спільнот зверху та локальних і регіональних структур – знизу [2, с.91].

Отже, трансформаційні процеси, що відбуваються у сучасному світі, призводять наразі до цілої низки істотних змін у всіх без виключення сферах життя світової спільноти, змінюючи існуючий міжнародний порядок, а також безпосереднім чином відбиваючись на характері та спрямованості трансформаційних процесів в Україні.

У політичній сфері однією з визначальних тенденцій перетворення міжнародних відносин є поширення демократії та укорінення демократичних інститутів. У даному процесі відбувається нова тенденція загальносвітового та європейського політичного розвитку – глобальна «хвиля» демократизації. Сучасні процеси демократизації характеризуються: розширенням і реальною гарантованістю в транснаціональному масштабі прав і свобод індивідів; зростаючим значенням інтересів особистості; визнанням фізичних осіб самостійними суб'єктами міжнародних відносин та ін. Принцип прав людини і невідворотності міжнародного правосуддя стає сьогодні одним із легітимних підстав обмеження державного суверенітету, глобальної «прозорості» державних кордонів [2, с.97-98].

Серед найбільш помітних трансформацій у правовій сфері, що характеризують процес формування нового загальносвітового (глобально-го) порядку, можна виділити такі, як:

1) зміна змісту та принципів побудови міжнародного правопорядку, зниження ступеня його стабільності; поступове зародження нової політико-правової реальності – глобального порядку, що, на відміну від існуючого світового порядку, має такі властивості, як загальний

характер, менший ступінь формалізованості за більшої відповідальності за порушення;

2) підвищення впливу міжнародного права на розвиток і зміну внутрішнього права (перевага міжнародного права над внутрішнім, поява «модельного законодавства», практика рецепції юридичного досвіду), що неминуче спричиняє уніфікацію національних правових систем, підсилює взаємозалежність між ними (у тому числі – на рівні правосвідомості, правової ідеології та культури); право стає одним з основних каналів впливу глобалізації на державу, виступаючи своєрідною інфраструктурою, що забезпечує розширення простору глобалізації;

3) криза управління міжнародними процесами, невизначеність рольових, нормативних і функціональних установок суб'єктів міжнародних відносин;

4) підвищення скоординованості політики країн у галузі правового регулювання інформаційного простору, екології, боротьби з тероризмом, наркобізнесом і злочинністю; розширення прав і свобод людини, що захищаються міжнародним правом;

5) розширення національної юрисдикції конкретних держав, що виходить за межі їх територій; поява загальних або спеціальних органів міжнародної юстиції (судів, трибуналів, арбітражів), поява нових джерел міжнародного права (у першу чергу – зростання ролі правового прецеденту) та ін. [2, с.80-82; 8, с.13].

Важливі трансформаційні процеси відбуваються в економічній та фінансовій сферах. В. Коллонтай пропонує розподілити ці процеси на декілька основних моментів:

1) стрімке складання нової моделі державного розвитку – експортоорієнтованої, з мінімальним соціальним перерозподілом, зі збитковим внутрішнім ринком та зростаючою кількістю неефективних секторів, що призводить до майнової диференціації суспільства та збільшення частки населення з низькими доходами, звуженню господарської ролі багатьох держав;

2) переорієнтація господарської діяльності держав з питань внутрішнього економічного розвитку і соціального забезпечення на більш активну участь у конкурентній боротьбі на світових ринках;

3) постійне, оперативне, гнучке пристосування до умов бурхливого науково-технічного прогресу, що вимагає більших фінансових витрат і підтримки високого освітнього потенціалу населення;

4) зростання дипломатичної складової конкурентоспроможності країн, відкритого лобювання державою національного бізнесу на зовнішніх ринках, що впливає на вільну економічну конкуренцію;

5) перенесення частини державних функцій з регулювання валютно-фінансової сфери на наддержавний рівень [9, с.33-34].

Трансформаційні процеси в економіці не можуть не позначатися на соціальній сфері. Ю. Ткачук відзначає, що лібералізація обміну, нові форми міжнародного розподілу праці, ріст руху капіталів, посилення конкурентної боротьби дозволяють досягати економічного росту в багатьох країнах світу, сприяють розширенню зайнятості, зниженню рівня бідності і підвищенню добробуту [3, с.11]. У соціокультурній сфері одними з найбільш помітних трансформаційних процесів загальноєвропейського значення наразі є соціокультурна стандартизація і уніфікація, а також міграційні процеси та збільшення просторової проникності світу. Як відзначає О. Білінов, у цьому зв'язку однією з найважливіших умов існування сучасного суспільства є вільне переміщення осіб, внутрішня міграція на всій території країни [2, с.58-59].

Глобальна суспільна революція, що знаходить свій прояв у значному розширенні діяльності неурядових організацій і транснаціональних правозахисних груп, профспілкових і релігійних асоціацій та багатьох інших груп і об'єднань, створює сьогодні інфраструктуру транснаціонального громадянського суспільства. Установи транснаціонального громадянського суспільства на міжнародних форумах стали інструментом артикуляції інтересів громадян і спільнот, а також способом формування умов, необхідних для того, щоб надати можливість людям самим контролювати своє життя й створювати співтовариства, засновані на ідеях рівності, суспільного блага і гармонії з природним середовищем. Заохочення і розвиток у громадянах почуття приналежності до взаємопов'язаних локальних та глобальних співтовариств, об'єднаних інтересами і почуттями, становить основну мету політичної діяльності нових соціальних рухів, так само як і пошук нових форм соціальної, політичної та економічної організації, сумісних із принципами самоврядування.

Нарешті, ще одним важливим аспектом сучасних трансформаційних процесів, що, зокрема, безпосередньо позначається на державно-правовій дійсності сучасної України, є трансформація правотворчої діяльності суб'єктів – учасників міжнародних відносин. Суттєві зміни в національному законодавстві держав зумовлюються, насамперед, зсувом окремих складових суверенітету до відання цілої низки наддержавних, неурядових та навіть приватних інститутів [7, с.138].

Отже, особливістю України як самостійного суб'єкта політичного процесу є те, що процес становлення та розвитку української державності відбувається під одночасним впливом тенденцій демократизації (розбудова нової демократичної політичної системи після розпаду радянської тоталітарної системи) та глобалізації (адаптація до глобальних змін у економічному, соціально-політичному, правовому та культурному житті сучасного світу). Поєднання впливу цих тенденцій, на думку сучасних дослідників, призвело до того, що інтереси України як окремого суб'єкта глобальних відносин досі є нечіткими, а напрямки співпраці з іншими суб'єктами – несталими [10, с.76].

Дійсно, пріоритети участі України у міжнародних політичних відносинах за останні десятиліття зазнавали постійних змін, що суттєво ускладнювало пошук та зайняття нею місця у системі суб'єктів міжнародної політики. Так, у Постанові Верховної Ради України «Про Основні напрями зовнішньої політики України» від 02.07.1993 р. було слушно відзначено, що становлення України як незалежної демократичної держави відбувається в період кардинальних політичних і економічних зрушень в українському суспільстві та історичних змін у системі міжнародних відносин, які характеризуються виникненням нових незалежних держав, появою нових регіональних центрів сили в міжнародних відносинах, переходом від ери конфронтації до ери відкритості і співробітництва, зникненням військово-політичного та ідеологічного протистояння в Європі. Процес державотворення і побудови вільного громадянського суспільства в Україні співпав з її поступовим входженням до світового співтовариства і пошуками нею свого місця в сучасному складному, різнома-

нітному і суперечливому світі [11]. До головних напрямків зовнішньої політики України було віднесено: розвиток двосторонніх міждержавних відносин, розширення участі в європейському регіональному співробітництві, співробітництво в рамках Співдружності незалежних держав, а також членство в ООН та інших універсальних міжнародних організаціях [11]. При цьому основний акцент у зовнішній політиці було зроблено саме на побудові двосторонніх відносин, участі в СНД та позаблоковому статусі країни. За десять наступних років спрямованість участі України у міжнародних відносинах поступово зміщувалась у бік інтеграції України у європейський політичний, економічний, правовий та євроатлантичний простір безпеки з одночасним збереженням стратегічного партнерства з Російською Федерацією та іншими країнами СНД, що знайшло своє відображення у Законі України «Про основи національної безпеки України» від 19.06.2003 р. [12, ст.6].

Події 2013-2014 рр., окупація Росією Автономної Республіки Крим та воєнна агресія на Сході України, що має довгостроковий характер, інші докорінні зміни у зовнішньому та внутрішньому безпековому середовищі України суттєво змінили пріоритети національних інтересів України, зумовивши необхідність створення нової системи національної безпеки України, основи якої знайшли своє відображення у новій Стратегії національної безпеки України [13] та інших нормативно-правових документах, спрямованих на забезпечення реалізації встановлених пріоритетів державної політики відповідно до існуючих загроз, а також реформ, передбачених Угодою про асоціацію між Україною та ЄС [14] і Стратегією сталого розвитку «Україна – 2020» [15]. Відповідно до рішення РНБО України від 6.05.2015р. «Про Стратегію національної безпеки України» [13] та з урахуванням змін до законодавства України щодо відмови від здійснення політики позаблоковості [16], до пріоритетів національних інтересів України сьогодні віднесено:

- забезпечення національних інтересів України шляхом підтримання мирного і взаємовигідного співробітництва з членами міжнародного співтовариства за загально визначеними принципами міжнародного права;

- використання міжнародного потенціалу для утвердження і розвитку України як суверенної, незалежної, демократичної, соціальної та правової держави, її сталого економічного розвитку;

- утвердження провідного місця України у системі міжнародних відносин, зміцнення міжнародного авторитету держави;

- запобігання конфліктам у регіонах, що межують з Україною, та врегулювання наявних конфліктів;

- підтримку зміцнення ролі міжнародного права у міжнародних відносинах, забезпечення дотримання та виконання чинних, вироблення нових принципів і норм міжнародного права;

- розширення міжнародного співробітництва з метою залучення іноземних інвестицій, новітніх технологій та управлінського досвіду в національну економіку в інтересах її реформування, модернізації та інноваційного розвитку;

- поглиблення співпраці з Організацією Північноатлантичного договору з метою досягнення критеріїв, необхідних для набуття членства у цій організації;

- забезпечення інтеграції України в європейський політичний, економічний, правовий та інформаційний простір з метою набуття членства в Європейському Союзі та ін. [17, п.2 ст.11].

При цьому сучасні дослідники відзначають, що Україна, намагаючись активізувати свою роль у глобальному політичному процесі, особливо на тлі офіційного курсу на Європейську інтеграцію, зазнає певної деформації цієї участі, адже, як підкреслює Ю. Біденко, «поряд з достатньо активним зовнішньополітичним курсом держави, спостерігається пасивність організацій, соціальних груп, суспільства в цілому щодо входження в глобальні соціальні, інтелектуальні, професійні, політико-ідеологічні мережі. Нові тенденції участі у політичному процесі глобального рівня громадських, політичних, суспільних рухів, дослідницьких, правозахисних, екологічних організацій виявляються в Україні вкрай слабо» [10, с.77]. Проте потенціал будь-якої сучасної країни полягає сьогодні саме у спроможності суспільства відповідати на нові виклики світових трансформацій. Тож зайняття Україною гідного місця у структурі міжнародного політичного процесу вимагає наразі органічного поєднання державної та суспільної активності.

Висновки. Отже, стратегія знаходження Україною своєї нової ролі в якості самостійного

суб'єкта міжнародних відносин може бути ефективною лише на основі послідовного зміцнення демократичних підвалин та інститутів, формування правової, соціальної держави. Інтенсивність та спрямованість трансформаційних процесів, що відбуваються у політико-правовій системі сучасної України, наразі визначаються дією цілої низки політичних, економічних, правових та інших чинників, спрямованих на розбудову правової, демократичної держави, що відповідає сучасним загальноєвропейським нормам та стандартам демократії. При цьому сьогодні, як ніколи раніше, виявляється безпосередня залежність руху України до демократії і перспективи її модернізації та інтегрування у Європейський Союз від розвитку загальносвітових процесів глобалізації та демократизації сучасного суспільно-політичного і правового життя.

Література

1. Оглезнев В. В. Глобализация и государство: анализ социальной онтологии / В. В. Оглезнев. – Томск : Изд-во ЦНТИ, 2010. – 159 с.
2. Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка / А. С. Блинов. – М. : МАКС Пресс, 2003. – 149 с.
3. Ткачук Ю. В. Глобалізація в сфері політики: інститути і механізми наддержавного впливу : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. політ. наук : спец. 23.00.02 «Політичні інститути та процеси» / Ю. В.Ткачук ; Одес. нац. юрид. акад. – О., 2004. – 16 с.
4. McGrew Anthony. Transnational democracy: theories and prospects / A. McGrew. In, Stokes, Geoffrey and Carter, April (eds.) Democratic Theory Today: Challenges for the 21st Century. – Cambridge, UK, Polity Press, 2002. – P. 269-294.
5. Рассказов Л. П. Теория государства и права. Учебник. 6-е изд. / Л. П. Рассказов. – М.: Инфра-М, РИОР, 2014. – 475 с.
6. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.
7. Лукашук И. И. Глобализация и международное сообщество / Лукашук И. И. // Право и политика. – 2000. – № 4. – С.24-32.
8. Иванов Н. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // Международная экономика и международные отношения. – 2000. – № 2. – С.12-18.
9. Коллонтай В. М. Эволюция западных концепций глобализации (Статья вторая) / В. М. Коллонтай // Междунар. экономика и междунар. отношения. – 2002. – № 2. – С. 32-39.
10. Біденко Ю. М. Суб'єкти політичного процесу глобального рівня та Україна: деякі тенденції / Ю. М. Біденко // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер. «Питання політології». – 2008. – № 796, вип. 11. – С. 73-78.
11. Про Основні напрями зовнішньої політики України : Постанова Верховної Ради України : від 02.07.1993 р., № 3360-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 37. – Ст. 379.
12. Про основи національної безпеки України : Закон України : від 19.06.2003 р., № 964-IV// Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 39. – Ст.351.
13. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 6 травня 2015 року «Про Стратегію національної безпеки України»: Указ Президента України : від 26.05.2015 р., № 287/2015 // Офіційний вісник Президента України. – 2015. – № 13. – Ст. 874.
14. Про ратифікацію Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони : Закон України : від 16.09.2014 р., № 1678-VII // Відомості Верховної Ради. – 2014. – № 40. – Ст.2021.
15. Про Стратегію сталого розвитку «Україна – 2020» : Указ Президента України : від 12.01.2015 р., № 5/2015 // Офіційний вісник Президента. – 2015. – № 2. – Ст.154.
16. Про внесення змін до деяких законів України щодо відмови України від здійснення політики позаблоковості : Закон України : від 23.12.2014 р., № 35-VIII // Відомості Верховної Ради. – 2015. – № 4. – Ст.13.
17. Про засади внутрішньої і зовнішньої політики : Закон України : від 01.07.2010 р., № 2411-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 40. – Ст.527.

РЕГІОНАЛЬНА ПРОГРАМА ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПУБЛІЧНОЇ БЕЗПЕКИ І ПОРЯДКУ В ХАРКІВСЬКІЙ ОБЛАСТІ

Райнін Ігор Львович - доктор юридичних наук, кандидат наук з державного управління, Глава Адміністрації президента України, здобувач Харківського національного університету внутрішніх справ

В статье анализируется региональная Программа обеспечения общественной безопасности и порядка в Харьковской области, определенные проблемы, на решение которых направлена программа, освещены цели и задачи программы, охарактеризованы задачи и мероприятия, которые необходимо выполнить для достижения определенной цели и сформированы ожидаемые результаты от выполнения Программы, предусмотрены координация и контроль за ходом ее выполнения, подчеркнуто, что Программа направлена на обеспечение общественной безопасности и порядка, охраны прав и свобод человека, а также интересов общества и государства и противодействия преступности.

Articolul analizează Programul regional de asigurare a securității și ordinii publice în regiunea Harkov, anumite probleme pentru rezolvarea cărora este direcționat programul, subliniază scopurile și obiectivele programului, descrie obiectivele și activitățile care urmează să fie efectuate pentru a atinge un anumit scop, și stabilește rezultatele așteptate de la punerea în aplicare a programului, furnizează coordonarea și monitorizarea punerii sale în aplicare, subliniază faptul că programul are drept scop asigurarea securității și ordinii publice, protecția drepturilor și libertăților omului, a intereselor societății și a statului, precum și combaterea criminalității.

Cuvinte cheie: siguranță publică, regiunea Harkov, Programul regional de asigurare a securității și ordinii publice.

The article analyzes the regional program to ensure public safety and order in the Kharkiv region, certain issues addressed by the program, highlights program goals and objectives, described tasks and activities, to be performed in order to achieve a certain goal and generated the expected results from the implementation of the Programme, provided for the coordination and monitoring of its implementation, emphasized that the program is aimed at ensuring public safety and order, protection of human rights and freedoms, as well as the interests of society and the state, and fighting crime.

Харківська обласна рада затвердила розроблену Харківською обласною державною адміністрацією Регіональну програму забезпечення публічної безпеки і порядку на 2016-2017 роки [1] (далі Програма). Програма була підготовлена департаментами обласної державної адміністрації, прокуратурою області, Головним управлінням Національної поліції України в Харківській області, Головним

управлінням Державної міграційної служби України в Харківській області, Управлінням Державної пенітенціарної служби України в Харківській області, Головним управлінням Державної служби України з надзвичайних ситуацій в Харківській області, управлінням Служби безпеки України в Харківській області, Східним управлінням Національної гвардії України, Харківським національним

університетом внутрішніх справ та іншими структурними підрозділами правоохоронної системи України. Програма має комплексний характер і охоплює всі сторони суспільного життя Харківської області. У програмі передбачені заходи забезпечення публічної безпеки і порядку, запобігання кримінальної злочинності, виявлення і усунення причин та умов злочинності.

Підставою для прийняття регіональної Програми забезпечення публічної безпеки і порядку Харківської області на період 2016-2017 років (далі - Програма) є необхідність удосконалення забезпечення публічної безпеки і порядку, охорона прав і свобод людини, а також інтересів суспільства і держави, протидія злочинності.

Метою прийняття акта - удосконалення системи превенції правопорушень, координація дій на цьому напрямку органів державної виконавчої влади, органів місцевого самоврядування, територіальних правоохоронних та контролюючих органів, громадських інститутів та населення з метою захисту конституційних прав і свобод громадян, дітей, інших малозахищених верств населення, забезпечення публічної безпеки та порядку у громадських місцях, зниження тиску злочинного середовища на громадян, підприємців, недопущення загострення криміногенної ситуації в області, створення умов для продуктивного та ефективного розвитку економічного, промислового, культурного, науково-технічного потенціалу Харківщини.

У Програмі передбачено виконання низки заходів, зокрема,

- постійний моніторинг криміногенної ситуації та забезпечення своєчасного реагування на негативні зміни;
- аналіз соціальних та економічних проблем, інших чинників, що впливають на криміногенну ситуацію, визначення заходів щодо мінімізації їх негативних наслідків;
- вивчення та впровадження у практичну діяльність міжнародного досвіду превенції правопорушень, протидії злочинності та корупції;
- удосконалення взаємодії органів влади та правоохоронних органів у питаннях

забезпечення публічної безпеки та порядку, превенції правопорушень;

- надання допомоги в удосконаленні науково-методичного, матеріально-технічного та інформаційного забезпечення правоохоронних та інших органів, що беруть участь у забезпеченні публічної безпеки та порядку;

- залучення до організації системи забезпечення публічного порядку науковців, представників громадських інститутів, підтримання ініціативи громадян з цих питань;

- профілактична робота з керівниками громадських об'єднань з метою попередження радикальних та екстремістських проявів, усунення причин і умов, що сприяють тероризму, екстремізму, роз'яснення руйнівних та негативних наслідків цих проявів;

- реалізація заходів, спрямованих на вилучення зброї, боєприпасів, вибухових речовин, що перебувають у незаконному обігу;

- протидія незаконному обігу наркотичних, психотропних, сильнодіючих речовин, їх аналогів та прекурсорів;

- моніторинг міграційних потоків, удосконалення системи контролю цих процесів з метою зниження рівня нелегальної міграції;

- запобігання правопорушенням, пов'язаним із незаконним обігом алкогольної продукції,

- здійснення заходів поліцейського піклування, запобігання насильству в сім'ї;

- запровадження системи превентивних заходів щодо протидії правопорушенням проти громадської моралі та торгівлі людьми;

- превенція правопорушень на побутовому ґрунті, на ґрунті зловживання алкогольними напоями;

- запровадження системних заходів захисту дітей від протиправних посягань, ювенальної превенції, попередження втягнення підлітків у протиправну діяльність, попередження бездоглядності, безпритульності, жебракування серед дітей;

- посилений контроль ситуації у публічних місцях, передусім при проведенні заходів за участю значної кількості громадян;

- запобігання правопорушенням, що вчиняються з використанням телекомунікаційних мереж та мережі Інтернет;

- системна реалізація заходів щодо патріотичного, культурного, морального, духовного, спортивного виховання громадян, передусім дітей, підлітків та молоді, залучення до процесів виховання представники громадськості та правоохоронців;

- запровадження комплексних заходів, спрямованих на формування довіри населення до органів державної влади, правоохоронних органів, у тому числі у питаннях побудови правового суспільства та розбудови Харківщини як безпечного місця для життя людей.

Забезпечення публічної безпеки і порядку, протидія правопорушенням на території Харківської області є однією із найбільш актуальних проблем, які мають вирішуватися місцевими державними органами виконавчої влади та органами місцевого самоврядування. Особливої уваги зазначені питання набувають з урахуванням демографічних, культурних, економічних, адміністративно-територіальних особливостей регіону, у тому числі наявністю спільного кордону з Російською Федерацією, наближенням до захоплених незаконними військовими формуваннями окремих районів Луганської та Донецької областей, на території яких проводиться антитерористична операція.

Серед основних факторів, які впливають на загальний стан публічної безпеки і порядку, а також сприяють вчиненню правопорушень, необхідно виділити такі:

- *суспільно-політичні*: продовження військових дій в окремих районах Луганської та Донецької областей; вивезення із зони АТО до інших областей значної кількості озброєння, боєприпасів, вибухових речовин та їх використання для здійснення злочинної діяльності;

- *економічні*: корупційні процеси; недостатньо ефективні заходи щодо розвитку виробництва та промисловості; зменшення обсягів капітальних інвестицій; велика частка збиткових підприємств; девальвація гривні, знецінення доходів населення, зростання цін на всі види товарів та послуг;

- *соціальні*: низький рівень заробітної плати; безробіття; недостатня кількість робочих місць для працездатного населення; тіньовий ринок праці; суттєве зростання цін

на комунальні послуги; бездоглядність дітей; низька ефективність системи заходів щодо соціальної адаптації раніше судимих осіб, які повернулися з місць позбавлення волі;

- *культурні*: недостатній рівень культури та правосвідомості громадян, що, поряд з іншими факторами, сприяє поширенню алкоголізму, наркоманії, насильства в сім'ї, побутових конфліктів; низький вплив на правосвідомість громадян, культурний освітній рівень громадських та релігійних інституцій.

Пріоритетним напрямом діяльності органів державної влади, органів місцевого самоврядування, правоохоронних органів є захист конституційних прав і свобод громадян, забезпечення публічної безпеки та порядку, що полягає у визначенні та реалізації комплексних заходів, спрямованих на усунення причин і умов, що сприяють правопорушенням, координації спільних зусиль діяльності у цьому напрямі, широкого залучення до цієї роботи представників громадського суспільства.

Ефективність реалізації державними органами виконавчої влади та органами місцевого самоврядування, територіальними правоохоронними органами та представниками громадського суспільства заходів щодо забезпечення публічної безпеки та порядку на території Харківської області обумовлена системністю їх проведення на основі детального аналізу криміногенної ситуації та застосування комплексних підходів до вирішення проблемних питань шляхом планування профілактичних заходів у рамках виконання регіональних програм. Позитивний характер такої практики підтверджується статистичними даними про характер криміногенної ситуації в області, тенденціями її розвитку, динамікою та структурою кримінальних злочинів та інших правопорушень, а також залучення до участі у правоохоронній діяльності все більшої кількості громадян і громадських організацій.

Системна реалізація заходів, передбачених комплексною Програмою профілактики правопорушень у Харківській області на 2011-2015 роки, затвердженою рішенням Харківської обласної ради від 17.02.2011 № 82-VI, дозволила, навіть у складних умовах, обумов-

лених загостренням проявів сепаратизму та активізації діяльності диверсійних та терористичних угруповань у 2014 - 2015 роках, не допустити загострення криміногенної ситуації та гарантувати населенню належний рівень безпеки у регіоні.

За цей період не допущено зростання загального рівня злочинності, який у розрахунку на 10 тис. населення відповідає середньому в Україні, а рівень тяжких та особливо тяжких злочинів - є нижчим від середньодержавного показника. У структурі злочинів спостерігається зменшення на 25% кількості умисних убивств, на 21%-тяжких тілесних ушкоджень зі смертельними наслідками. Менше вчиняється правопорушень дітьми та підлітками. У 2015 році встановлено 257 (торік 300) дітей, які скоїли кримінальні правопорушення. Внаслідок удосконалення системи забезпечення публічної безпеки зменшилася загальна кількість скоєних кримінальних правопорушень, вчинених у публічних місцях (2872 - у 2015 році проти 5031 - у 2014 році), що становить 7% (проти 16% у минулому році) від загальної кількості облікованих кримінальних правопорушень, у тому числі на вулицях (1901 проти 3099), а також скоєних у публічних місцях тяжких та особливо тяжких кримінальних правопорушень (734 проти 936), убивств (16 проти 21), тяжких тілесних ушкоджень (13 проти 20), крадіжок (1225 проти 2728), грабежів (475 проти 679), угонів автотранспорту (59 проти 98) та хуліганств (114 проти 131). Спостерігається тенденція до зниження рівня злочинності на вулицях та у публічних місцях, обладнаних сучасними системами відеоспостереження, що вказує на необхідність продовження цієї роботи. Система забезпечення публічної безпеки на вулицях удосконалювалася також шляхом залучення до протидії правопорушенням членів громадських формувань, перш за все у населених пунктах, де відсутні штатні працівники поліції. Громадські активісти брали активну участь у заходах з публічної безпеки, залучалися до несення служби на блокпостах, до патрулювання території спільно з працівниками поліції. За участю громадськості у 2015 році виявлено

1490 (проти 1967 у 2014 році) адміністративних правопорушень.

Особливу увагу було приділено вилученню з незаконного обігу зброї, боєприпасів, вибухових речовин, що вивозяться із зони проведення антитерористичної операції. У 2015 році з незаконного обігу вилучено 96 пістолетів, 15 револьверів, 33 рушниці, 24 карабіни, 12 гвинтівок, 20 обрізів, 18 автоматів, 5 кулеметів, 44 гранатомети, 26 одиниць газової та пневматичної зброї, 22 одиниці саморобної зброї, 140 частин зброї, 60,5 тис. патронів, 503 гранати, 35 снарядів, 562 боєприпаси, 7,3 кг пороху, 101 вибуховий пристрій. Активізацію цієї роботи досягнуто передусім шляхом побудови комплексної багаторівневої системи публічної безпеки в області, а саме: організації першої лінії оборони на кордоні області силами прикордонників; другої лінії захисту силами блокпостів за участю працівників правоохоронних органів, а також третьої лінії - дії мобільних оперативних нарядів силових відомств, які діють на автошляхах та на ділянках поза межами блокпостів. Побудовану систему безпеки в області необхідно зберігати та удосконалювати.

Якісних змін досягнуто також у сфері захисту економічних відносин. Активніше विकривалися факти кримінальної корупції, кримінальних правопорушень, пов'язаних з використанням бюджетних коштів, злочинних схем виведення із державної власності земельних ресурсів. Ефективніше здійснювалися заходи щодо протидії наркотизації населення, попередження втягування до вживання наркотичних речовин інших осіб, викриття правопорушників, які займаються збутом наркотиків, утримують притони для виробництва та збуту наркотичних речовин.

У 2015 році відкрито 1607 (у 2014 році - 2189) кримінальних проваджень за злочинами у сфері незаконного обігу наркотиків; із них 381 (445) - за фактами збуту наркотичних речовин; 10 (22) - схиляння інших осіб до вживання наркотиків; перекрито 9 (5) міжнародних каналів поставки наркотичних речовин; викрито 31 (57) кримінальне правопорушення у сфері легального обігу наркотиків. Припинено діяльність 159 (222) наркопритонів, із

них 43 (69) - для виготовлення наркотичних засобів.

Реалізація програмних заходів обумовила формування позитивних соціальних тенденцій серед населення області. На це вказує статистика щодо зменшення скарг на дії працівників правоохоронних органів, а також розширення кола громадян, громадських організацій, волонтерів, які співпрацюють з правоохоронними органами у виконанні покладених на них завдань щодо забезпечення публічної безпеки та порядку, протидії діяльності радикальних та екстремістських організацій. На даний час щодня до забезпечення діяльності із публічної безпеки залучається 80 спільних нарядів за участю представників громадськості та працівників поліції.

З урахуванням позитивного ефекту, одержаного від реалізації програмних заходів, доцільно зберегти та продовжити напрацьовану систему аналізу стану правопорядку в області, виявлення проблемних питань, які негативно впливають на стан оперативної обстановки, та визначення комплексних заходів, спрямованих на їх вирішення, особливо враховуючи те, що криміногенна ситуація на території Харківської області залишається складною та незважаючи на заходи, що вживаються, з метою якісного удосконалення системи охорони публічної безпеки.

У 2014 році на території області зареєстровано близько чотирьох десятків терористичних актів, більше десятка таких подій відбулося у 2015 році. Наявність спільного кордону з областями, в окремих районах яких проводиться антитерористична операція, обумовлює ввезення на Харківщину значної кількості зброї, боєприпасів та вибухових речовин, засилання розвідувально-диверсійних та терористичних угруповань, які використовуються для вчинення злочинів на території регіону.

На фоні соціальних та фінансово-економічних проблем населення спостерігається збільшення кількості тяжких та особливо тяжких злочинів проти життя та здоров'я особи, у тому числі убивств, тяжких тілесних ушкоджень, учинених на побутовому ґрунті, а також на ґрунті конфліктів під час спільного

вживання алкогольних напоїв. Відмічається зростання кількості злочинів корисливо-насильницького спрямування, таких як розбої, грабежі, а також злочинів проти власності: крадіжок, шахрайств. Проблемним питанням залишається скоєння крадіжок майна громадян, у тому числі з квартир, з автотранспортних засобів.

Турбують криміногенні процеси, що відбуваються у дитячому середовищі. Незважаючи на те, що загальна кількість вчинених неповнолітніми злочинів зменшилася, мали місце випадки учинення дітьми тяжких та особливо тяжких злочинів: умисних убивств, розбоїв, грабежів, крадіжок. Значною є кількість дітей, які потерпають від злочинів, передусім від злочинів корисливо-насильницького спрямування, вчинених їх однолітками. Особливо непокоять випадки загибелі дітей від убивств, а також випадки вчинення відносно дітей статевих злочинів, факти втягнення дітей до вживання наркотиків. Зазначене потребує удосконалення методів профілактичної роботи серед підлітків, попередження бездоглядності та безпритульності дітей, вжиття скоординованих заходів щодо соціального захисту дітей, їх охоплення заходами правового виховання та організованого дозвілля, засвоєння правил безпечної поведінки, більш активної пропаганди серед підлітків здорового способу життя.

З метою зниження рецидивної злочинності більше уваги необхідно приділити питанням соціальної адаптації осіб, які повернулися з місць позбавлення волі, та осіб, які раніше притягувалися до відповідальності за вчинення кримінальних правопорушень, якими сьогодні вчиняється кожний третій злочин в області. Необхідно удосконалювати роботу з попередження правопорушень на побутовому ґрунті, фактів насильства та жорстокого поводження в сім'ї.

Координації зусиль потребують проблеми наркотизації населення. Необхідно активізувати роботу з виявлення та припинення злочинної діяльності організаторів наркотрафіків, осіб, які збувають наркотики, організують притони для їх вживання та виробництва, втягують у вживання наркотиків інших

осіб, у тому числі неповнолітніх. Потребують напрацювання форми і методи протидії поширенню нових видів наркотичних засобів та психотропних речовин, у тому числі тих, які розповсюджуються у вигляді курильних сумішей, солей для ванни тощо. Більш активними мають бути заходи щодо недопущення використання розважальних та навчальних закладів для розповсюдження наркотичних, психотропних речовин, їх аналогів та прекурсорів. Необхідно посилити контроль на об'єктах легального обігу наркотиків.

У зв'язку із продовженням військового протистояння в окремих районах Луганської та Донецької областей зберігається висока ймовірність терористичних загроз, у тому числі під час проведення масових заходів. У місцях перебування значної кількості громадян спостерігається підвищена активність діяльності екстремістських настроїв, передусім серед молоді. У зв'язку із цим питання протидії терористичним проявам є одним із першочергових у роботі правоохоронних органів та органів влади, передусім щодо забезпечення безпеки критичної інфраструктури та об'єктів життєзабезпечення населення.

Необхідно посилити роботу з установами засобів розгалуженої системи відеоспостереження, основним призначенням якої має стати постійний моніторинг обстановки, зокрема в місцях масових скупчень громадян, забезпечення негайного реагування на виявлені у ході моніторингу правопорушення. Необхідно вирішити питання щодо оптимальних методів обробки інформації, яка надходить засобами відеоспостереження, що обумовлює необхідність створення спеціалізованого програмно-апаратного комплексу для накопичення відеоданих. Основним робочим засобом системи має стати інтелектуальна складова, яка надасть можливість не лише організувати збереження відеоінформації на серверах та, у разі необхідності, її перегляд, а також дозволить організувати безпосередній доступ до кожної відеокамери на детальній інтерактивній карті міста, відобразити об'єкти та осіб, які можуть впливати на розвиток ситуації в кожному конкретному випадку, а також спрогнозувати подальший

розвиток ситуації та організувати швидке вжиття необхідних заходів реагування силами нарядів охорони правопорядку, бригадами комунальних та спеціальних служб, що найближче знаходяться від місця вчинення правопорушення тощо.

В умовах реформування системи публічної безпеки у державі, суттєвого скорочення штатної чисельності правоохоронних структур нагальною є необхідність удосконалення їх технічного оснащення, об'єднання зусиль силових відомств, координації їх дій з діяльністю органів влади та інститутів громадянського суспільства, у тому числі шляхом затвердження регіональної Програми забезпечення публічної безпеки і порядку в Харківській області на період 2016-2017 років, що дозволить здійснювати цю роботу на плановій, системній, послідовній, комплексній основі, сконцентрувати наявні можливості на першочергових завданнях, спрямованих на превенцію правопорушень, боротьбу зі злочинністю, патріотичне виховання населення.

Основною метою Програми є удосконалення системи превенції правопорушень, координація у цьому напрямі дій органів державної виконавчої влади, органів місцевого самоврядування, територіальних правоохоронних та контролюючих органів, громадських інститутів та населення з метою захисту конституційних прав і свобод громадян, дітей, інших малозахищених верств населення, забезпечення публічної безпеки та порядку у громадських місцях, зниження тиску злочинного середовища на громадян, підприємців, недопущення загострення криміногенної ситуації в регіоні, створення умов для продуктивного та ефективного розвитку економічного, промислового, культурного, науково-технічного потенціалу Харківщини.

Виконання Програми надасть можливість:

- стабілізувати криміногенну ситуацію в регіоні шляхом мінімізації загроз публічній безпеці і порядку;
- підвищити рівень вуличної безпеки; зниження долі тяжких та особливо тяжких злочинів у публічних місцях та на вулицях; зменшити кількість аварій на автошляхах;

- знизити рівень посадових злочинів серед службових осіб органів виконавчої влади, місцевого самоврядування, працівників правоохоронних, державних контролюючих органів, органів, наділених дозвільними та владними повноваженнями, у тому числі зловживань при використанні бюджетних коштів та земельних ресурсів;

- зменшити кількість злочинів на побутовому ґрунті, у стані алкогольного сп'яніння, а також рецидивної злочинності;

- знизити рівень злочинів, пов'язаних із незаконним обігом наркотиків, зброї, боєприпасів, вибухових речовин;

- зменшити кількість порушень правил реалізації алкогольної, тютюнової, лікєро-горілкової продукції, спирту; правопорушень у сфері моралі;

- знизити рівень дитячої злочинності; формувати у дитячому та молодіжному середовищі негативне сприйняття протиправної поведінки та вчинення правопорушень;

- зменшити питому вагу протиправних діянь, вчинених на ґрунті екстремізму, расизму, ксенофобії та радикальних поглядів;

- посилити перепускний режим на кордоні Харківської області. Не допустити порушення правил в'їзду - виїзду і перебування в Україні біженців, іноземців та осіб без громадянства. Запобігати проникненню на територію області представників незаконних воєнізованих формувань;

- підвищити антитерористичну захищеність та безпеку державних установ;

- забезпечити цивільну безпеку об'єктів інфраструктури регіону;

- підвищити рівень готовності населення регіону до протидії виникненню надзвичайних ситуацій;

- знизити кількість випадків пропаганди тероризму, розпалювання міжнаціональної, міжрелігійної ворожнечі, дестабілізації соціально-політичної обстановки на території області.

Досягнути результатів можливо шляхом скоординованої та узгодженої реалізації виконавцями визначених Програмою заходів у встановлені терміни; відповідального ставлення виконавців до якісного виконання

завдань та ефективного використання бюджетних асигнувань, виділених на реалізацію Програми; реалізації і Програми з урахуванням заходів, передбачених законодавчими та нормативно-розпорядчими документами; постійного та систематичного контролю за ефективністю реалізації заходів, передбачених Програмою, шляхом надання виконавцями піврічних письмових звітів про хід виконання Програми, а також шляхом звітування про хід виконання Програми перед громадськістю, Харківською обласною радою.

У даній сфері правового регулювання діє Конституція України[2], Закон України «Про національну поліцію»[3], Закон України «Про місцеве самоврядування в Україні»[4], Закон України «Про місцеві державні адміністрації»[5].

У результаті виконання Програми очікується:

- стабілізація криміногенної ситуації в області шляхом мінімізації загроз публічній безпеці і порядку;

- підвищення рівня вуличної безпеки; зниження долі тяжких та особливо тяжких злочинів у публічних місцях та на вулицях; зменшення кількості аварій на автошляхах;

- зниження рівня посадових злочинів серед службових осіб органів виконавчої влади, місцевого самоврядування, працівників правоохоронних, державних контролюючих органів, органів, наділених дозвільними та владними повноваженнями, у тому числі зловживань при використанні бюджетних коштів та земельних ресурсів;

- зменшення кількості злочинів на побутовому ґрунті, у стані алкогольного сп'яніння, а також рецидивної злочинності;

- зниження рівня злочинів, пов'язаних із незаконним обігом наркотиків, зброї, боєприпасів, вибухових речовин;

- зменшення кількості порушень правил реалізації алкогольної, тютюнової, лікєро-горілкової продукції, спирту; правопорушень у сфері моралі;

- зниження рівня дитячої злочинності; формування у дитячому та молодіжному середовищі негативного сприйняття протиправної поведінки та вчинення правопорушень;

- зменшення питомої ваги протиправних діянь, вчинених на ґрунті екстремізму, расизму, ксенофобії та радикальних поглядів;
- посилення перепускного режиму на кордоні Харківської області; недопущення порушень правил в'їзду- виїзду і перебування в Україні біженцями, іноземцями та особами без громадянства; запобігання проникненню та територію області представників незаконних воєнізованих формувань;
- підвищення антитерористичної захищеності та безпеки державних установ;
- забезпечення цивільної безпеки об'єктів інфраструктури області;
- підвищення рівня готовності населення області до протидії виникненню надзвичайних ситуацій;
- зниження рівня випадків пропаганди тероризму, розпалювання міжнаціональної, міжрелігійної ворожнечі, дестабілізації соціально- політичної обстановки на території області.

Виконання регіональної Програми забезпечення публічної безпеки і порядку в Харківській області на 2016-2017 роки буде забезпечуватись фінансуванням з облас-

ного бюджету в сумі 16 млн. 152 тис. грн. за участі районних державних адміністрацій та міських рад (міст обласного значення) та під контролем обласної державної адміністрації і постійної комісії обласної ради з правових питань, регуляторної політики, законності, громадського порядку, боротьби з корупцією та злочинністю та комісії з питань бюджету.

Література

1. Рішення Харківської обласної ради «Про затвердження регіональної Програми забезпечення публічної безпеки і порядку в Харківській області на період 2016-2017 роки» від 11.04.2016 № 01-73/2736.
2. Конституція України // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1996, № 30, ст. 141.
3. Закон України «Про Національну поліцію» від 2 липня 2015 року № 580-VIII //Харків, ХНУВС.- 2015.-112 с.
4. Закон України «Про місцеве самоврядування в Україні» //Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1997, № 24, ст.170.
5. Закон України «Про місцеві державні адміністрації» // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1999, N 20-21, ст.190.

ПРИЗНАЧЕННЯ, ЗВІЛЬНЕННЯ ЧЛЕНІВ РАХУНКОВОЇ ПАЛАТИ УКРАЇНИ ТА ГАРАНТІЇ ЇХ ПРАВОВОГО СТАТУСУ ЗА НОВИМ ЗАКОНОМ УКРАЇНИ «ПРО РАХУНКОВУ ПАЛАТУ»

Савченко Леся Анатоліївна - доктор юридичних наук, професор, перший заступник з наукової роботи та інноваційних технологій директора Центру перепідготовки та підвищення кваліфікації керівних кадрів Державної фіскальної служби України

В статті аналізуються норми Закону України «О Счетной палате» 2015 года и других нормативных актов относительно назначения, увольнения членов Счетной палаты и гарантий их правового статуса, высказывается мнение автора о внесении к ним изменений и дополнений

Articolul analizează prevederile Legii Ucrainei «Cu privire la Curtea de Conturi» din 2015 și altor acte normative privind numirea, eliberarea din funcție a membrilor Curții și garanțiile statutului lor juridic, este exprimat punctul de vedere al autorului în vederea introducerii unor modificări și completări în aceste acte normative.

Cuvinte cheie: Legea Ucrainei «Cu privire la Curtea de Conturi», numirea, eliberarea membrilor Curții de conturi ale Ucrainei, statutul juridic al membrilor Curții de Conturi.

This article analyzes the provisions of the Law of Ukraine "On the Accounting Chamber" 2015 and other regulations which concerning the appointment, dismissal the members of the Accounting Chamber and guarantees of their legal status, the author expresses the opinion of concerning amending and supplementing.

Рахункова палата є спеціальним суб'єктом, який здійснює контроль у сфері публічних фінансів. Враховуючи особливий статус цієї інституції як єдиного державного контрольного органу, про який йдеться у Конституції України, законодавство, що визначало її правовий статус, потребувало оновлення. Відповідно, у 2015 році був прийнятий новий Закон України «Про Рахункову палату» [5], що вніс певні корективи у призначенні і у звільненні членів Рахункової палати, оскільки ця процедура має важливе значення, бо від кваліфікації членів Рахункової палати, можливості виконувати той чи інший обсяг роботи залежить і дотримання чинного законодавства. Метою даної публікації є окреслення пропозицій щодо змін і доповнень до законодавства стосовно призначення, звільнення та гарантій правового статусу членів Ра-

хункової палати, з метою дотримання принципу незалежності їх діяльності.

На XIX Конгресі Міжнародної організації вищих органів державного фінансового контролю, що відбувся у Мехіко (листопад 2007 року), прийнято Мексиканську декларацію незалежності [2] (далі Мексиканська декларація), у якій містяться вісім базових принципів, що впливають із Лімської декларації керівних принципів контролю та стосуються незалежності Вищих органів фінансового контролю (далі – ВОФК). Одним із таких принципів є принцип незалежності Голів та членів ВОФК, включаючи гарантію перебування на посаді та судовий імунітет під час виконання обов'язків.

У п.3 ст. 3 Закону України «Про Рахункову палату» [5] зазначено, що незалежність Рахункової палати забезпечується встановленим

Конституцією України і цим Законом порядком призначення на посади та звільнення з посад членів Рахункової палати. Хоч структура і штатний розпис апарату Рахункової палати затверджуються Рахунковою палатою в межах бюджетних призначень на забезпечення діяльності Рахункової палати, але, аналізуючи вказаний Закон, важко сказати про те, що Рахункова палата повністю є незалежною від Верховної Ради України. Так, члени Рахункової палати призначаються на посади та звільняються з посад Верховною Радою України відповідно до вимог цього Закону та в порядку, встановленому Регламентом Верховної Ради України. Законодавством передбачено конкурсний відбір на заняття посади члена Рахункової палати та деталізовано процедуру проходження такого конкурсу. Так, не пізніше як за шість місяців до закінчення строку повноважень члена Рахункової палати або протягом 14 днів з дня дострокового припинення ним повноважень оголошується конкурс на зайняття посади члена Рахункової палати. Оголошення про умови та строки проведення такого конкурсу розміщується на офіційному веб-сайті Верховної Ради України та публікується в газеті «Голос України» за поданням комітету, до предмета відання якого належать питання бюджету. Для участі в конкурсі на посаду члена Рахункової палати кандидат на таку посаду подає до комітету Верховної Ради України, до предмета відання якого належать питання бюджету, певні документи. Даний комітет розглядає подані документи та попередньо обговорює кандидатів щодо їх відповідності вимогам, встановленим Законом України «Про Рахункову палату», і подає на розгляд Верховної Ради України рішення з висновками щодо кожного кандидата. Отже, перший етап конкурсного відбору – це проходження кандидатами на посаду комітету. Чинним законодавством чітко не деталізовано цю процедуру, не визначено, яким чином проходить обговорення, не передбачено обов'язковості заслуховування осіб, що претендують на посаду члена Рахункової палати, тощо. Лише зрозуміло, що відповідно до законодавства (ст. 49 Закону України «Про комітети Верховної Ради України» [4]) за результатом засідання Комітету з питань бю-

джету щодо осіб, які пропонуються для призначення Верховною Радою України щодо результатів слухань приймаються рекомендації. Аналіз інформації – повідомлення Верховній Раді України «Про результати проведених заходів конкурсу для призначення нового складу Рахункової палати», що розміщена на сайті Комітету з питань бюджету (рішення комітету від 18.03.2016) [1] дозволяє констатувати, що проходження комітету передбачає: 1) оприлюднення інформації про кандидатів, які подали документи для участі у конкурсі на веб-сайтах комітету та Верховної Ради України; 2) направлення необхідних документів усіх кандидатів у встановленому порядку Апаратом Верховної Ради України для проведення спеціальної перевірки, передбаченої Законом України «Про запобігання корупції»; 3) опрацювання відомостей про кожного кандидата на посаду (подані ними на конкурс), результатів спеціальної перевірки, матеріалів незалежної оцінки громадської організації Центр політичних студій та аналітики, анкет самооцінювання кандидатів, які комітет рекомендує заповнити кандидатам для вивчення їх професійної діяльності; 4) проведення співбесід з кандидатами на посаду за участю народних депутатів України – членів комітету з питань бюджету та представників громадської організації Центр політичних студій та аналітики, які є експертами Реанімаційного пакету реформ. Законодавством не передбачено проведення оцінювання кандидатів будь-якою громадською організацією, отже, незрозумілим є опрацювання комітетом матеріалів незалежної оцінки громадської організації Центр політичних студій та аналітики. Можлива ситуація, коли вказана громадська організація надасть матеріали, які Комітет з питань бюджету прийме до відома і це негативно вплине на результати проходження конкурсу певним кандидатом, що в подальшому може призвести до оскарження рішення комітету. Наявність норми у ст. 44 Закону України «Про комітети Верховної Ради України» [4] про те, що «прийняті комітетом акти можуть бути переглянуті, якщо за це проголосує більшість від затвердженого Верховною Радою України складу членів комітету», означає, що існує можливість оскаржен-

ня рішень, висновків, рекомендацій Комітету з питань бюджету. На жаль, Законом України «Про Рахункову палату» [5] не передбачено особливості оскарження рекомендації комітету з питань бюджету у такому випадку. Вважаємо за необхідне доповнити п. 2 ст.20 вказаного Закону наступною нормою: «Акт комітету, до відання якого належать питання бюджету, може бути оскаржений кандидатом на посаду члена Рахункової палати у встановленому законодавством порядку».

Наступний етап призначення на посади членів Рахункової палати передбачає надання народним депутатам не пізніше як за три дні до розгляду Верховною Радою України даного питання рішення Комітету з питань бюджету та відомості про кандидатів на посади членів Рахункової палати. Далі проводиться обговорення кандидатів на посади членів Рахункової палати за участю представників депутатських фракцій (депутатських груп), представників комітетів, народних депутатів. Відбір на посади членів Рахункової палати здійснюється Верховною Радою відкритим рейтинговим голосуванням по кожному кандидату окремо. Законодавством передбачено, що Верховна Рада України призначає членів Рахункової палати списком, визначеним за підсумками рейтингового голосування, відповідно до кількості вакантних посад відкритим голосуванням більшістю голосів народних депутатів від конституційного складу Верховної Ради. У статті 208² Закону України «Про Регламент Верховної Ради України» [7] зазначено, що «якщо за список кандидатів на посади членів Рахункової палати не отримано необхідної для призначення кількості голосів народних депутатів, оголошується повторний конкурс, який проводиться відповідно до процедури, визначеної цією статтею». Дана норма вказує на те, що якщо немає домовленостей між депутатами чи коаліційних домовленостей, то Рахункова палата ще довго не працюватиме у новому складі. Вважаємо, що рейтингового голосування достатньо для призначення членів Рахункової палати. Враховуючи це, слід змінити текст абзацу 2 пункту 5 вказаної статті, зокрема викласти його у такій редакції: «Верховна Рада призначає членів Рахункової палати, за під-

сумками рейтингового голосування, відповідно до кількості вакантних посад». В означеній статті не передбачено, як здійснюватиметься голосування у Верховній Раді, коли буде звільнено одного чи декількох членів Рахункової палати з підстав, передбачених чинним законодавством. Запропоновані нами зміни і доповнення сприятимуть вирішенню і даної проблеми. Але можливі випадки, коли за кандидата на посаду не проголосувала необхідна кількість народних депутатів. Отже, абзац 3 пункту 5 вказаної статті слід викласти у новій редакції: «Якщо за кандидата на посаду члена Рахункової палати не отримано необхідної для призначення кількості голосів народних депутатів, оголошується повторний конкурс, який проводиться відповідно до процедури, визначеної цією статтею». Рішення щодо призначення на посаду Голови, іншого члена Рахункової палати оформляються відповідною постановою Верховної Ради.

Залежним від Верховної Ради України, а особливо від її Голови, є Голова Рахункової палати, бо саме Голова Верховної Ради України вносить на розгляд Верховної Ради подання про призначення на посаду Голови Рахункової палати одного з членів Рахункової палати. Призначення на посаду Голови Рахункової палати здійснюється відкритим голосуванням більшістю голосів народних депутатів від конституційного складу Верховної Ради. У той же час заступник Голови Рахункової палати обирається на засіданні Рахункової палати шляхом відкритого голосування за поданням Голови Рахункової палати зі складу членів Рахункової палати. Заступник Голови Рахункової палати вважається обраним, якщо його кандидатуру підтримало не менше двох третин від її складу. Вважаємо, що задля незалежності Голови Рахункової палати він має обиратися самими членами Рахункової палати.

Законодавством деталізовано і процедуру звільнення з посад Голови та інших членів Рахункової палати. Звільняє з посад Голову та інших членів Рахункової палати Верховна Рада України у порядку, передбаченому статтею 208² Закону України «Про Регламент Верховної Ради України», та з урахуванням особливостей, визначених Законом України «Про Рахун-

кову палату». Статтею 20 Закону України «Про Рахункову палату» передбачено випадки звільнення з посад Голови та інших членів Рахункової палати. У Законі України «Про Регламент Верховної Ради України» (ст.208²) зазначається, що звільнення з посад членів Рахункової палати здійснюється відкритим голосуванням більшістю голосів народних депутатів від конституційного складу Верховної Ради за наявності рішення комітету, до предмета відання якого належать питання бюджету. Стосовно Голови Рахункової палати, у законодавстві зазначено, що його звільнення здійснюється відкритим голосуванням більшістю голосів народних депутатів від конституційного складу Верховної Ради, а про наявність рішення комітету, до предмета відання якого належать питання бюджету не йдеться. Отже законодавством чітко не передбачено, що для звільнення з посади Голови Рахункової палати необхідно рішення Комітету з питань бюджету Верховної Ради України. У той же час, оскільки Голова Рахункової палати є її членом, а у пункті 6 ст. 208²-Закону України «Про Регламент Верховної Ради України» зазначено, що «звільнення з посад членів Рахункової палати здійснюється ... за наявності рішення комітету, до предмета відання якого належать питання бюджету», то можна припустити, що означений комітет теж має приймати рішення і стосовно Голови Рахункової палати, який є членом Рахункової палати. Наявність у пункті 7 вказаної статті норми про те, що «... звільнення з посади Голови Рахункової палати здійснюється відкритим голосуванням більшістю голосів народних депутатів від конституційного складу Верховної Ради», свідчить, що процедура проходження комітету до нього може не застосовуватися. Задля однозначного тлумачення норм Закону України «Про Регламент Верховної Ради України» до пункту 7 статті 208² слід внести відповідні доповнення. Аналізуючи текст нового Закону України «Про Рахункову палату», слід визнати прогресивність його норм, особливо щодо існування та забезпечення принципу незалежності у діяльності цієї інституції. У той же час, враховуючи викладене вище, важко погодитися з положенням пункту 3 статті 3 вказаного Закону про те, що «незалежність Ра-

хункової палати забезпечується: 1) встановленням Конституцією України і цим Законом порядком призначення на посади та звільнення з посад членів Рахункової палати».

Відповідно до законодавства членом Рахункової палати може бути громадянин України, не молодший тридцяти років, який володіє державною мовою та однією з офіційних мов Ради Європи, має вищу освіту не нижче ступеня магістра, загальний стаж роботи не менше семи років, стаж роботи у сфері державного контролю (аудиту), економіки, фінансів або права не менше п'яти років та бездоганну ділову репутацію. Вважаємо, що вказівка на те, що член Рахункової палати повинен володіти однією з офіційних мов Ради Європи є обмеженням доступу до посади, отже, порушує надане громадянам Конституцією України право на працю. Оскільки Рахункова палата є державним органом, який провадить заходи державного зовнішнього фінансового контролю (аудиту), а не формує чи реалізує державну політику у сфері зовнішніх зносин, то таку норму слід виключити з пункту 1 ст.19 Закону України «Про Рахункову палату».

Законодавством визначено, які особи не можуть претендувати на посаду члена Рахункової палати. Так, не може бути призначена на посаду члена Рахункової палати особа: 1) яка досягла шістдесятип'ятирічного віку; 2) яка за рішенням суду визнана недієздатною або дієздатність якої обмежена; 3) яка за станом здоров'я не може виконувати повноваження члена Рахункової палати; 4) яка має не зняту чи не погашену в установленому законом порядку судимість; 5) на яку протягом останнього року було накладено адміністративне стягнення за вчинення корупційного правопорушення; 6) яка має громадянство чи підданство іншої держави; 7) яка не пройшла перевірку, передбачену законами України «Про очищення влади» та «Про запобігання корупції»; 8) яка не подала декларацію, передбачену Законом України «Про запобігання корупції», за рік, що передуює року призначення на відповідну посаду (п. 2 ст.19 Закону України «Про Рахункову палату»). На наш погляд, оскільки члени Рахункової палати здійснюють діяльність, пов'язану з

контролем публічних фінансів, отже, ними не можуть бути особи, які були засуджені за вчинення злочинів у фінансовій сфері, незалежно від зняття чи погашення судимості. Дане положення слід закріпити в Законі України «Про Рахункову палату».

Закон встановлює вимоги, які направлені на те, щоб не допустити впливу особистих інтересів членів Рахункової палати на її діяльність. Так, перебування на посаді члена Рахункової палати несумісне з обійманням посади у будь-якому органі державної влади, іншому державному органі, органі місцевого самоврядування, з представницьким мандатом, зайняттям іншою оплачуваною або підприємницькою діяльністю (крім викладацької, наукової та творчої діяльності), входженням до складу керівного органу чи наглядової ради підприємства або організації, що має на меті одержання прибутку. Крім цього, на члена Рахункової палати поширюються обмеження щодо сумісництва та суміщення з іншими видами діяльності, передбачені Законом України «Про запобігання корупції».

Цікавим є те, що за законодавством Російської Федерації Голова Рахункової палати не може перебувати у родинних зв'язках з Президентом Російської Федерації, Головою Ради Федерації і Головою Державної Думи, Головою Уряду Російської Федерації, керівником Адміністрації Президента Російської Федерації, Генеральним прокурором Російської Федерації, Головою Конституційного Суду Російської Федерації, Головою Верховного Суду Російської Федерації, Головою Слідчого комітету Російської Федерації. Аналогічне правило стосується і заступника Голови Рахункової палати та її аудиторів. Крім цього, заступник Голови Рахункової палати РФ не може перебувати у родинних зв'язках ще й з її Головою, а аудитори - Головою Рахункової палати, заступником Голови Рахункової палати.

Доцільно було б і до законодавства України внести аналогічне обмеження, тобто вказати, що Голова Рахункової палати і його заступник, інші члени Рахункової палати не можуть знаходитись у родинних зв'язках з Президентом України, Головою Верховної Ради України, Прем'єр-міністром України, Генеральним про-

курором України, Головою Конституційного Суду України, Головою Верховного Суду України, Директором Національного антикорупційного бюро України – це в максимальній мірі не допустить впливу будь-яких інтересів на діяльність посадових осіб Рахункової палати і прийняття ними рішень за підсумками контрольних заходів.

Враховуючи особливості діяльності членів Рахункової палати у Законі України «Про Рахункову палату» (1996 р.) [6], що втратив чинність, наявна стаття 37 «Гарантії правового статусу посадових осіб Рахункової палати», в якій визначалися: особливості притягнення до кримінальної відповідальності Голови Рахункової палати, Першого заступника і заступника Голови, головних контролерів та Секретаря Рахункової палати, повідомлення вказаним особам про підозру; відповідальність за будь-який вплив на посадових осіб Рахункової палати, а також осіб, які виконують її доручення, з метою перешкодити виконанню ними службових обов'язків або добитися прийняття рішення, що суперечить чинному законодавству України, насильницькі дії, образу, а також розповсюдження неправдивої інформації щодо них. Новий Закон України «Про Рахункову палату» (2015 р.) не містить означеної статті, лише у п.2 ст.18 зазначено, що «гарантії діяльності посадових осіб апарату Рахункової палати визначаються Законом України «Про державну службу» [3], а останній у статті 11 «Захист права на державну службу» окреслює саме особливості оскарження фактів порушення прав державного службовця або перешкод у їх реалізації та вказує на те, що у разі виявлення порушень прав державного службовця або створення перешкод у їх реалізації винні у порушенні посадові особи повинні бути притягнуті до відповідальності, встановленої законом.

Законодавством передбачені певні гарантії діяльності Рахункової палати, зокрема кримінальна відповідальність (ст. 351¹ Кримінального кодексу України) за невиконання службовою особою законних вимог Рахункової палати, члена Рахункової палати, створення штучних перешкод у їх роботі, надання їм завідомо неправдивої інформації; та адміністративна відповідальність (ст. 188¹⁹ Кодексу України

про адміністративні правопорушення) за невиконання законних вимог Рахункової палати, члена Рахункової палати, створення перешкод у їх роботі під час здійснення ними своїх повноважень, надання неправдивої або неповної інформації або ненадання інформації у строк, встановлений законом.

Кримінальним кодексом України (ст. 112) встановлено, що кримінальна відповідальність у вигляді позбавлення волі на строк від десяти до п'ятнадцяти років або довічне позбавлення волі з конфіскацією майна або без такої, настає у випадку посягання на життя Голови або іншого члена Рахункової палати у зв'язку з його державною чи громадською діяльністю. До речі, кримінальна відповідальність має місце і у випадку погрози вбивством, заподіянням шкоди здоров'ю, знищенням або пошкодженням майна, а також викраденням або позбавленням волі щодо Голови або іншого члена Рахункової палати, а також щодо їх близьких родичів, що вчинено у зв'язку з їх державною чи громадською діяльністю (ст.346 Кримінального кодексу України). Також у Кримінальному кодексі України передбачено відповідальність у вигляді позбавлення волі за незаконний вплив у будь-якій формі на Голову Рахункової палати або іншого члена Рахункової палати з метою перешкодити виконанню ними службових обов'язків або добитися прийняття незаконних рішень (ст.344).

Рахункова палата є спеціальним органом фінансового контролю, отже, Закон, що визначає її правовий статус, повинен містити норму щодо інших гарантій діяльності її членів, оскільки вони виконують важливу державну функцію – контроль у сфері публічних фінансів, від якісного виконання якої залежить попередження вчинення порушень у фінансовій сфері, їх усунення та застосування заходів впливу до винних осіб, а це означає, що її працівники повинні бути незалежними для об'єктивної діяльності. У п. 3 ст.3 Закону України «Про Рахункову палату» зазначається, що «Незалежність Рахункової палати забезпечується визначеними цим Законом та іншими

законами України гарантіями діяльності Рахункової палати», але як впливає із викладеного вище таких гарантій Закон не містить. Тому доцільно доповнити Закон України «Про Рахункову палату» окремою статтею наступного змісту: «Члени Рахункової палати не можуть бути затримані, арештовані, притягнуті до кримінальної відповідальності без згоди Верховної Ради України. Кримінальна справа щодо членів Рахункової палати може бути порушена лише Генеральним прокурором України, директором Національного антикорупційного бюро України».

Література

1. Висновок Комітету Верховної ради України з питань бюджету «Про результати проведених заходів конкурсу для призначення нового складу Рахункової палати» – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://rada.gov.ua/uploads/documents/37033.pdf>
2. Мексиканська декларація незалежності – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.ac-rada.gov.ua/control/main/uk/publish/article/1013545?cat_id=32836
3. Про державну службу: Закон України від 10.12.2015 – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/889-19>
4. Про комітети Верховної Ради України: Закон України від 04.04.1995 з наступними змінами та доповненнями – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/116/95-%D0%B2%D1%80>
5. Про Рахункову палату : Закон України від 02.07.2015 р. № 576 - VIII // Урядовий кур'єр від 12.08.2015 – № 146.
6. Про Рахункову палату : Закон України від 11.07.1996 № 315/96-ВР // ВВР. – 1996. – № 43. – ст. 212.– [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z960315.html
7. Про Регламент Верховної Ради України: Закон України від 30.01.2016 – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1861-17>.

СПИСКИ (ПЕРЕЛІКИ, РЕЄСТРИ) НЕМАТЕРІАЛЬНОЇ КУЛЬТУРНОЇ СПАДЩИНИ

Кудерська Надія Іванівна - доктор юридичних наук, доцент, професор кафедри мистецтвознавчої експертизи Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв (Київ, Україна)

Кудерська Ірина Олександрівна - магістр права (Київ, Україна)

УДК 341.24 (477)

Исследована нормативно-правовая основа создания и ведения списков (перечней, реестров) нематериального культурного наследия; охарактеризованы национальные списки (перечни, реестры) нематериального культурного наследия; раскрыты основные критерии нематериального культурного наследия для внесения в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране ЮНЕСКО, национальных списков (перечней, реестров) нематериального культурного наследия.

Ключевые слова. Нематериальное культурное наследие, списки (перечни, реестры), критерии.

Se studiază temeiul de reglementare normativă a creării și menținerii listelor (registre) ale patrimoniului cultural imaterial; sunt caracterizate listele naționale (registre) ale patrimoniului cultural imaterial; sunt dezvăluite principalele criterii ale patrimoniului cultural imaterial pentru înscrierea în Lista reprezentativă a patrimoniului cultural imaterial al umanității de către UNESCO, Lista patrimoniului cultural imaterial care necesită protecția urgentă UNESCO, liste naționale (registre) ale patrimoniului cultural imaterial.

Cuvinte cheie: Patrimoniul cultural imaterial, liste (registre), criterii.

Studied the legal basis for creating and maintaining lists (lists, registers) intangible cultural heritage; characterized national lists (lists, registers) intangible cultural heritage; The basic criteria for intangible cultural heritage for inclusion in the Representative List of the Intangible Cultural Heritage UNESCO List of Intangible Cultural Heritage in need of urgent protection of UNESCO, national lists (registers) intangible cultural heritage.

Keywords. Intangible cultural heritage lists (registers), criteria.

Вступ. Нематеріальна культурна спадщина (далі – НКС) народів України є частиною спільної спадщини людства в різних областях діяльності, потужним засобом зближення народів України, етнічних груп і затвердження їх культурної самобутності. Безмежне її соціальне, економічне, культурне та політичне значення. Головною метою держави є збереження глибинних, базових основ багатонаціональної культури України, національних мов й літератури, значущих

традицій, пам'яток фольклору, захист культурної самобутності кожного народу України, створення умов для популяризації НКС народів країни для збереження її єдиного культурного простору.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання проблеми і на які спирається автор, виділення не вирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується стаття. Правові аспекти щодо списків (переліків, реєстрів) нематері-

альної культурної спадщини України не досліджувалися.

Ціль статті (постановка завдання). Дослідити нормативно-правову основу створення та ведення списків (переліків, реєстрів) нематеріальної культурної спадщини; охарактеризувати національні списки (переліки, реєстри) НКС; розкрити основні критерії нематеріальної культурної спадщини для внесення до Репрезентативного списку НКС людства ЮНЕСКО, Списку НКС, що потребує термінової охорони ЮНЕСКО, національних списків (переліків, реєстрів) НКС.

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Списки, переліки, реєстри, як відомо, надають цінність тому, що в них перераховується. Це співвідноситься з принципом, за яким неможливо захищати те, що не цінується. У травні 2001 року було оголошено в ЮНЕСКО перші 19 «шедеврів усної та нематеріальної спадщини людства», потім 28 – у листопаді 2003 року, 43 – у 2005 році. Так, шедеврами усної та нематеріальної спадщини людства стало 90 форм культурного самовиразу із 70 країн світу.

Сам вислів «шедеври усної та нематеріальної спадщини людства» передбачив й підкреслив існування НКС ще до появи її визначень ЮНЕСКО, складання відповідних списків та вжиття заходів охорони. Одним з критеріїв включення того чи іншого феномена у список шедеврів НКС ЮНЕСКО була його життєздатність: якщо він насправді життєвий, немає необхідності його охороняти; якщо він майже мертвий, ніяка охорона вже не допоможе.

Світова спадщина як феномен виступає сукупністю спадкових шедеврів людства, об'єднаних списком. Списки світової спадщини народжуються з дій, які перетворюють обрані аспекти локальної спадщини, що передається у спадок, у транслокальну спадщину, що передається за домовленістю, – спадщину людства.¹ Все, що включається до списку

(незалежно від свого попереднього контексту), поміщується у певному зв'язку з іншими шедеврами. Тобто список стає контекстом для всього, що він об'єднує [1]. Кожна держава зацікавлена не лише у збереженні об'єктів НКС, що формують її самобутність, а й у поширенні інформації про них серед світового співтовариства, дбаючи про свою складову у відповідному такому списку.

Конвенцією ЮНЕСКО про охорону нематеріальної культурної спадщини (2003 р.) (далі – КпОНКС) [ст.16,17, 2] передбачено створення 2-х списків:

1) *Репрезентативного списку нематеріальної культурної спадщини людства* (далі – Репрезентативний список) (аналог Списку світової культурної спадщини), який забезпечує наочність і популярність НКС всьому світу. Приміром, включення до нього південноамериканського танго (від Аргентини і Уругваю) сприяло проведенню у низці країн фестивалів танго;

2) *Списку нематеріальної культурної спадщини, що потребує термінової охорони* (далі – Список), який встановлює пріоритетність прийняття заходів щодо збереження нематеріальної спадщини. Кошти на їх збереження складаються із внесків країн-учасниць і пожертвувань із зовнішніх джерел;

а також Реєстр передового досвіду, який містить програми, проекти і заходи, що якнайкраще відображають принципи та цілі КпОНКС.

Для забезпечення більшої наочності НКС, сприяння поглибленню усвідомлення її значення та заохочення діалогу на основі поваги до культурного різноманіття Міжурядовий комітет з охорони НКС ЮНЕСКО² (далі – Комітет) за пропозицією відповідних держав-учасниць складає, оновлює та публікує Репрезентативний список. Комітет розробляє та подає на затвердження Генеральній асамблеї держав-учасниць критерії складання, оновлення та публікації Репрезентативного списку [ст.16, 2]. Так, об'єкти НКС – кандидати до Репрезентативно-

¹ О разделении передающегося по наследству и передающегося по договоренности см.: Sollors W. Beyond Ethnicity: Consent and Descent in American Culture. New York, 1988.

² Міжурядовий комітет з охорони НКС складається з представників 24 держав – учасниць КпОНКС. Його члени обираються терміном на 4 роки. Половина його складу переобирається кожні два роки.

го списку повинні відповідати *низці критеріїв*, зокрема їх внесок у краще знання про нематеріальну культурну спадщину і в підвищення розуміння його важливості. А кандидати на внесення до Списку повинні також виправдовувати захисні заходи, що приймаються для забезпечення їх життєздатності. До кожного списку окремий пакет критеріїв було ухвалено на першій позачерговій сесії Комітету у м. Ченду (Китай) у травні 2007 року. Ці два пакета дуже схожі, а саме:

- 1-й критерій є загальним для обох списків – об'єкт, номінований на включення, повинен задовольняти визначенню НКС, закріпленому КпОНКС;
- 3-й критерій вимагає розробки заходів з охорони об'єкта НКС;
- 4-й критерій стосується участі та згоди спільнот, груп, а в деяких випадках окремих осіб;
- за 5-м критерієм номінований об'єкт повинен входити у внутрішньодержавний перелік³, що покладає на державу-учасницю обов'язок дотримання зобов'язань щодо нього.

При цьому 2-й критерій Репрезентативного списку передбачає, що об'єкти, запропоновані для включення, повинні задовольняти цілям Репрезентативного списку. А 2-й і 6-й критерії Списку стосується випадків, коли необхідним є термінове втручання, і процедури консультацій із зацікавленими державами-учасниками в термінових випадках.

Для вжиття відповідних заходів з охорони Комітет складає, оновлює і публікує Список та включає спадщину, що потребує термінової охорони, до цього Списку на прохання відповідної держави-учасниці. Комітет розробляє та подає на затвердження Генеральної асамблеї критерії складання, оновлення та публікації зазначеного Списку. У випадках надзвичайної терміновості Комітет може, проконсультувавшись із заінтересованою державною-учасницею, внести об'єкт відповідної спадщини до Списку [ст.16, 2].

Складання ЮНЕСКО Репрезентативного списку і Списку було розпочато у вересні 2008

³ Правом номінування користуються тільки ті країни, які ратифікували Конвенцію про збереження нематеріальної культурної спадщини (2003).

року. Ці списки НКС створені «для забезпечення ідентифікації з метою охорони ...» [2]. А оскільки охорона має на увазі «заходи, що забезпечують життєздатність», до них повинні включатися «живі» об'єкти НКС з обов'язковою інформацією про їх життєздатність.

Внесені до них об'єкти різноманітні: є *колективні об'єкти НКС*, подані від кількох країн, приміром, танго (Аргентина, Уругвай, 2009 р.), соколина охота (Бельгія, Саудівська Аравія, ОАЕ, Іспанія, Франція, Монголія, Марокко, Катар, Словаччина, Сирія, Чехія, Південна Корея, 2010 р.), свято Навруз (Азербайджан, Індія, Іран, Киргизія, Пакістан, Таджикистан, Туреччина, Узбекистан, 2009 р.) й *індивідуальні об'єкти НКС*, як то киргизький епос манас (Киргизія, 2013 р.), турецький фестиваль вимазаних у масло борців «Кирпкинар» (Туреччина, 2010 р.), петриківський розпис (Україна, 2013 р.).

Для ведення названих списків використовується така класифікація об'єктів:

- усна народна творчість (казки, епічні пісні, епічні сказання, билини, фольклорна проза, ін.);
- виконавські мистецтва (пісенне мистецтво, танцювальне мистецтво, музично-інструментальне мистецтво, театральне мистецтво (народний театр, народний цирк і т. п.), сказительства, ін.);
- святково-обрядова культура (свята, обряди, ритуали, ін.);
- техніки і технології (пов'язані з традиційними ремеслами, народними музичними інструментами, традиційним народним костюмом, традиційної господарської та побутовою культурою, ін.).

Правом номінування до цих списків користуються країни, які ратифікували КпОНКС. Проект подання номінації до них було розроблено на основі Номінаційного досьє щодо включення об'єктів НКС будь-якої країни до Списків ЮНЕСКО (Список класифікаторів та довідкових файлів ООН див. у Додатках). Це досьє розглядають експерти Міжурядового комітету з охорони НКС ЮНЕСКО, які, приїжджаючи у країну, вивчають даний об'єкт НКС на місці, а потім надають експертний висновок про нього. Такий висновок є підставою для виз-

начення, чи буде об'єкт включено до списку, чи досьє необхідно допрацьовувати. Країна має право відкликати досьє, якщо є суттєві зауваження. Експертний висновок розглядається на черговій сесії ЮНЕСКО, де й приймаються відповідні рішення щодо номінантів.

У 2008 році перша в історії номінація України до *Списку світових шедеврів усної та нематеріальної спадщини людства ЮНЕСКО* «Національний Сорочинський ярмарок» була відхилена саме через те, що її носієм було вказано ТОВ «Сорочинський ярмарок». Адаже носієм об'єктів НКС може бути людина чи група людей, які зберігають його природним чином, передаючи з покоління в покоління, у природному середовищі, а не підприємство. Українською стороною доопрацьовуються зауваження за результатами розгляду українського досьє. У 2012 році «Косівська кераміка як традиційне ремесло Карпатського регіону XVI-XXI ст.» і «Петриківський розпис – українське декоративно-орнаментальне малярство XIX-XXI ст.» було номіновано до Репрезентативності списку, які у 2013 році було включено. У 2013 році було заявлено про номінування до Репрезентативного списку українських народних казок, проте це стало неможливим через їх ротирування в українській масовій культурі всього на 2-3% [3]. У січні 2016 року розпочато процедуру внесення унікальної буковинської Маланки до Репрезентативного списку, готуються відповідні презентаційні документи для подання до Міністерства культури України [4].

Методичні рекомендації щодо підготовки та оформлення документів про включення об'єктів НКС України до списків ЮНЕСКО так і не розроблені, хоча відомий проект Методичних рекомендацій зі збору й обробки елементів НКС, розроблений комісією зі збору, обробки та складання переліку елементів НКС Харківської області [5]. Цим проектом обумовлено, зокрема, особливості медіа-презентації, орієнтовний план статті тощо.

НКС властиві постійні розвиток і зміни, а тому нерідко її об'єкти опиняються під загрозою зникнення. Тому першочергове значення має виявлення, опис і систематизація всіх форм НКС. ЮНЕСКО ставить собі завданням допомагати країнам-учасникам у збереженні

та популяризації їхньої спадщини, однак державам необхідно самим брати участь у визначенні культурної спадщини та етнічних особливостей окремих націй. Для забезпечення ідентифікації з метою охорони НКС кожна держава-учасниця КпОНКС з урахуванням своєї ситуації складає один чи більш ніж один перелік НКС, наявної на її території [ст.12, 2]. Оскільки у КпОНКС не обумовлені принципи класифікації, що підкреслює гнучкість даної норми, держави-учасниці можуть формувати їх структуру на власний розсуд. Національні переліки, реєстри, списки різняться за змістом і підходами. Деякі країни створюють їх за адміністративним розподілом, за знаходженням спільнот або за проявами. Окрім того, такі переліки, реєстри, списки повинні оновлюватися регулярно. Кожна держава-учасниця, подаючи періодично свій звіт Комітетові, повідомляє відповідну інформацію про них [ст.12, 2]. Створення та ведення таких вимагає скоординованих зусиль носіїв (передавачів) НКС, фахівців у сфері НКС, використання накопиченого національного й зарубіжного досвіду.

Держава зобов'язана забезпечувати доступ до об'єктів НКС і можливість їх використання, що має бути законодавчо обумовлено. Реалізація такого у багатьох країнах здійснюється й шляхом формування електронного каталогу, що утворюється як інформаційна система/база даних з урахуванням розробленої анкети – паспорта об'єкта НКС, на основі якої здійснюється формування і поповнення регіональних банків даних в окремих регіонах/суб'єктах країни (приміром, у РФ⁴).

У грудні 2012 року було створено Міністерством культури України Національний перелік об'єктів нематеріальної культурної спадщини та затверджено зразок відповідної облікової картки [6]. Включення об'єктів НКС до цього переліку здійснюється на підставі рішення Експертної ради Міністерства культури України, до складу якої входять відомі фольклористи та етнографи. Першими до нього увійшли:

⁴ Електронний каталог РФ є інформаційною системою, що включає в себе базу даних про об'єкти НКС (анотація, опис, дослідження, документування, реферат, примітки, цифрове відображення графіки, фото, відео та звуку).

1) **Козацькі звичаї, традиції, ігри, танці, трюки та вправи:** майстерне володіння батоном, шаблею, списом, луком та стрілами, прийоми вольтижування (акробатичні вправи верхи на коні, що рухається), які застосовували українські козаки-воїни у XV-XVIII ст. (географічний ареал історичного та сучасного побутування – м. Запоріжжя, о. Хортиця; носій – кінний театр «Запорозькі козаки»);

2) **Опішнянська кераміка – техніка виготовлення розпису** (ареал – Полтавська обл., Зіньківський район, смт. Опішне; носій – ПП «Гончарний круг»);

3) **Косівська кераміка як традиційне ремесло Карпатського регіону XVI-XXI ст.** (ареал – Івано-Франківська обл., Косівський район, м. Косів; носій – Косівський інститут декоративно-прикладного мистецтва Львівської національної академії мистецтв);

4) **Кролевецькі ткані рушники – використання традиційної техніки перебору з ремізно-човниковим ткацтвом, поєднання червоно-білих кольорів, орнаментика** (ареал – Сумська обл., Кролевецький район, м. Кролевець; носій – КП «Кролевецьке художнє ткацтво»);

5) **Петриківський розпис – українське декоративно-орнаментальне малярство XIX-XXI ст.** (ареал – Дніпропетровська обл., Петриківський р-н, смт. Петриківка; носій – Петриківське КП «Центр народних ремесел Петриківщини»);

6) **Писанкарство** (ареал побутування – вся територія України, а також місця компактного проживання українців за межами України; носій – музей «Писанка» у м. Коломия Івано-Франківської обл.) [6].

У січні 2015 року було включено **Козацькі пісні Дніпропетровщини** (ареал – Дніпропетровська область; носії не становлять якоїсь однієї громади: в одних місцях вони об'єднані у фольклорні аматорські колективи (наприклад, у м. Жовті Води ансамбль «Знахідка», у м. Підгородне Дніпропетровського р-ну ансамбль «Криниця», у с. Богуслав Павлоградського р-ну ансамбль «Богуславочка», а в інших – окремі особи, які не беруть участі у художніх колективах, або неформальні гурти, які збираються при нагоді у вихідний, свято, просто поспівати коло хати (приміром у с. Капулівка Нікополь-

ського р-ну). Також мала додатися: **Культура хліба (Хлібна культура і традиції)**, бо хліб не лише матеріальна річ, це – святиня, предмет обожнювання, оберіг, жертвна справа або й саме божество чи втілення божественної сили.

Перелік створено з метою декларування наявних в Україні зафіксованих об'єктів НКС, оптимізації можливостей їх пошуку, відбору, систематизації, навігації тощо. Тобто даний **Перелік є інформаційною системою, що включає в себе банк даних об'єктів НКС народів України** (ідентифікація, документування, дослідження), єдність і порівнянність яких забезпечуються за рахунок загальних принципів формування, методів і форми ведення каталогу. Нині цей перелік має поповнитися трьома номінаціями: «Решетилівська вишивка «білим по білому» і виготовлення коврів – скарби Полтавщини», «Традиційний кримськотатарський орнамент» і «Караїмська кухня: синтетичне мистецтво довжиною у століття», ін. У 2015 році було підготовлено проект Порядку створення та оновлення переліків елементів нематеріальної культурної спадщини України, включаючи електронну версію переліку [7].

Для забезпечення виявлення й інвентаризації НКС з метою подальшого здійснення їх охорони Міністерством культури України у законопроекті «Про охорону НКС» (2015 р.) [ст.16, 8] було запропоновано такі **основні вимоги до переліків НКС:**

1) на державному рівні створюються та ведуться державні переліки НКС України;

2) на місцевому та регіональному рівнях створюються та ведуться переліки НКС, наявної на відповідній території України;

3) переліки НКС мають переглядатися кожні шість років;

4) переліки НКС можуть бути чотирьох категорій;

5) переліки НКС можуть створюватись як державними органами і закладами культури, так і недержавними організаціями культури. Керівники організацій, що беруть участь у їх створенні, забезпечують достовірність, збереження і право доступу до інформації про об'єкти НКС, включені до відповідних переліків;

6) порядок створення та ведення переліків НКС визначається рішенням ЦОВВ у сфері КС;

7) кожен перелік НКС має бути опублікований та відкритий для постійного ознайомлення з ним громадськості.

Критеріями відбору об'єктів НКС для включення до переліків є:

- історична і культурна значущість для населення, що проживає в Україні чи на її окремих територіях;
- унікальність (єдиний у своєму прояві, який має високу художню цінність);
- поширеність (користується високою потребою в частині свого функціонального призначення у населення, що проживає в Україні чи на її окремих територіях, визнаний спільнотами, групами і, в деяких випадках, окремими особами як частина їхньої культурної спадщини, постійно відтворюваний спільнотами і групами залежно від їх навколишнього середовища, їх взаємодії з природою і їх історії);
- самобутність і спадкоємність (передача від покоління до покоління), що сприяють поазі культурного різноманіття й творчості;
- інш.

Перелік об'єктів НКС України повинен вестися ЦОВВ у сфері КС у відповідності до чинного законодавства України, має періодично оновлюватися й оприлюднюватися. Порядок його формування, ведення, внесення до нього змін, його використання, інш. повинно визначатися Положенням про Перелік об'єктів НКС України, ухваленим цим центральним органом.

Приналежність об'єкта НКС до всесвітньої спадщини впливає як на популяризацію його, так і країни в цілому. Але для потрапляння об'єкта НКС до списків ЮНЕСКО потрібно знайти незаперечні аргументи на його захист. Саме тому бажано матеріали для включення об'єктів НКС до Переліку об'єктів НКС України готувати за тими ж вимогами, які встановлені для включення до Репрезентативного списку НКС людства ЮНЕСКО або Списку нематеріальної культурної спадщини, що потребує термінової охорони ЮНЕСКО, в електронній та мануальній формі українською й однією з мов міжнародного спілкування.

На місцевому чи регіональному рівнях також створюються та ведуться переліки НКС, наявної на відповідній території України. Наприклад, першим об'єктом НКС краю, що потрапив до Переліку об'єктів (елементів) НКС Харківської області, стало «**В'язання віників на Слобожанщині**». Базою для його дослідження й опису став відомий осередок цього ремесла – село Лиман Зміївського району, де понад століття в'язання віників є невід'ємною частиною життя місцевих мешканців, одним з наріжних каменів їхньої локальної ідентичності та своєрідним культурним символом громади [8].

Виключення об'єкта НКС із державних переліків об'єктів НКС має здійснюватися ЦОВВ у сфері КС на підставі відповідного висновку експертизи про втрату об'єктом НКС своєї цінності (автентичності), а з місцевих чи регіональних переліків – органами, що їх створили у відповідності до положення про списки (переліки) НКС, затвердженого ЦОВВ у сфері КС.

Культура, її цінності можуть як з'єднувати, так і роз'єднувати покоління, якщо в їх основі немає єдиної духовної складової. Тому основною метою в області культури є забезпечення збереження в єдиному культурному просторі різноманіття всієї накопиченої попередніми поколіннями системи цінностей, втілених у об'єктах НКС, що дозволяє зберігати національну самобутність усіх народів, що проживають в Україні.

Висновки: 1. Констатовано, що Перелік об'єктів НКС України:

а) повинен вестися центральним органом виконавчої влади у сфері культурної спадщини у відповідності до чинного законодавства України;

б) має періодично оновлюватися й оприлюднюватися;

в) порядок його формування, ведення, внесення до нього змін, його використання, інш. повинно визначатися Положенням про Перелік об'єктів НКС України, ухваленим центральним органом виконавчої влади у сфері культурної спадщини.

2. Зазначено, що матеріали для включення об'єктів НКС до Переліку об'єктів НКС України готувати за тими ж вимогами, які встановлені для включення до Репрезентативного

списку НКС людства ЮНЕСКО або Списку нематеріальної культурної спадщини, що потребує термінової охорони ЮНЕСКО, в електронній та мануальній формі українською й однією з мов міжнародного спілкування.

3. Запропоновано: виключення об'єкта НКС із державних переліків об'єктів НКС має здійснюватися центральним органом виконавчої влади у сфері культурної спадщини на підставі відповідного висновку експертизи про втрату об'єктом НКС своєї цінності (автентичності), а з місцевих чи регіональних переліків – органами, що їх створили у відповідності до положення про списки (переліки) НКС, затвердженого центральним органом виконавчої влади у сфері культурної спадщини.

Література

1. Schuster M. J. Making a List and Checking it Twice: The List as a Tool of Historic Preservation / M. J. Schuster // CPC [Cultural Policy Centre at the University of Chicago] Working Paper. – 2002. – Vol. 14.

2. Конвенція ЮНЕСКО про охорону нематеріальної культурної спадщини. Конвенція, Міжнародний документ: від 17.10.2003 р. [Електронний ресурс] // Режим доступу: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_d69.

3. Украинские сказки не попадут в список ЮНЕСКО. Comments.UA. [Електронний ресурс].- Режим доступу: <http://comments.ua/life/405875-ukrainskie-skazki-popadut-spisok.html>.

4. Буковинська Маланка має всі шанси потрапити до нематеріальної культурної спадщини ЮНЕСКО. Шеф-Редактор, Chernivtsi, Новини – 16.01.2014. [Електронний ресурс].- Режим доступу: <http://times.cv.ua/2014/01/16/bukovynska-malanka-maje-vsi-shansy-potrapyty-nematerialnoji-kulturnoji-spadschyny-yunesko-foto>.

5. Проект Методичних рекомендацій зі збору й обробки елементів НКС, розроблений комісією зі збору, обробки та складання переліку елементів НКС Харківської області. [Електронний ресурс].- Режим доступу: <http://www.cultura.kh.ua/uk/activities/projects/intangible-cultural-heritage/documents/4427-metodichni-rekomendatsiyi-zi-zboru-j-obrobki-elementiv-nematerialnoyi-kulturnoyi-spadschini>.

6. Наказ Міністерства культури України «Про затвердження примірною зразка форми облікової картки об'єкта (елемента) нематеріальної культурної спадщини України та визначення об'єктів нематеріальної культурної спадщини України» від 14.12.2012 №1521(зміни Наказ Мінкультури №951 від 07.11.2014 р. [Електронний ресурс].- Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1521-11>.

7. Звіт Міністерства культури України про стан виконання Плану заходів з імплементації Угоди про асоціацію у 1 кварталі 2015 року. [Електронний ресурс].- Режим доступу: <http://C:/Users/1/Desktop/ЗвітМінкульт2015.pdf>.

8. Законопроект «Про нематеріальну культурну спадщину». 07.04.2015. ПРЕС-СЛУЖБА МІНІСТЕРСТВА КУЛЬТУРИ УКРАЇНИ. [Електронний ресурс].- Режим доступу: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=248077113&cat_id=244277212.

9. В'язання віників на Слобожанщині. [Електронний ресурс].- Режим доступу: <http://www.cultura.kh.ua/uk/activities/projects/intangible-cultural-heritage/4429-vjazannja-vinikiv-na-slobozhanschini--persnij-obekt-nematerialnoyi-kulturi-kraju>.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРИКЛАДНАЯ МОДЕЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТОЛОГИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕЁ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Заярный Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

УДК 342.9.07; 351.74

В статье на основе научных и правоприменительных позиций проведено исследование системы административной деликтологии в информационной сфере, выделенные ее структурные компоненты, охарактеризована основная группа факторов, влияющих на структуру этой юридической науки, проанализирован концептуальный взгляд относительно необходимости объединения всех деликтологических направлений научных исследований, проводимых в информационной сфере в единую комплексную юридическую науку информационную деликтологию.

Ключевые слова: «административная деликтология», «административное информационное правонарушение», «информационная сфера», «информационная деликтология», «система административной деликтологии в информационной сфере».

În acest articol pe baza pozițiilor de aplicare științifică și de drept, este studiat sistemul delictologiei administrative în domeniul informațiilor, sunt marcate componentele sale structurale, este caracterizat grupul principal de factori care afectează structura acestei științe juridice, este analizat punctul de vedere conceptual cu privire la necesitatea de a uni toate domeniile ale cercetării științifice desfășurate în domeniul informațional într-o singură știință cuprinzătoare numită delictologia informațională.

Cuvinte cheie: «delictologia administrativă», «infrațiuni administrativ-informaționale», «sfera informațională», «delictologia informațională», «sistem de delictologie administrativă în sfera informațională.»

The article examines a system of administrative delictology in the information sphere on scientific, enforcement and doctrinal positions, describes basic elements of this science and outlines prospects of its improvement taking into account development trends of information society and current trends of euro integration processes. Basing on a study of scientific works of domestic and foreign scientists, the author substantiates the necessity to distinguish an independent direction of delictological research as a special part of administrative delictology science which is devoted to the problems of preventing the commission of administrative and information offences and protection of information rights of an individual. The author also proves that the special nature of administrative delictology science in the information sphere is defined by its particular subject, goals and objectives as well as the use of special tools to prevent the commission of administrative and information offences. At the same time the author believes that it is premature to treat administrative delictology that exists in the information sphere as an independent science - information delictology. However, taken into account a current state of law and order in Ukraine, the USA, and the EU in future it is reasonable to treat information delictology as an independent science, the system of which will include the problems of preventing information crimes, administrative and information offences and civil and information delicts.

Key words: administrative delictology, administrative and information offence, information sphere, information delictology, a system of administrative delictology in information sphere.

Постановка проблемы. В условиях постоянного роста количества совершаемых административных информационных правонарушений, массового проявления латентной административной деликтности и существования ярко выраженной тенденции перерастания этих антисоциальных явлений в угрозы для информационной безопасности государства, в обществе обострилась проблема формирования самостоятельной юридической науки, способной обеспечить разработку и практическую реализацию комплекса организационно-правовых мер, направленных на предотвращение возникновения информационно-правовых конфликтов с участием субъектов публичной администрации, устранения причин и условий их порождающих. Юридической наукой, принявшей на себя выполнение этих задач, стала административная деликтология.

Вместе с тем, особый характер предмета и объекта административных информационных правонарушений, преимущественно специальный субъектный режим их совершения, наряду со своеобразными причинами и условиями, способствующими совершению деликтов данного вида, определяют необходимость приведения доктринальных взглядов на проблемы противодействия соответствующим формам противоправного поведения в целостную, логически связанную систему научных знаний и деликтологических концепций. Своё научное признание и практическое развитие данная проблема нашла в пределах административной деликтологии в информационной сфере, под которой в целях настоящей статьи мы будем понимать систему скомпонованных по общему предмету и методами исследования знаний об административной информационной деликтности, причинах и условиях, способствующих возникновению этого антисоциального явления, его структуре, состоянии и динамике, о социально-правовой природе личности нарушителя, а также об организационно-правовых средствах предупреждения административных информационных правонарушений, государственных программах такой деятельности.

Целями настоящей статьи является исследование внутренней структуры административной деликтологии на примере информаци-

онной сферы, формирование на этой основе целостной системы данного деликтологического направления юридической науки, а так же решение вопроса относительно целесообразности выделения его в самостоятельную науку – информационную деликтологию.

Анализ последних исследований и публикаций. Обусловленная целями этой работы проблематика была предметом научных исследований многих ученых и практиков, в том числе: И. Л. Бачило, А. А. Леонидовой, В. А. Липкана, Ю. Е. Максименко, А. В. Палушкина, И. М. Сопилко, А. В. Стоицкого и других. Вместе с тем, проведенные указанными учеными исследования были в основном сосредоточены на решении отдельных групп деликтологических проблем, и поэтому не отражают целостной системы административной деликтологии в информационной сфере, что обуславливает нерешенность вопросов, охваченных целями этой статьи.

Изложение основного материала. Правовой основой для выкристаллизации административной деликтологии в одно из научных направлений и область практической деятельности в информационной сфере является предмет данной науки, под которым мы будем понимать совокупность административных информационных правонарушений, совершенных на конкретной территории за отдельный промежуток времени, которые образуют административную информационную деликтность, их структура, состояние, динамика развития, причины и условия, способствующие их совершению, а также социально-правовая характеристика нарушителя административно-правовых запретов, действующих в информационной сфере, государственные программы обеспечения информационного правопорядка и национальной информационной безопасности.

Как один из ключевых признаков любой науки, предмет административной деликтологии наряду с выполнением основополагающей методологической функции также напрямую отражается на системе этой науки через определения её внутренних составляющих элементов. Такая связь между категориями «предмет» и «система» административной деликтологии в рамках информационной сферы имеет и обратное проявление взаимодействия, когда по-

следняя из названных категорий обуславливает логическое построение самого предмета административной деликтологии, характер функционально-методологических и понятийных связей между её внутренними составляющими. В таком аспекте система административной деликтологии в информационной сфере выступает как внутренняя структура этой юридической науки, созданная на основе связи между её предметными составляющими: административно-деликтными нормами, административной деликтностью, причинами и условиями, способствующими возникновению этого антиобщественного явления, лицом нарушителя административно-правовых запретов, действующих в информационной сфере, средствами профилактики административных информационных правонарушений, а также государственными программами предупреждения административной деликтности в информационной среде, совокупность которых и образует предмет указанного научного направления.

Выступая категорией, означающей целостность, сформированность, завершенность становления конкретных объектов социального бытия, понятие «система» получило в философии многоаспектную интерпретацию.

Термин система происходит от древнегреческого «сообщения» и буквально означает целое, составленное из частей. Он используется в тех случаях, когда необходимо охарактеризовать или исследовать объект, который проектируется, как нечто целое, сложное, о котором невозможно сразу получить простое представление [1, с. 130].

Что представляет собой система? Каждый отдельно взятый исследователь или отдельная группа учёных на основе своих знаний и убеждений выбирает свою собственную или уже существующую в научных исследованиях дефиницию этого понятия.

В общенаучной литературе наиболее распространённым является определение Л. Фон Берталанти, по мнению которого: «Система – это комплекс взаимодействующих компонентов» [2, с. 20].

В такой интерпретации понятие «система» выступает как множество объектов реальной действительности, которые наделены общими родовыми признаками, способными обеспе-

чить их последовательное взаимодействие в рамках целостной, однопорядковой системы.

И. В. Блауберг, Э. Г. Садовский и Б. Г. Юдин предложили разделить все существующие определения «системы» на два вида: претендующее на универсальность онтологическую (когда основное внимание в определении уделяется выделению в самих объектах таких свойств, которые могут рассматриваться как идентифицирующие их признаки, на основе которых осуществляется объединение этих объектов в единую систему) или определение, которое претендует на универсальность гносеологическую (если оно предназначено не только для характеристики, но и управления системными объектами) [3, с. 40, 41].

В качестве определения первого порядка можно привести дефиницию «системы», сформулированную Р. С. Мельником. Под «системой» учёный понимает: «Целостный комплекс отграниченных, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом элементов, образующих особое единство со средой их функционирования и является одновременно элементом системы более высокого порядка» [4, с. 8].

При такой интерпретации категории «система», основной акцент при её определении смещается в направлении характеристики её внутренних элементов, их связей между собой и элементами системы высшего порядка, в связи с чем основой для формирования конкретной системы выступают уже свойства объектов, сгруппированных в отдельно взятую систему. Такое понимание «системы» отражает наличие у элементов включённых в её внутренней структуры общих (родовых или видовых) признаков, которые выступают функционально связывающим звеном в рамках самой системы, обуславливают закономерные связи между соответствующими элементами системы.

Согласно определению «система», предложенному в словаре 1913 года, это понятие представляет собой совокупность объектов, которые четко подчинены каким-то конкретным порядком, как правило, логическим, научным; единое целое объектов, связанных общим законом, принципом или целью; постоянное объединение принципов или элементов, которые составляют единое целое [5].

В словаре Д. Ушакова (первая половина XX века) категория «система» рассматривается как «строение, структура, составляющая единство закономерно расположенных функционирующих частей» [6].

Согласно толкованию категории «система», данном С. Ожоговым и Н. Шведовым (вторая половина XX века), система – это нечто целое, представляющее собой единство частей, закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи [7].

Использование приведенных определений категории «система» в научной сфере означает, что любая наука приобретает значение отдельной системы при условии наличия выделенных в самостоятельную группу по целевым и предметным признакам компонентов, связанных логическими закономерностями, содержательным наполнением и теоретико-прикладным назначением в пределах единой системы.

Первые попытки приведения научных знаний о фактах и явлениях, составляющих предмет административной деликтологии в единую, целостную, логически связанную систему были осуществлены профессором Е. В. Додиним. Он предложил в рамках системы науки административной деликтологии выделить общую и специальную части, каждая из которых объединяла в себе конкретные элементы, которые выполняют различное методологическое назначение [8, с. 17].

Развивая существующие взгляды на систему административной деликтологии, некоторые исследователи предложили более широкую концепцию этого понятия.

А. М. Дерюга предлагает в рамках системы административной деликтологии выделить общую и особенную части, а также профилактику административной деликтности. Общая часть, по мнению исследователя, охватывает собой научно образующие категории, к которым относятся: объект и предмет деликтологических исследований, соотношения между ними, методы системы и принципы административной деликтологии; соотношение административной деликтологии с другими науками. Таким образом, считает А. М. Дерюга, реализуется функциональный подход при проведении административно-деликтологических исследований.

Особенная часть охватывается теорией предотвращения административных правонарушений, знаниями об особенностях совершения отдельных видов административных деликтов, характеристику лиц, их совершающих. Соответственно, в рамках особенной части административной деликтологии реализуется отраслевой подход к изучению административной деликтности, в котором развиваются частные административно-деликтологические теории [9, с. 18].

Исходя из такого построения административной деликтологии, свое развитие, как самостоятельное направление в информационной сфере, она находит на уровне специальной части.

Несмотря на непризнанность на законодательном уровне информационной сферы общим или родовым объектом административно-правовой охраны, постоянно растущее количество деликтов, подвергающих негативному влиянию информационные права и законные интересы граждан, информационную инфраструктуру, информационную безопасность государства, привело к повышению внимания ученых к проблематике административных информационных правонарушений.

Анализ подготовленных в Украине и зарубежных странах научных трудов, в которых затрагивается проблематика административных информационных правонарушений, указывает на то, что в своем большинстве ученые-административисты фокусируют свое внимание на вопросах административной ответственности за отдельные виды правонарушений (нарушение законодательства о государственной тайне [10], нарушение законодательства о коммерческой тайне [11; в сфере телекоммуникаций [12], особенностях составов этих проступков, процедурах применения санкций за их совершение.

Вместе с тем, на основе анализа научных работ, предметом исследования которых выступает проблематика предотвращения различных видов административных правонарушений, приходится констатировать, что, несмотря на глубокую научную разработку понятия, признаков, классификаций, системы мер профилактики отдельных видов деликтов, совершаемых в информационной сфере, общего подхода

к определению административной деликтности в указанной сфере правового регулирования, ее причинно-следственного комплекса и комплексной программы профилактики так и не было выработано.

Такое положение современной научной разработки проблем административной деликтологии в информационной сфере негативно отразилось на решении вопросов, связанных с формированием ее системы (внутренней структуры), особенно специальной части. Связана эта тенденция с попыткой некоторых исследователей закрепить на доктринальном уровне за отдельными видами охраняемых нормами административного права общественных отношений значение родового объекта правовой охраны и тем самым вывести деликты, посягающие на эти отношения, на более высокий (родовой) уровень путем объединения их в отдельные главы Кодекса Украины об административных правонарушениях, других законодательных актов [10, с. 8; 12, с. 10].

В этом случае характерные для отдельных видов административных информационных правонарушений причины и условия их совершения, организационно-правовые средства профилактики, социально-психологические свойства специального субъекта проступков выводятся на более высокое звено в структуре административной деликтологии, а характерные для административных информационных правонарушений деликтологические особенности признаются только по отдельным из этих деликтов.

Правовой и научной подоплекой для приведения существующих административно-деликтологических исследований в информационной сфере в единую целостную систему знаний об административных информационных правонарушениях, причинах и условиях, им способствующих, средствах профилактики могла бы стать научная разработка и принятие Концепции Административно-деликтной политики Украины, в особенной части которой своё отражение могли бы найти проблемы профилактики отдельных видов административных деликтов. Это позволит построить систему административной деликтологии в информационной сфере на основе законов диалектики, онтологического и гносеологического предназначения каждого

из элементов этой системы не только на уровне общей, но, прежде всего, специальной её части.

Изложенное выше позволяет охарактеризовать систему административной деликтологии в информационной сфере как совокупность логически упорядоченных в соответствии с методологическим, правовым или функциональным назначению компонентов, характеризующих предмет, объект, методы этого научного направления, отражающих его связь с другими научными направлениями административной деликтологии и другими юридическими науками, которые раскрывают особенности административных информационных правонарушений, их причины и средства предупреждения, другие элементы, включенные в общую или специальную часть этой юридической науки.

Структуру общей части административной деликтологии в информационной сфере, на наш взгляд, образуют общие понятия, принципы, категории и закономерные логические связи, характерные для административной деликтологии в целом. В состав компонентов, которые охватываются общей частью административной деликтологии в информационной сфере, следует отнести понятие, предмет, объект, систему, принципы и методы административной деликтологии в целом; общие меры и средства профилактики административных деликтов; базовые правила производства по делам об административных правонарушениях и наложении административных взысканий.

Особенную часть административной деликтологии в информационной сфере образуют теории предупреждения административных информационных правонарушений; понятие, состав, виды и средства профилактики этих деликтов; административная деликтность в информационной сфере, ее причинно-следственный комплекс; лицо-правонарушитель правовых запретов, действующих в информационной сфере и его социально-психологическая и правовая характеристика; методики и программы профилактики административной информационной деликтности, особенности их применения в отношении отдельных категорий правонарушителей.

В условиях постоянного роста количества совершаемых административных информа-

ционных правонарушений, существование широкой группы антисоциальных действий, которые не были деликтолизованы в нормах административно-деликтного законодательства, систему административной деликтологии в информационной сфере, на наш взгляд, нельзя рассматривать как окончательно сформированную категорию. Продолжающееся в Украине изменение административно-деликтного законодательства, изменчивость причин и условий, способствующих развитию административной деликтности в информационной сфере, постоянное совершенствование методов и средств противодействия этому негативному явлению ставят перед административной деликтологией всё новые и новые задачи, решение которых, безусловно, будет отражаться на её внутренней структуре.

Учитывая существующую в науке административной деликтологии и криминологии тенденцию выделения проблематики информационных правонарушений в отдельное направление исследований в рамках этих наук, некоторыми учёными, в частности И. Л. Бачило [13, с. 474, 490], В. А. Липканом, Ю. Е. Максименко [14], А. В. Полушкиным [15, с. 9], была предпринята попытка обосновать необходимость формирования самостоятельной юридической науки, предметом изучения которой являются правонарушения (административные информационные правонарушения, информационные преступления, гражданские и дисциплинарные информационные проступки), причины и условия, способствующие их совершению, а также средства профилактики этого вида деликтов.

По мнению А. В. Полушкина, необходимость проведения комплексных (междисциплинарных) исследований информационных правонарушений вызвана их сложно структурной природой, что выражается в единстве социально-конфликтных, информационных и юридических элементов, присущих данному виду деликтов. Сложность природы информационных правонарушений обуславливает многообразие методов и средств государственной правовой политики предотвращения случаев злоупотребления информационными правами и свободами, выбора методики профилактики информационных правонарушений, а также формирования

эффективных мер противодействия информационным преступлениям [15, с. 8].

Ю. Е. Максименко обосновывает возникновение информационной деликтологии, с одной стороны, необходимостью создания целостной теории информационного деликта как самостоятельного вида правонарушения и основания информационно-правовой ответственности, с другой – необходимостью совершенствования действующего информационно-деликтного законодательства.

По мнению учёной «основной целью является изучение содержания, природы, сущности, специфики и разнообразия информационных деликтов, а также разработка и внедрение конкретных путей, направлений, способов их профилактики». Исходя из таких научных позиций, информационная деликтология рассматривается как самостоятельная подотрасль информационного права. «Она является следствием генезиса информационного права как самостоятельной отрасли права, а основные понятия информационной деликтологии разработаны в рамках информационного права» [14].

Вместе с тем, из содержания публикаций, в которых Ю. Е. Максименко обосновывает необходимость возникновения информационной деликтологии, следует, что формирование этого научного направления прежде всего связывается с административными правонарушениями, которые совершаются в информационной сфере, административной ответственностью за их совершение. При этом, указанный вид деликтов исследователь предлагает называть информационными правонарушениями, а ответственность за их совершение информационно-правовой, при условии возможности установления ответственности за данную категорию противоправных деяний и в нормах Кодекса Украины об административных правонарушениях и в проекте Кодекса законов об информации [14].

Предложенный Ю. Е. Максименко взгляд на информационную деликтологию, по нашему мнению, представляется довольно дискуссионным. Связано это с тем, что конструирование предмета информационной деликтологии на основе административных правонарушений, совершаемых в информационной сфере, административно-правовых способах их предотвра-

щения влечет за собой дублирование и полноценное применение понятийного аппарата уже сложившейся науки административной деликтологии, сведение понятия «информационное правонарушение» к административным информационным деликтам. В этом контексте возникает логический вопрос, как информационная деликтология может выступать подотраслью информационного права, будучи полностью построенной на понятийном аппарате административной деликтологии и нормах административно-деликтного законодательства. Кроме этого, на сегодняшний день, по нашему мнению, информационная деликтология еще не имеет собственно сложившейся нормативной базы для выделения ее в самостоятельную подотрасль информационного права, а используемые ею средства предотвращения различного рода информационных правонарушений, устранения причин и условий, им способствующих, носят разноотраслевой характер. Выделение же информационной деликтологии в ее узком (административно-правовом понимании) в самостоятельную науку, подотрасль информационного права может привести к возникновению в юридической науке негативного явления, связанного с необоснованным дроблением юридических наук, отраслей права на новые (более специальные) направления, введение в правовое поле понятий с неопределенным практическим назначением.

Исходя из предложенной в начале этой статьи трактовки предмета административной деликтологии в информационной сфере можно констатировать преждевременность выделения проблем предупреждения административных информационных правонарушений, их причинно-следственного комплекса, средств предотвращения в самостоятельное направление научных исследований – информационную деликтологию.

Оценка современного состояния административно-деликтного законодательства, а также научных работ, предметом исследования в которых выступают различные виды административных информационных правонарушений, причины и условия, способствующие их совершению, средства предупреждения, указывает на то, что на сегодняшний день научная

разработка соответствующей проблематики осуществляется на уровне отдельного направления в пределах науки административной деликтологии.

Такая тенденция в развитии предмета административной деликтологии в информационной сфере не лишает нас оснований разделить взгляд ученых о необходимости формирования самостоятельной юридической науки – информационной деликтологии, предмет которой должен охватить административные, дисциплинарные, гражданско-правовые информационные правонарушения, информационные преступления, их структуру, динамику, средства профилактики, причины и условия, способствующие их совершению, влияние на информационную безопасность государства, защиту национального информационного суверенитета. Такое построение предмета информационной деликтологии обеспечит комплексный характер этой юридической науки, интеграцию между ее внутренними структурными элементами, укрепит целостность системности связей между её элементами, включая те, которые имеют межотраслевую природу.

Выводы. Приведенная нами аргументация в поддержку выделения информационной деликтологии как самостоятельной комплексной юридической науки исходит из широкого понимания понятия «деликтология», согласно которому она призвана изучать не только проступки, не имеющие признаков преступления, но и преступные деяния. В таком аспекте деликтология выступает в значении системы знаний о деликтности, факторах, детерминирующих её развитие и воспроизводство; о природе деформации лица-правонарушителя в механизме нарушения норм позитивного права; о зависимости между отдельными видами деликтов; о средствах и способах воздействия на отдельные виды деликтов и деликтность в целом; а также о критериях оценки состояния деликтности и эффективности мер ее предупреждения [16, с. 47].

Учитывая современное состояние административно-деликтного законодательства, нормы которого проникают в информационную сферу, на наш взгляд, выделение вышеуказанного научного направления в самостоятельную юридическую науку – информационную делик-

тологию-достаточно преждевременным и не имеет под собой необходимой правовой и научно-методологической основы.

Однако, в силу существующей в течение последнего десятилетия тенденции постоянного сближения причин и условий, способствующих развитию административной деликтности и преступности в информационной сфере, частое использование одинаковых средств противодействия указанным явлениям, привлечения к этому процессу одних и тех же правоохранительных органов, формирование информационной деликтологии как самостоятельной комплексной юридической науки в её широком понимании может стать перспективой ближайшего будущего. При этом, нынче сложившаяся в юридической науке система административной деликтологии в информационной сфере, на наш взгляд, должна быть преведена в соответствие с запросами правоохранительной деятельности, существующим состоянием информационно-правового порядка, а также отражать последние достижения в области научных исследований проблематики административных информационных правонарушений.

Литература

1. Тарнавська Т. В. Генеза поняття «система»: історичний огляд. Т. В. Тарнавська. – Духовність особистості: методологія, теорія, практика. № 6 (47). 2011, сс. 129 – 139.
2. Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор. Исследования по общей теории систем. Общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М. Прогресс. 1969, с. 236.
3. Блауберг И. В., Садовский Э. Г., Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный поход. Вопросы философии. 1978, № 8, С. 39 – 51.
4. Мельник Р. С. Система адміністративного права України. Дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.07 Мельник Роман Сергійович. ХНУВС. Х. 2011, с. 415.
5. Webster's Revised Unabridged Dictionary. Сайт The ARTFL Project. Chicago: The University of Chicago. 1913, p.1465. Режим доступу : <http://machaut.uchicago.edu/?resource=Webster%27s&word=system&use1913=on>
6. Что такое система? Значение и толкование слова sistema, определение термина [Электронный ресурс]. Толковый словарь Ушакова. Режим доступа : <http://www.onlinedics.ru/slovar/ushakov/s/sistema.html>.
7. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс] / [авт. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.]. – Режим доступа : <http://www.ozhegovshvedova.ru/19-741515/СИСТЕМА>.
8. Додин Е. В. Административно-правовая наука и административная деликтология. Е. В. Додин. // Актуальные проблемы административной деликтологии. Сборник научных трудов. Киев. 1984. С. 16 – 19.
9. Дерюга А. М. Концептуально-прекладные основы развития административной деликтологии: автореф. дис. докт. юрид. наук: спец. 12.00.14: Административное право; финансовое право; информационное право. / Артем Николаевич Дерюга. – М. 2012. – 60 с.
10. Благодарний А. М. Адміністративна відповідальність за порушення законодавства про державну таємницю [Текст] : Дис... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Благодарний Андрій Миколайович ; Національна академія Служби безпеки України. – К., 2006. – 200 с.
11. Матвієнко П. Є. Адміністративна відповідальність за порушення законодавства про комерційну таємницю [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Матвієнко Поліна Євгенівна ; Нац. ун-т біоресурсів і природокористування України. – К., 2010. – 199 с.
12. Леонідова О. О. Адміністративна відповідальність за проступки у сфері телекомунікацій [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Леонідова Олена Олексіївна ; Харк. нац. ун-т внутр. справ. – Х., 2010. 326 с.
13. Бачило, И. Л. Информационное право: учебник/ И. Л. Бачило. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2011, 522 с.
14. Максименко Ю.Є., Липкан В.А. Засади розвитку інформаційної деликтології / Ю.Є. Максименко, В.А. Липкан // Право України. 2013. – № 10. – С. 249-256.
15. Полушкин А.В. Информационное правонарушение: понятие и виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.14 [Административное право; финансовое право; информационное право] / А.В. Полушкин. – Екатеринбург, 2009 / – 26 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1357650>.
16. Денисенко В. В. Деликтология: предмет, метод и система науки: [Монография]. – В. В. Денисенко. – Ростов-на-Дону, 2001. – 110 с.

СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Лемеш Дмитрий Леонидович - аспирант кафедры конституционного, административного права и социально-гуманитарных дисциплин Института права и общественных отношений Университета «Украина»

В статье рассматривается понятие государственной службы и его соотношение с публичной службой; охарактеризовано понятие и сущность государственной службы в органах полиции Украины; сформулирована дефиниция данного понятия; определены характерные особенности государственной службы в органах полиции Украины.

Ключевые слова: государственная служба, публичная служба, Национальная полиция, органы полиции.

În articol se analizează noțiunea de serviciu public și relația sa cu serviciul de stat; se caracterizează conceptul și esența serviciului public în organele de poliție din Ucraina; se formulează trăsăturile caracteristice ale serviciului public în poliția ucraineană.

Cuvinte cheie: serviciu de stat, serviciu public, poliția națională, organele de poliție.

The article discusses the concept of public service and its relationship with the public service; characterized by the concept and essence of public service in the police force in Ukraine; formulated a definition of this concept; The characteristic features of the public service in the police force in Ukraine.

Keywords: public service, public service, the National Police, police.

Постановка проблемы. Государственная служба является особым видом трудовой деятельности, который предполагает назначение лица на должность в органах государственной власти и её прохождение на условиях и в порядке, установленном законодательством. Поскольку Национальная полиция Украины в соответствии со ст. 1 Закона Украины «О Национальной полиции» [1] является центральным органом исполнительной власти, то, соответственно, сотрудники полиции – государственными служащими.

В национальной правовой доктрине вопрос о понятии и особенностях прохождения службы в органах внутренних дел является широко изученным. Однако, в связи с проходящей в настоящее время реформой правоохранительной системы в целом и органов вну-

тренних дел, в частности, проблема понятия и сущности государственной службы в органах полиции приобретет новую форму, и её изучение становится одним из актуальных направлений исследований современной правовой науки.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что на сегодняшний день научные труды, посвященные понятию и сущности государственной службы в органах полиции в современных условиях, практически отсутствуют, что подчёркивает важность и своевременность данной статьи.

Состояние исследования. Вопросы, посвященные определению понятия и сущности государственной службы, исследовали такие ученые, как: А. А. Бандурка, О. М. Музичук, О. В. Попова, Н. О. Рунова, А. О. Селиванов,

М. И. Цуркан, С. В. Шестаков и многие другие. Тем не менее, отсутствуют актуальные исследования, посвященные определению понятия и сущности государственной службы в органах полиции, что также обуславливает актуальность предложенной темы.

Цель и задачи исследования. Целью статьи является определение понятия и сущности государственной службы в органах полиции Украины. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: определить значение и соотношение категорий «государственная служба» и «публичная служба»; сформулировать авторское понятие «государственная служба в органах полиции»; выявить характерные особенности государственной службы в органах полиции и на основании этого сделать выводы о её правовой природе.

Изложение основного материала. Происхождение государственной службы в органах полиции предусматривает возникновение целого ряда правоотношений, среди которых особое место занимают административные и служебно-трудовые правоотношения. Для определения особенностей таких правоотношений, прежде всего, необходимо разобраться с этимологией исследуемого понятия и определить значение категории «государственная служба в органах полиции».

В Словаре русского языка С. И. Ожегова, термин «служба» определяется как: 1) действие по значению служить: работать, занимаясь умственным трудом, а также физическим трудом, связанным не с производством, а с обслуживанием кого, чего-либо; быть слугой, прислугой; выполнять работу по найму; выполнять какие-либо обязанности в отношении кого-либо, выполнять что-либо, подчиняясь чьей-то воле, власти и т.д.; работать в пользу кого-, чего-нибудь, во имя кого-то, чего-то; выполнять свое предназначение, роль; 2) работа, занятия служащего, а также место его работы; 3) выполнение воинских обязанностей; 4) специальная область работы с отнесенными к ней учреждениями; 5) то же, что богослужение; 6) труд, занятия как средство существования; 7) отрасль производства, а также учреждение, организация, ведающая тем или иным участком работы [2, с. 639]. Такое разнообразие ин-

терпретации термина «служба» обуславливает возникновение некоторой неоднозначности её определения в научной литературе.

М. И. Цуркан, проведя исследование всевозможных научных подходов и концепций к пониманию термина «служба», пришёл к выводу о том, что ее особенностями являются: 1) непосредственная направленность не на производство материальных ценностей, а на создание условий для материального производства; 2) владение специфическим предметом труда – информацией, которая одновременно является средством воздействия (сбор, проработка, передача, хранение, создание информации) на объекты управления или на объекты предоставления управленческих услуг; 3) связанность, как правило, с умственным трудом; 4) платность; 5) осуществление лицами, занимающими должности в государственных или муниципальных органах, корпоративных или общественных организациях [3, с. 6-7].

Выделяемые автором особенности службы в целом применимы к характерным признакам государственной службы, которые, однако, следует дополнить следующими чертами: 1) финансовое и материально-техническое обеспечение государственной службы, как правило, осуществляется за счёт средств Государственного бюджета; 2) предъявление особых требований к уровню образования, владения навыками и практическим опытом и другие требования к претенденту на должность в системе органов государственной службы; 3) распространение на государственных служащих законодательства о предупреждении коррупции, а значит, и требований, предъявляемых в отношении политической нейтральности, несовместимости и др.; 4) наделение государственных служащих властными полномочиями в сфере и в пределах, определённых законодательством; 5) распространение на государственных служащих особых социальных и иных гарантий, необходимых для осуществления их деятельности, защиты прав и интересов их и членов их семей и т.д.

Активизация международных процессов интеграции на территории Украины привела к возникновению и широкому распространению понятия «публичная служба», которое на

сегодняшний день существует и применяется наряду с категорией «государственная служба». В связи с этим, необходимо прояснить вопрос о соотношении данных терминов и их применения к службе в органах полиции.

Так, согласно ст. 1 Закона Украины «О государственной службе» государственная служба – это профессиональная деятельность государственных служащих по подготовке предложений по формированию государственной политики, обеспечение реализации и предоставления административных услуг [4].

Следует отметить, что в проекте Закона Украины «О государственной службе» от 30 марта 2015 г. (реестр. № 2490) предложена конкретизация тех функций и заданий государства, которые призваны реализовать государственные служащие. К ним отнесены: 1) анализ государственной политики на общегосударственном, отраслевом и региональном уровнях и подготовки предложений по ее формированию, в том числе разработка и проведение экспертизы проектов программ, концепций, стратегий, проектов законов и других нормативно-правовых актов, проектов международных договоров; 2) обеспечение реализации государственной политики, выполнение общегосударственных, отраслевых и региональных программ, исполнение законов и других нормативно-правовых актов; 3) обеспечение предоставления доступных и высококачественных публичных, в частности административных, услуг и т. д. [5].

Публичная служба в Кодексе административного судопроизводства Украины определена как деятельность на государственных политических должностях, профессиональная деятельность судей, прокуроров, военная служба, альтернативная (невоенная) служба, дипломатическая служба, другая государственная служба, служба в органах власти Автономной Республики Крым, органах местного самоуправления [6].

Из вышеизложенных определений категорий «государственная служба» и «публичная служба» складывается мнение, что это сходные по значению понятия, однако их полное отождествление недопустимо. Для выяснения

соотношений этих понятий обратимся к соответствующей научной литературе.

А. О. Селиванов понимает понятие «публичный» как юридический признак присутствия государства в общественных отношениях, которые урегулированы позитивным правом, когда гражданин, воспринимая Конституцию как Основной Закон, согласен с передачей государству отдельных природных субъективных прав, которые могут отчуждаться, поэтому публичная власть по своей конституционно-правовой характеристике приобретает признаки правосубъектности от суверенитета народа [7, с. 32]. Автор, признавая фактическое присутствие государства в сфере осуществления публичной службе, тем не менее, считает, что её первоосновой является народ (граждане), передающие часть субъективных прав публичным служащим.

По мнению Н. О. Рунова, публичная служба – это осуществление власти обществом (народом) посредством профессиональной деятельности публичных служащих. При этом, учёный считает, что исходя из положения ст. 5 Конституции Украины, публичным является служащий, занимающий должность в органе исполнительной власти, аппарате органов власти или органе местного самоуправления на основании фактического состава, обязательным элементом которого должен быть акт назначения на должность, и осуществляет профессиональную исполнительно-распорядительную административную деятельность на постоянной основе, исходя из общественных интересов [8, с. 273].

О. В. Попова считает, что публичную службу следует определять как реализацию народом власти через выполнение задач и функций государства, направленных на обеспечение публичных интересов, лицами на постоянной профессиональной возмездной основе за счет бюджетных средств в органах исполнительной власти, аппаратах всех ветвей органов власти, органах местного самоуправления на

основании административно-правового акта назначения на должность [9, с. 586]. Однако, в данном случае, считаем, что мнение учёного является недостаточно обоснованным в связи с тем, что определённые им правоотношения скорее следует отнести к разряду государственной службы. А именно – финансирование из государственного бюджета, принадлежность органа, в котором проходит служба к органам исполнительной власти и местного самоуправления, – всё это характерные признаки государственной службы.

По нашему мнению, категория «публичная служба» по своему содержанию является более широкой, нежели категория «государственная служба». В первом случае речь идёт о службе как в органах государственной власти и местного самоуправления, так и иных государственных органах, которые не относятся ни к одной из ветвей власти, а также в государственных учреждениях и организациях (нотариат, образовательные учреждения и т.д.). Государственная же служба предполагает её прохождение исключительно в органах государственной власти, их аппарате, а также органах местного самоуправления на профессиональном основании на конкретной должности.

Переходя непосредственно к определению понятия и сущности государственной службы в органах полиции, следует согласиться с мнением С. В. Шестакова, который в своё время утверждал, что служба в милиции является разновидностью государственной службы Украины. Сотрудники милиции выполняют задачи государства, направленные на обеспечение личной безопасности граждан, они предупреждают и пресекают преступления, оказывают помощь гражданам и юридическим лицам в осуществлении их законных прав и интересов и т.д. [10, с. 3]. Соглашаясь с мнением автора, мы фактически приходим к выводу, что служба в органах полиции относится именно к государственной службе, хотя имеет некоторые особенности. Такое умозаключение следует из анализа ч. 1 ст. 59 Закона Украины «О Национальной полиции», в которой определено, что служба в полиции является государственной службой особого характера, которая является профессиональной деятель-

ностью полицейских по выполнению возложенных на полицию полномочий [1].

Учёными были предложены разнообразные определения службы в органах внутренних дел. Так, некоторые учёные считают, что служба в органах внутренних дел – разновидность государственной службы, которая проходит в специализированном органе исполнительной власти и осуществляется специально уполномоченными субъектами с целью реализации функций государства в практической юридической деятельности. Она имеет все черты и принципы государственной службы как разновидности профессиональной службы [11, с. 38]. Другие утверждают, что прохождение службы в органах внутренних дел следует определить как совокупность организационно-правовых норм (правил и процедур), как правило – административных, которые порождают, изменяют или прекращают государственно-служебные правоотношения, обязательным субъектом которых является лицо рядового или начальствующего состава органов внутренних дел [12, с. 101].

Создание нового государственного органа – Национальной полиции, обусловило возникновение нового вида государственной службы – службы в органах полиции, и, соответственно, нового вида государственных служащих – полицейских. Согласно ст. 17 Закона Украины «О Национальной полиции» полицейским является гражданин Украины, который составил Присягу полицейского, проходит службу на соответствующих должностях в полиции и которому присвоено специальное звание полиции [1]. Иными словами, полицейский – это государственный служащий, назначенный на определённую должность в системе органов полиции в порядке, предусмотренном законодательством, и которому присвоено специальное звание, соответствующие этой должности.

Таким образом, под государственной службой в органах полиции в административно-правовом аспекте следует понимать особый вид административно-служебной деятельности, которая предусматривает осуществление специальным субъектом – полицейским, части функций и задач государства в сфере обеспечения публичной безопасности и порядка, ох-

раны прав и интересов граждан и других лиц, нуждающихся в оказании полицейской помощи, борьбе с преступлениями и правонарушениями, в порядке и пределах полномочий, определённых законодательством.

Юридическая природа государственной службы в органах полиции раскрывается через её особенности, к которым, на основании анализа положений Закона Украины «О Национальной полиции» [1], следует отнести: 1) особенность задач, которые поставлены перед служащими органов полиции (обеспечение публичной безопасности и порядка, охрана прав и интересов граждан и т.д.); 2) возможность финансирования не только за счёт средств Государственного бюджета, а также из иных источников (плата за предоставленные охранные услуги); 3) служащие в органах полиции – полицейские, проходят службу исключительно на профессиональном основании, являясь при этом политически нейтральными; на них распространяется ряд ограничений и запретов, установленных ст. 61 Закона Украины «О Национальной полиции»; 4) основанием для возникновения служебно-трудовых правоотношений в органах полиции, как правило, является контрактная форма трудового договора; 5) служащие органов полиции обладают исключительным правом использовать в своей деятельности полицейские средства в порядке и в пределах, определённых законодательством и др.

Проведённое в данной статье исследование даёт основание сделать вывод о том, что служба в органах полиции является специфическим видом государственной службы с характерными особенностями. Поэтому сущность данного вида государственной службы заключается в том, что она представляет собой единственную в своём роде административно-служебную деятельность, оформленную в отдельную систему органов – Национальную полицию, на которую возлагается выполнение ряда задач и функций, направленных на обеспечение внутренней безопасности в государстве, установление высокого уровня публичного порядка, служение народу и оказание иных видов полицейской помощи. Службу в Национальной полиции проходят лица, соответствующие

выдвинутым требованиям и назначенные на соответствующую должность, наделённые исключительными полномочиями государственно-властного характера, что позволяет им осуществлять возложенные на них функции.

Литература

1. Про Національну поліцію: Закон України від 02.07.2015 № 580-VIII // Відомості Верховної Ради України. – 2015. – № 40-41. – Ст. 379.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – [23-е изд.] – М. : Руск. яз., 1990. – 917 с.

3. Цуркан М. І. Правове регулювання публічної служби в Україні. Особливості судового розгляду спорів : монографія / Цуркан М. І. — Х. : Право, 2010. — 216 с.

4. Про державну службу: Закон України від 20 листопада 2012 року // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 26. – Ст. 273.

5. Про державну службу: проект закону від 30.03.2015 (реєстр. № 2490) [Електронний ресурс]. - Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54571.

6. Кодекс адміністративного судочинства України: кодекс України від 06.07.2005 № 2747-IV // Відомості Верховної Ради України. – 2005. – № 35-36, № 37. – Ст. 446.

7. Селіванов А. О. Адміністративний процес в Україні: реальність і перспективи розвитку правових доктрин / Селіванов А. О. – К. : Вид. Дім «Ін Юре», 2000. – 68 с.

8. Рунова Н. О. Публічна служба в Україні: проблеми дефініції / Н. О. Рунова // Публічне право. – 2012. – № 3 (7). – С. 269-274.

9. Попова О. В. Поняття та ознаки публічної служби в Україні / О. В. Попова // Форум права. – 2011. – № 4. – С. 583-587.

10. Шестаков С. В. Адміністративно-правовий статус працівника міліції: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.07 / Шестаков Сергій Володимирович. – Х., 2004. – 205 с.

11. Скакун О. Ф. Теория государства и права: учебник / Скакун О. Ф. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 691 с.

12. Музичук О.М. Сутність та особливості проходження служби в ОВС України / О. М. Музичук // Форум права. – 2006. – № 2. – С. 98-102.

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ КООРДИНАЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ

Фелик Василий Иванович - кандидат юридических наук, доцент, директор Прикарпатского юридического института Национального университета «Одесская юридическая академия»

УДК 342.9

В статье исследуется понятие и особенности координации профилактической деятельности Национальной полиции Украины. На основании произведённого анализа различных научных концепций и подходов к определению термина координация сформулирована авторская дефиниция понятия координации профилактической деятельности Национальной полиции Украины; охарактеризованы особенности координации профилактической деятельности Национальной полиции.

Ключевые слова: Национальная полиция, профилактика, координация, особенности, понятие.

În articol, este studiat conceptul și caracteristicile coordonării activităților de profilaxie a Poliției Naționale din Ucraina. Pe baza analizei produse a diferitelor concepte științifice și abordări la definirea coordonării, autorul a formulat definiția noțiunii de coordonare a activităților de profilaxie a Poliției Naționale din Ucraina; sunt caracterizate particularitățile coordonării activităților de profilaxie ale Poliției Naționale.

Cuvinte cheie: Poliția Națională, profilaxie, coordonare, particularități, concept.

In the article the concept and features of the coordination of the activities of the National Preventive Police of Ukraine. On the basis of the produced analysis of various scientific concepts and approaches to the definition of coordination of the author formulated the definition of the concept of coordination activities of the National Preventive Police of Ukraine; characterized by features of the coordination of the activities of the National Preventive Police.

Keywords: National Police, prevention, coordination, especially the concept.

Постановка проблемы. Деятельность Национальной полиции как субъекта профилактики правонарушений требует координации с действиями других субъектов профилактической работы. Причем уполномоченным субъектом в правоотношениях по координации могут выступать как должностные лица Национальной полиции, так и других органов государственной власти – все зависит от видов и направлений профилактической деятельности. Во всяком случае, координационное влияние является необходимым условием для обеспечения слаженной и эффективной работы всех субъектов профилактики правонарушений, поскольку при этом происходит оперативный об-

мен информацией, налаживание связей между различными органами и службами, уполномоченными осуществлять профилактическую деятельность, распределение между ними функций по профилактике и т.д.

Таким образом, возникает необходимость в проведении тщательного исследования всех аспектов координации деятельности Национальной полиции как субъекта профилактики правонарушений.

Актуальность темы исследования подтверждается недостаточностью научных работ, посвященных вопросу понятия и особенностей координации профилактической деятельности Национальной полиции, что в сочетании с не-

обходимостью комплексного научного анализа данного вопроса обуславливает важность и своевременность данной статьи.

Состояние исследования. В разные периоды проблему координации деятельности правоохранительных органов, в том числе в сфере профилактики правонарушений, исследовали такие отечественные и зарубежные ученые, как: А. И. Алексеев, В. Т. Белоус, Л. Н. Давыденко, В. К. Звирбуль, В. К. Колшаков, Я. Ю. Кондратьев, М. В. Косюта, А. Г. Крусян, А. Н. Литвинов, Т. Л. Маркелов, Ю. С. Назар, А. И. Остапенко и многие другие. Однако, на сегодняшний день отсутствуют комплексные научные труды, посвященные анализу понятия и особенностей координации профилактической деятельности Национальной полиции, что еще раз подчеркивает важность и актуальность предложенной темы.

Цель и задачи исследования. Целью статьи является определение понятия и особенностей координации профилактической деятельности Национальной полиции Украины. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: произвести анализ различных научных концепций и подходов к определению термина координация; сформулировать авторскую дефиницию понятия координации профилактической деятельности Национальной полиции Украины; охарактеризовать особенности координации профилактической деятельности Национальной полиции.

Изложение основного материала. Координация профилактической деятельности Национальной полиции имеет важнейшее значение для эффективного достижения поставленных целей и выполнения заданий профилактики правонарушений.

В теории государственного управления координация (от лат. со-совместно и ordination - упорядочение) трактуется как согласование, упорядочение, сочетание, приведение в порядок, в соответствие (действий, понятий, составных частей чего). Координация – это одна из основных управленческих функций, смысл которой заключается в обеспечении налаживания взаимосвязей и взаимодействий между участниками процесса государственного управления с целью согласования действий и объединения усилий для решения общих задач [1, с. 441].

В то же время, как управленческая категория, координация предполагает не только осуществление согласования и упорядочения совместных действий в определенном направлении, но также утверждением взаимного положения субъектов координации, в котором одни (один) занимают руководящее, а другие – подчиненное положение. Такая ситуация обусловлена тем, что, скажем, в правоохранительной деятельности от эффективности налаживания координационных связей зависит не только результативность проведения совместных мероприятий, но и результат определенного направления деятельности в целом.

В этом аспекте стоит согласиться с мнением А. С. Омельченко, который отмечает, что координация деятельности является объективной необходимостью существования системы правоохранительных органов. От нее зависит эффективность взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Ученый справедливо указывает на то, что координация должна способствовать обеспечению целенаправленности и эффективности мер противодействия организованной преступности, правонарушений, выбора единого подхода к решению разноплановых организационных и процессуальных вопросов; устранению дублирования в деятельности правоохранительных органов; созданию возможности объединения усилий с целью достижения высокой результативности путем наименьших затрат; повышению гарантий законности и имиджа правоохранительных органов в обществе [2, с. 338].

Вообще, на важность координации, особенно в правоохранительной деятельности, указывает большинство ученых. Так, А. М. Подоляка рассматривает координацию как необходимую предпосылку согласованной деятельности нескольких субъектов профилактики, которые имеют общую цель, и которая является организационным этапом управленческого процесса взаимодействия. По мнению ученого, именно как управленческий процесс (цикл) со стадиями разработки и реализации решения и этапами сбора информации, ее анализа, отбора исполнителей, планирования, ресурсного обеспечения, контроля и другим необходимо рассматривать координацию субъектов профилактики административных правонарушений, что

позволит создать целостную управленческую картину этого явления [3, с. 46]. Соглашаясь с ученым, стоит акцентировать внимание на тех составляющих процесса координации, которые им выделены и которые образуют стадии этого процесса. В частности, к ним относятся: формирование совместных рабочих групп, сбор, обработка и использование информации, составление плана совместных действий, определение средств, необходимых для их осуществления, и т.п. Эти стадии могут изменяться в зависимости от особенностей и направлений правоохранительной деятельности, которая требует координации.

А. Н. Ключев определяет координацию как совокупность действий, направленных на обеспечение упорядоченного функционирования субъекта и объекта управления, в частности согласованной работы всех звеньев системы и отдельных работников. Возможность координирующего воздействия обусловлена властными полномочиями субъекта управления [4, с. 78]. В данном определении усматривается один спорный момент. Поскольку, по мнению ученого, координация осуществляется всегда между субъектом (руководящим субъектом) и объектом управления (подчиненным субъектом), то это означает, что в координационных правоотношениях между ними также существуют отношения власти-подчинения. Однако, на практике координация деятельности возможна и между субъектами, которые не являются подчиненными друг другу в других правоотношениях.

В связи с этим более обоснованной является позиция И. В. Сервецкого и С. А. Чижа, которые рассматривают координацию как согласование действий тактически самостоятельных субъектов системы профилактики преступлений с различными элементами деятельности при наличии равноправных связей между ними, совместной стратегической цели деятельности, для повышения эффективности противодействия преступности. Координирующий орган интегрирует не только реакции на целевые установки, он непосредственно выполняет возложенные на систему задачи, но прежде всего он является средством воздействия на систему, ее развитие, переориентацию и совершенствование [5, с. 46]. При этом, стоит заметить, что

тактическая независимость субъектов не означает, что в координационных правоотношениях такая независимость сохраняется. Ведь характерным признаком этих правоотношений в государственном управлении является наличие координационного (руководящего) субъекта.

Как отмечает по этому поводу В. В. Черней, координационный орган любого уровня организует функционирование соответствующей подсистемы профилактики преступлений, поскольку определяет цели и задачи совместной согласованной деятельности, определяет пути их достижения и налаживание (хотя бы на первом этапе) взаимосвязи между субъектами, определяет их задачи и в дальнейшем контролирует их выполнение. Разработке совместных согласованных мероприятий предшествует работа координационного органа по осуществлению комплексной оценки аспектов социальной практики, касающиеся проблем профилактики преступлений. Координационная деятельность предусматривает также контроль за ходом выполнения совместных согласованных мероприятий и оценки их результатов [6, с. 125]. Следовательно, наличие координационного органа является обязательным условием, поскольку именно на этот орган возлагается ответственность за эффективность и результаты проведения совместных мероприятий, которая, в свою очередь, обуславливает необходимость наделения этого органа властными полномочиями относительно других субъектов координационных правоотношений.

В зависимости от взаимного положения субъектов координационных правоотношений, в науке государственного управления выделяется два основных вида координации – вертикальная и горизонтальная.

Вертикальная координация – это управленческие отношения, возникающие между высшим и низшим органами исполнительной власти. Здесь субъекты управления могут как находиться, так и не быть в организационной зависимости (т.е. подчиняться или не подчиняться друг другу). Горизонтальная координация возникает между двумя или более органами власти, которые находятся на одном организационном уровне системы управления. Кроме того, в научной литературе выделяются также и другие виды координации: согласование, ие-

рархическая координация, предметно-технологическая, штабная и другие [1, с. 441].

Таким образом, субъекты координационных правоотношений, вне этих правоотношений, могут быть независимыми друг от друга как в организационном, так и в ведомственном плане (это могут быть органы различных ведомств). Однако, привлечение этих субъектов к выполнению общих задач и функций, к участию в совместных мероприятиях меняет правовое положение этих субъектов как участников координационных правоотношений, в системе которых выделяется главный и подчиненные субъекты.

Координационные правоотношения в Национальной полиции Украины характеризуются определенными особенностями, обусловленными положением этого органа в системе субъектов профилактической деятельности.

Управленческие связи органов внутренних дел в системе субъектов профилактики административных правонарушений Ю. С. Назар разделял на: а) связи субординационного и координационного воздействия на органы внутренних дел с целью налаживания взаимодействия с другими субъектами системы; б) связи сотрудничества органов внутренних дел с государственными, самоуправляющимися органами и общественными организациями по профилактике административных правонарушений; в) связи координационного воздействия органов внутренних дел на других субъектов профилактики административных деликтов [7, с. 4].

Итак, следуя логике Ю. С. Назара, органы полиции в правоотношениях координации могут занимать равноправное положение с другими субъектами, находиться в подчинении одного из этих субъектов или играть руководящую роль по отношению к другим субъектам координационных правоотношений. Однако, полностью согласиться с таким мнением сложно, особенно в части, касающейся возможной равноправной позиции всех субъектов координации, поскольку в таком случае речь идет не о координации, а о взаимодействии, являющихся разными по своей природе правовыми явлениями.

В. В. Топчий акцентирует внимание на необходимости четкого разграничения взаимодей-

ствия и координации. Разделяя эти два явления, ученый отмечает, что последнее содержит в себе элемент подчинения воле координирующего органа системы, направляет отдельную деятельность на выполнение общих задач, поставленных перед исполнителями. То есть орган системы или одно из взаимодействующих подразделений, наделенных властными полномочиями по отношению к остальным подразделениям, которые ему подчиняются, действия которых координируются. При взаимодействии субъекты не имеют властных и подчиненных полномочий, и в совместной деятельности равны между собой [8, с. 168].

Мы поддерживаем данную позицию и считаем, что именно такое отличие наиболее полно отражает особенности координационных правоотношений в правоохранительной деятельности.

Кроме того, А. М. Литвинов указывает на то, что специфика координации в сфере профилактики преступлений заключается в том, что при таком управлении субъекты профилактики самостоятельны в решении тактических вопросов; они равноправны и для всех поставлена единственная стратегическая цель – минимизация, нейтрализация, устранение причин и условий преступлений; их действия согласуются с целью, местом, сроком исполнения и планом, но в рамках решения общих для органов, учреждений и организаций задач борьбы с преступлениями, специфические для каждого органа функции предметом координации не могут быть [9, с. 12]. Соглашаясь с таким мнением, отметим, что только совместные цели и задачи, реализация которых возлагается на субъекты координационных правоотношений, может быть предметом управления координационного субъекта. При этом, в других сферах деятельности соответствующий орган не зависит от координирующего влияния такого субъекта. Это является еще одной особенностью координации в государственном управлении.

Выводы. Таким образом, координация деятельности правоохранительных органов в сфере профилактики преступлений и правонарушений характеризуется следующими признаками: 1) ее целью выступает согласование совместных действий различных правоохранительных органов или их отдельных структур

как в пределах одного правоохранительного органа, так и структурных подразделений различных органов; 2) в правоотношениях координации определяется субъект, выполняющий координирующую (руководящую) роль по отношению к другим субъектам, на которого возлагается основная ответственность за результаты, полученные от осуществления совместных действий; 3) координирующее влияние уполномоченного (управляющего) субъекта распространяется только на те сферы деятельности других субъектов координационных правоотношений, которые совершаются ими в рамках реализации совместных мероприятий.

Исходя из перечисленных признаков, координацию деятельности Национальной полиции как субъекта профилактики правонарушений можно определить как процесс упорядочения, распределения полномочий и организации совместной деятельности Национальной полиции Украины или ее отдельных структурных подразделений между собой или с другими правоохранительными органами (их структурными подразделениями) в сфере предупреждения правонарушений, выявления причин и условий, способствующих их совершению, и принятию мер по их устранению, а также осуществления других профилактических мероприятий.

Отдельно необходимо определить понятие координационных правоотношений с участием Национальной полиции как субъекта профилактики правонарушений, под которыми предлагаем понимать регламентированные нормы административного права управленческие правоотношения, возникающие между Национальной полицией Украины (ее структурными подразделениями) и другими правоохранительными органами (их структурными подразделениями) по совместному осуществлению профилактических мероприятий, в которых один из органов (подразделений) выступает координационным (управляющим), а другие – управляемыми субъектами в части реализации совместных профилактических действий и которые являются независимыми друг от друга в других видах деятельности.

Литература

1. Державне управління: підручник : у 2 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентіві України;

ред. кол. : Ю. В. Ковбасюк (голова), К. О. Ващенко (заст. голови), Ю. П. Сурмін (заст. голови) [та ін.]. – К. ; Дніпропетровськ : НАДУ, 2012. – Т. 1. – 564 с.

2. Омельченко О. С. Координація діяльності та взаємодія підрозділів ОВС з правоохоронними органами України у протидії організованим злочинності / О. С. Омельченко // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. – 2014. – № 1. – С. 338-345.

3. Подоляка А. М. Вплив профілактики адміністративних правопорушень на виникнення конфліктних проваджень / А. М. Подоляка // Європейські перспективи. – 2013. – № 10. – С. 41-47.

4. Клюев О. М. Проблемы размежування понять «координація» і «взаємодія» в управлінській науці та практичній діяльності органів внутрішніх справ / О. М. Клюев // Право і безпека. – 2011. – № 3 (40). – С. 76-80.

5. Сервецький І. В. Деякі проблеми координації діяльності ОВС України з профілактики злочинів / І. В. Сервецький, С. А. Чиж // Юридична наука. – 2013. – № 12. – С. 44-51.

6. Черней В. В. Координація діяльності правоохоронних органів щодо запобігання злочинним посяганням на небанківські фінансові установи в Україні / В. В. Черней // Науковий вісник Національної академії внутрішніх справ. – 2013. – № 1. – С. 121-127.

7. Назар Ю. С. Координаційні повноваження ОВС у сфері профілактики адміністративних правопорушень / Ю. С. Назар // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. – 2009. – № 1. – С. 1-8.

8. Топчій В. В. Взаємодія та координація в діяльності органів внутрішніх справ з виявлення та розкриття злочинів / В. В. Топчій // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. – 2015. – Вип. 30. Т. 2. – С. 165-169.

9. Литвинов О. М. Адміністративно-територіальна координація діяльності суб'єктів профілактики злочинів на місцевому рівні: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право» / О. М. Литвинов. – Х, 2002. – 19 с.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ИСКОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сосна Александр - доктор права, преподаватель юридического факультета Молдавского государственного университета, старший научный сотрудник Института правовых и политических исследований Академии наук Молдовы

Автор предпринял попытку дать анализ законов, регулирующих порядок предъявления и рассмотрения исковых заявлений, вытекающих из административных отношений, порядок исполнения решений административных судов, вступивших в законную силу, обратить внимание на противоречивые правовые нормы, пробелы в законе, правовые нормы, затрудняющие защиту прав физических и юридических лиц, нарушенных незаконными административными актами, и внести предложения, направленные на совершенствование правовых норм, регулирующих порядок предъявления и рассмотрения исковых заявлений, вытекающих из административных отношений, а также порядок исполнения вступивших в законную силу решений административных судов.

Ключевые слова: административные отношения, иски, исковое заявление, административный суд.

Autorul a încercat să ofere o analiză a legilor care reglementează înaintarea și examinarea proceselor de judecată rezultate din relațiile administrative, ordinea de executare a hotărîrilor instanțelor contenciosului administrativ, care au intrat în vigoare, să atragă atenția asupra neconcordanțele legislației, lacunelor în legislație, reglementărilor legale care împiedică protecția drepturilor persoanelor fizice și juridice, încălcate prin acte administrative ilegale, precum și să facă propuneri care vizează îmbunătățirea normelor juridice care reglementează înaintarea și examinarea acțiunilor în judecată rezultate din relațiile administrative, precum și ordinea de executare a hotărîrilor instanțelor contenciosului administrativ intrate în vigoare.

Cuvinte cheie: relații administrative, acțiune, cerere de chemare în judecată, contencios administrativ.

The author has attempted to provide an analysis of the laws governing the submission and consideration of claims arising out of administrative relations, the order of execution of the decisions of administrative courts, have entered into force, to draw attention to the controversial law, gaps in the law, legal regulations that impede protection of the rights of individuals and entities violated by illegal administrative acts, and to make proposals aimed at improving the legal rules governing the submission and consideration of claims arising out of administrative relations, as well as the order of execution entered into force decisions of the administrative courts.

Keywords: administrative relationships, claims, claim, administrative court.

Порядок предъявления и рассмотрения исковых заявлений, вытекающих из административных отношений, регулируется двумя законами, имеющими противоречия.

Актуальность темы объясняется как недостаточным её освещением в нашей юридической литературе и в средствах массовой информации, так и наличием противоречий

и пробелов в законах и наличием недостаточно чётко сформулированных норм права, что препятствует их однозначному толкованию и единообразному применению закона судебными инстанциями.

Административные акты, вынесенные органами публичной власти и приравненными к ним субъектами частного права, вы-

полняющими функции публичной власти или использующими общественное владение, уполномоченные законом оказывать общественно-полезные услуги, в том числе лица, предоставляющие нотариальные услуги, нередко не соответствуют требованиям законодательства.

Отмене незаконных административных актов препятствуют установленные законом весьма непродолжительные сроки.

Изложение основного материала. Порядок предъявления и рассмотрения исковых заявлений, вытекающих из административных отношений, а также порядок обжалования решений в апелляционном порядке и порядок обжалования определений апелляционных инстанций в кассационном порядке, регулируется:

1. Законом РМ № 793-XIV от 10.02.2000 года «Об административном суде» [2];

2. Гражданским процессуальным кодексом Республики Молдова (далее – ГПК РМ)- № 225-XV от 30.05.2003 года [3].

Порядок принудительного исполнения вступивших в законную силу решений административных судов установлен ст. 31 и 32 закона РМ «Об административном суде», Книгой первой. Исполнение решений гражданского характера Исполнительного кодекса Республики Молдова (далее – ИК РМ) № 443-XV от 24.12.2004 года (в редакции закона РМ № 143 от 02.07.2010 года) [4].

Противоречия между отдельными нормами специального закона – закона РМ «Об административном суде» и нормами общего закона – ГПК РМ должны разрешаться в соответствии с законом РМ № 780-XV от 27.12.2001 года «О законодательных актах» [5].

В соответствии со ст. 277 ГПК РМ любое лицо, считающее себя ущемленным в каком-либо своем законном праве органом публичной власти посредством какого-либо административного акта или неудовлетворением прошения в предусмотренный законом срок, вправе обратиться в компетентную судебную инстанцию в целях отмены акта, признания своего права и возмещения причиненного ему ущерба.

Легальное определение понятия «административный акт» содержится в ст. 2 закона РМ «Об административном суде», в которой указано: «Административный акт – одностороннее юридическое выражение воли, нормативного или индивидуального характера, органа публичной власти в связи с организацией исполнения или исполнением закона. В настоящем законе к административному акту приравниваются административный договор, а также неудовлетворение прошения в предусмотренные законом сроки».

В статье 2 закона РМ «Об административном суде» даны определения понятий «административный договор» и «неудовлетворение прошения в предусмотренные законом сроки».

В соответствии со ст. 278 ГПК РМ иски в административный суд рассматриваются соответствующими судебными инстанциями в общем порядке, предусмотренном настоящим кодексом, с изъятиями и дополнениями, установленными законодательством об административном суде.

Согласно части (3) ст. 6 закона РМ «О законодательных актах» в случае противоречия между нормой общего законодательного акта и нормой специального законодательного акта, имеющих равную юридическую силу, применяется норма специального законодательного акта.

В случае противоречия между нормой общего законодательного акта, которым является ГПК РМ, и нормой специального законодательного акта, которым является закон РМ «Об административном суде», применяется норма специального законодательного акта.

Специальный законодательный акт – закон РМ «Об административном суде» содержит нормы не только процессуального и материального права.

Согласно части (1) ст. 3 закона РМ «Об административном суде» объектом иска в административный суд являются административные акты нормативного и индивидуального характера, ущемляющие какое-либо законное право лица, в том числе третьего лица, изданные:

а) органами публичной власти и приравненными к ним настоящим законом другими органами;

б) подразделениями органов публичной власти;

с) служащими органов, предусмотренных пунктами а) и б).

Согласно части (2) ст. 3 этого закона объектом иска в административный суд может быть и нерассмотрение в предусмотренные законом сроки какого-либо прошения, касающегося законного права заявителя.

Ответчиками по искам, предъявляемым в административные суды, могут быть органы публичной власти и субъекты частного права, исполняющие функции публичной власти или использующие общественное владение, уполномоченные законом оказывать общественно-полезные услуги, в том числе лица, предоставляющие нотариальные услуги.

Ответчиками по искам, вытекающим из административных отношений, могут быть, в частности, организации – поставщики природного газа, электрической энергии, водоснабжения и канализации.

Согласно ст. 4 закона РМ «Об административном суде» административному суду не подсудны:

а) исключительно политические акты Парламента, Президента Республики Молдова и Правительства, а также административные акты индивидуального характера, изданные Парламентом, Президентом Республики Молдова и Правительством при исполнении полномочий, прямо предусмотренных конституционными или законодательными нормами, касающиеся избрания, назначения и смещения с государственных должностей, связанных с защитой общих интересов государства или государственных институтов, официальных государственных лиц, представляющих особые политические или общественные интересы, согласно перечню, представленному в приложении, являющемся неотъемлемой частью настоящего закона;

б) административные акты дипломатического характера, относящиеся к внешней политике Республики Молдова;

с) законы, указы Президента Республики Молдова нормативного характера, ординансы и постановления Правительства нормативного характера, международные договоры, одной из сторон которых является Республика Молдова, подлежащие контролю конституционности;

д) акты военного командования;

ф) административно-юрисдикционные акты о наложении административного взыскания и другие административные акты, для отмены которых или для внесения изменений в которые законом предусмотрена иная судебная процедура;

г) распорядительные акты, изданные органом публичной власти в качестве юридического лица в связи с управлением и использованием имущества, относящегося к его частному владению;

h) административные акты, изданные во исполнение окончательных судебных решений.

Предложение. Полагаем, что пункт г) ст. 4 закона РМ «Об административном суде» следует отменить, т.к. при управлении и использовании имущества, относящегося к частному владению органов публичной власти, довольно часто допускаются злоупотребления.

В соответствии со ст. 5 закона РМ «Об административном суде» субъектами, имеющими право обращения в административный суд, являются:

а) лицо, в том числе государственный служащий, военнослужащий, лицо со статусом военнослужащего, считающее себя ущемленным в каком-либо своем законном праве органом публичной власти посредством какого-либо административного акта или неудовлетворением прошения в предусмотренные законом сроки, – в порядке, предусмотренном статьей 14 настоящего закона;

б) Правительство, Государственная канцелярия, территориальное бюро Государственной канцелярии, председатель района и примар – согласно Закону о местном публичном управлении;

с) прокурор, опротестовывающий акты, изданные органами публичной власти, в соответствии со статьей 5 ГПК РМ;

d) народный адвокат или, по обстоятельствам, народный адвокат по защите прав ребенка, обжалующий административные акты по обращению ущемленного в правах лица, – в порядке, предусмотренном Законом о народном адвокате (омбудсмене) № 52 от 3 апреля 2014 года;

d¹) Национальная антикоррупционная комиссия – в порядке, предусмотренном Законом о Национальной антикоррупционной комиссии;

e) судебные инстанции общей юрисдикции и специализированные судебные инстанции, делающие запрос о законности административного акта, – в порядке, предусмотренном статьей 13 настоящего закона;

f) другие лица в соответствии с действующим законодательством.

Согласно части (1) ст. 7 закона РМ «Об административном суде» суды рассматривают споры, касающиеся неудовлетворения в установленный срок прошений и проверки законности административных актов, изданных или принятых органами публичной власти, созданными и действующими на территории села, коммуны или города для защиты интересов и решения проблем местных сообществ, децентрализованными общественными службами, созданными на условиях автономии в соответствующей административно-территориальной единице, государственными служащими указанных органов и служб и субъектами частного права соответствующего уровня, предоставляющими публичные услуги.

Исковые заявления, вытекающие из административных отношений, предъявляются в суды первой инстанции в соответствии с подсудностью, установленной частью (2) ст. 38 ГПК РМ.

Обязательным условием подачи иска в административный суд является обращение к ответчику с предварительным заявлением.

В соответствии с частью (1) ст. 13 закона РМ «Об административном суде» лицо, считающее, что какое-либо его законное право ущемлено административным актом, вправе в 30-дневный срок со дня сообщения ему содержания акта направить в издавший его

орган публичной власти предварительное заявление с требованием отменить данный акт полностью или частично, если законом не предусмотрено иное.

Согласно части (3) ст. 14 закона РМ «Об административном суде» установленный частью (1) ст. 14 этого закона 30-дневный срок не распространяется на административный акт нормативного характера.

В соответствии с частью (2) ст. 14 этого закона в случае, если орган, издавший административный акт, подчиняется вышестоящему органу, то предварительное заявление может быть подано по выбору заявителя как в орган, издавший административный акт, так и в вышестоящий орган, если законодательством не предусмотрено иное.

В случае несоблюдения требований ст. 14 закона РМ «Об административном суде» суд, в который поступило исковое заявление, возвращает его в соответствии с пунктом а) части (1) ст. 170 ГПК РМ в связи с тем, что истцом не соблюден установленный законом для данной категории дел досудебный порядок разрешения спора.

Процедура рассмотрения предварительного заявления установлена частями (1)-(3) ст. 15 закона РМ «Об административном суде».

Согласно части (1) ст. 15 этого закона предварительное заявление рассматривается органом, издавшим административный акт, или вышестоящим органом в 30-дневный срок со дня его регистрации с незамедлительным извещением заявителя о принятом по нему решении, если законодательством не предусмотрено иное.

Согласно части (2) ст. 15 этого закона орган, издавший административный акт, вправе:

a) отклонить предварительное заявление;
b) принять предварительное заявление и, по обстоятельствам, отменить административный акт или внести в него изменения.

Согласно части (3) ст. 15 этого закона вышестоящий орган вправе:

a) отклонить предварительное заявление;
b) принять предварительное заявление и аннулировать административный акт полно-

стью или частично, обязать нижестоящий орган восстановить в правах соответствующее лицо или, по обстоятельствам, отменить административный акт, изданный с его согласия.

Согласно части (1) ст. 16 этого закона лицо, считающее, что какое-либо его законное право ущемлено административным актом, и не удовлетворенное ответом, полученным на предварительное заявление, или не получившее такого ответа в предусмотренный законом срок, вправе обратиться в компетентный административный суд с иском заявлением об аннулировании указанного акта полностью или частично и возмещении причиненного ущерба.

В соответствии с пунктом а) части (1) ст. 85 ГПК РМ и частью (3) ст. 16 закона РМ «Об административном суде» истцы по искам, вытекающим из административных отношений, освобождаются от уплаты государственной пошлины.

Следует учесть, что согласно части (3) ст. 25 закона РМ «Об административном суде» при удовлетворении иска административный суд может на основании заявления вынести решение и о возмещении материального и морального ущерба, причиненного истцу незаконным административным актом или нерассмотрением в предусмотренные законом сроки предварительного заявления.

Если истец включил в исковое заявление об аннулировании административного акта требования о возмещении причиненного этим административным актом материального и морального ущерба, судья при принятии такого заявления не вправе выносить определение об оставлении искового заявления без движения по мотиву отсутствия документа, подтверждающего оплату государственной пошлины.

Предложение. Полагаем целесообразным изменить часть (3) ст. 16 закона РМ «Об административном суде», приняв её в следующей редакции: «Истцы по искам, вытекающим из административных отношений, в том числе по искам об аннулировании административных актов и возмещении причиненного этими актами материального и морального

ущерба, освобождаются от уплаты государственной пошлины».

В соответствии с частью (1) ст. 17 закона РМ «Об административном суде» исковое заявление об аннулировании административного акта или о признании своего права подается в 30-дневный срок, если законом не предусмотрено иное. Отсчет этого срока начинается со дня:

а) получения ответа на предварительное заявление или истечения срока, предусмотренного законом для рассмотрения такого заявления;

б) получения извещения об отклонении прошения о признании своего права или истечения срока, предусмотренного законом для рассмотрения такого прошения;

с) ознакомления с административным актом, если законом не предусмотрена предварительная процедура.

Согласно части (4) ст. 17 закона РМ «Об административном суде» предусмотренный частью (1) 30-дневный срок является сроком давности.

Предложение. Полагаем необходимым изменить часть (1) ст. 17 закона РМ «Об административном суде», заменив 30-дневный срок исковой давности 3-месячным.

Часть (5) ст. 17 закона РМ «Об административном суде» предусматривает, что срок давности, пропущенный по уважительной причине, может быть восстановлен в порядке, предусмотренном ГПК РМ.

Восстановление пропущенных процессуальных сроков регулируется ст. 116 ГПК РМ, а восстановление пропущенных сроков исковой давности регулируется ст. 279 Гражданского кодекса Республики Молдова (далее – ГК РМ) № 1107-XV от 06.06.2002 года [6].

Согласно части (3) ст. 17 закона РМ «Об административном суде», административные акты нормативного характера могут быть обжалованы как незаконные в любое время.

Согласно части (1) ст. 18 закона РМ «Об административном суде» если в искомом заявлении об аннулировании административного акта ущемленное в правах лицо не потребовало возмещения причиненного ему ущерба,

отсчет срока давности для подачи иска о возмещении причиненного ущерба начинается со дня, когда этому лицу стал известен или должен был стать известным размер ущерба.

Согласно части (2) ст. 18 этого закона, если требование о возмещении ущерба не было включено в исковое заявление об аннулировании административного акта, иск о возмещении ущерба подается в компетентную судебную инстанцию общей юрисдикции в течение общего срока давности, предусмотренного ГПК РМ.

Вывод. Формулировка части (2) ст. 18 закона РМ «Об административном суде» неверна, т.к. общий срок исковой давности продолжительностью 3 года установлен частью (1) ст. 267 ГК РМ.

Согласно части (1) ст. 1424 ГК РМ срок исковой давности по искам о возмещении вреда составляет 3 года с момента, когда потерпевший узнал или должен был узнать о причинении вреда и ответственном за него лице.

Поскольку и общий срок исковой давности, и срок исковой давности по искам о возмещении вреда (ущерба) продолжительностью 3 года установлены ГК РМ, а не ГПК РМ, в часть (2) ст. 18 закона РМ «Об административном суде» следует внести соответствующее изменение, т.е. слова «Гражданским процессуальным кодексом» заменить словами «Гражданским кодексом».

В части (1) ст. 19 закона РМ «Об административном суде», которая называется «Форма и содержание искового заявления в административный суд», указано: «Исковое заявление в административный суд подается в письменной форме в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом».

Общий порядок подачи исковых заявлений установлен ст. 166 и 167 ГПК РМ.

Содержание искового заявления должно соответствовать требованиям части (2) ст. 166 ГПК РМ, в которой указано: «Исковое заявление должно содержать:

- а) наименование судебной инстанции, в которую подается заявление;
- б) имя или наименование истца, его место жительства или место нахождения, а если

истцом является юридическое лицо – его банковские реквизиты, фискальный код; имя представителя и его адрес, если заявление подается представителем в случае, если истец проживает за рубежом, – адрес в Республике Молдова, по которому ему могут направляться все сообщения о процессе;

б¹) номер телефона, факса, адрес электронной почты или другие контактные данные истца;

с) имя или наименование ответчика, его место жительства или место нахождения;

с¹) номер телефона, факса, адрес электронной почты или другие контактные данные ответчика, если истец располагает такой информацией;

с²) фамилию, имя, адрес, номер телефона, факса, адрес электронной почты или другие контактные данные представителя истца;

д) в чем заключается нарушение или угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требование;

е) фактические и правовые обстоятельства, на которых истец основывает свое требование, и доказательства, которыми располагает истец на момент подачи заявления;

ф) требование истца к ответчику;

г) цену иска, если иск подлежит оценке;

h) сведения о соблюдении досудебного порядка разрешения спора, если таковой установлен законом для такого рода споров или предусмотрен договором сторон;

и) перечень прилагаемых к заявлению документов».

Согласно части (1) ст. 167 ГПК РМ к исковому заявлению прилагаются:

а) копии исковых заявлений и письменных доказательств, удостоверенные в установленном порядке, по числу ответчиков и третьих лиц, участвующих в деле, если они у них отсутствуют, и ряд копий для судебной инстанции. Если письменные доказательства составлены на иностранном языке, судебная инстанция может распорядиться о представлении их в переводе в установленном законом порядке;

б) документы, подтверждающие уплату государственной пошлины;

с) документы, подтверждающие обстоятельство, на которых истец основывает свое требование, копии этих документов для ответчиков и третьих лиц, если они у них отсутствуют;

д) документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка разрешения спора, если таковой установлен законом или предусмотрен договором сторон;

е) документ, удостоверяющий полномочия представителя.

Пункт а) части (1) ст. 167 ГПК РМ даёт судьям право требовать перевода на государственный язык письменных доказательств, составленных на иностранном языке.

Пользуясь этой безобидной, на первый взгляд, формулировкой многие судьи выносили определения об оставлении без движения исковых заявлений и приложенных к ним письменных доказательств, составленных на русском языке. При невыполнении этого требования, влекущего расходы по оплате труда переводчиков и услуг нотариуса, суды выносили определения о возврате исковых заявлений в соответствии с частью (2) ст. 171 ГПК РМ.

Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства решением от 02.12.2013 года признал, что требование перевода на государственный язык исковых заявлений и приложенных к ним документов, составленных на русском языке, незаконным, т.к. нарушают закон РМ «О функционировании языков на территории Республики Молдова» № 3465-Х от 01.09.1989 года [1], часть (2) ст. 16 Конституции РМ [7], закон РМ «Об обеспечении равенства» № 121 от 25.15.2012 года [8] и др. законы.

Предложение. В целях предотвращения дискриминации по языковому признаку и нарушений права на свободный доступ к правосудию считаем необходимым дополнить ст. 167 ГПК РМ частью (1¹), согласно которой русский язык не считается иностранным языком.

Имеется противоречие между пунктом с) части (1) ст. 167 ГПК РМ и частью (2) ст. 19 закона РМ «Об административном суде», согласно которой при подаче искового заявления в административный суд истец одновременно представляет копию предварительного

заявления с доказательствами его отправки или получения соответствующим органом, обжалуемый административный акт или, по обстоятельствам, ответ органа публичной власти на предварительное заявление либо извещение об его отклонении, если таковое получено.

Пункт с) части (1) ст. 167 ГПК РМ требует, чтобы истец представил доказательства, подтверждающие обоснованность исковых требований, а часть (2) ст. 19 закона РМ «Об административном суде» требует приложения к исковому заявлению только копии предварительного заявления и доказательство его отправки или получения ответчиком либо ответа ответчика на предварительное заявление.

Согласно части (2) ст. 22 закона РМ «Об административном суде» в случае принятия искового заявления к рассмотрению судья распоряжается:

а) о вручении ответчику копии искового заявления и копий прилагаемых к нему документов;

б) о представлении суду ответчиком обжалуемого административного акта, документации, на основании которой он был издан, выписок или других сведений, которые суд считает необходимыми для рассмотрения дела;

с) о первой явке в суд сторон не позднее чем через 10 дней после принятия искового заявления к рассмотрению.

Кроме того, согласно части (3) ст. 24 закона РМ «Об административном суде» при рассмотрении в административном суде искового заявления об аннулировании обжалуемого административного акта представление доказательств вменяется в обязанность ответчика, а при рассмотрении требования о возмещении причиненного ущерба – в обязанность обеих сторон.

Противоречия между нормами различных законодательных актов должны разрешаться в соответствии с частью (3) ст. 6 закона РМ «О законодательных актах», согласно которой в случае противоречия между нормой общего законодательного акта и нормой специального законодательного акта, имеющих равную

юридическую силу, применяется норма специального законодательного акта.

Следовательно, при принятии искового заявления административный суд обязан руководствоваться нормами специального закона – закона РМ «Об административном суде».

Исковые заявления рассматриваются административными судами в порядке, установленном ст. 23-27 закона РМ «Об административном суде» и ГПК РМ.

Согласно части (1) ст. 24 закона РМ «Об административном суде» административный суд рассматривает исковое заявление при участии истца и ответчика и/или их представителей в соответствии с процедурой, установленной ГПК РМ, за некоторыми исключениями, предусмотренными настоящим законом.

Полномочия административного суда установлены ст. 25 закона РМ «Об административном суде», которая гласит: «Рассмотрев исковое заявление, административный суд принимает одно из следующих решений:

а) отклонить иск как необоснованный или предъявленный с нарушением срока давности;

б) удовлетворить иск и аннулировать обжалуемый административный акт полностью или частично либо обязать ответчика издать запрошенный истцом административный акт, или выдать справку, свидетельство, любую другую выписку, или устранить допущенные ответчиком нарушения, а также возместить истцу ущерб в случае причинения такового несвоевременным исполнением решения административного суда;

с) удовлетворить иск и установить обстоятельства, оправдывающие приостановление деятельности местного или, по обстоятельствам, районного совета.

Административный суд вправе в пределах своей компетенции вынести по своей инициативе или по запросу решение о законности административных актов или действий, на основании которых был издан обжалуемый административный акт. В случаях, когда проверка законности таких актов или действий относится к компетенции вышестоящего административного суда, запрос о законности

административного акта делается соответствующей судебной инстанцией в предусмотренном настоящим законом порядке.

При удовлетворении иска административный суд может на основании заявления вынести решение и о возмещении материального и морального ущерба, причиненного истцу незаконным административным актом или нерассмотрением в предусмотренные законом сроки предварительного заявления.

Мера морального ущерба устанавливается административным судом вне зависимости от материального ущерба, с учетом характера и тяжести причиненных душевных или физических страданий, степени вины ответчика, если вина является условием ответственности, а также обстоятельств, при которых был причинен ущерб, и социального статуса потерпевшего».

Согласно части (1) ст. 26 закона РМ «Об административном суде» обжалуемый административный акт может быть аннулирован полностью или частично, если:

а) является незаконным по существу, будучи изданным в нарушение закона;

б) является незаконным, будучи изданным с нарушением компетенции;

с) является незаконным, будучи изданным с нарушением установленной процедуры.

Решение административного суда первой инстанции может быть обжаловано в апелляционном порядке в соответствии со ст. 357, 358, 360-390 ГПК РМ.

Определение апелляционной палаты, вынесенное по существу апелляционной жалобы, может быть обжаловано в кассационном порядке в соответствии со ст. 429-445 ГПК РМ.

При этом истцы освобождены от оплаты государственной пошлины.

От уплаты государственной пошлины за подачу апелляционных и кассационных жалоб освобождены не все ответчики, а только указанные в пункте i) части (1) ст. 85 ГПК РМ.

Согласно пункту i) части (1) ст. 85 ГПК РМ от уплаты государственной пошлины за рассмотрение гражданских дел освобождаются центральные органы публичной власти, центральные отраслевые органы публич-

ного управления, Счетная палата и подведомственные им органы, финансируемые из государственного бюджета, а также органы местного публичного управления – в случаях предъявления исков и подачи заявлений об обжаловании решений судебных инстанций, в том числе по делам, рассмотренным административным судом, независимо от их процессуального положения.

Из содержания этой правовой нормы видно, что субъект частного права (поставщики электроэнергии, природного газа и др.) от оплаты государственной пошлины не освобождены.

Поэтому в случае удовлетворения искового заявления административный суд обязан применить часть (1) ст. 98 ГПК РМ, в соответствии с которой издержки, понесенные судебной инстанцией в связи с рассмотрением дела, а также государственная пошлина, от уплаты которых истец был освобожден, взыскиваются с ответчика в бюджет пропорционально удовлетворенной части исковых требований, если ответчик не освобожден от уплаты судебных расходов.

Считаем неправильным освобождение органов местного публичного управления от оплаты государственной пошлины за рассмотрение исковых заявлений, вытекающих из административных отношений, а также за подачу апелляционных и кассационных жалоб.

Государственная пошлина является не только платой за рассмотрение судами споров, но и санкцией за неисполнение законодательства.

Взыскание государственной пошлины с органа местного публичного управления, нарушившего законодательство, будет способствовать соблюдению законодательства.

При этом государство практически не понесет дополнительных расходов, т.к. согласно ст. 33 закона РМ «Об административном суде» руководитель органа публичной власти вправе предъявить в судебную инстанцию общей

юрисдикции регрессный иск к государственному служащему, виновному в неисполнении решения административного суда.

Исполнение вступивших в законную силу решений административного суда производится в соответствии со ст. 31 и 32 закона РМ «Об административном суде» и ИК РМ.

Согласно ст. 31 закона РМ «Об административном суде» вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в соответствии с настоящим законом, являются исполнительными листами.

Согласно части (1) ст. 32 этого закона административный суд, вынесший решение по существу, в трехдневный срок со дня вступления решения в законную силу направляет его копии ответчику для исполнения и судебной инстанции общей юрисдикции по месту нахождения ответчика для осуществления контроля за его исполнением, а при необходимости – для его принудительного исполнения.

Согласно части (2) ст. 32 этого закона решение исполняется в предусмотренный в нем срок, а если таковой не указан, то в срок не более 30 дней со дня вступления решения в законную силу.

Литература

1. Вести. 1989. №9.
2. Официальный монитор РМ. Специальный выпуск от 03.10.2006 г.
3. Официальный монитор РМ № 130-134 от 21.06.2013 г.
4. Официальный монитор РМ № 160-162 от 07.09.2010 г.
5. Официальный монитор РМ № 36-38 от 14.03.2002 г.
6. Официальный монитор РМ № 82-86 от 22.06.2002 г.
7. Официальный монитор РМ № 1 от 12.08.1994 г.
8. Официальный монитор РМ № 103 от 2012 г.

REFLECȚII ASUPRA EFECTELOR CONTENCIOSULUI ADMINISTRATIV

Diaconu Mihail - doctor în drept, judecător Judecătoria Buiucani, mun. Chișinău

Articolul cuprinde un studiu sumar asupra efectelor contenciosului administrativ, altfel spus asupra modului în care are loc restabilirea legalității ca rezultat a examinării cauzelor în instanța de contencios administrativ. În concret, în cazul constatării ilegalității actului administrativ sau a faptului administrativ și a prejudicierii drepturilor persoanei, instanța este în drept să dispună anularea actului administrativ, restabilirea drepturilor încălcate și despăgubirea prejudiciilor cauzate

Cuvinte-cheie: contencios administrativ, restabilirea legalității, anularea actului administrativ, restabilirea drepturilor persoanei, prejudiciu moral și material, repararea prejudiciului, executarea hotărârilor judecătorești.

The article summarizes a study on the effects of administrative contentious in other words on how to produce the restoration of legality as a result of the examination of cases in administrative court. Concretely, if it found the illegality of the administrative act or administrative fact and injury of personal rights, the court is entitled to order the annulment of the administrative act, restoring the violated rights and compensation for damage caused.

Keywords: administrative contentious, reestablish of legality, annulment of the administrative act, restoring the rights of the person, moral and material damage, compensation for damage, enforcement of judgments.

В статье рассматриваются последствия административного судопроизводства, то есть, возможности восстановления законности в результате рассмотрения дел в административном суде. В частности, подчеркивается, что если установлено незаконность административного акта или административного факта и нарушение личных прав, суд может отменить незаконный административный акт, восстановить нарушенные права и компенсировать причиненный ущерб.

Ключевые слова: административный суд, восстановление законности, аннулирование административного акта, восстановление прав человека, моральный и материальный ущерб, возмещение ущерба, исполнение судебных решений.

Introducere. În rezultatul unui amplu studiu axat pe particularitățile mecanismului de asigurare a legalității actelor administrative [4, p. 448], am stabilit că contenciosul administrativ reprezintă un control de legalitate asupra actelor administrative și faptelor asimilate acestora ale administrației publice, exercitat de către instanțele judecătorești în scopul contracarării abuzurilor și a exceselor de putere admise de autorități, apărării

și restabilirii drepturilor persoanelor care au fost vătămate în procesul de administrare. Prin urmare, contenciosul administrativ are o dublă misiune: ordonarea activității administrației publice și apărarea drepturilor persoanei, ambele circumscrise unui scop comun – asigurarea legalității în activitatea administrației publice.

Pornind de la scopul și misiunea contenciosului administrativ, considerăm important

de precizat care sunt/pot fi efectele concrete ale examinării acțiunilor în contencios administrativ sau, altfel spus, cum efectiv are loc restabilirea legalității în cadrul acestui proces. Clarificarea acestui moment prezintă importanță atât teoretică, cât și practică, întrucât pe lângă dezvoltarea teoriei contenciosului administrativ, cercetarea acestui aspect va contribui inevitabil la elucidarea unor carențe în materie cu identificarea implicite a unor soluții de optimizare.

Scopul studiului. Pornind de la cele menționate, în prezentul demers științific ne propunem expunerea unor reflecții relevante pe marginea problemei efectelor contenciosului administrativ circumscrise conceptului de restabilire a legalității, în vederea elucidării modalităților concrete de realizare a acesteia.

Rezultate obținute și discuții. Referindu-ne în continuare nemijlocit la modalitățile de restabilire a legalității în contenciosul administrativ, precizăm inițial că în baza art. 1 alin. (2) din *Legea Republicii Moldova contenciosului administrativ* [6], reclamantul poate cere instanței de contencios administrativ competente, atunci când se consideră vătămat într-un drept al său recunoscut de lege, de către o autoritate publică, printr-un act administrativ sau prin nesoluționarea în termenul legal a unei cereri, *anularea actului, recunoașterea dreptului pretins și repararea pagubei ce i-a fost cauzată* (e.n.).

De aici rezultă că instanța de judecată va avea de cercetat *existența dreptului subiectiv* care aparține reclamantului și *ilegalitatea actului administrativ* prin care i se încalcă acest drept. Constatând existența acestor două elemente, instanța de contencios administrativ va putea decide anularea actului și repunerea în drepturi a reclamantului.

Respectiv, sîntem în prezența contenciosului de plină jurisdicție și de anulare, instanța judecătorească avînd o competență deosebit de largă în controlul legalității actelor administrative [3, p. 420].

În ceea ce privește *temeiurile* anulării actului administrativ contestat, acestea, în principiu, coincid cu condițiile de legalitate a actelor administrative (examinare în literatura de specialitate [4, p. 140-194]). Astfel, potrivit art. 26 din *Legea contenciosului administrativ*, actul administrativ

contestat poate fi anulat, în tot sau în parte, în cazul în care:

- este ilegal în fond ca fiind emis contrar prevederilor legii;
- este ilegal ca fiind emis cu încălcarea competenței;
- este ilegal ca fiind emis cu încălcarea procedurii stabilite.

În viziunea noastră [4, p. 486-487], cea mai complicată este constatarea ilegalității în fond a actului administrativ. Totodată, examinînd legalitatea actelor administrative, instanța de contencios administrativ va cerceta dacă actul administrativ contestat este conform cu legea în sensul strict al cuvîntului, ca act care emană de la puterea legiuitoare.

De multe ori actele administrative sînt emise în baza unor reglementări juridice care provin de la autoritățile administrative și care sînt făcute pe baza și în executarea legii. Legalitatea actului administrativ care se întemeiază pe aceste norme juridice, va fi apreciată în raport cu aceste reglementări. Respectiv, ilegalitatea actului contestat poate fi dedusă din constatarea ilegalității actului normativ pe care se întemeiază.

Ilegalitatea actului administrativ poate să rezulte și din încălcarea principiilor de drept care sînt înscrise în Constituție sau în legea ordinară sau cele care sînt consacrate în doctrină și jurisprudență. Adesea judecătorul în acțiunile de contencios administrativ își va întocmi hotărîrea pe astfel de reguli care nu există într-un text scris, dar care sînt necesare pentru rezolvarea litigiului dedus în fața instanței, ținînd cont de nevoile administrației și drepturile cetățenilor [3, p. 419].

În cazul în care instanța de contencios administrativ realizează controlul legalității unui act administrativ la cererea reclamantului și constată că este întemeiată, dispune (în baza art. 25 din *Legea contenciosului administrativ*) admiterea acțiunii și anulează, în tot sau în parte, actul administrativ sau obligă pîrîtul să emită actul administrativ cerut de reclamant ori să elibereze un certificat, o adeverință sau oricare alt înscris, ori să înlăture încălcările pe care le-a comis, precum și dispune adjudecarea în contul reclamantului a despăgubirilor pentru întîrzierea executării hotărîrii.

Anularea totală a actului administrativ poate avea loc în cazul în care reclamantul solicită anularea lui totală, iar când motivele acțiunii se referă numai la o parte a actului administrativ, atunci poate fi anulată numai această parte.

Anularea în tot sau în parte a actului administrativ contestat poate fi admisă pe baza temeiurilor prevăzute de art. 26 din *Legea contenciosului administrativ*. Pentru ca anularea actului să fie totală, este necesar ca toate prevederile sale să fie ilegale, întrucât în situația în care ilegalitatea nu afectează decât unele dispoziții ale actului atacat, anularea se va produce doar asupra dispozițiilor respective, celelalte prevederi ale actului continuând să producă efecte juridice. Totuși, un act administrativ nu este susceptibil de anulare parțială decât în cazul în care dispoziția ilegală din conținutul său poate fi detașată de celelalte dispoziții ale acestuia. În situația în care această detașare nu este posibilă, existând o indisolubilă legătură între dispozițiile legale și cele ilegale, actul administrativ contestat va trebui anulat integral.

Anularea parțială nu presupune însă și dreptul instanței de contencios administrativ de a schimba ceva din conținutul actului supus controlului judecătoresc, întrucât aceasta are doar dreptul de a suprima dispozițiile ilegale ale actului contestat, iar modificarea unui act administrativ de către instanța de contencios administrativ ar însemna substituirea acesteia organului administrației publice emitente, ceea ce constituie o lezare adusă principiului separării puterilor în stat, consfințit în *Constituția Republicii Moldova* [2].

În context, sunt relevante și unele momente procedurale. Astfel, legiuitorul, prin art. 24 alin. (3) din *Legea contenciosului administrativ*, a stabilit o excepție de la regulile generale de judecare a pricinilor de contencios administrativ, conform căreia, în acțiunile privind anularea actului administrativ, sarcina probațiunii este pusă pe seama pîrîtului. Prin urmare, neprezentarea de către pîrît a probelor ce confirmă legalitatea actului emis constituie temei de anulare a acestuia, cu excepția cazurilor când înscrisurile sau alte probe ce au servit ca temei pentru emiterea actului administrativ se află la reclamant [5].

Actul administrativ anulat, în tot sau în parte, încetează a produce efecte juridice din momentul

în care hotărîrea instanței de contencios administrativ devine irevocabilă (altfel spus, hotărîrile judecătorești prin care s-au anulat acte administrative cu caracter normativ au putere numai pentru viitor [5]). Și doar ținînd cont de unele circumstanțe concrete și de eventualitatea survenirii unor urmări juridice negative, instanța de contencios administrativ poate stabili, prin hotărîrea sa, că normele declarate nule nu vor produce efecte juridice de la data adoptării actului administrativ.

În cazul în care instanța anulează actul administrativ ca ilegal, iar intrarea în vigoare a acestui act a fost condiționată de publicarea lui în sursa oficială, instanța va dispune publicarea hotărîrii în aceeași sursă sau într-o altă publicație.

Atunci cînd actul administrativ a fost anulat sau autoritatea publică refuză să emită actul administrativ, instanța de contencios administrativ va obliga autoritatea publică să emită actul respectiv. Instanța poate obliga, de asemenea, autoritatea publică să elibereze reclamantului certificatul, adeverința sau alt înscris solicitat. Dacă la cererea înaintată de reclamant autoritatea publică nu a dat răspuns în termenul stabilit de lege și reclamantul îl va solicita, instanța de contencios administrativ competentă, în temeiul prevederilor *Legii cu privire la petiționare* [7], va obliga autoritatea emitentă respectivă sau funcționarul public respectiv să-i dea reclamantului răspunsul cerut.

În situația refuzului de a rezolva o cerere sau a nerezolvării ei în termenul prevăzut de lege, nu mai este necesară procedura administrativă prealabilă, deoarece reclamantul s-a adresat anterior organului chemat în judecată, adică pîrîtul, și nu ar mai avea rost o nouă cerere. Instanța de contencios administrativ competentă nu va putea hotărî totuși conținutul actului cerut și nici condițiile în care organul administrativ ar urma să rezolve cererea, deoarece s-ar încălca principiul separării puterilor în stat. De aici rezultă că scopul urmărit de *Legea contenciosului administrativ* este de a pune la dispoziția instanțelor judecătorești o cale procedurală de înlăturare a pasivității și inacțiunii autorităților administrative, pentru a le obliga să se pronunțe asupra cererilor ce le sînt adresate [3, p. 421].

În contextul restabilirii legalității, instanța de contencios administrativ, de rînd cu anularea actelor administrative ilegale, este în drept, la solicitarea reclamantului sau din oficiu să suspende total sau parțial, actul administrativ sau să ia măsuri de asigurare a acțiunii prevăzute la art. 175 din *Codul de procedură civilă al Republicii Moldova* [1].

La soluționarea chestiunii cu privire la suspendarea actului administrativ, instanța ia în considerație toți factorii și interesele relevante și dispune suspendarea lui numai dacă constată că actul este susceptibil de a cauza un prejudiciu iminent, ce ar putea fi ireparabil, sau dacă există temeieri vădite privind ilegalitatea actului.

Noțiunea de pagubă iminentă, poate viza potențialitatea perturbării funcționării unei instituții sau a unui serviciu public ori afectării grave a altui interes public sau privat.

În același timp, instanța nu poate dispune suspendarea actului administrativ dacă acesta a fost executat [5].

Potrivit art. 25 alin. (3) și (4) din *Legea contenciosului administrativ*, în cazul admiterii acțiunii, instanța de contencios administrativ se pronunță, la cerere, și asupra reparării prejudiciilor materiale și morale cauzate prin actul administrativ ilegal sau prin neexaminarea în termenul legal a cererii prealabile (dacă acțiunea în despăgubiri se va înainta concomitent cu cererea inițială sau prin înaintarea unei cereri suplimentare, dacă aceasta a fost înaintată ulterior).

Mărimea prejudiciului moral se stabilește de instanța de contencios administrativ, independent de prejudiciul material, în funcție de caracterul și gravitatea suferințelor psihice sau fizice cauzate, de gradul de vinovăție a pîrîtului, dacă vinovăția este o condiție a răspunderii, luîndu-se în considerare circumstanțele în care a fost cauzat prejudiciul, precum și statutul social al persoanei vătămate.

Practica judiciară demonstrează că mult mai frecvente sînt pagubele morale pricinuite de autoritatea publică decît cele de ordin material care pot fi cauzate, de exemplu, în cazul concedierii ilegale a persoanei. Or, prin acte administrative ilegale, mai des persoana este vătămată moral. Regimul sovietic nu a acceptat răspunderea administrației în fața particularului (decît parțial,

răspunderea materială) pentru paguba adusă acestuia prin proasta guvernare. Odată instituită despăgubirea morală, alături de cea materială prin *Legea contenciosului administrativ*, aceasta a produs incomodități guvernanților și a pus la grea încercare instanțele de judecată [10, p. 78].

În conformitate cu art. 20 din *Legea contenciosului administrativ*, acțiunile în contencios administrativ pot fi formulate și personal împotriva funcționarului public al autorității administrative pîrîte, care a elaborat actul administrativ contestat sau care a refuzat să soluționeze cererea în care se solicită despăgubiri. Funcționarul public, în temeiul art. 20 alin. (3) din *Lege*, poate chema în garanție superiorul său ierarhic care i-a ordonat să elaboreze actul administrativ sau să refuze soluționarea cererii.

În cazul în care se admite acțiunea, funcționarul public poate fi obligat să plătească despăgubirile solidar cu autoritatea publică respectivă (dacă se va dovedi că el a săvîrșit, intenționat sau din culpă gravă, fapta ilicită prejudiciabilă [5]).

Conform prevederilor art. 23 din *Legea privind administrația publică locală* [8], acțiunea în despăgubiri poate fi înaintată și împotriva consilierilor care au adoptat actul administrativ, dacă au votat pentru adoptarea acestui act. În acest caz, în baza principiului solidarității, consilierii răspund solidar cu autoritatea.

Referitor la expresia legiuitorului, potrivit căreia, funcționarul „poate” fi obligat, se poate desprinde concluzia că instanța de contencios administrativ nu este ținută să-l oblige la plată și pe funcționarul chemat în judecată, ci rămîne la libera ei apreciere să-l oblige, sau nu, la plata daunelor convenite reclamantului, solidar cu autoritatea administrativă al cărei funcționar public este.

În ceea ce ne privește, susținem poziția cercetătorilor [3, p. 422], și considerăm că această obligare la plata de daune nu trebuie să fie facultativă, deoarece activitatea autorităților administrative se realizează de funcționari încadrați în aceste autorități și de modul în care aceștia înțeleg să-și exercite atribuțiile ce le revin din funcția publică pe care o dețin, depinde legalitatea actelor administrative adoptate sau emise, precum și rezolvarea, în termenul prevăzut de

lege, a cererilor referitoare la un drept recunoscut de lege și pe această cale apărarea drepturilor recunoscute de lege particularilor [4, p. 493-494].

Semnând acte administrative, funcționarul public își asumă răspunderea pentru efectele juridice ale acestora. Ilegalitatea actelor semnate fiindu-i imputabilă, pe cale de consecință poate face obiectul acțiunii de recuperare a prejudiciilor. Însă, pe de altă parte, și autoritatea pîrîită obligată la plata daunelor are dreptul la acțiune în regres împotriva funcționarului.

Un aspect important al restabilirii legalității în cadrul contenciosului administrativ ține de executarea hotărîrilor judecătorești. În acest sens, potrivit art. 32 alin. (3) din *Legea contenciosului administrativ*: în cazul neexecutării în termen a hotărîrii (3 zile și, respectiv, 30 de zile în cazul în care termenul nu este prevăzut – e.n.), conducătorul autorității publice în a cărei sarcină a fost pusă executarea acesteia poate fi tras la răspundere în conformitate cu prevederile legislației în vigoare. Comparativ cu varianta inițială a legii, în care se prevedea posibilitatea sancționării cu amendă în folosul statului, în mărime de 10 salarii minime pentru fiecare zi de întîrziere, inclusiv procedura executării, prin actuala dispoziție legiuitorul a echivalat răspunderea autorităților publice pentru neexecutarea hotărîrilor instanțelor de contencios administrativ cu cea a oricărei persoane fizice sau juridice, pentru neexecutarea hotărîrilor judecătorești, prevăzută de legislația contravențională, sau penală, după caz [9, p. 156].

Astfel, înlocuirea răspunderii și a procedurii de aplicare a acesteia, prevăzute inițial în lege, cu o formulă plină de ambiguitate („în conformitate cu legislația în vigoare”), poate fi apreciată ca un pas în defavoarea justiției administrative, ceea ce ne determină să optăm pentru o stabilire concretă a măsurilor ce urmează a fi luate în caz de neexecutare a hotărîrilor judecătorești prin

care se dispune restabilirea legalității în activitatea administrației publice.

Literatura:

1. *Codul de procedură civilă al Republicii Moldova*, adoptat prin Legea nr. 225 din 30.05.2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 111-115 din 12.06.2003 (cu modificări din 01.10.2012).

2. *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29.07.1994, în vigoare din 27.08.1994 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 12.08.1994, nr. 1.

3. Cruglițchi T. *Particularitățile examinării acțiunii de contencios administrativ la instanța de fond* // Administrația publică în statul de drept, Materiale ale sesiunii de comunicări științifice, 27-28 sept. 2008. Chișinău: S.n., 2009 (Tipografia „Elena-V.I.” SRL).

4. Diaconu M. *Mecanismul asigurării legalității actelor administrative în Republica Moldova. Monografie*. Chișinău: Î.S. F.E.-P. Tipografia Centrală, 2013. 552 p.

5. *Hotărîrea Plenului Curții Supreme de Justiție cu privire la practica aplicării de către instanțele de contencios administrativ a unor prevederi ale Legii contenciosului administrativ*, nr. 10 din 30 octombrie 2009. [resurs electronic]: www.csj.md. (accesat la 28.06.2016).

6. *Legea contenciosului administrativ*, nr.793 din 10.02.2000 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.57-58 din 18.05.2000.

7. *Legea cu privire la petiționare*, nr. 190 din 19.07.1994 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 6-8 din 24. 01.2003.

8. *Legea privind administrația publică locală*, nr. 436 din 28.12.2006 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 09.03.2007, nr. 32-35.

9. Orlov M. *Curs de contencios administrativ*. Chișinău: „Elena-V.I.” SRL, 2009. 158 p.

10. Orlov M. *Drept administrativ*. Chișinău: Epigraf, 2001.

RĂSPUNDEREA CONSTITUȚIONALĂ A PARLAMENTULUI

Micu Victor - președinte al Consiliului Superior al Magistraturii, doctorand la Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei

Articolul cuprinde un studiu asupra răspunderii constituționale a Parlamentului și a deputaților. În baza studiilor de specialitate și a legislației în vigoare, autorul argumentează temeiurile survenirii acestei forme de răspundere și sancțiunile constituționale aplicate.

Cuvinte-cheie: parlament, deputat, răspundere, răspundere constituțională, dizolvare, ridicarea imunității, retragerea mandatului.

Article includes a study on the constitutional responsibility of Parliament and of Deputies. On the basis of specialized studies and legislation, author argues the reasons of this form of responsibility and the constitutional sanctions applied.

Keywords: parliament, deputy, responsibility, constitutional responsibility, dissolution, withdrawal of immunity, withdrawal of mandate.

В статье рассматривается проблема конституционной ответственности Парламента и депутатов. На основе теоретических исследований и законодательства, автор раскрывает основания этой формы ответственности и применяемые конституционные меры принуждения.

Ключевые слова: парламент, депутат, ответственность, конституционная ответственность, роспуск, лишение парламентского иммунитета, лишение парламентского мандата.

Introducere. În prezent, în pofida creșterii continue a interesului doctrinar față de *răspunderea constituțională* (ca o nouă formă de răspundere juridică), mai ales în doctrina rusă și cea autohtonă, problema răspunderii constituționale a Parlamentului rămîne a fi foarte puțin studiată (uneori doar simplu enunțată), fapt practic nejustificat în condițiile în care Parlamentul dispune de importante atribuții și obligații constituționale.

În literatura de specialitate autohtonă, ideea răspunderii constituționale a Parlamentului a fost enunțată deja cu ceva timp în urmă, dar o abordare teoretică pe măsură nu a cunoscut. În acest sens, se impun în atenție asemenea cercetători precum: D. Baltag și A. Guțu, care atestă existența unei răspunderi juridice cu ca-

racter politic, aducînd drept exemplu răspunderea constituțională a Parlamentului [3, p. 280]; Gh. Avornic nominalizează ca fiind răspundere constituțională răspunderea Guvernului față de Parlament, răspunderea Președintelui Republicii și a deputaților [2, p. 508] (deci, chiar dacă nu vorbește despre răspunderea constituțională a Parlamentului, autorul citat invocă existența răspunderii constituționale a deputaților); B. Negru precizează în contextul dat că răspunderea constituțională se referă la răspunderea șefului statului, răspunderea deținătorilor unui mandat politic (celor aleși în organele reprezentative ale statului, membrilor Guvernului pentru faptele comise în exercițiul funcțiunii lor etc.) [11, p. 45].

Cu mult mai aprofundat, problema răspunderii constituționale a Parlamentului o regăsim tratată la cercetătorii Gh. Costachi și I. Muruianu, mai ales în contextul dezvoltării, fără precedent, a teoriei răspunderii constituționale [6, p. 274-294; 10, p. 17-20; 7, p. 4-7]. Cu toate acestea, o viziune de ansamblu a subiectului dat pînă ce nu poate fi atestată.

Dincolo de cele menționate, oportunitatea dezvoltării teoretice a problematicii în cauză mai este justificată și de lipsa unor studii fundamentale în materia instituției *răspunderii parlamentare* care, trebuie să recunoaștem, în ultimul timp, tinde să devină o garanție importantă a realizării rolului decisiv al Parlamentului în edificarea statului de drept în Republica Moldova. Or, altfel spus, anume această instituție juridică (fiind bine conturată) este chemată să consolideze responsabilitatea Parlamentului pentru finalitatea procesului nominalizat.

Scopul studiului. Pornind de la necesitatea și oportunitatea menționată, în cele ce urmează ne propunem să abordăm succint instituția răspunderii constituționale a Parlamentului, în baza ideilor expuse în literatura de specialitate și a reglementărilor juridice în vigoare, în vederea precizării însăși a existenței unei astfel de forme de răspundere juridică și a identificării temeiurilor juridice pentru care aceasta poate să survină.

Rezultate obținute și discuții. Pentru început, considerăm important a preciza că răspunderea constituțională poate fi proprie atât Parlamentului – ca subiect colectiv, cât și deputaților luați individual. Prin urmare, în continuare, anume pe acest criteriu ne vom structura studiul.

Răspunderea constituțională a Parlamentului. În general, în literatura de specialitate răspunderea constituțională a Parlamentului este interpretată *lato sensu* ca formă distinctă a răspunderii juridice ce survine în cazul neexecutării sau executării inadecvate a obligațiilor constituționale sau pentru abuzul de drepturile constituționale [13, p. 54].

Un moment important în context, ce merita o atenție distinctă, ține de faptul că numeroși cercetători califică răspunderea constituțională a Parlamentului ca fiind una politică, fapt ce implică necesitatea unei argumentări temeinice a natu-

rii juridice a acesteia. În măsura posibilităților, pe parcurs, vom face unele precizări și în acest sens.

Idei inedite la acest capitol regăsim la cercetătorul rus V. A. Vinogradov (autor ce a marcat în mod deosebit dezvoltarea teoriei răspunderii constituționale), care notează că Parlamentul ca organ colegial poartă răspundere pentru faptele ce contravin modelului prevăzut de normele juridice constituționale și, în special, pentru exercitarea inadecvată a atribuțiilor cu care a fost investit [14, p. 177].

Totodată, autorul consideră că temeiurile survenirii răspunderii sunt diferite însă, în toate cazurile măsura de răspundere aplicată este *dizolvarea* (deci, ca sancțiune constituțională – e.n.).

Analizînd legislația constituțională a mai multor state din lume, domnia sa identifică următoarele temeiuri factice pentru survenirea răspunderii constituționale a Parlamentului [14, p. 182]:

- încălcarea Constituției (atentarea la bazele regimului constituțional);
- incapacitatea de a forma Guvernul (de a asigura stabilitatea guvernării);
- imposibilitatea de a adopta bugetul public la termenul stabilit;
- incapacitatea de a alege Șeful statului;
- imposibilitatea de a-și exercita atribuțiile;
- crearea unor condiții de criză ce împiedică funcționarea normală a puterii de stat.

În cazul Republicii Moldova, temeiurile răspunderii constituționale a Parlamentului pot fi atestate cu precădere în Legea Fundamentală a statului. În concret, este vorba de art. 85 din Constituția Republicii Moldova [5], în care se stipulează că dizolvarea Parlamentului este posibilă:

- în cazul imposibilității formării Guvernului și
- în cazul blocării procedurii de adoptare a legilor timp de 3 luni (prin blocare se înțelege o criză parlamentară în care se confirmă fracțiunile, neposedînd nici una o majoritate de voturi și care nu sunt în stare să adopte acte legislative [12, p. 92]).

Suplimentar, un alt temei pentru dizolvare este stipulat în art. 78 alin. (5) din Constituție, și anume: imposibilitatea alegerii șefului statului.

Deci, temeiurile răspunderii constituționale a Parlamentului Republicii Moldova sunt:

- imposibilitatea formării Guvernului;

- blocarea procedurii de adoptare a legilor timp de 3 luni;

- imposibilitatea alegerii șefului statului.

În toate aceste cazuri, urmează să survină *dizolvarea* ca sancțiune a răspunderii constituționale.

O serie de cercetători consideră ca în baza acestor temeuri survine răspunderea politică a Parlamentului. Privind răspunderea constituțională în sens *restrictiv*, ei apreciază că în cazul dat *de facto* nu se încalcă normele Constituției. Dat fiind faptul că vorbim de un subiect colectiv, considerăm necesar să privim problema din alt punct de vedere.

Astfel, pornind de la ideea că, în principiu, reprezentanții poporului (deci deputații ca membri ai forului legislativ) sunt obligați să asigure realizarea, în primul rând, a intereselor statului, societății și cetățeanului, am putea presupune că asemenea cazuri pot interveni în momentele în care aceștia fac abuz de drepturile și competențele funcționale, promovându-și astfel interesele de partid. Prin urmare, temeurile reglementate de Constituție nu sunt altceva decât consecințele activității necorespunzătoare desfășurate de Parlament, în care nu se exclude și abuzul de drepturile constituționale. Fiind dificilă demonstrarea caracterului ilicit al acestor acțiuni (în lipsa reglementării juridice corespunzătoare), se poate aprecia că *dizolvarea* intervine în cazul dat ca o măsură de constrângere juridico-constituțională.

Caracterul politic al acestei măsuri se diminuează și mai mult datorită faptului că Constituția stabilește și unele limite pentru aplicarea măsurii în cauză. Respectiv, potrivit art. 85, Parlamentul nu poate fi dizolvat în timpul stării de urgență, de asediu sau de război. De asemenea, el nu poate fi dizolvat în ultimele 6 luni ale mandatului Președintelui Republicii Moldova, cu excepția cazului în care după alegerile repetate Președintele nu este ales, moment în care intervine dizolvarea Parlamentului de către Președintele în exercițiu. Parlamentul poate fi dizolvat o singură dată, în decursul unui an.

În același timp, este relevant și rolul Curții Constituționale, care potrivit art. 135 alin. (1) lit. f) din *Constituția Republicii Moldova* și art. 38 alin. (2) pct. b) din *Codul jurisdicției constituționale* [4] este competentă să constate circumstanțele

ce justifică dizolvarea Parlamentului, în baza sesizării făcute de Președintele Republicii Moldova. Un exemplu elocvent în acest sens, servește Avizul Curții Constituționale din 21.09.2010 [1], în care drept circumstanțe ce au justificat dizolvarea Parlamentului au fost indicate: nealegerea Președintelui Republicii Moldova în cadrul alegerilor ordinare din 10 noiembrie 2009 și al alegerilor repetate din 7 decembrie 2009. Ținând cont de faptul că în acest aviz Curtea precizează că: „Președintele emite decretul cu privire la dizolvarea Parlamentului și stabilește data alegerilor în noul Parlament în temeiul avizului Curții Constituționale privind constatarea circumstanțelor care justifică dizolvarea Parlamentului”, putem conchide că dizolvarea este o veritabilă măsură de constrângere juridico-constituțională și nicidecum o măsură de răspundere politică.

În baza celor enunțate, putem conchide:

- dizolvarea Parlamentului reglementată de Constituție nu este o măsură de răspundere politică, deoarece survine în baza hotărârii Curții Constituționale și a decretului Președintelui Republicii Moldova;

- este o măsură de constrângere juridico-constituțională, competența aplicării revenindu-i Președintelui Republicii și Curții Constituționale (recunoscute în literatura de specialitate drept instanțe ale răspunderii constituționale [10, p. 17-20]).

Răspunderea constituțională a deputaților.

În general, trebuie remarcat că răspunderea acestor subiecți este strâns legată de obligația respectării Constituției și a legilor, a drepturilor și libertăților cetățenilor, a intereselor statului, care de altfel și constituie obiect al delictelor constituționale comise de ei. În contextul dat, cercetătorul rus V.A. Vinogradov menționează că aceste obligații sînt asumate în momentul depunerii jurământului la investirea în funcție, încălcarea căruia constituie un temei distinct pentru survenirea răspunderii constituționale [14, p. 194].

În continuare, autorul citat, precizează că deputații pot comite următoarele delikte constituționale:

- încălcarea Constituției, a legilor și a drepturilor și libertăților omului;
- neexecutarea obligațiilor funcționale sau executarea inadecvată a acestora;
- nerespectarea regimului incompatibilităților;

- abuzul de competențe și drepturi.

Referitor la măsurile de răspundere constituțională ce pot fi aplicate pentru comiterea unor astfel de abateri (delicte constituționale), cercetătorul indică următoarele [14, p. 212-214]:

- lipsirea de împuterniciri (revocarea sau retragerea mandatului);
- invalidarea alegerii deputatului;
- sancțiuni juridico-constituționale cu caracter procedural (avertismentul, înlăturarea temporară de la activitatea parlamentului etc.);
- sancțiuni juridico-constituționale cu caracter financiar (lipsirea de remunerație).

În opinia cercetătorilor autohtoni, o asemenea abordare a subiectului este considerat prea extensivă și, în principiu, nu se susține atribuirea măsurilor de răspundere disciplinară la categoria sancțiunilor constituționale, deoarece, prin aceasta, se denaturează într-o anumită măsură însăși esența răspunderii constituționale [7, p. 5].

Un aspect important în contextul dat, privește temeiurile juridice de aplicare a măsurilor de răspundere constituțională. Desigur, dat fiind statutul juridic distinct al deputaților, temeiurile în cauză sunt și trebuie să fie reglementate în Legea Fundamentală a statului, precum și în Legea-cadru în domeniu.

Astfel, în art. 70 din Constituția Republicii Moldova [5] sunt stipulate următoarele momente importante:

„(1) *Calitatea de deputat este incompatibilă cu exercitarea oricărei alte funcții retribuite, cu excepția activității didactice și științifice.*”

(3) *Deputatul nu poate fi reținut, arestat, percheziționat, cu excepția cazurilor de infracțiune flagrantă, sau trimis în judecată fără încuviințarea Parlamentului, după ascultarea sa.*”

În același timp, potrivit art. 3 și 4 din *Legea despre statutul deputatului în Parlament* [9], mandatul de deputat este incompatibil cu:

- a) funcția de Președinte al Republicii Moldova;
- b) funcția de membru al Guvernului;
- c) funcția de avocat parlamentar;
- d) exercitarea oricărei alte funcții remunerate, inclusiv a funcției acordate de un stat străin sau organizație internațională, cu excepția activității didactice și științifice desfășurate în afara programului stabilit de Regulamentul Parlamentului. Persoanele mandatate de Parlament cu misiuni

temporare în organele centrale ale administrației de stat pot cumula exercitarea acestei misiuni cu mandatul de deputat pe o durată de cel mult 6 luni.

Pe cale de consecință, deputatul care se află în unul din cazurile de incompatibilitate enunțate va demisiona, în termen de 30 de zile de la data validării mandatului, din funcția incompatibilă cu mandatul de deputat. În cazul în care deputatul se află în unul din cazurile de incompatibilitate și nu a depus, în termenul menționat, cererea de demisie din funcția incompatibilă cu mandatul de deputat, după expirarea acestui termen este suspendat de drept din funcția incompatibilă (art. 5).

Din aceste prevederi legale se poate conchide că deputatul poate să-și piardă mandatul (ca sancțiune constituțională) în cazul nerespectării regimului incompatibilităților [7, p. 6]. Important e ca mecanismul de constatare a incompatibilității să fie funcțional și aplicat potrivit legii. În acest sens, prof. V. Popa afirmă că pentru Parlamentul Republicii Moldova este ceva obișnuit că unii deputați pe perioada exercitării mandatului său continuă să-și administreze întreprinderile private [12, p. 99], ceea ce contravine evident și flagrant regimului incompatibilităților.

O altă sferă de manifestare a răspunderii constituționale ține de procedura ridicării imunității parlamentare (reglementată în capitolul 5 din *Regulamentul Parlamentului* [8]). În literatura de specialitate, ridicarea imunității parlamentare este calificată drept o sancțiune constituțională ce survine pentru un comportament incompatibil cu statutul înalt de deputat în Parlament [15, p. 7].

Astfel, potrivit art. 95 alin. (1) din *Regulamentul* citat *supra*, în cazul în care deputatul a comis o infracțiune sau o contravenție, Procurorul General poate cere Parlamentului ridicarea imunității acestuia pentru a efectua măsuri procesuale de reținere, percheziționare, arestare sau trimitere în judecată.

Dincolo de reglementarea detaliată a procedurii de ridicare a imunității, Regulamentul Parlamentului nu prevede soluția ce urmează în cazul în care deputatul este totuși găsit vinovat de comiterea infracțiunii, stipulând doar momentul că în cazul încetării urmăririi penale sau a procedurii contravenționale, precum și al achitării definitive de către instanța judecătorească, cazul este considerat consumat și hotărârea Parlamentului de ridi-

care a imunității își pierde valoarea juridică (art. 98 alin. (2)) [7, p. 5]. În viziunea noastră, această lacună legislativă necesită o remediere/completare corespunzătoare, întrucât, consecința juridică a condamnării deputatului constă în retragerea mandatului acestuia, care în esență, de asemenea este o măsură de răspundere constituțională.

Un alt caz de răspundere constituțională a deputatului este reglementat de art. 62 din Constituția Republicii Moldova, care stabilește: „Curtea Constituțională, la propunerea Comisiei Electorale Centrale, hotărăște validarea mandatului de deputat sau nevalidarea lui în cazul încălcării legislației electorale”. Prin urmare, în cazul în care deputatul a încălcat legislația electorală, fapt constat de către Comisie, el este sancționat cu invalidarea mandatului de către Curtea Constituțională, fapt ce înseamnă efectiv pierderea mandatului. Deci, invalidarea mandatului, de asemenea, constituie o măsură de răspundere constituțională.

În **concluzie**, precizăm că chiar dacă legiuitorul autohton evită a reglementa răspunderea constituțională a deputaților, acești subiecți totuși sunt pasibili de o asemenea formă de răspundere, deoarece sînt subiecți individuali care în activitatea lor pot să admită derogări de la normele constituționale și chiar abuzuri de drepturile constituționale.

Așadar, dat fiind statutul lor juridic deosebit, deputații pot și trebuie recunoscuți ca subiecți ai răspunderii constituționale, iar temeiurile survenirii acesteia urmează a fi extinse. Modificări substanțiale în acest sens se impun în însăși legea ce reglementează statutul deputaților (implicit și în Regulamentul Parlamentului), cu precizarea concretă a răspunderii constituționale ce poate surveni în cazurile de încălcare a Constituției și a legislației constituționale (în acest sens, în calitate de sancțiuni pot fi consacrate nu doar demiterea sau lipsirea de mandat, dar și interzicerea de a mai ocupa funcții publice pe o anumită perioadă de timp sau chiar pe viață, în dependență de delictele constituționale comise), cu concretizarea conținutului acestor delictes și, în același timp, elaborarea unui mecanism eficient de aplicare a acesteia.

Literatura:

1. *Avizul Curții Constituționale a Republicii Moldova privind constatarea circumstanțelor care justifică dizolvarea Parlamentului*, nr. 4 din

21.09.2010. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.179-181/22 din 24.09.2010.

2. Avornic Gh. și alții *Teoria Generală a Dreptului*. Ediția I. Chișinău: Cartier Juridic, 2004.

3. Baltag D., Guțu A. *Teoria Generală a Dreptului (curs teoretic)*. Chișinău: Academia de Poliție „Ștefan cel Mare” (Tipografia „Reclama”), 2003.

4. *Codul jurisdicției constituționale*, nr. 502 din 16.06.1995. În: Monitorul Oficial nr. 53-54 din 28.09.1995.

5. *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29.07.1994, în vigoare din 27.08.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 12.08.1994, nr. 1 (cu modificări și completări pînă la 20 septembrie 2006).

6. Costachi Gh. *Direcții prioritare ale edificării statului de drept în Republica Moldova. Monografie*. Chișinău: Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, 2009 (Î.S. F.E.-P. „Tipogr. Centrală”).

7. Costachi Gh., Muruianu I. *Răspunderea constituțională a deputaților, miniștrilor și a altor subiecți de drept constituțional*. În: *Legea și Viața*, 2013, nr. 12, p. 4-7.

8. *Legea despre adoptarea Regulamentului Parlamentului*. Nr. 797 din 02.04.1996. Republicată în: Monitorul Oficial al Republicii Moldova din 07.04.2007, nr. 50.

9. *Legea despre statutul deputatului în Parlament*, Nr.39 din 07.04.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 15.04.2005, nr. 59-61.

10. Muruianu I. *Instanța răspunderii constituționale: determinări conceptuale*. În: *Legea și Viața*, 2011, nr. 8. p. 17-20.

11. Negru B. *Responsabilitatea și răspunderea juridică într-un stat democratic de drept*. În: *Revista Națională de Drept* 2006, nr. 12.

12. Popa V. *Drept parlamentar al Republicii Moldova: Monografie*. Chișinău: ULIM, 1999. 232 p.

13. Акопян Г., Акопян Р. *Парламент как субъект конституционно-правовой ответственности*. În: *Justiția Constituțională în Republica Moldova*, 2006, nr. 3. p. 54-60.

14. Виноградов В.А. *Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование*. Москва, 2000. 287 p.

15. Сергеев А.Л. *Конституционная ответственность в Российской Федерации (часть вторая)*. В: *Конституционное и муниципальное право* 2003, nr. 1, p. 5-8

BUNA-CREDINȚĂ ÎN ACTIVITATEA JUDECĂTORULUI

Cozma Daniela - consilier juridic în cadrul Inspecției judiciare din România, doctorand la Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei

Buna-credință în activitatea judecătorului. Articolul cuprinde o analiză a conceptului de bună-credință, sub aspect etimologic, terminologic și istoric, în vederea precizării particularităților și rolului acesteia în activitatea judecătorului.

Cuvinte-cheie: bună-credință, judecător, principiu, justiție, diligență, loialitate.

Good faith in the activity of the judge. The article includes an etymological, terminological and historical analysis of the concept of good faith in order to specify its peculiarities and role in the activity of the judge.

Keywords: good faith, Judge, principle, justice, diligence, loyalty.

Добросовестность в деятельности судьи. Статья содержит краткий анализ понятия добросовестности с этимологической, терминологической и исторической точки зрения, для того чтобы выяснить ее особенности и роль в деятельности судьи.

Ключевые слова: добросовестность, судья, принцип, юстиция, усердие, лояльность.

Introducere. Într-o lume civilizată, *buna-credință* poate fi considerată pe bună dreptate un standard al conduitei sociale, care trebuie respectat de fiecare persoană și, în mod special, de cei ce reprezintă puterea în stat. În virtutea semnificației sale deosebite, această cerință este impusă nu doar de conștiința socio-umană, dar și de sistemul de drept. În acest sens, cea mai importantă consacrare legislativă a *bunei-credințe* este fără îndoială cea din Legea Supremă a Statului. Respectiv, art. 57 din *Constituția României* (Exercitarea drepturilor și a libertăților) prevede [4]: „Cetățenii români, cetățenii străini și apatrizii trebuie să-și exercite drepturile și libertățile constituționale cu *bună-credință*, fără să încalce drepturile și libertățile celorlalți”. O prevedere similară, se conține și în art. 55 din *Constituția Republicii Moldova* [2]. Deci, *buna-credință* este cerută tuturor persoanelor în exercitarea drepturilor și libertăților

lor, adică în viața de zi cu zi. În cazul dat se consideră că *buna-credință* presupune o condiționare internă a drepturilor și libertăților constituționale, întrucât privește necesitatea exercitării acestora în mod corect, cinstit, cu respectarea cadrului lor intrinsec de raționalitate [7, p. 173]. De fapt, *buna-credință* este o instituție tradițională a dreptului civil, care obligă persoanele participante la raporturile juridice să-și exercite drepturile și obligațiile cu *bună-credință*, în acord cu legea, cu contractul, cu ordinea publică și cu bunele moravuri.

Dincolo de aceasta, *buna-credință* ridicată la rang de principiu constituțional implică dimensiuni teoretice și practice, cu toate consecințele acesteia, mai cu seamă pentru dreptul public [3, p. 224]. În acest sens, sunt relevante prevederile art. 54 alin. (2) din *Constituția României* (Fidelitatea față de țară) care stabilesc: „Cetățenii cărora le sunt încredințate funcții publice, precum și

militarii, răspund de îndeplinirea cu *credință* a obligațiilor ce le revin și, în acest scop, vor depune jurământul cerut de lege” (dispoziții similare conținând și art. 56 din *Constituția Republicii Moldova*).

Servirea cu *bună-credință* și fidelitate a țării se consideră a fi un moment deosebit de important, deoarece este de natură să asigure dăinuirea statului [3, p. 228].

Pin urmare, se poate conchide că îndeplinirea funcției cu *bună-credință* constituie o obligație constituțională și pentru judecători ca reprezentanți ai puterii judecătorești în stat. Cu regret însă, această obligație nu se regăsește dezvoltată în legislația ce reglementează activitatea magistraților, sarcina concretizării ei revenind astfel doctrinei. În prezent, necesitatea și oportunitatea acestui subiect practic sunt de necontestat mai ales în contextul responsabilizării puterii judecătorești ca factor important al consolidării statului de drept.

Scopul studiului rezidă în analiza conceptului de *bună-credință*, sub aspect etimologic, terminologic și istoric, în vederea precizării particularităților și rolului acesteia în activitatea judecătorului.

Rezultate obținute și discuții. Investiția în funcția de judecător presupune, pe lângă dobândirea *calității de magistrat* și o anumită conduită a celui investit, care să justifice „încrederea” acordată de societate în dreapta lui judecată. Dacă criteriul rangului social, determinant în alegerea magistraților în dreptul roman, a devenit desuet, considerat irelevant și discriminator în selecția celor care să facă parte din categoria magistraților, criteriile privind buna reputație, pregătirea profesională, dar și principiile morale, sociale, și-au păstrat valențele în timp fiind relevante în procedura de investire a unui magistrat [6, p. 54].

Astfel, calitatea de magistrat nu este un dat al naturii, un drept pe care îl dobândești odată cu dreptul la viață ori un drept conferit de rangul pe care îl ocupi în societate, ea reprezintă un cumul de principii sociale, etice și morale (ce conturează de fapt un standard) pe care societatea îl impune celui investit, care trebuie de altfel respectate cu strictețe. Din categoria acestora fac parte [17, p. 158; 15, p. 16-19; 10, p. 20]: echitatea, umanismul,

onestitatea, conștiinciozitatea, imparțialitatea, incoruptibilitatea etc.

Deci, pentru a legitima încrederea dată de societate acțiunilor sale de realizare a justului echilibru în aplicarea și interpretarea normelor juridice, magistratul trebuie să respecte principiile sociale, morale și juridice, iar în exercitarea atribuțiilor trebuie să dea dovadă de *bună-credință*. Mai mult, în cazul încălcării acestui principiu, prezumat până la proba contrară, acesta devine pasibil de sancțiune penală, disciplinară, materială sau morală [6, p. 54-55], în funcție de consecințele survenite.

În general, în doctrină este acceptată ideea că *buna-credință* reprezintă un standard juridic la care magistratul se raportează în aprecierea faptelor particulare astfel că definirea acestei noțiuni apare ca fiind necesară în aprecierea activității judiciare desfășurate de magistrat.

În literatura de specialitate, noțiunea de *bună-credință*, deși întrebuițată frecvent în limbajul juridic, nu are un sens cert [11, p. 323], imprecizia unei definiții fiind dată tocmai de semnificațiile multiple care se dau noțiunii în gândirea juridică. Noțiunea în cauză a suferit modificări privind rolul și natura sa, în sensul că a devenit în esența sa o limită obiectivă a libertății contractuale și autonomiei de voință [6, p. 48].

Potrivit cercetătorilor români [6, p. 41], dificultatea definirii noțiunii de *bună-credință* (provenită de la expresia latină *bona fides*) rezultă din caracterul său complex, de factură psihologică la origine, cu efecte în diverse domenii (teoria actului juridic civil, a drepturilor reale, a răspunderii penale, a angajamentelor constituționale, a responsabilității financiare etc.).

În limba latină *bona fides* este compus din adjectivul *bona* – bun, cinstit, virtuos și substantivul *fides* – credință, crezare, încredere, cinste. Adjectivul *bona* a fost adăugat cuvântului *fides* pentru a arăta concordanța atitudinii/actului uman cu exigențele lui *fides* [16, p. 187].

De-a lungul timpului, cuvântul *fides* a primit mai multe sensuri („garanție”, „legătură constrângătoare”, „constrângere-putere discreționară”, „renunțare”, „loialitate” etc.), însă ca bază semantică, are înțeles de „încredere” [8, p. 26]. Termenul de „încredere” are în aparență două sensuri: unul ac-

tiv, care semnifică „încrederea pe care eu o dau”, și unul pasiv, „încrederea pe care eu o obțin de la”. De fapt, cele două interpretări se circumscriu aceleiași categorii, permițând două valorizări cu sensul de „garanție” [8, p. 41].

Cel mai adesea, *fides* semnifică respectul pentru cuvântul dat chiar dacă a primit sensuri de: *bună-credință* (respect al sincerității), loialitate (respect al unui angajament sau a unui cod moral), promisiune, protecție, interpretare dată și de filosofi juriști romani în încercarea de a defini *buna-credință*: „fundamentul justiției este încrederea, adică statornicia și adevărul în vorbe și fapte” [1, p. 50].

Pentru înțelegerea lui *bona fides*, adeseori este folosită o explicație prin contrariul lui *dolus*, absența lui *dolus*. Astfel că sensul cel mai clar pentru *bona fides* a fost cel de probitate, loialitate, dreptate, sensuri care sunt contrarii șiretnei, dolului sau fraudei. În această interpretare, *bona fides* permitea judecătorului de a interveni în mod direct asupra dezechilibrului care s-ar fi putut produce în relațiile dintre indivizi și să ia în seamă încrederea care ar fi trebuit să existe între aceștia, atunci când urmează să stabilească echitatea [6, p. 44].

Potrivit cercetătorilor [6, p. 42], la romani, *fides* era consolidat, prin jurământ, mijloc privilegiat și solemn de a întări încrederea. Depunerea jurământului se făcea ținând mâna dreaptă întinsă, fapt ce relevă legătura dintre jurământ și credință. De altfel, jurământul era metoda cea mai eficace de a împărți credința, dar și de a-i constrânge pe inamici în promisiunea făcută și să mărturisească adevărul.

Pentru magistratul roman, *fides* era o virtute inclusă în categoria de valori morale, care impune obligația de a avea grijă de „încrederea” acordată odată cu acceptarea misiunii și de a respecta cuvântul dat, de a îndeplini, în mod fidel, atribuțiile încredințate. Cel mai adesea, *fides* semnifică o putere apropiată de noțiunea de *imperium*, cuvântul său fiind strâns legat de cel al Statului, iar, dacă nu era respectat, atrăgea răspunderea publică. Depunerea jurământului în fața liderului adunării care îl vota, angaja „încrederea” magistratului abilitat de a antrena *fides publica* și de a conduce negocierile dintre părți, iar loialitatea cerută magistratului devenea o obligație religioasă. Prin

urmare, *fides* pentru judecător însemna loialitate, adică să fie total incoruptibil și imparțial, deci să nu fie părtinitor [8, p. 214].

Depunerea jurământului, ca mijloc privilegiat și solemn de a consolida încrederea acordată magistratului la momentul investirii sale, s-a păstrat și în sistemul judiciar actual, fiind chiar o obligație legală care, dacă nu este îndeplinită, duce la nulitatea numirii în funcție (potrivit art. 34 din *Legea României nr. 303/2004 privind statutul judecătorului și procurorului* [13] sau art. 12 din *Legea Republicii Moldova cu privire la statutul judecătorului* [12]). În prezent, poate că valențele acestui „ritual” sunt mai restrânse și nu au consecința unei obligații religioase a magistratului investit cu încrederea de a reprezenta statul sau de a negocia înțelegerile dintre părți. Esența jurământului rămîne însă obligația morală (uneori chiar divină) de a rămîne imparțial, de a judeca, drept și fără prejudecăți, toate pricinile care i se aduc spre cumpănire. Dar dincolo de caracterul oficial al depunerii jurământului care, în fapt, marchează începutul carierei unui magistrat, rămîne conștiința acestuia de a angaja încrederea pentru care a fost investit și a îndeplini întocmai îndatoririle ce-i revin în activitatea judiciară [6, p. 43].

Pornind de la definiția lui Cicero dată *bunei-credințe*, ca fiind „sinceritate în cuvinte și fidelitate în angajament” [1, p. 48], au existat mai multe încercări de a defini noțiunea de bună-credință, însă toate au păstrat distincția făcută de acesta, între conformitatea logică (conformitatea între gândire și expresiile care o traduc) și conformitatea ideală (între faptul psihologic exprimat prin cuvinte și scopul urmărit) [19, p. 156].

O definiție relevantă propune în context cercetătorul I.-D. Romoșan, potrivit căruia *buna-credință* reprezintă atitudinea psihică a individului ce constă în convingerea justificată a acestuia că actele și faptele sale sunt conforme cu dreptul și morala societății la un moment dat, precum și în voința sa de a acționa cu onestitate și loialitate în raporturile juridice, fără intenția de a abuza de drepturile sale subiective și cu intenția de a respecta drepturile celorlalți [18, p. 54].

Astfel percepută, *buna-credință* reprezintă un principiu, un standard juridic, ce joacă rolul unui criteriu la care magistratul se raportează la aprecierea faptelor. Standardul nu este decât un ajutor

pentru magistrat în procesul complex de emitere a deciziilor sale.

În opinia lui F. Dragomir, principiul *bunei-credințe* are un rol definitoriu în ordinea juridică, deoarece orientează ierarhia normelor, regulilor juridice care reglementează diferite instituții la care magistratul se referă. Tot în baza acestui principiu, magistratul dispune în interpretarea regulilor juridice, astfel încât să realizeze justul legal [6, p. 47-48].

Unii autori [9, p. 33] susțin că *buna-credință* este un principiu ce trebuie să stea la baza raporturilor juridice și a exercițiului drepturilor subiective, opinie întemeiată pe faptul că, atunci când valorile morale cuprinse în onestitate (loialitatea, prudența, ordinea și temperanța) intră în câmpul raporturilor juridice, sunt ridicate la rangul de principiu juridic.

Prin natura lor, loialitatea, prudența, ordinea și temperanța sunt fapte psihologice de conștiință. În plan juridic însă, aceste patru valori ale onestității se traduc în elemente ale *bunei-credințe* și apar ca:

- *intenție dreaptă* (fidelitate în angajamente, conduce întotdeauna la absența dolului, fraudei și violenței),
- *diligență* (presupune prevederea de către subiect a rezultatelor acțiunii ce urmează a fi săvârșită),
- *liceitate* (fațeta juridică a ordinii ca valoare morală) și
- *abținere* de la vătămarea sau de la păgubirea altuia.

Desigur, există și o distincție între onestitate și *bună-credință*. Astfel, în timp ce *buna-credință* privește relațiile sociale, care sunt fundamentate pe valori morale și care, reglementate de normele juridice, devin raporturi juridice, onestitatea are o sferă mai largă, exercitându-și acțiunea în comportarea omului în societate, îmbrățișând toate manifestările acestuia legate de valorile morale [6, p. 50; 14, p. 67].

Pornind de la aceste momente, *buna-credință* este caracterizată ca fiind acțiunea, atitudinea sau manifestarea de orice fel a unei persoane care își exprimă convingerea sa cu privire la temeinicia dreptului pe care îl invocă și pe care legea îl protejează și care pot fi apreciate în concordanță cu normele morale și juridice, dar

și cu voința părților, astfel încât scopul urmărit să fie unul echitabil, care să nu lezeze interesele celuilalt [6, p. 50].

Referindu-ne la diligență ca element al *bunei-credințe*, precizăm că termenul *diligență*, în sistemul cerințelor etice adresate reprezentanților puterii judecătorești, presupune totalitatea eforturilor necesare și suficiente pentru executarea unei obligații stabilite prin lege, potrivit funcției deținute în cadrul sistemului justiției [5, p. 171].

În doctrina și jurisprudența civilă s-a conturat un criteriu obiectiv, un tip abstract ca model de comparație, respectiv cel al „omului diligent”. Aplicând acest criteriu la segmentul de activitate pe care îl presupune înfăptuirea actului de justiție, etalonul ar trebui să fie cel al „magistratului diligent”, care acționează cu grijă față de interesul public de înfăptuire a justiției și de apărare a intereselor generale ale societății, care își subordonează comportarea sa exigențelor ce decurg din îndatoririle profesionale și normele deontologice pe care trebuie să le respecte [14, p. 67]. Unui astfel de magistrat practic îi este indispensabilă *buna-credință* în activitatea desfășurată.

În același timp, trebuie precizat că diligența/străduința sunt, ca efect, mai mult decât niște cerințe etice adresate judecătorului, ele constituie criterii după care se apreciază – în ansamblu – eficiența justiției unui stat și nivelul la care drepturile fundamentale ale omului sunt percepute ca fiind imperative în recunoaștere și protecție [5, p. 173].

În **concluzie**, subliniem că deși *buna-credință* este o noțiune dificil de definit, în prezent, ea este calificată tot mai mult ca o regulă în alb, cu un conținut variabil, o noțiune cadru, dar care dă posibilitatea realizării eficiente și corecte justiției și face ca judecătorul, să fie pus să aplice cu toată diligență principiul echității în justiție. În viziunea noastră, dată fiind relevanța deosebită a *bunei-credințe* pentru eficiența justiției, ar fi cazul ca aceasta să fie consacrată expres în lege ca principiu de bază al activității judecătorului.

Bibliografie:

1. Cicero M.T. *De officiis. Despre îndatoriri*. București: Editura Științifică, 1957.

2. *Constituția Republicii Moldova* din 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 12.08.1994, nr.1 (cu modificări și completări pînă în 14.07.2006).
3. *Constituția Republicii Moldova: comentariu*. Chișinău: Arc, 2012.
4. *Constituția României* din 21 noiembrie 1991 (revizuită în 2003). În: Monitorul Oficial al României nr. 233 din 21.11.1991, republicată în Monitorul Oficial nr. 767 din 31 octombrie 2003.
5. Croitor E. *Diligența judecătorului*. În: Manualul judecătorului pentru cauze penale / M. Poalelungi, I. Dolea, T. Vîzdoagă [et al.] Ed. I. Ch.: S. n., 2013 (Î.S. F.E.-P. «Tipografia Centrală»).
6. Dragomir F. *Răspunderea penală a magistratului*. București: C.H. Beck, 2011. 374 p.
7. Duculescu V., Călinoiu C., Duculescu G. *Constituția României, comentată și adnotată*. București: Lumina Lex, 1997.
8. Freyburger G. *Fides, Étude sémantique et religieuse depuis les origines jusqu'à l'époque augustiniennne*. Paris: Societe D'Editions „Les Belles Lettres”, 2006.
9. Gherasim D. *Buna credință în raporturile juridice civile*. București: Editura Academiei RSR, 1981.
10. Griroraș I. *Prelegeri de etică*. Iași, 1973.
11. Lefebvre B. *La bonne foi: notion protéiforme*. In: Revue de Droit de l'Université de Sherbrooke (Québec), Vol. 26, nr. 2, 1996, p. 323-354.
12. *Legea Republicii Moldova cu privire la statutul judecătorului*, nr. 544 din 20.07.1995. Republicată în Monitorul Oficial al Republicii Moldova, din 15.08.2002, nr. 117-119 (cu modificări și completări pînă în 31.08.2012)
13. *Legea României nr. 303/2004 privind statutul judecătorului și procurorului*, modificată și republicată în Monitorul Oficial al României, nr. 677 din 07.08.2006.
14. Manea T. *Reaua-credință și grava neglijență – forme ale vinovăției care atrag răspunderea disciplinară a judecătorilor și procurorilor*. În: Justiția în actualitate, 2007, nr. 1. p. 67.
15. Martincic E. *Controlul judiciar la examinarea în prealabil: principiile etice la efectuarea lui*. În: *Legea și viața*, 1997, nr. 8, p. 16-19.
16. Mușetescu Telesa E. *Dicționar latin-român*. Iași: Polirom, 2004.
17. Popovici T. *Principii etice generale ale conduitei judiciare*. În: Manualul judecătorului pentru cauze penale / M. Poalelungi, I. Dolea, T. Vîzdoagă [et al.] Ed. I. Ch.: S. n., 2013 (Î.S. F.E.-P. «Tipografia Centrală»).
18. Romoșan I.-D. *Vinovăția în dreptul civil român*. București: All Beck, 1999. 351 p.
19. Volansky A.Al. *Essai d'une définition expressive du droit basée sur l'idée de la bonne foi*. Paris: Ed. Librairie de jurisprudence ancienne & moderne, Édouard Duchemin, 1930.

THE PRINCIPLES OF THE NATIONAL POLICE OF UKRAINE

Semerey Bohdan - aspirant Interregional Academy of Personnel Management

Reorganization of the internal Affairs bodies implies a profound transformation concerning the essence and activities of the police, the updating of the content of her work. The cornerstone erected by the rights and freedoms of citizens. Their protection and respect should be the main goal of the police is the population to assess the reliability and efficiency of its activities on the essence and principles of the National police of Ukraine.

Key words: internal Affairs bodies, the media, publicity, police, transparency, principles, essence of the principles, the national police, administrative law, legislation.

Reorganizarea Poliției naționale implică schimbări profunde în ceea ce privește natura și activitatea poliției, actualizarea conținutului activității sale, dreptului administrativ, legislației. O atenție sporită se acordă drepturilor și libertăților cetățenilor. Protecția și respectarea acestora ar trebui să fie scopul principal al poliției, și anume populația va evalua fiabilitatea și eficacitatea activităților sale în conformitate cu conținutul și principiile tipurilor de activități ale Poliției Naționale a Ucrainei.

Cuvinte-cheie: organele afacerilor interne, mass-media, publicitatea, poliție, transparența informațională, principiile, esența principiilor, Poliția Națională, drept administrativ, legislație.

Реорганізація Національної поліції передбачає глибокі перетворення, що стосуються сутності та діяльності поліції, оновлення змісту її роботи. У главу кута зведені права і свободи громадян. Їх захист та дотримання повинні бути основною метою поліції, саме населення буде оцінювати надійність та ефективність її діяльності щодо сутності та видів засад діяльності Національної поліції України.

Ключові слова: органи внутрішніх справ, засоби масової інформації, публічність, поліція, інформаційна відкритість, принципи, сутність принципів, Національна поліція, адміністративне право, законодавство.

Statement of the problem. In Ukraine, far-reaching reforms in various spheres of society and state, including law enforcement. Created and formulated legislative base of reforms, has consistently strengthened and improved the legal bases of public-political life. Implemented currently, the reform of the interior Ministry of Ukraine is another critical step to the modernization of the country and its public administration, its main goal is the creation

of a modern and efficient law enforcement system in Ukraine.

In the law of Ukraine dated 2 November 2015 Ukraine “On the National police” [1, p. 12]. the basic principles of policing. The police can create their own databases required to ensure the daily activities of the bodies (institutions, agencies) police in the field of labor, financial, administrative relations, relations, document management, and interagen-

cy information and analytical systems necessary to perform the mandates assigned to it. However, there are no principles that define the framework for implementation of information-analytical activities of the police: the formation of databases within the unified information system of the Ministry of internal Affairs of Ukraine; the use of databases (banks) data of the Ministry of internal Affairs of Ukraine and other public authorities; information retrieval and information-analytical work, information interaction with other state authorities of Ukraine, law enforcement agencies of foreign States and international organizations. We believe that this problem requires further research and more comprehensive principles of the National police of Ukraine.

The purpose of this paper is the development of the law of Ukraine on principles governing the activities of the National police of Ukraine.

Presentation of the basic material. The essence of organizational-legal principles of activities of the National police of Ukraine is divided into the basic principles and the principles of formation and functioning of the respective parts (institutions) [6, p. 67]. To include basic principles of regulation of relations between the society and the Executive authorities, which reveal the nature of the formation and functioning of administrative law, emphasizing its place and role in the legal system. The regulatory principles of relations between society and Executive authorities include: Ministry of state administration of society and the individual; the limited interference of Executive bodies in civil and personal life of a person; the fullness of the rights and freedoms of citizens in the legal and administrative area; mutual responsibility; the minimum required powers of bodies of state Executive power; the optimal addition and balancing of state powers of Executive authorities with powers of self-government.

The principle of service to society and the individual. It defines the basic social importance of administrative law, defining the system goals. If the interests of individual citizens do not fully coincide with the development of society, the activities of the National police administrative law is designed to ensure the priority of national interests, however, so that personal needs do not get ignored, and the maximum were taken into account. Fair administrative law is not compatible with any deviation from the law, principles of humanism

and democracy. Summarized, the principle is expressed in the number of laws of Ukraine, where the Executive power is directly assigned respective responsibilities. Thus, according to article 5 of the Law of Ukraine "On freedom of conscience and religious organizations" [7, p. 181], the state protects the rights and lawful interests of religious organizations; promotes establishment of relations of mutual ideological tolerance and respect between citizens of a particular faith.

The limitations of intervention in civil and personal life of a person. The essence of this principle lies in the natural setting of the limits to the intervention of public authorities in relevant activities, is dictated by the existing historical conditions, by the interests of the Ukrainian people and then it is intervention is not needed because no serious needs, it binds to the mechanisms of social regulation, disrupts the normal processes in society, and reduces the effectiveness of the Executive. This principle of organization and activities of the National police administrative law finds the corresponding reflection of that intervention in economic and other activities of the company from the state bodies is not allowed except the cases stipulated by the legislation. The fullness of the rights and freedoms of citizens. This principle means giving citizens the greatest possible wide range of relevant rights and freedoms is really a new level and protection of their interests. Legislative administrative legal practice will have to go through further detail the constitutional rights and freedoms of citizens, creation of special laws regulating the relations of citizens and relevant government agencies.

The rights and freedoms of citizens – is the sphere of regulation of social relations, where the limit of validity of the provisions of the law should be clearly *obmezhenoyu*. The second aspect of this principle is that a citizen has at its discretion the right to contact any Executive authority, and the latter is obliged to give him a comprehensive answer. Therefore, the rules of administrative law should consolidate the respective responsibilities of state Executive bodies. The principle of mutual responsible. This principle reveals the particular complex relationship between the apparatus of the government, its civil servants and personality. Today the value of discipline and personal responsibility of the employees increases significantly.

Non-compliance with the established requirements and rules turns society and humans are not only material damage but also serious social and moral losses. As for citizens, they also need to be responsible to society and the state. The minimum required powers of bodies of state Executive power. The implementation of this principle is ensured by the fact that the administrative law is intended to establish the minimum required powers of bodies of state Executive power. The Executive has, firstly, limited to total control, and secondly, the one-sided power of decision in all possible cases should be changed or be combined with the contractual form of relationship between state Executive bodies and members of society. The optimal addition and balancing of state powers of Executive authorities the powers of local authorities. The essence of this principle is to provide local authorities the maximum possible freedom in fixing, for example the right to challenge decisions taken by public authorities in subordination order or in court, to participate directly in public policy (initiative in law-making, proposal, submission and the like).

In the aspect of formation and functioning of administrative laws procedural content must be based on such principles like: protection of rights and interests of the individual and the state; publicity (official) production; transparency in the proceedings on administrative violations; equality before the law; the implementation of the national language; responsibility of officers for improper conduct of the proceedings in those cases. Each of these procedural principles is specified in the corresponding administrative and procedural activities.

The law "On police" among the fundamental principles of police work include openness and publicity of its activities. Article 8 of the Law "On police" defines the activity open to the whole society. Despite the special significance and highlighting the principle of openness and publicity in a separate article of the Law "On police", it is not the definition of "openness" and "publicity", which may lead to misunderstanding and difficulties in the development of measures for the realization of the principle activities of the police. The very appearance of this principle in the legislation is an innovation.

In the explanatory dictionary Ephraim T. F. "openness" is defined as honesty, truthfulness, trustfulness, and "publicity" is revealed through the con-

cept of "public" used in two meanings: 1) done, occurring in the presence of the public, people; open; 2) designed for public companies, in their possession; public [4]. 2) designed for public companies, in their possession;

In the dictionary S. I. Ozhegov, the word "open" means sincere, Frank, expressing honesty, the "public" is carried out in the presence of the public, outdoor [5].

In the dictionary of modern concepts and terms under openness refers to the awareness of key decision-making, freedom of belief, choice of country and place of residence, lack of censorship, etc. [6].

Part 1 article 9 of the Law On police defines the police as open to the public, but not infinite, and only to the extent not inconsistent with the requirements of the legislation of Ukraine on criminal proceedings, proceedings on administrative offences, on operative-investigative activities, on the protection of state and other secrets protected by law, and does not violate the rights of citizens, public associations and organizations.

Based on the foregoing, the legal guarantee of information transparency can be defined as follows, is providing in accordance with Federal law opportunities for citizens and organizations timely and unimpeded access to socially significant information regardless of its storage, without special training or experience. The entity providing the information must maintain the confidentiality of persons who use or request information. Not allowed any censorship or control over the publication of information. To ensure equality of all participants of process of information interaction. Is the inalienable right of citizens and organizations to review the validity and legality of the refusal to receive information.

Official production on Affairs about administrative violations is that the proceedings of a particular case, collect the necessary materials and documents is the responsibility of specific government bodies (officials) and carried out at public expense. The payment for the participation in the production and design of materials and decision-making rests on the public authority. Organs of state are obliged to consider complaints from individuals taken at a specific case of administrative offences. Objective (material) truth requires that a case of administrative offences were considered comprehensively. It

checks all of the circumstances are collected and recorded the necessary materials and evidence. All this contributes to the elimination of subjectivity, provides the truth, the adoption of a fair decision, which objectively reflects the events and thus ensures effective control.

Openness and transparency in proceedings on administrative offences indicates that the case is open, and participants without obstacles acquainted with all case materials. With the content of decisions (rulings) are introduced labor collectives, the population at the place of residence. Equality before the law participants of manufacture on Affairs about administrative offences provided by legislative consolidation of their Charter. Each of the parties has the right to participate at all stages of production, to introduce evidence, to require their consideration, if necessary, and participants to the proceedings shall be explained their rights and responsibilities. The body considering case about an administrative offence, designed to ensure that parties properly use their powers.

The speed and economy of production is determined by the efficiency of Executive and administrative activities and provides, in particular, the fixing of the legislation on administrative violations of the deadlines within which production takes place, are the relevant regulations. Litigation in many cases require relatively small funds and organizational costs. Competent authorities are designated to production without delay or hesitation, with minimal material costs and organisational efforts. The production in the national language determined by the establishment at the constitutional level the principle of equality of citizens. Participants who do not speak the Ukrainian language in which the proceedings are conducted, shall be afforded the right of full acquaintance with the relevant materials, the opportunity to give explanations in their native language and to use the services of interpreters.

Conclusions. Therefore, in the process of reforming administrative law necessary to consider the presence of both internal and external principles of formation and activities of the National police of Ukraine. This implies the feasibility of introducing additions to the legislation of Ukraine on information and legal principles which would ensure the increase of efficiency of activity of police. The above

applies the following principles: legitimacy; openness; transparency; information security; equality of citizens before the law; the inviolability of private ownership of information resources in compliance with the rules of international law; the availability of information that establishes the right of every person to have access to information technology and any necessary information permitted by law to access any time and any place, avoid censorship.

References

Effective engagement and partnerships of the internal Affairs bodies with the media and other civil society institutions, creation of atmosphere of trust towards the police from the population, formation of positive public opinion about the openness and publicity of its activities, in order to timely and adequately respond to changes in the operational situation, will be a significant reserve for increasing the level of operational-official activity of internal Affairs bodies and the prestige of the police service.

1. The National Police Law of Ukraine of 07.02.15 p. 580 number-VIII // Supreme Council (BD). – 2015. – № 40-41. – Art. 379. – Access: <http://zakon2.rada.gov.ua>

2. Administrative activities of the Interior: a textbook / [V. Nastyuk (headed. Com. Col.) And others.] for the Society. Ed. VJ Nastyuka. – X: Right, 2013. – 472 p. «Information and Law» № 3 (15) / 2015 127

3. Administrative activities of the Interior. Chapeau: textbook. / Ed. AP Ryabchenko. – X: Izd Kharkiv Nat. Univ ext. Affairs, 2009. – 256 p.

4. Organizational and legal framework governing in internal affairs, legislative and other regulations; UKL. OG Frolov. – X: Individual Lukyanchenko, 2011. – 108 p

5. Yarmak H.P. Administrative and supervisory activities of police in Ukraine / H.P. Yarmak: monograph. – Odessa: Astroprint, 2006. – 334 p.

6. The Constitution of Ukraine, Law of Ukraine of 28.06.96 p. Number 254k / 96-VR // Supreme Council of Ukraine (VVR). – 1996. – № 30. – Art. 141.

7. On Freedom of Conscience and Religious Organizations Law of Ukraine of 23.04.91 p. Number 987-XII // Supreme Council of the USSR. – 1991. – № 25. – Art. 283.

SECURITATEA JURIDICĂ – PRINCIPIU FUNDAMENTAL ÎN STATUL DE DREPT

Iacob Irina - doctor în drept, conferențiar universitar interimar la Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

Studiul readuce în atenție problema securității juridice văzută ca un principiu fundamental într-un stat de drept, care presupune următoarele exigențe: neretroactivitatea legii, accesibilitatea și previzibilitatea legii, interpretarea unitară a legii. Se subliniază că respectarea acestor coordonate constituie o condiție sine qua non pentru o legislație de calitate și o aplicare de calitate a acesteia, toate orientate spre asigurarea stabilității raporturilor sociale în cadrul statului.

Cuvinte-cheie: stat de drept, securitate juridică, principiu, lege, neretroactivitatea legii, accesibilitatea și previzibilitatea legii, interpretarea unitară a legii.

The study includes some reflections on the issue of legal security seen as a fundamental principle in a rule of law, which includes the following exigencies: non retroactivity of the law, the availability and predictability of the law, the uniform interpretation of law. It is noted that compliance with these coordinates is a sine qua non for a good legislation and quality of its application, all oriented towards ensuring the stability of social relations within the state.

Keywords: rule of law, legal security, principle, law, non retroactivity of the law, the availability and predictability of the law, the uniform interpretation of law.

В данной статье рассматривается юридическая безопасность в качестве одного из основополагающих принципов правового государства, которое включает в себя следующие требования: необратимость закона, доступность и предсказуемость закона, единообразное толкование закона. Автор подчеркивает, что соблюдение этих требований является непременным условием для качественного законодательства и качество его применения, и в итоге для обеспечения стабильности общественных отношений в государстве.

Ключевые слова: правовое государство, юридическая безопасность, принцип, закон, необратимость закона, доступность и предсказуемость закона, единообразное толкование закона.

Introducere. Într-un stat de drept, respectarea principiilor precum legalitatea, securitatea juridică sau previzibilitatea normelor juridice trebuie să fie de domeniul normalității. Atunci când însă normalul se transformă în anormal, vorbim deja de o stare de insecuritate juridică, care generează lipsa de încredere a cetățeanului în autoritățile publice ale statului și în normele pe care acestea le edictează.

Este evident că modificarea permanentă a normelor juridice sau crearea de norme juridice cu un sens obscur este o sursă sigură de dezechilibru social și, ca atare, de neîncredere din partea particularilor [25, p. 116]. Prin urmare, în spațiul european, în ultimele decenii tot mai mult și-a făcut loc un principiu fundamental pentru existența statului de drept – *principiul securității juridice* sau altfel spus *principiul stabilității raporturilor juridice*.

În prezent, acesta se bucură de o largă recunoaștere, nu doar în sfera dreptului european, ci și în cea a majorității sistemelor juridice interne ale statelor membre, susțin cercetătorii [25, p. 112]. Acest moment, cât și semnificația practică deosebită a principiului, din punctul nostru de vedere, servește ca o premisă importantă și deloc neglijabilă pentru transpunerea lui și în Republica Moldova, ținând cont de eforturile depuse pentru consolidarea statului de drept și democratizarea societății moldovenești.

Necesitatea studierii principiului securității juridice este indubitabilă din mai multe considerente [26, p. 4-5]:

- În primul rând, pentru a fi funcțional, acest principiu are nevoie de o definiție clară și accesibilă, astfel încât să nu fie perceput ca o noțiune abstractă.

- În al doilea rând, importanța explicării conținutului principiului este majoră mai ales într-un stat de drept, deoarece atât autoritățile publice, cât și instanțele judecătorești sunt obligate să-l aibă în vedere, primele în emiterea/adoptarea actelor juridice, celelalte în soluționarea litigiilor [25, p. 112].

- În al treilea rând, preocuparea pentru asigurarea securității juridice este de actualitate, mai ales în condițiile creșterii cantitative a legislației din ultimii ani, determinată de creșterea complexității dreptului, ca urmare a dezvoltării noilor surse de drept, mai ales a celor comunitare și internaționale, precum și a evoluției societății, a apariției unor noi domenii de reglementare [24, p. 2].

Scopul studiului. Date fiind actualitatea contestabilă și valoarea juridică, teoretică și practică deosebită a principiului securității juridice pentru stabilitatea relațiilor din cadrul societății, în prezentul demers științific ne propunem să expunem câteva reflecții pe marginea conținutului principiului dat și a modalităților de asigurare a acestuia în activitatea statului de drept.

Metode și materiale aplicate. În procesul studiului au fost folosite următoarele metode de investigare științifică: analiza logică, analiza comparativă și sinteza. În calitate de suport bibliografic au servit lucrările cercetătorilor autohtoni, români și francezi, precum și legislația și practica judiciară în materie a Republicii Moldova, a României și a Curții Europene a Drepturilor Omului.

Rezultate obținute și discuții. Înainte de a încerca o conturare a esenței și conținutului principiului securității juridice, vom preciza că deși este important pentru statul de drept, acesta nu este reglementat juridic, fiind o creație a jurisprudenței [13, p. 13]. Prima dată a fost menționat de Curtea de Justiție a Comunităților Europene, fiind considerat o regulă de drept ce trebuie respectată în aplicarea tratatului. Ulterior, acesta a fost preluat în practica Curții Europene a Drepturilor Omului (în continuare CtEDO), pentru ca mai târziu, să fie preluat și în documente programatice – de exemplu, *Cartea albă pentru un dialog intercultural*, elaborată în 2008 de Consiliul Europei, unde se arată că principiul preeminenței dreptului garantează separația puterilor, securitatea juridică și egalitatea tuturor în fața legii (pct. 3.4.1) (apud C. Danileț [13, p. 13]).

Într-o altă opinie se susține că principiul securității juridice este „un produs de import” provenit în mare parte din dreptul german și introdus pas cu pas în ordinea internă prin prisma dreptului unional și a celui consacrat de Convenția Europeană a Drepturilor Omului [15, p. 105] (în continuare Convenție). Deși nu este consacrat în mod expres într-un text comunitar, Curtea de Justiție a Comunităților Europene a stabilit că principiul securității juridice este parte integrantă a ordinii juridice comunitare, cât și de statele membre în exercitarea prerogativelor conferite de directivele comunitare [6, p. 42-44]. De asemenea, nici în dreptul european al drepturilor omului nu regăsim o reglementare expresă, dar securitatea juridică este analizată la nivel jurisprudențial, de regulă, în legătură cu principiul preeminenței dreptului, prevăzut în Preambulul Convenției [11].

În jurisprudența sa, CtEDO a evidențiat importanța principiului securității juridice, arătând că: acesta este inerent atât dreptului Convenției, cât și dreptului comunitar [5, p. 106]; este un element esențial al statului de drept și nerespectarea lui echivalează cu încălcarea prevederilor art. 6 și 1 din Convenție [4]. În jurisprudența CtEDO, acest principiu este consacrat în mod explicit în legătură cu unul dintre drepturile fundamentale reglementate de Convenție, respectiv dreptul la un proces echitabil. În numeroase cauze această instanță a statuat că unul dintre elementele fun-

damentale ale preeminenței dreptului este principiul securității raporturilor juridice, care impune, printre altele, ca soluția dată în mod definitiv de către tribunale unui litigiu să nu fie repusă în discuție.

Pe de altă parte, trebuie precizat că judecătorelul comunitar (de la Curtea de Justiție a Comunităților Europene) și cel european (de la CtEDO) au consacrat principiul securității juridice, introducând în jurisprudență „principiul încrederii legitime”, care tinde să limiteze posibilitățile de modificare a normelor juridice, din momentul în care au fost luate angajamente de către autoritățile competente. Garant al unei anumite previzibilități în aplicarea dreptului, acest principiu protejează „încrederea pe care destinatarii regulilor și deciziilor sunt îndreptățiți să o aibă, cel puțin pentru un anumit timp, în stabilitatea situațiilor reglementate de aceste reguli sau decizii” [23, p. 5-6].

În mod asemănător, la nivel legislativ intern, principiul securității juridice nu este consacrat ca o regulă de drept de sine stătătoare, ci rezultă implicit din dispozițiile constituționale ale statelor europene (bunăoară, din art. 1 alin. (3) din Constituția României [10]), acesta fiind privit ca un corolar al statului de drept [15, p. 107].

Deși, plecându-se de la caracterul multiform al principiului, în doctrină s-a arătat [12, p. 2815] că nu este posibilă o definiție exactă a acestuia, totuși, relativ recent, în unele lucrări de specialitate, securitatea juridică a fost definită ca „acel principiu care tinde să înlăture din ordinea juridică riscul de incertitudine generat de imprecizia sau instabilitatea dreptului” [2, p. 158]. În același timp, în literatură se susține că, *lato sensu*, prin siguranța persoanei se înțelege siguranța juridică a acesteia, siguranță garantată de către drept, precizându-se în acest sens că „siguranța persoanei este un principiu care, la rîndul său, este aproape rațiunea de a fi a dreptului însuși” [19, p. 178] sau că „securitatea juridică este calitatea unei ordini de drept ce garantează individului lizibilitate și încredere în ceea ce constituie dreptul la un moment dat și care, după toate probabilitățile, va fi dreptul și în viitor” [3, p. 162-163].

Potrivit doctrinei franceze, securitatea juridică se caracterizează prin faptul că aceasta trebuie să protejeze persoana „de pericolul care vine chiar

din partea dreptului, contra unei insecurități pe care a creat-o dreptul sau pe care acesta riscă s-o creeze” [17, p. 10] și are un conținut complex, în sensul că ea comportă două mari categorii de reguli, pe de o parte, cele care vizează calitatea dreptului și, pe de altă parte, cele care privesc asigurarea stabilității situațiilor juridice, respectiv neretroactivitatea legii și previzibilitatea acesteia și a acțiunilor statului, numită și „principiul încrederii legitime în continuitatea acțiunilor statale”. În acest context, s-a susținut că o noțiune mai potrivită decît cea de „securitate juridică” ar putea fi cea de „fiabilitate a dreptului” [21, p. 6].

Dincolo de contribuția doctrinei franceze la dezvoltarea principiului securității juridice, un aport distinct în acest sens a înregistrat și Consiliul de Stat al Franței, mai ales prin rapoartele (studiile) sale anuale, care în ultimii ani cuprind și compartimente de analiză pe alocuri doctrinara. După cum subliniază cercetătorii S. Predescu și V. Țăndăreanu, este relevant pentru principiul în discuție mai ales studiile realizate în anii 1990 și 2006 („Securitatea juridică și complexitatea dreptului”). Pornind de la premisa că securitatea juridică constituie unul din fundamentele statului de drept, autorii studiului (din 2006) dezvoltă conținutul principiului securității juridice. Respectiv, acest principiu înseamnă ca cetățenii să fie în măsură, fără ca acest lucru să reclame din partea lor eforturi deosebite, să decidă ce este permis și ce este interzis prin dreptul aplicabil. Pentru a se ajunge la acest rezultat, normele adoptate trebuie să fie clare și inteligibile și să nu fie supuse, în timp, la schimbări prea frecvente și, mai ales, imprevizibile. Din această perspectivă, s-a arătat că axa formală a securității juridice o reprezintă calitatea legii, în timp ce axa temporală o reprezintă previzibilitatea legii [23, p. 5].

Vorbind despre **calitatea** legii, studiul precizează: „Legea este făcută pentru a impune, a interzice, a sancționa. Ea nu este făcută pentru a flecări, a crea iluzii, a provoca ambiguități și decepții. Legea trebuie să fie deci normativă: legea non-normativă diminuează regula necesară, inducînd un dubiu asupra efectului real al dispozițiilor sale. [...] Pentru a ști ce prevede legea, nu este suficient ca ea să fie accesibilă în sens material. Este vorba desigur de o exigență esențială, iar publicarea normei, care este destinată să o facă

accesibilă, constituie de altfel o condiție a opozabilității sale. Dar mai trebuie ca norma să fie și inteligibilă. Inteligibilitatea implică lizibilitatea, atât claritatea și precizia enunțurilor, cât și coerența lor. Ea mai presupune și ca regulile să dobândească întreaga lor forță în contextul corpus-ului juridic în care ele sunt chemate să se integreze, fără să facă, în acest scop, apel la prea multe dispoziții exterioare textului”.

Ținând cont de aceste momente, cercetătorii subliniază că inflația legislativă, instabilitatea normativă, nerespectarea cerințelor de tehnică și procedură legislativă, la care se adaugă și incertitudinea care planează asupra condițiilor de aplicare, creează o insecuritate juridică dificil de suportat pentru omul obișnuit, confruntat cu aplicarea dreptului, punându-l în dificultate chiar și pe specialistul în drept [15, p. 103].

În același timp, în doctrină, se atrage atenția că dreptul a suportat întotdeauna tensiunea a două exigențe contradictorii: justiția sau echitatea, pe de o parte, care incită la modificarea regulilor și situațiilor juridice pentru a ameliora în mod constant ordinea juridică sau pentru a o adapta la o societate schimbătoare și care se concretizează în principiul mutabilității și, pe de altă parte, siguranța juridică care cere stabilitate [19, p. 178]. Ca atare, legiuitorul nu poate opera prea des modificări legislative, deoarece astfel se aduce atingere stabilității dreptului care este o condiție a respectării lui de către destinatari și, în același timp, mutabilitatea legislației apare ca fiind necesară într-o societate aflată într-o permanentă dezvoltare [15, p. 104]. Suntem astfel în fața unei dileme dificile, așa cum se arată și în literatura de specialitate [22, p. 223-224], unde se exprimă îndoiala cu privire la posibilitățile juridice de asigurare în cele mai optime condiții a continuității legislative în statul de drept. De regulă, în cadrul acestei dileme, câștig de cauză are principiul mutabilității, legislația putînd fi modificată în orice moment, însă, în prezent se afirmă din ce în ce mai puternic principiul securității juridice ce se opune revizuirilor prea dese și insuficient motivate, impunîndu-se cu necesitate o concretizare mai fermă a acestuia. Pe de altă parte, se consideră [22, p. 224] că ar fi vorba doar de o contradicție aparentă, deoarece modificările legislative, în măsura în care permit evitarea învățării patologice și

facilitează creșterea calității pregătirii legislației, nu determină revizui, ci, din contră, conduc la elaborarea unor legi durabile.

Sintetizînd multe din reflecțiile expuse în literatura de specialitate, cercetătoarea R. Dumnică subliniază că din perspectiva elaborării legii, în esență principiul securității juridice, înglobează următoarele aspecte: **neretroactivitatea legii, accesibilitatea și previzibilitatea legii, interpretarea unitară a legii**, coordonate a căror respectare constituie o condiție *sine qua non* pentru o legislație de calitate [15, p. 107] și o aplicare de calitate a acesteia.

Neretroactivitatea legii. În considerarea importanței sale pentru statul de drept, acest principiu a fost ridicat la rang constituțional, fiind consacrat în art. 22 din Constituția Republicii Moldova [7]. Aceasta se justifică prin faptul că asigură în condiții mai bune securitatea juridică și încrederea cetățenilor în sistemul de drept, precum și datorită faptului că blochează nesocotirea separației dintre puterea legislativă, pe de o parte, și puterea judecătorească sau cea executivă, pe de altă parte, contribuind în acest fel la consolidarea statului de drept [24, p. 10].

Ca urmare a consacării sale constituționale, acest principiu a devenit obligatoriu nu doar pentru judecătorul care aplică legea, ci și pentru legiuitor, care este ținut deopotrivă să-l respecte în procesul de legiferare, neretroactivitatea legii constituind o garanție fundamentală a drepturilor constituționale [9, p. 139]. Profesorul M. Eliescu, arăta în acest sens, în mod sugestiv, că [16, p. 80] „dacă ceea ce s-a făcut în conformitate cu legea în vigoare ar putea fi neconținut stricat de legea nouă, orice prevedere în timp ar fi cu neputință și ordinea juridică însăși ar fi amenințată pe măsură ce s-ar slăbi încrederea în securitatea drepturilor, în stabilitatea circuitului civil.... Dacă legea nouă nu ar respecta ceea ce a fost făcut în cadrul prevederilor legii vechi, încrederea ar dispărea și, odată cu ea, ar fi atinsă autoritatea legii, căci voința de a da ascultare permisiunilor, poruncilor și opiniilor legale, ar fi, desigur, în bună măsură demobilizată dacă cel ce s-a supus lor nu ar fi sigur că, procedînd astfel, va sta sub scutul legii.”

În doctrina autohtonă se menționează în contextul dat că principiul neretroactivității le-

gii răspunde preocupării de securitate juridică, fiind o garanție pentru situațiile juridice legal create și consolidate sub imperiul legii vechi. Netroactivitatea reprezintă deci un factor de ordine și de securitate juridică, protejând drepturile subiective împotriva intervenției legiuitorului și împiedicând repunerea în discuție a drepturilor dobândite și a actelor vechi încheiate sub imperiul legii vechi [1, p. 458; 8, p. 110]. Mai mult, și Curtea Constituțională a Republicii Moldova a confirmat semnificația deosebită a principiului în cauză, subliniind: „principiul neretroactivității legii urmărește protejarea libertăților, contribuie la adâncirea securității juridice și a certitudinii în raporturile interumane” [20].

Accesibilitatea și previzibilitatea legii. Accesibilitatea legii privește, în principal, aducerea la cunoștință publică a acesteia, care se realizează în principal prin publicarea actelor normative. Astfel, pentru ca o lege *lato sensu* să producă efecte juridice, trebuie să fie cunoscută de destinatarii săi; efectele legii se produc, prin urmare, după aducerea sa la cunoștință publică și după intrarea sa în vigoare [24, p. 13].

Într-o altă opinie, accesibilitatea și previzibilitatea legii presupun atât caracterul public al normei ca pe un element intrinsec al juridicității sale, claritatea conținutului ei, care să-i confere inteligibilitate, nu doar pentru specialistul în drept, ci și pentru orice persoană cu inteligență medie, dar și caracterul previzibil al revizuirilor normative. Aceste două concepte se află într-o strânsă legătură și într-o relație de interdependență, afirmându-se în acest sens că „accesibilitatea este condiția imanentă a previzibilității: pentru a prevedea trebuie mai întâi să ai acces la suficiente și comprehensibile informații pertinente. Sintagma „accesibil și previzibil” evocă, astfel, un lanț causal *sui generis*. Respectiv, accesibilitatea și previzibilitatea nu sunt doar o categorie-pereche formală, ci o unitate dialectică” [14, p. 53].

Există însă și o altă semnificație a noțiunii de accesibilitate, asociată exigenței previzibilității legii, și anume aceea care privește modul de receptare a conținutului actelor normative de către corpul social, în sensul de înțelegere a acestora. Norma juridică trebuie să fie clară, inteligibilă, întrucât cei cărora li se adresează trebuie nu doar să fie informați în avans asupra consecințelor ac-

telor și faptelor lor, ci să și înțeleagă consecințele legale ale acestora. În caz contrar, principiul *nemo censetur ignorare legem* nu ar mai putea fi aplicat, ceea ce ar avea grave consecințe asupra securității raporturilor sociale, a existenței societății în general [24, p. 13].

În bogata sa jurisprudență, CtEDO a subliniat importanța asigurării accesibilității și previzibilității legii, instituind și o serie de repere pe care legiuitorul național trebuie să le aibă în vedere pentru asigurarea acestor exigențe. Astfel, în cauze precum *Sunday Times c. Regatul Unit al Marii Britanii și Irlandei de Nord* (1979), *Rekvényi c. Ungariei* (1999), *Rotaru c. României* (2000), *Damman c. Elveției* (2005), Curtea a subliniat că „nu poate fi considerată «lege» decât o normă enunțată cu suficientă precizie, pentru a permite individului să-și regleze conduita. Individul trebuie să fie în măsură să prevadă consecințele ce pot decurge dintr-un act determinat”; „o normă este previzibilă numai atunci când este redactată cu suficientă precizie, în așa fel încât să permită oricărei persoane să își corecteze conduita”; „în special, o normă este previzibilă atunci când oferă o anume garanție contra atingerilor arbitrare ale puterii publice”. Sub acest aspect, principiul securității juridice se corelează cu un alt principiu, dezvoltat în dreptul comunitar – principiul încrederii legitime [24, p. 16].

Așadar, principiul securității juridice presupune ca dreptul să fie **previzibil** și ca soluțiile juridice să rămână relativ stabile. Cerința previzibilității normelor de drept a fost ridicată chiar la rangul de principiu (principiul previzibilității sau al predictibilității normelor juridice). Respectarea acestui principiu conferă coerență sistemului normativ, fiind de natură să asigure o lină și amiabilă relaționare între autorități și cetățeni, pentru ca aceștia din urmă să nu fie surprinși de acte normative inopinate (deci abuzive), care să le prejudicieze interesele [25, p. 111].

Interpretarea unitară a legii constituie o altă exigență a principiului securității juridice și chiar dacă, în aparență, acest element al său aduce în prim-plan rolul instanțelor judecătorești, în realitate exigența vizează tot activitatea legislativă, deoarece de modul în care sunt elaborate, corelate, sistematizate actele legislative, depinde caracterul unitar al interpretării lor [24, p. 12-13].

După intrarea în vigoare a unui act normativ, la elaborarea căruia se presupune că au fost respectate regulile de tehnică legislativă, pe durata existenței acestuia pot interveni diferite evenimente legislative, cum sunt: modificarea, completarea, abrogarea, republicarea, suspendarea sau altele asemenea, în toate aceste cazuri revenind tot legiuitorului sarcina asigurării clarității și coerenței reglementării, precum și integrarea armonioasă a acesteia în sistemul de drept, pentru eliminarea pe cât posibil a divergențelor de interpretare.

Pe de altă parte, nu trebuie diminuat nici rolul instanțelor judecătorești la asigurarea securității juridice, ponderea căruia fiind subliniată mai ales în jurisprudența CtEDO. Acest lucru poate fi ușor dedus din următoarele raționamente expuse și exemplificate de către C. Danileț, care susține că în virtutea principiului securității juridice [13, p. 13-14]: - statul trebuie să respecte și să aplice într-o manieră previzibilă și coerentă legile pe care le-a adoptat; dispozițiile legale trebuie să fie accesibile publicului destinat și redactate cu suficientă claritate; - trebuie respectată regula *res judicata*, adică soluția definitivă a unei instanțe judecătorești nu poate fi repusă în discuție ulterior; procesul soluționat definitiv nu mai poate fi redeschis pentru a se proceda la o nouă examinare a cauzei; - hotărârile definitive trebuie puse în executare; - jurisprudența trebuie să fie unitară și constantă; în special la nivelul instanței supreme trebuie evitate deciziile contradictorii și asigurată coerența jurisprudenței.

Prin urmare, elementele pe care se bazează principiul securității juridice sunt *certitudinea* și *predictibilitatea dreptului*. Acestea sunt necesare pentru a menține încrederea legitimă a cetățenilor în activitatea instanțelor.

Din câte se poate observa, certitudinea și predictibilitatea dreptului privește atât legea, cât și jurisprudența. Atunci când în cauzele care conțin situații de fapt similare și în care sunt aplicabile aceleași dispoziții legale se adoptă hotărâri judecătorești diferite, chiar opuse, există o situație de jurisprudență neunitară sau divergență de jurisprudență [13, p. 14], fapt ce afectează în mod considerabil securitatea juridică a relațiilor sociale.

Din perspectiva dată se poate susține că securitatea juridică este parte intrinsecă a securității

sociale, componentă care denotă raporturile constructive dintre cetățean și puterile legislative și judecătorească ale statului [18, p. 187].

În **concluzie**, apreciem alături de alți doctrinari [24, p. 17; 15, p. 116] că asigurarea respectării principiului securității juridice pentru existența statului de drept trebuie să reprezinte o prioritate și implică acordarea unei importanțe cât mai mari calității legii. Ca atare, chiar dacă inflația legislativă și complexitatea legilor pot fi justificate prin factori istorici, sociologici, politici, economici, este necesar totuși un efort susținut de reducere a excesului normativ și de supunere a normelor edictate exigențelor securității juridice. Este vorba de un efort care privește, în primul rând, pe legiuitor, care trebuie să pornească de la diagnosticarea problemelor și identificarea de remedii adecvate. Primul pas constă în fundamentarea riguroasă a activității de legiferare pe principiile tehnicii legislative și în creșterea accesibilității și previzibilității normelor juridice.

În același timp, o preocupare distinctă trebuie să rămână activitatea jurisdicțională și interpretarea uniformă a legii în activitatea acesteia, în vederea asigurării rolului puterii judecătorești de garant final al securității juridice a relațiilor sociale în statul de drept.

Bibliografia:

1. Avornic Gh. *Teoria generală a statului și dreptului: Tratat*. vol. I. Chișinău, 2009.
2. Brad I. *Revocarea actelor administrative*. București: Universul Juridic, 2009.
3. Calmes S. *Du principe de protection de la confiance légitime en droits allemand, communautaire et français*, Thèse. Paris: Dalloz, 2001.
4. CEDO, Cameră, Hotărârea din 2 noiembrie 2010, în cauza Ștefănică ș.a. c. România (Monitorul Oficial al României nr. 175 din 11 martie 2011).
5. CEDO, Plen, Hotărârea din 13 iunie 1979, în cauza Marckx c. Belgia *apud* Duminiță R. *Criza legii contemporane*. București: C.H. Beck, 2014.
6. CJCE, Cauza C-74/74, CNTA SA împotriva Comisiei Comunităților Europene, Hotărârea din 15 iunie 1976 *apud* C. Fl. Costaș *Principiul securității juridice*. În: R.R.F., 2008, nr. 7.

7. *Constituția Republicii Moldova* din 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 12.08.1994, nr.1.
8. *Constituția Republicii Moldova. Comentariu*. Chișinău: Arc, 2012.
9. *Constituția României – Comentariu pe articole*. Coordonatori I. Muraru, E.S. Tănăsescu. București: C.H. Beck, 2008.
10. *Constituția României* din 21 noiembrie 1991 (revizuită în 2003). În: MO al României nr. 233 din 21.11.1991, republicată în MO nr. 767 din 31 octombrie 2003.
11. *Convenția pentru apărarea drepturilor omului și a libertăților fundamentale*, din 04.11.1950, adoptată la Roma la 04.11.1950 și intrată în vigoare la 03.09.1953. În vigoare pentru Republica Moldova din 01.02.1998 (Publicată în *Tratate Internaționale Nr. 1* din 01.01.1998).
12. Cristau A. *L' exigence de sécurité juridique*. In: Recueil Dalloz-Sirey (D.) *Croniques*, 2002. [resurs electronic]: http://credo-multimedia.comBib_num/Articles%20New/Antoine%20Cristau,%20L'exigence%20de%20s%C3%A9curit%C3%A9%20juridique.pdf.
13. Danileț C. *Studiu cu privire la unificarea practicii judiciare și asigurarea principiului securității raporturilor juridice în Republica Moldova: Evaluare și propuneri*. Strategia de reformare a sectorului justiției. Chișinău: S. n., 2014. 56 p.
14. Deleanu I. *Accesibilitatea și previzibilitatea legii în jurisprudența Curții Europene a Drepturilor Omului și a Curții Constituționale a României*. În: *Dreptul*, 2011, nr. 8.
15. Duminică R. *Criza legii contemporane*. București: C.H. Beck, 2014. 162 p.
16. Eliescu M. *Aplicarea legii civile în timp și spațiu, Conflictele de legi*. În: *Tratat de drept civil*, vol. I, Partea generală, de Tr. Ionașcu ș.a. București: Ed. Academiei, 1967.
17. François L. *Le problème de la sécurité juridique*. In: *La sécurité juridique*. Liège: Jeune Barreau de Liège, 1993.
18. Frolu S. *Securitatea juridică în paradigma securității naționale. Considerații și determinări conceptuale*. În: *Echilibrul de putere și mediul de securitate*, Sesiunea anuală de comunicări științifice cu participare internațională, din 17-18 noiembrie 2011. București: Ed. Universității naționale de apărare „Carol I”, 2011, p. 185-198.
19. Fromont M. *Le principe de sécurité juridique*. În: *AJDA, L'actualité juridique. Droit administratif*, nr. special. Paris: Dalloz, 1996.
20. Hotărârea Curții Constituționale a Republicii Moldova pentru controlul constituționalității art. II alin. (2) din Legea nr.186-XVI din 29 iunie 2006 “Pentru modificarea și completarea Legii nr.1225-XII din 8 decembrie 1992 privind reabilitarea victimelor represiunilor politice” și art.12 alin. (8) din Legea nr.1225-XII din 8 decembrie 1992 în redacția Legii nr.186-XVI din 29 iunie 2006, nr. 16 din 12.06.2007. În: *Monitorul Oficial nr.86-89/14* din 22.06.2007
21. Lambert P. *Le principe général de la sécurité juridique et les validations législatives*. In: *Sécurité juridique et fiscalité*. Bruxelles: Bruylant, 2003.
22. Pătulea V. *Tratat de management juridic și jurisdicțional*. București: IRDO, 2010.
23. Popescu S., Țândăreanu V. *Securitatea juridică și complexitatea dreptului în atenția Consiliului de Stat francez*. În: *Buletin de informare legislativă*, 2007, nr. 1, p. 3-6.
24. Predescu I., Safta M. *Principiul securității juridice, fundament al statului de drept. Repere jurisprudențiale*. În: *Buletinul Curții Constituționale*, 2009, nr. 1.
25. Trăilescu A.A. *Predictibilitatea normelor și stabilitatea raporturilor juridice – componente ale legalității actelor administrative*. În: *Curentul Juridic*, 2011, nr. 1, p. 106-117.
26. Iacub I., Costachi Gh. *Reflecții asupra securității juridice în statul de drept*. În: *Legea și Viața*, 2015, nr. 5, p. 4-9.

ECHILIBRUL DINTRE STABILITATEA ȘI DINAMICA CONSTITUȚIEI – GARANȚIE IMPORTANTĂ A REGIMULUI CONSTITUȚIONALITĂȚII

Costachi Gheorghe - doctor habilitat în drept, profesor universitar, cercetător științific principal la Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei

În studiul de față ne propunem drept scop să analizăm esența echilibrului dintre stabilitatea și dinamica Constituției ca garanție a regimului constituționalității și să identificăm unele exigențe de natură să asigure menținerea acestuia în condițiile în care Constituția Republicii Moldova va fi supusă revizuirii.

Cuvinte-cheie: Constituție, echilibru, stabilitate, dinamică, revizuirea Constituției.

Le but de cet article scientifique est d'analyser l'essence de l'équilibre entre la stabilité et dynamique de la Constitution comme une garantie de régime constitutionnel et d'identifier certaines exigences pour assurer son maintien si la Constitution de la République de Moldova sera révisée.

Mots-clés: Constitution, l'équilibre, la stabilité, dynamique, revoir de la Constitution.

В данном исследовании предлагается краткий анализ сущности баланса между стабильностью и динамичностью Конституции в качестве гарантии конституционного режима. В результате выявлены некоторые важные условия необходимые для его поддержания в случае пересмотра Конституции.

Ключевые слова: Конституция, баланс, стабильность, динамика, пересмотр Конституции.

Introducere. Problema Constituției, a rolului și valorii acesteia într-un stat de drept este una destul de frecvent abordată în literatura de specialitate. În ultimul timp, însă tot mai mult în arealul nostru științific se accentuează necesitatea revizuirii Constituției Republicii Moldova în vederea consolidării anumitor instituții juridico-constituționale. Evident, în prezent, o asemenea necesitate este justificată, mai ales că nu putem rămîne la nesfîrșit în proces de tranziție. Fiind un act elaborat și adoptat în vîltoarea unor mari transformări sociale (care și-au pus amprenta și pe conținutul Legii Fundamentale), este de la sine înțeles că perioada ce s-a scurs, cu toate reformele sale, a fost o ocazie destul de bună pentru evaluarea și aprecierea calității și eficienței textului constituțional. Sub acest aspect, considerăm că necesitatea și oportunitatea consolidării

actuale a instituțiilor democratice ale statului implică inevitabil și necesitatea consolidării rolului Constituției ca pilon fundamental al statului de drept și factor determinant al regimului constituționalității.

Actualitatea studiului. În pofda conștientizării necesității revizuirii Constituției Republicii Moldova și a voinței manifestate în acest sens de către politicieni, totuși în viziunea noastră mai trebuie conștientizat și luat în calcul un moment, la fel de important: Constituția trebuie revizuită doar cu condiția respectării echilibrului dintre stabilitatea și dinamica ei întru garantarea stabilității regimului constituționalității.

Scopul studiului. Ținînd cont de cele menționate, în studiul de față ne propunem drept scop să precizăm esența echilibrului dintre stabilitatea și dinamica Constituției ca garanție importantă a

regimului constituționalității și, implicit, să identificăm unele exigențe de natură să asigure menținerea acestuia în condițiile în care Constituția Republicii Moldova va fi supusă revizuirii.

Discuții și rezultatele obținute.

Echilibrul dintre stabilitatea și dinamica Constituției. În majoritatea sistemelor constituționale din lume Constituția s-a impus ca Lege Fundamentală ce stă la baza organizării și funcționării statului. Adoptarea ei este considerată a fi un eveniment deosebit de important, pentru că, pe de o parte, în Constituție sunt reglementate și consacrate principiile fundamentale ale întregii vieți sociale și statale, iar pe de altă parte, aceasta excede juridicului, fiind o realitate politico-statală.

Valoarea deosebită a Constituției derivă în mare parte din funcțiile pe care le îndeplinește aceasta, una din cele mai importante fiind considerată *funcția de stabilizare*, esența căreia rezidă în faptul că Legea Supremă este rezultatul consensului diferitor forțe politice, fiind astfel un factor stabilizator pentru dezvoltarea relațiilor sociale [9, p. 80]. Prin reglementarea structurii și sistemului puterii de stat, a competenței organelor de stat, a principiilor și formelor activității acestora, Constituția are un rol de stabilizare a statului ca instituție politică, conturează câmpul de funcționare a acestuia și posibilitatea de a influența procesele sociale [2, p. 159].

În același timp, Constituției îi revine și un rol important în asigurarea stabilității sistemului de drept, continuității acestuia indiferent de transformările politice sau de altă natură din societate. În mare parte, această funcție derivă din caracterul stabil al Constituției marcat de procedura complexă de adoptare, modificare și abrogare a acesteia. Anume datorită exigențelor stabilite pentru modificarea textului constituțional, se asigură continuitatea stabilă a ordinii impuse de normele constituționale.

Așadar, stabilitatea Constituției este baza stabilității sistemului de drept al statului, al regimului constituțional, ce garantează neadmiterea modificării acestora în funcție de diferite considerente politice de conjunctură [8, p. 34-35].

În perioada contemporană, funcția examinată este considerată a fi deosebit de importantă, deoarece ea are un rol fundamental pentru

desfășurarea stabilă a reformelor inițiate, pentru asigurarea vectorului democratic de dezvoltare a societății și a statului, pentru rezistența și consolidarea regimului constituțional.

Prin textul său, Constituțiile reflectă atât sau preponderent necesități ale prezentului, adică specific momentului adoptării, cât și puterea de previziune a constituentului, care trebuie să țină cont de posibila evoluție a relațiilor sociale, de necesitatea unei anumite direcționări a vieții politice. Dar oricâtă putere de previziune ar avea cei ce contribuie la elaborarea proiectului, precum și cei ce decid conținutul normativ al Constituției, aceasta poate la un moment dat să nu mai corespundă exigențelor societății. Fie că apar probleme noi care necesită soluții noi, fie că vechile probleme necesită noi soluții, oricum se ajunge la completarea Constituției cu noi articole. Uneori însă, nu este vorba de adaptarea Constituției la noile exigențe și nici de găsirea unor noi soluții juridice pentru vechile probleme, ci pur și simplu de ameliorarea textului, de perfecționarea reglementărilor privind organizarea autorităților publice, garantarea drepturilor și libertăților cetățenilor, racordarea unor norme la nevoile sociale ce nu au fost just apreciate etc. Totodată, revizuirea poate fi impusă de aderarea statului la anumite pacte internaționale sau de încheierea unor noi tratate și convenții.

Prin urmare, în virtutea faptului că realitățile obiective, activitatea politică și cea socială sunt în permanentă schimbare și evoluție, realitatea juridică este nevoită să țină pasul cu transformările ce intervin în diferite domenii. Nu fac excepție în acest sens nici prevederile constituționale, cu atât mai mult că ele sunt expresia, pe plan normativ, a unor realități sociale aflate în dinamică. Sub acest aspect este evident că stabilitatea normelor constituționale nu poate fi impusă în mod artificial, întrucât un asemenea demers ar deveni o frână în calea evoluției raporturilor sociale pe care aceste norme tocmai le exprimă [6, p. 289].

În același timp, considerăm că au perfectă dreptate unii autori când susțin că stabilitatea necesară unei Legi Fundamentale trebuie să fie corelată cu posibilitatea acesteia de a se adapta noilor realități politice și sociale și de a-și corecta imperfecțiunile ivite pe parcursul aplicării în timp. Numai îmbinarea armonioasă a durabilită-

ții normelor constituționale cu capacitatea lor de a se adapta noilor evoluții în plan politic poate da unei Constituții o viabilitate în timp [3, p. 84].

În contextul dat, vom sublinia că la sfârșitul sec. al XX-lea profesorul rus A.A. Belkin susținea că sarcina principală a procedurii de modificare a Constituției constă în păstrarea Constituției în vigoare ca pe o anumită valoare, așa cum a fost pentru cei care au elaborat-o. Constatând răspîndirea largă a „indestructibilității Constituției” ca principiu al constituționalismului, domnia sa îl consideră ca fiind un principiu de protecție a Constituției, recunoscînd totodată că construcția „indestructibilității absolute” a Constituției nu este justificată nici logic, nici istoric [7, p. 9-11].

În aceeași ordine de idei, Iu.L. Șulijenko [10, p. 9] notează că dacă în textul Constituției nu vor fi reflectate transformările substanțiale produse în viața statului și a societății, atunci *de facto* ea capătă caracterul unui document istoric care nu reflectă realitatea practică.

Astfel, echilibrul dintre stabilitatea Constituției și dinamica inevitabilă a acesteia este asigurat de procedura complexă de adoptare, modificare și abrogare a acesteia [11, p. 6].

În doctrină, valoarea juridică a interdicțiilor de a revizui Constituția, a limitelor revizuirii, a fost adesea contestată, spunîndu-se că autorii Legii Fundamentale nu pot impune voința lor generațiilor următoare, care trebuie să rămînă libere să modifice cum vor textul constituțional. Alți cercetători au respins însă o asemenea argumentare, susținînd că, dimpotrivă, constituentul trebuie să facă o deosebire între cele cîteva momente pe care le consideră esențiale – și care nu pot fi puse în discuție fără o lovitură de forță, și cele mult mai numeroase, care pot fi oricînd modificate [5, p. 78].

În urma acestei dispute doctrinare, s-a ajuns la admiterea ideii unor limite ale revizuirii, păs-trîndu-se în continuare controverse asupra conținutului, a întinderii și a formelor revizuirii.

Ceea ce trebuie precizat în acest context, în legătură cu întinderea revizuirii, este aceea că putem vorbi de o revizuire *totală* cînd se modifică întreaga Constituție și, deci, se modifică, se schimbă instituții și principii fundamentale, moment ce echivalează mai curînd cu o abrogare a Legii Fundamentale și respectiv, o revizuire *parți-*

ală cînd sînt modificate doar cîteva articole (dispoziții). Esențială este conformitatea revizuirii cu procedura prevăzută în Constituție [11, p. 6].

Procedura de revizuire a Constituției este strict legată de caracterul flexibil sau rigid al Legii Fundamentale. În cazul în care modificarea Constituției se realizează după aceeași procedură după care se modifică legea (ordinară sau organică), suntem în prezența unei Constituții *suple* sau *flexibile*. În schimb, dacă revizuirea Constituției se face după alte reguli decît cele obișnuite, ne aflăm în fața unei Constituții *rigide*. Prin caracterul rigid al Constituției (diverse modalități de realizare a rigidității), se urmărește asigurarea supremației Legii Fundamentale în cadrul sistemului ierarhizat al actelor normative.

În general, prin stabilirea unor condiții obligatorii pentru adoptarea, modificarea și abrogarea Constituției sunt stabilite garanții ale menținerii formei de organizare a statului, evitîndu-se posibilitatea modificării arbitrare și premature a textului Legii Fundamentale și încălcarea acesteia. Important e de a ține cont de faptul că revizuirea Constituției nu trebuie să fie nici prea ușoară și nici excesiv (extrem) de dificilă. În primul caz, ar putea surveni pericolul despotismului parlamentar sau al guvernului, iar în al doilea – reforma necesară fie se amîină pe un timp nedeterminat, fie este declanșată și desfășurată ilegal sau prin violență [11, p. 6].

Exigențele revizuirii Constituției Republicii Moldova. Înainte de a aborda subiectul ce ține de revizuirea Constituției Republicii Moldova considerăm necesar a determina caracterul acesteia, adică dacă este o Constituție flexibilă sau rigidă. După cum suține dl profesor I. Guceac, răspunsul la această întrebare îl regăsim în art. 141-143 din Constituție [1]. După cum e și firesc, aceste dispoziții constituționale nu dau un răspuns expres, lăsînd ca cel interesat să decidă în funcție de convingerile și cunoștințele sale. Însă, evaluînd intervențiile în textul Legii Fundamentale care s-au soldat cu modificarea acesteia, ea pare a fi mai mult o Constituție flexibilă decît una rigidă [3, p. 15].

Prin urmare, domnia sa se expune asupra necesității conferirii unei rigidități pronunțate Constituției Republicii Moldova în vigoare, venind cu următoarele argumente:

- din punct de vedere juridic, rigiditatea unei Constituții marchează superioritatea acesteia față de toate actele normative;

- din punct de vedere politic, rigiditatea unei Constituții asigură protecția indivizilor, continuitatea reformelor sociale și integrarea valorilor promovate de societatea statului respectiv;

- rigiditatea exclude practica unor modificări „epidemice” a Constituției și menținerea stabilității sistemului de drept național;

- rigiditatea Constituției este o caracteristică a constituționalismului și, în același timp, un avantaj pentru statul de drept.

În scopul realizării acestor obiective, dl profesor propune completarea Legii Fundamentale a Republicii Moldova (eventual art. 143) cu următoarea dispoziție: „orice inițiativă de revizuire a Constituției să fie supusă examinării în două legislaturi consecutive astfel încât numai ce-a de-a doua legislatură, în cadrul primei sesiuni, devenind constituantă” [3, p. 16].

În ceea ce ne privește considerăm că ar mai fi nevoie și de alte condiții și exigențe pentru sporirea rigidității Constituției Republicii Moldova. Una dintre acestea ar fi implicarea obligatorie a societății civile și a cetățenilor în procesul de elaborare, dezbateri a proiectului de lege cu privire la modificarea Constituției și adoptarea acesteia [11, p. 7].

Prin esență, un asemenea proiect este unul ambițios, ce nu poate fi elaborat teoretic și realizat practic peste noapte. Este nevoie de o dezbateri profundă, la care să participe nu numai oamenii politici și partidele politice, ci și specialiști în teorie politică și constituțională, opinia publică și mass-media. Mai mult ca atât, participarea cetățenilor la dezbaterile pe marginea modificărilor constituționale și la degajarea soluțiilor care să se bucure de cel mai larg sprijin popular reprezintă o etapă democratică necesară și obligatorie.

În acest sens, ar fi binevenită crearea unui Forum Constituțional ca structură de dialog instituționalizat al societății civile referitor la revizuirea Constituției – o instituție inspirată de practicile europene de consultare a cetățenilor în legătură cu deciziile politice fundamentale.

Referindu-ne nemijlocit la propunerea de revizuire a Constituției Republicii Moldova, considerăm că o eventuală modificare a acesteia este

practic de neevitat, mai ales luând în considerație conjunctura social-politică în care a fost adoptată și transformările ce s-au produs după data adopțării. În principiu, nu este doar o viziune proprie.

Dacă e să invocăm cercetările științifice realizate în cadrul Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, nemijlocit Secția Drept Național, atunci vom constata că practic în majoritatea lucrărilor realizate în drept constituțional, se conțin referințe la necesitatea modificării unor sau altor dispoziții constituționale.

Paradoxal, însă propunerile date în majoritatea lor nu s-au făcut auzite nici pe culoarele Parlamentului, chiar dacă sunt de o valoare incontestabilă pentru consolidarea unor importante instituții democratice din societatea noastră. În schimb, o rezonanță deosebită a căpătat propunerea de modificare a Constituției parvenită de la principalele forțe politice în legătură cu imposibilitatea alegerii șefului statului (anii 2011-2012), urmate de acțiuni concrete (cum a fost referendumul).

Pe cale de consecință, evenimentele derulate pe arena politică din țară, reflectate zilnic de sursele mass-media, crează impresia că clasa politică guvernantă percepe revizuirea Constituției ca o necesitate, dar nu atât pentru beneficiul societății, cât pentru îmbunătățirea tacticii și strategiei în lupta pentru putere. Desigur, este regretabil că interesele societății și ale cetățeanului au fost substituite cu interesele de partid orientate spre obținerea puterii, dar și mai regretabil e că valorile și principiile democratice pe care și le-au asumat forțele politice spre realizare și consolidare s-au dovedit a fi doar un paravan în spatele căruia înflorește iresponsabilitatea morală, politică și juridică a acestora.

În viziunea noastră, astăzi principala întrebare nu constă în a modifica Constituția sau nu? Considerăm că întrebarea e cum să o modificăm în așa fel încât să determinăm o optimizare a textului constituțional în beneficiul nu doar al forțelor politice aflate la putere, dar și a societății și cetățeanului. Mai mult ca atât, o parte a întrebării e cum să implicăm mai bine societatea civilă și nemijlocit cetățeanul în dialogul politic al procesului de dezbateri a variantelor de revizuire a Constituției. În fine, dar nu mai puțin important,

este cum să contribuim la atingerea consensului politic între forțele politice guvernante; cum să sporim responsabilitatea politică și morală a reprezentanților poporului și să-i întoarcem cu fața spre interesele și nevoile societății și a cetățeanului; cum să asigurăm eficiența practică a normelor constituționale întru beneficiul comunității.

Concluzii. În încercarea de a propune o soluție pentru problemele expuse vom sublinia că toți suntem la un început de drum, politicieni, cetățeni, analiști sau comentatori, și că avem cu toții nevoie să învățăm împreună ceea ce alții au învățat deja de câteva decenii sau chiar secole: să ne ascultăm reciproc, să cedăm unde e cazul, să ne contrazicem respectându-ne și, mai ales, să reflectăm mai profund asupra opiniilor celorlalți.

Prin urmare, considerăm că doar împreună și doar respectându-ne vom reuși să elaborăm și să implementăm cu succes un proiect bun de revizuire a Constituției Republicii Moldova în beneficiul întregii societăți și a fiecărui cetățean în parte.

Bibliografie

1. *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29 iulie 1994. În: Monitorul Oficial, nr. 1 din 12.08.1994.

2. Costachi Gh., Hlipcă P. *Organizarea și funcționarea puterii în statul de drept*. Ediția a II-a revăzută și completată. Chișinău, 2011.

3. Guceac I. *Revizuirea Constituției – prezent și viitor*. În: Reintegrarea Moldovei. Soluții și modele. Chișinău: TISH, 2005 (F.E.-P. „Tipografia Centrală”).

4. Muraru I., Tănăsescu S. *Drept constituțional și instituții politice*. Ediția a IX-a revăzută și completată. București: Editura Lumina Lex, 2001.

5. Pactet P. *Textes de droit constitutionnel*. Paris, 1990.

6. Varga A. *Constituționalitatea procesului legislativ*. București: Editura Hamangiu, 2007.

7. Белкин А.А. *Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики*. СПб.: ТОО «ТК «Петрополис», 1995.

8. Тодыка Ю.Н. *Конституционные основы формирования правовой культуры*. Харьков: «Райдер», 2001.

9. Тодыка Ю.Н. *Конституция Украины: проблемы теории и практики*. Харьков: «Факт», 2000.

10. Шульженко Ю.Л. *О понятии «правовая охрана Конституции»*. Государство и право, 2002, Nr. 7.

11. Costachi Gh., Iacub I. *Reflecții asupra necesității și exigențelor revizuirii Constituției Republicii Moldova*. În: Legea și Viața, 2014, nr. 2, p. 4-7.

ОБ'ЄКТ НЕНАЛЕЖНОГО ВИКОНАННЯ ОБОВ'ЯЗКІВ ЩОДО ОХОРОНИ ЖИТТЯ ТА ЗДОРОВ'Я ДІТЕЙ

Бандурка Ірина Олександрівна - кандидат юридичних наук, доцент кафедри кримінального права і криминології Харківського національного університету внутрішніх справ

Стаття посвящена рассмотрению общественно-небезопасного деяния, как несовершеннолетнее исполнение обязанностей что до охраны жизни и здоровья детей. Рассмотрены теоретические подходы к определению понятия объекта преступления. Выделено общий, семейный и непосредственные объекты недостаточного исполнения обязанностей что до охраны жизни и здоровья детей.

Ключевые слова: ребенок, уголовно-правовая защита, жизнь, здоровье, преступление, объект преступления.

Acest articol este dedicat analizei acțiunilor publice-periculoase ca o executare imperfectă a obligațiilor care sunt îndreptate spre protejarea vieții și sănătății copiilor. Se prezintă abordările teoretice la definirea obiectului infracțiunii. Se delimitează obiectele generale, familiare și obiecte imediate de îndeplinire insuficientă a obligațiilor care protejează viața și sănătatea copiilor.

Cuvinte cheie: copil, apărare penală, viață, sănătate, crimă, obiectul infracțiunii.

Article considers of socially dangerous act as improper performance of duties to protect life and health of children. The considered of theoretical approaches to the definition of the object of the crime. Highlight a common, genitive and direct objects of improper performance of duties to protect life and health of children.

Key words: child, criminal legal protection, life, health, crime, the object of the crime.

Постановка проблеми. В умовах демографічної кризи, старіння нації, перевищення смертності над народжуваністю, високої дитячої захворюваності надзвичайно актуальним постає питання забезпечення охорони життя та здоров'я, належного фізичного та психічного розвитку неповнолітніх. Проблема захисту неповнолітніх шляхом встановлення кримінальної відповідальності вихователів, педагогів, педіатрів, тренерів різних шкіл і спортивних секцій, інших працівників за неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я підопічних є складною і разом з тим важливою для суспільства, держави, установ освіти та родини. Дослідження такого питання у рамках кримінально – правового захисту прав дитини не може

існувати без розкриття основних елементів, а саме об'єкту неналежного виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей.

Стан розробленості наукової проблеми. Тематика даної статті вже була висвітлена вченими кримінально-правових наук, такими як: П.П. Андрушко, М.І. Бажанов, В.І. Борисова, Г.М. Гаврилюка, В.А. Глушкова, М.Й. Коржанський, Ю.О. Корольова, В.О. Навроцького, М.Д. Шаргородський, Н.М. Ярмиш та іншими, але в сучасних умовах вона потребує додаткового висвітлення.

Виклад основного матеріалу. Неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей передбачено статтею 137 Кримінального кодексу України [1].

Цей злочин полягає у невиконанні або неналежному виконанні особою своїх професійних чи службових обов'язків щодо охорони життя та здоров'я неповнолітніх, що спричинило істотну шкоду здоров'ю потерпілого. Під невиконанням або неналежним виконанням професійних чи службових обов'язків щодо охорони життя та здоров'я неповнолітніх слід розуміти, зокрема, ненадання безоплатної медичної, психологічної тощо допомоги, непроведення безоплатного протезування дітям-інвалідам, ненадання необхідної допомоги дітям, хворим на СНІД та інші невиліковні тяжкі хвороби, прийняття на роботу дітей без попереднього медичного огляду та висновку про відсутність протипоказань до праці тощо [1].

Невід'ємним фактором у практичному застосуванні норм кримінального права є правильність кваліфікації того чи іншого злочину. З огляду на це у теорії кримінального права виник своєрідний апарат – склад злочину, на основі якого побудовано конструкцію норм Особливої частини Кримінального Кодексу України. За допомогою складу злочину стають можливими віднесення окремих діянь за відповідними ознаками до окремих видів кримінальних правопорушень, структуризація видів злочинів, кваліфікація діянь та вирішення інших практичних питань.

Об'єкт злочину є надзвичайно важливим, хоч і юридично рівнозначним, обов'язковим елементом складу будь-якого кримінально-протиправного та суспільно небезпечного діяння. Теоретичний аспект об'єкту злочину детально розроблено в юридичній науці, проте до цього часу точиться багато дискусій щодо його визначення та використання в практичній діяльності.

Значення суспільних відносин як правоохоронних інтересів та як об'єкта кримінального посягання підкреслював ще М. С. Таганцев, який у 1902 році писав: «Такими правоохоронними інтересами можуть бути: особистість і її блага – життя, тілесна недоторканість, особисті почуття, честь, володіння або користування відомими предметами зовнішнього світу; зовнішній прояв особистості, свобода пересування та діяльності в її різних сферах; виниклі внаслідок такої діяльності різні відносини чи становище, їх незмінність, непорушність; різні

блага, що складають суспільний достаток, тощо. При цьому, безумовно, не будь-який інтерес таких груп отримує правову охорону, а тільки той, який може мати суспільне значення. Інтереси, що охороняються, можуть мати реальний характер – життя, здоров'я, недоторканість володіння, або ідеальний – честь, релігійні почуття, гідність і тощо. Ці інтереси можуть належати окремій особі, фізичній чи юридичній, або окремим спільнотам, існуючим у державі, або всій сукупності суспільних факторів, усьому суспільству, або, нарешті, державі як юридично організованому цілому. Правоохоронна може стосуватись як самого інтересу, захищаючи його безпосередньо від руйнування, знищення чи зміни, або охорона може бути спрямована на юридичне ставлення особи до такого блага – охорона можливості та свободи володіти, розпоряджатись чи користуватись таким благом чи інтересом» [2; с. 132].

Н.Ф. Кузнецова та І.М. Тяжкова визначають об'єкт злочину, соціально-значимі цінності, інтереси, блага, що охороняються кримінально-правовим законом, на які посягає особа, вчиняючи злочин, і яким у результаті вчинення злочинного діяння завдається або може бути завдана суттєва шкода [3; с. 209].

Найпоширенішою і загальноприйнятою є точка зору, що об'єктом злочину є суспільні відносини, що охороняються кримінальним законом. У радянській кримінально-правовій науці впродовж всього історичного періоду існування СРСР (1992 – 1991) панувала точка зору на об'єкт злочину, яка була сформульована ще в 1924 р. А. А. Піонтковським в одному з перших радянських підручників з кримінального права. Він, зокрема, зазначав, що «виходячи із загального вчення про злочин, об'єктом будь-якого злочинного діяння слід вважати суспільні відносини, які охороняються всім апаратом кримінально-правового примусу» [4; с. 129].

В. Я. Горбачевський зазначає, що об'єктом злочину є суспільні відносини, які перебувають під охороною кримінального закону, на які посягає злочин, яким заподіюються або які ставляться під загрозу заподіяння суспільно небезпечної шкоди [5; с. 51].

Такої ж самої думки дотримується професор М. Й. Коржанський (об'єктом злочину

у кримінальному праві є суспільні відносини, які охороняються законом від злочинних посягань) [6; с. 147].

Мельник М. І. та Клименко В.А. також вважають, що об'єктом злочину є суспільні відносини між людьми, що існують у суспільстві та охороняються нормами кримінального законодавства [7; с. 78].

Проте не можна цілком погодитись із вищезазначеними поглядами про поняття об'єкту злочину. Такий підхід до цієї проблеми дещо недооцінює значення людини у сфері соціального життя, визнаної Конституцією України найвищою соціальною цінністю, а її права, свободи та їх гарантії мають визначати зміст і спрямування діяльності держави [8].

Більш точною є позиція А. Н. Трайніна, який вважає, що об'єктом посягання в його конкретному життєвому втіленні можуть бути як матеріальні, так і нематеріальні цінності – політичні, моральні, культурні та інші [9; с. 123].

Прихильники такої теорії визначення об'єкта злочину вважають, що цінності – це те, що має суттєве значення для людини та суспільства в цілому, тому вони охороняються нормами різних галузей права, а найважливіші з них бере під захист кримінальне законодавство. Будь-яке злочинне діяння, спрямоване проти цих найважливіших цінностей, створює загрозу спричинити або спричинює їм шкоду, отже, вони є об'єктом злочину. Тому на їхню думку, об'єкт, як елемент складу злочину – це цінності, що охороняються кримінальним законом, проти яких спрямовано злочинне діяння і яким воно може заподіяти або спричиняє шкоду [10; с. 235].

П. С. Матишевським висловлено ще одну точку зору, згідно з якою об'єктом злочину, крім суспільних відносин, виступають і особисті блага людини (життя, здоров'я, фізична недоторканість, честь, гідність). Слід зазначити, що ця точка зору заслуговує повної підтримки, оскільки вказані блага – це природні цінності, існування яких не залежить від суспільства та держави, а можуть ними лише охоронятись [11; с. 234].

Існує також позиція, відповідно до якої об'єктом злочину є лише людина. Наприклад, Г. П. Новосолов зазначає, що злочин спричиняє або створює загрозу спричинення шкоди

не чомусь (благам, нормам права, відносинам тощо), а комусь і, відповідно, як об'єкт злочину потрібно розглядати не щось, а когось. Проте ця точка зору не дістала підтримки у кримінально-правовій науці, оскільки таке розуміння об'єкта злочину суперечить законодавству, не розмежує поняття об'єкта та предмета злочину та ін [12; с. 53].

Аналізуючи наведені твердження та керуючись Кримінальним кодексом України, слід зазначити, що об'єктом злочину є суспільні відносини, зокрема, права і свободи людини та громадянина, власність, громадський порядок та громадська безпека, довілля, конституційний лад України, мир і безпека людства.

За своєю спрямованістю неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя і здоров'я дітей є діянням, що здатне спричинити істотну шкоду суспільним відносинам у сфері охорони дітей, заподіяти, зокрема, різного ступеня тяжкості тілесні ушкодження, загибель одного або декількох дітей. Заподіяння подібних наслідків спрямовано проти об'єктивно обумовлених потреб суспільства в збереженні та розвитку генофонду, і з цієї причини відповідальність за вчинення зазначеного діяння передбачається кримінальним законом. Таким чином, загальним об'єктом злочину, передбаченого ст. 137 КК України, як і інших злочинів, є сукупність суспільних відносин, що охороняються законодавством про кримінальну відповідальність.

Родовим об'єктом вказаного діяння є певне коло тотожних чи однорідних за своєю соціальною і економічною сутністю суспільних відносин, що повинні охоронятись внаслідок цього єдиним комплексом взаємопов'язаних кримінально-правових норм [13; с. 105].

Цікавим є питання з якого моменту життя та здоров'я стають об'єктом кримінально-правової охорони. Як вказують В.І. Борисов і В.М. Куц, життя є найціннішим природним благом людини. Як біологічний процес воно має свої початковий і кінцевий моменти, фіксація яких представляє винятково важливе практичне значення для правильного застосування законів про відповідальність за вбивство [14; с.6].

У переважній більшості випадків визнається, що життя і здоров'я стають об'єктом кримінально-правової охорони з моменту початку

фізіологічних пологів [15; с.6]. Однак початок поняття «початок фізіологічних пологів» трактується по різному. Ряд вчених відзначає, що «початок фізіологічних пологів» аналогічний поняттю «початок родового процесу». А.Н. Попов, посилаючись на роботи вчених – медиків, відмічає, що початком пологів вважають появу регулярних скорочень мускулатури матки – переймів [16; с.28]. Самі ж пологи (період пологів), на думку А.Н. Попова, настають після 22-х тижнів вагітності, з моменту початку природного або штучного переривання вагітності [16; с. 33].

Досить суперечливим представляється визначення моменту виникнення права дитини на життя, яке закріплене в ст. 6 Закону України «Про охорону дитинства». Зокрема, у цьому Законі передбачено, що «кожна дитина має право на життя з моменту визначення її живо-народженою і життєздатною за критеріями Всесвітньої організації охорони здоров'я» [17]. При такому підході до визначення часу, з якого виникає кримінально-правова охорона життя, «ввічнення» Закону про кримінальну відповідальність переноситься на значно пізніший період — проведення обстеження немовляти і складання позитивного висновку про його стан. Безумовно, що таке положення Закону України «Про охорону дитинства» вимагає коректив.

Аналогічним за своїм змістом буде висновки у відношенні початку кримінально-правової охорони здоров'я. Однак при цьому слід урахувати, що у комплексі заходів щодо охорони здоров'я дитини ст. 6 Закону України «Про охорону дитинства» передбачена охорона здоров'я матері у допологовий і післяпологовий періоди. Тим самим підкреслюється необхідність охорони здоров'я жінки, яка перебуває у стані вагітності або є матір'ю новонародженого, а також визнається можливість опосередкованого, через ураження здоров'я матері, ураження здоров'я її дитини. Вочевидь, що шкода, заподіяна здоров'ю майбутньої матері, може негативно відбитися на здоров'ї дитини після її народження, і це наводить на деякі міркування.

Моментом припинення дії кримінально-правової охорони життя і здоров'я абсолютна більшість учених, зокрема і автор даної статті, вважає біологічну смерть людини – тобто мо-

мент, коли внаслідок зупинки роботи серця наступили незворотні процеси розпаду клітин центральної нервової системи.

Таким чином, родовим об'єктом злочинного діяння, передбаченого ст. 137 КК України, є суспільні відносини щодо охорони і забезпечення життя і здоров'я особи.

Охорона і забезпечення життя та здоров'я особи передбачають встановлення широкого кола суспільних відносин і, відповідно, їхнього захисту кримінально-правовими нормами. Навмисні убивства і убивство, вчинене через необережність (статті 115 – 118, 119), доведення до самогубства (ст.120), загроза вбивством (ст.129), тілесні ушкодження (статті 121-125, 128), побої і мордування (ст. 126), катування (ст.127), спеціальні види тілесних ушкоджень (статті 130 і 133), злочини, які вчиняються у сфері медичного обслуговування (статті 131, 132, 138-145), а також злочини, що представляють небезпеку для життя і здоров'я (статті 134-137), – це не повний перелік діянь, що передбачені Розділом II Особливої частини КК і посягають на зазначені суспільні відносини.

Враховуючи багатоаспектність суспільних відносин щодо охорони життя і здоров'я особи, безпосередній об'єкт злочину, передбаченого ст. 137 КК України, слід визначати через аналіз змісту відносин, поставлених під захист саме цією нормою закону про кримінальну відповідальність, його структурних елементів.

Предметом суспільних відносин, що перебувають під охороною статті 137 КК України виступають життя і здоров'я дитини з моменту народження і до досягнення нею повноліття, а також фізичний і психічний розвиток дитини. Охорона життя, здоров'я, фізичного та психічного розвитку неповнолітнього передбачає дбайливе ставлення до процесу народження, росту і розвитку дитини [18, с.81].

Суб'єктами (учасниками) цих відносин є особи, які поряд із батьками здійснюють нагляд і контроль за неповнолітніми при проходженні медичних оглядів, під час виховання і навчання, а також навчальної праці. До числа таких осіб належать: держава і її органи, органи місцевого самоврядування, медичні працівники, вихователі й інші працівники дитячих дошкільних установ, працівники загальноосвітніх і спеці-

алізованих шкіл, установ вищої освіти, відділ освіти, гуртків дитячої і юнацької творчості, спортивних секцій. Учасниками є також працівники недержавних (муніципальних, приватних або колективних) підприємств, установ і організацій, а так само окремі фізичні особи, що здійснюють подібний нагляд і контроль за неповнолітніми. Ці особи беруть участь у суспільних відносинах, охоронюваних ст. 137 КК України, як зобов'язані суб'єкти.

Щодо соціального зв'язку, що виникає між цими суб'єктами, то його зміст полягає в охороні життя і здоров'я неповнолітнього, тобто у створенні і підтримці умов, за яких дитина народжується, живе, нормально розвивається фізично та психічно. Можливість забезпечення таких умов формується шляхом належного виконання зобов'язаними учасниками окреслених суспільних відносин нормативних приписів.

Висновок. З огляду на охарактеризовані елементи вказаного складу злочину, можна зробити висновок, що безпосереднім об'єктом злочинного посягання, передбаченого статтею 137 КК України, є суспільні відносини у сфері охорони життя, здоров'я, фізичного та психічного розвитку неповнолітнього, а також охорони здоров'я жінки, що перебуває у стані вагітності.

Література

1. Кримінальний кодекс України. Офіційний текст. – К. : Право, 2003. – 176 с.
2. Русское уголовное право. Лекции : Часть общая : В 2-х т. : Т. 1 / Таганцев Н. С. ; сост. и отв. ред.: Загородников Н. И. – М. : Наука, 1994. – 380 с.
3. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1 : Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. – С.209.
4. Пиотковский А. А. Уголовное право. Особенная часть. Изд. второе, перераб. / Ред. проф. А.А. Герцензон и проф. А.А. Пионтковский. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1939. – 528 с.
5. Горбачевський В.Я. Кримінальне право України: теоретичний курс та практикум: Навчальний посібник / За заг. ред. В.Я. Горбачевського – К.: Атіка, 2005. – с.51
6. Коржанський М. Й. Кримінальне право і законодавство України. Частина Загальна.

Курс лекцій / За ред. М. Й. Коржанського – К.: Атіка, 2001.-С.147

7. Мельник М.І. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник. (Ю.В.Александров, В.І. Антипов, М. В. Володько та ін.). Вид. 3-тє, переробл. та допов./ За ред. М. І. Мельника, В. А. Клименка.- К.: Юридична думка, 2004.- С.78

8. Конституція України : прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. — К. : Преса України, 1997. — 80 с

9. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин – М.: Госюриздат, 1957. – С.123

10. Шевчук В. В. Об'єкт злочину за кримінальним правом України / В. В. Шевчук, О. В. Охман // Університетські наукові записки. – 2006. – № 2(18) – С. 234 – 239

11. Фріс П. Л. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник для студентів вищих навчальних закладів / П.Л. Фріс – К.: Атіка, 2004. – 488 с.

12. Новосьолов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические объекты / Г. П. Новосьолов – М.: НОРМА, 2001. – С. 53.

13. Кримінальне право України: Загальна частина: Підручник / За ред. проф. В. В. Сташиса, В. Я. Тація. – 4-е вид., переробл. і допов. – Х.: Право, 2010. – С. 104.

14. Борисов В.И. Преступления против жизни и здоровья: вопросы квалификации [Текст] / В.И. Борисов, В.Н. Куц. – Харьков : ЮНСУМ, 1995. – С.6

15. Сташис В.В. Личность под охраной уголовного закона [Текст] / В.В. Сташис, М.И. Бажанов. – Симферополь: Таврида, 1996. – С.6

16. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах [Текст] / А.Н. Попов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – С.28

17. Про охорону дитинства : Закон України від 26.04.2001 № 2402-III // Відомості Верховної Ради України від 27.07.2001 — 2001 р., № 30, стаття 142

18. Заславська М.Г. Неналежне виконання обов'язків щодо охорони життя та здоров'я дітей: соціальна обумовленість і склад злочину: монографія / М.Г. Заславська. – Х.: Право, 2013. – 216 с.

МІЖНАРОДНІ АКТИ ЯК ОСНОВА РОЗВИТКУ КРИМІНАЛЬНОГО ПРОЦЕСУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ НА ҐРУНТІ ПРІОРИТЕТУ ВИЗНАННЯ І ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ПРАВ ТА СВОБОД ЛЮДИНИ

**Коровайко Олександр Іванович - кандидат юридичних наук, здобувач
Харківського національного університету внутрішніх справ**

УДК 343.13 (477)

Проанализированы вопросы роли источников международного права как определенной основы для развития уголовного процессуального права Украины. Обращено внимание, что источники международного права по правам человека содержат важные для сферы уголовного судопроизводства нормы, выступающие в качестве стандартов (принципов) этой разновидности правоприменительной деятельности, закрепляют основные права человека в этой сфере и их гарантии. Указано на необходимость принятия действенных мер по более полному включения международных стандартов уголовного судопроизводства и прав человека в эту сферу правоприменительной деятельности органов досудебного расследования, прокуратуры, суда.

Ключевые слова: нормы международного права, международные стандарты прав человека и уголовного судопроизводства, нормы национального права, система источников уголовного процессуального права, уголовное производство, соблюдения прав человека.

Este studiat rolul surselor de drept internațional ca bază pentru dezvoltarea dreptului procesual penal al Ucrainei. Se atrage atenția că sursele dreptului internațional al drepturilor omului conțin importante prevederi pentru sfera justiției penale, care acționează în calitate de standarde (principii) din varietatea de aplicare a legii, stabilesc drepturile fundamentale ale omului și garanțiile acestora în acest domeniu. Se indică necesitatea luării măsurilor eficiente pentru a spori implementarea standardelor internaționale ale justiției penale și a drepturilor omului în acest domeniu de către organelor de anchetă, procuratură, judecată.

Cuvinte cheie: normele dreptului internațional, standardele internaționale privind drepturile omului și a justiției penale, normele de drept național, sistemul izvoarelor de drept procesual penal, procesul penal, respectarea drepturilor omului.

The article analyses the role of sources of international law as a certain basis for development of Criminal Procedural law of Ukraine. It emphasizes, that sources of international law in the sphere of human rights contain significant norms for criminal legal proceedings, which play the role of standards (foundation) of this type of law enforcement activity, secure main human rights in this sphere and their guarantees. It outlines the need to take actionable measures for more profound incorporation of international standards of criminal legal proceedings and human rights in this sphere into law enforcement practice of prejudicial inquiry organs, public prosecutor office, and court.

Key words: norms of international law, international standards of human rights and criminal legal proceedings, norms of national law, system of sources of Criminal Procedural law, criminal proceeding, observance of human rights.

Постановка проблеми. Вимога утвердження і забезпечення прав і свобод людини державою, визнання нею людини, її життя і здоров'я, честі і гідності, недоторканності і безпеки найвищими соціальними цінностями було свого часу проголошено в основоположних міжнародних актах з питань прав людини (Загальній декларації прав людини, Міжнародному пакті про громадянські і політичні права, Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод тощо). У цих актах, окрім іншого, визначаються й стандарти, які відносяться до сфери кримінального судочинства (доступність правосуддя, справедливість судового розгляду, розумність строків, незалежність та безсторонність суду, публічність розгляду справи тощо), закріплюються основні права особи у цій сфері та їх гарантії (презумпція невинуватості, право на захист та на юридичну допомогу, право на безоплатну допомогу перекладача тощо). Їх визнання має важливе значення для держави, яка вважає себе демократичною та правовою. Відмічено, що передумовою входження України до світової спільноти як повноправного члена з розвиненою системою права є імплементація до українського законодавства міжнародних стандартів з прав людини у сфері кримінального судочинства [1, с. 18]. Саме тому приведення кримінального процесуального законодавства України у відповідність до вимог міжнародних стандартів у цій сфері є одним із напрямів його реформування.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Питанням, пов'язаним з місцем міжнародних стандартів кримінального судочинства у кримінальному процесуальному праві України, з їх роллю у формуванні правової основи кримінального провадження, присвячені роботи Ю.М. Грошевого, О.М. Дроздова, І.М. Ільченко, О.В. Капліної, М.М. Міхеєнка, О.А. Назаренка, А.Р. Туманянц, Д.В. Сімоновича, О. В. Узуніної, Д.В. Філіна, В.П. Шибіка, О.Г. Шило, М.Є. Шумила та ін. Отримані в дослідженнях цих науковців результати сприяли як розробці теоретичних, нормативних положень щодо вирішення питання про залучення до регламентації кримінальної процесуальної діяльності норм міжнародних актів, якими

передбачені загальноєвропейські стандарти кримінального судочинства і прав особи у цій сфері, так і їх практичній реалізації. В існуючих дослідженнях також віднайшли своє вирішення питання класифікації, особливостей застосування окремих актів у правозастосовній діяльності слідчих, прокурорів, суддів, адвокатів.

Не вирішені раніше проблеми. Однак, вченими з приводу впливу положень міжнародних актів у сфері кримінального судочинства на формування національного кримінального процесуального законодавства України висловлювалися різні точки зору. Так, у науці кримінального процесу недостатньо повно досліджено питання впливу принципу антропоцентризму, який визначає зміст багатьох норм міжнародних актів з питань прав людини та покладений в основу правових систем більшості країн континентального права, на розвиток кримінального процесуального законодавства України та регламентованої ним діяльності. Як наслідок, серед вчених відсутня єдність позицій і щодо питання пріоритету забезпечення прав та свобод особи як основного завдання кримінального провадження. Фахівці відмічають, що в сучасних реаліях стає актуальним аналіз державно-правових явищ саме через призму антропоцентризму, ціннісно-орієнтаційного виміру права і держави, зорієнтованості політики, в першу чергу, на проблему людини [2, с. 21]. Це має наслідком необхідність змін у теоретичних поглядах та практичних формах праворозуміння і правозастосування. Погодилося з В.О. Туляковим, що парадокс сучасної публічно-правової доктрини полягає в поступовому розмиванні публічності, в поверненні презумпції примата індивідуального, приватного над державним, публічним, і тому антропоцентризм сучасних досліджень стає очевидним [3, с. 21]. Наявність цих тенденцій обумовлює потребу у зміні доктринального розуміння напряму розвитку кримінального процесу, який повинен бути заснований на ґрунті пріоритету прав та свобод людини.

Мета. Метою статті є дослідження ролі міжнародних актів як джерел права, що містять стандарти у сфері кримінального судочинства.

чинства, щодо розвитку кримінального процесуального законодавства України на ґрунті пріоритету прав та свобод людини, а також опрацювання шляхів включення положень цих актів до регулювання кримінального провадження.

Виклад основного матеріалу. Важливу роль у створенні підґрунтя для реалізації змісту вказаних у ст.ст. 1, 3, 6, 8, 19 Конституції України положень, визнанні їх у якості основи для організації діяльності органів державної влади та їх посадових осіб, зокрема слідчих, прокурорів, суддів, відіграють джерела права. Під ними розуміють засоби його зовнішнього прояву, які є офіційними способами вираження, у тому числі і текстуального закріплення змісту правових норм, за допомогою чого вони стають загальнообов'язковими, а як відомо, до основних форм права науковці відносять: законодавство, звичаєве право, прецедентне право, договірне право, судову та адміністративну практику [4, с. 121; 5, с. 152; 6, с. 33; 7, с. 8]. У демократичних правових державах властивості джерела права (офіційність, загальна обов'язковість, формальна визначеність) надають їм значення засобу закріплення прав та свобод особи, а також механізмів охорони та захисту основних цінностей таких держав – людини, її життя і здоров'я, честі і гідності, недоторканності і безпеки, зокрема й у сфері кримінального судочинства.

Отже, у кримінальному процесуальному праві форми (джерела) права, безвідносно до їх виду (кримінальні процесуальні звичаї, судовий прецедент, акти законодавчої влади, рішення Конституційних судів, вищих органів судової влади тощо [6, с. 33]), є засобом фіксації, формального вираження, об'єктивації правових норм, які визначають: правовий статус людини (права і свободи) у цій сфері, їх гарантії (розділи II, VII, VIII Конституції України), засади функціонування суду, органів прокуратури, слідства, адвокатури (ст. 19, п. 14 ст. 92, розділи VII, VIII Конституції України).

Аналізуючи праці науковців, які присвячені питанням джерел кримінального процесуального права та суміжних галузей [7; 8; 9; 10; 11], зауважимо, що окремі з джерел віді-

грають власну, особливу роль, яка не зводиться лише до регулювання галузевих правовідносин. Мова йде про ті з них, які закріплюють загальнолюдські цінності та визначають основи існування людини і суспільства, основоположні засади функціонування держави у відповідній сфері її діяльності. Переважним чином мова йде про такі джерела права, як міжнародні акти (конвенції, договори, угоди). Т.Л. Сироїд відмічає, що основні права людини та основні свободи в рамках Ради Європи закріплюються міжнародними угодами та додатковими протоколами до них, адже з моменту заснування (1949 р.) Рада Європи плідно працювала над розробкою поняття основних прав, і у нинішній час їх визнають усі держави – учасниці організації, на них базується загальноєвропейська модель [12, с. 81]. Тобто закріплена міжнародними угодами, зокрема загальноєвропейська, модель організації суспільства базується на визнанні прав людини та основних свобод. У літературі також звернено увагу на той факт, що міжнародні акти певною мірою уніфікують чинне кримінальне процесуальне законодавство з точки зору загальновизнаних принципів та вимог, що ставляться міжнародним співтовариством до цього виду державної діяльності [7, с. 12].

Якщо проаналізувати такі акти міжнародного права, як Загальну декларацію прав людини, Міжнародний пакт про громадянські і політичні права, Конвенцію про захист прав людини і основоположних свобод, то дійсно в цих актах на першому місці стоять права та свободи людини, а самі акти ґрунтуються на концепції пріоритету людини, її прав, які у цій якості виступають основою сучасного розуміння світового порядку. Також відмітимо, що ці акти, по-перше, є формами закріплення загальновизнаних багатьма країнами світу норм-стандартів, зокрема і таких, що стосуються сфери кримінального судочинства. По-друге, у цих актах закріплені права та свободи людини, частина з яких належать їй, як учаснику кримінального провадження. По-третє, вони поряд із нормою-стандартом, яка передбачає певне основоположне право особи чи її свободу, встановлюють і відповідні правові механізми (гарантії) їх забезпечення,

у тому числі такі, що діють у сфері кримінального судочинства. Отже, основоположні міжнародні акти закріплюють на рівні аксіоми ідею цінності людини, пріоритету її прав та свобод і обов'язковості їх забезпечення та захисту. І можна констатувати, що у сучасному праві розвинених демократичних країн, яке сформувалося, починаючи з другої половини ХХ ст., має місце домінування антропоцентричного підходу до правового регулювання суспільних відносин.

З цього приводу Т.О. Подковенком звертається увага, що принцип антропоцентризму дає можливість спрямувати не тільки юридичну науку, але і юридичну практику на розв'язання актуальних питань сучасного державотворення, зумовити творення якісно нового, гуманного законодавства, а сама ідея антропоцентризму через втілення основних гуманістичних ідей має стати світоглядною основою та ціннісним орієнтиром для кожного [2, с. 25]. Якщо звернути увагу на зміст останніх реформ правової основи системи кримінального судочинства, особливо в частині прийняття чинного КПК України, то в їх змісті чітко простежується, як відмітив Т.О. Подковенко, «ідея антропоцентризму через втілення основних гуманістичних ідей». Щодо змісту самого принципу антропоцентризму, то, як відмічають фахівці, він є певною константою для правотворчої діяльності та функціонування правової системи суспільства, і полягає у визнанні людини центром (основною фігурою) правової реальності, навколо потреб якої обертається світ правових явищ, а вираження та задоволення розумних потреб людини має виступати основним критерієм оцінки ефективності дії права та діяльності держави, що забезпечує фокусування уваги на людині [13, с. 21; 14, с. 16].

Тому, враховуючи наведену вище позицію Т.Л. Сироїд, що загальноєвропейська модель базується на визнанні основних прав людини та основних її свобод, що знайшло своє відображення та закріплення у міжнародних угодах, доходимо до висновку про роль міжнародних актів як засобу закріплення принципу антропоцентризму. Також відмічаємо, що модель права, яка продовжує формуватися і

в Україні, цілком можна характеризувати як антропоцентричну. Основна її сутність полягає у пріоритетному визнанні і забезпеченні прав та свобод людини. Її основою виступають джерела права – відповідні міжнародні акти (Загальна декларація прав людини, Міжнародний пакт про громадянські і політичні права, Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод тощо). Такі джерела права слід розглядати як засоби закріплення та трансляції ідеї антропоцентризму у вітчизняне право.

Ці ідеї в певній частині сприйняті вітчизняним законодавцем. На те, що антропоцентрична модель, у тому числі і кримінального судочинства, яка притаманна праву західноєвропейських країн системи континентального права, з моменту проведення перших кроків судово-правової реформи почала формуватися і в Україні, свого часу було вказано Д.В. Філіном [15, с. 225]. Цю тенденцію слід і далі розширювати та поглиблювати, зокрема, шляхом закріплення у КПК України в якості окремого положення засад забезпечення прав і свобод людини в кримінальному судочинстві [16, с. 100-102]. Такий підхід, безумовно, сприятиме продовженню формування правової системи України та системи кримінального судочинства на ґрунті антропоцентричної моделі. Остання знайшла своє відображення у ст. 3 Конституції України, а у кримінальному процесі ця модель є проявом ідеї гуманізму [16, с. 99- 101].

Тому слід і далі наполягати на послідовній реалізації в доктрині, законодавстві та юридичній практиці закріплених у Декларації про державний суверенітет України положень, згідно з якими наша держава визнає перевагу загальнолюдських цінностей над класовими, пріоритет загальноновизнаних норм міжнародного права перед нормами внутрішньодержавного права (розділ Х «Міжнародні відносини»). Саме тих норм, які визнають та закріплюють на міжнародному рівні пріоритет людини, її прав та свобод, у тому числі і в сфері кримінального судочинства. Отже, робить висновок Д.П. Письменний, поряд із іншими джерелами кримінальне процесуальне законодавство має враховувати найважли-

віші демократичні принципи кримінального судочинства, які проголошені в основоположних міжнародних документах [17, с. 39]. Схожу позицію висловлено П.П. Андрушко, М.М. Васюк, що міжнародні договори є джерелом права, зокрема і кримінального права, адже у них вказуються вихідні норми та принципи, що є основою існування правової системи будь-якої країни світу, а без відповідної імплементації та виконання міжнародних актів неможливо досягти відповідних цілей, зокрема дотримання права та свобод людини [9, с. 226].

З аналізу наведених точок зору також можна звернути увагу і на той факт, що в джерелах міжнародного права, які містять норми, що закріплюють засади або основні вимоги до організації діяльності слідчих, прокурорів, судів, які визначають критерії справедливого судочинства та встановлюють гарантії прав особи у цій сфері, також містяться ефективні, досконалі та дієві моделі правозастосовних процедур. До того ж у цих актах передбачені більш розширені гарантії прав та свобод особи. Погодимось із точкою зору, що закономірним відображенням сучасної тенденції в напрямку посилення гарантій прав осіб – учасників кримінального судочинства є підвищена увага до існуючих міжнародних стандартів у сфері прав людини, які акумулюють у собі передові правові концепції, що визначають правовий стан людини [1, с. 15]. Ця констатація знову акцентує увагу на необхідності більш широкого врахування у кримінальному процесуальному праві міжнародних стандартів у сфері прав людини, джерелом закріплення яких є відповідні міжнародні акти.

Саме тому, попри різноманіття форм (джерел) міжнародного права (конвенції, договори, угоди), вкажемо на те, що у разі, якщо вони містять норми, які здатні регулювати кримінальні процесуальні відносини, то їх слід використовувати при регулюванні кримінального провадження. Звернуто увагу, що ефективність норм міжнародних договорів визначається якісним рівнем їх відображення у кримінальному процесуальному праві [6, с. 36]. Погоджуючись з цією думкою, відмітимо, що

тут важливий саме результат правового регулювання кримінального провадження, який є метою створення правових норм та їх відображення у джерелах кримінального процесуального права, а не декларування намагання його досягти.

У цьому контексті підтримаємо О.Г. Шило, яка відмічає, що тенденцією розвитку кримінального процесуального законодавства України є прагнення до створення судочинства охоронного типу, спрямованого на захист прав і законних інтересів кожної людини, незалежно від її процесуального статусу та підстав залучення до провадження [18, с. 204]. Саме на досягнення такого результату спрямовані й основоположні міжнародні акти з питань прав людини, у тому числі і ті з них, які містять стандарти у сфері кримінального судочинства. Мабуть, тому в літературі звернуто увагу, що нині постає питання про необхідність переведення визнаних Україною міжнародних стандартів прав людини з декларативної площини до стану реальної урегульованості суспільних відносин та стану правопорядку, заснованих на таких стандартах [19, с. 17].

Як підсумок дослідження питання ролі міжнародних актів як джерел права, що містять стандарти у сфері кримінального судочинства, щодо розвитку кримінального процесуального законодавства України на ґрунті пріоритету прав та свобод людини, як прояву принципу антропоцентризму, відмітимо наступне:

- незважаючи на ту увагу, що приділена в юридичній науці питанню міжнародних стандартів кримінального судочинства, вони ще й досі не знайшли свого остаточного вирішення, що не сприяє однаковому доктринальному розумінню їх ролі у регулюванні кримінального провадження, впливу на розвиток кримінального процесуального права, можливості їх використання як гарантій прав та свобод особи у кримінальному судочинстві;

- щодо основних напрямів розвитку кримінального процесуального законодавства України, то вони, у тому чи іншому ступені, повинні бути пов'язані із вирішенням питання імплементації норм міжнародних стандар-

тів кримінального судочинства до національного законодавства;

- серед основних заходів удосконалення змісту кримінального провадження слід виділити напрям формування його на ґрунті антропоцентричної моделі, де зміст норм кримінального процесуального права повинен бути пронизаний принципом гуманізму;

- розбудова кримінального процесуального права та відповідного законодавства повинна здійснюватися з урахуванням антропоцентричного характеру сучасної моделі права України, яка обумовлює перевагу загальнолюдських цінностей над класовими, пріоритет загальновизнаних норм міжнародного права перед нормами внутрішньодержавного права;

- реалізація міжнародних стандартів кримінального судочинства у законодавстві України – засіб підвищення ефективності регулювання кримінальних процесуальних відносин, умова сформування кримінального провадження на якісно новому рівні, де основним орієнтиром у діяльності слідчих, прокурорів, суддів, адвокатів є основні права та свободи людини.

Вважаємо, що належна реалізація міжнародних стандартів кримінального судочинства у законодавстві України здатна вплинути на існуючий стан речей. У цьому контексті відмічено, що міжнародні документи є дуже важливими джерелами права для України, а тому їх реалізація є запорукою інтеграції нашої країни до загальносвітової системи захисту прав людини та, як результат, утвердження в Україні правової держави [19, с. 18], адже саме у міжнародних актах містяться правові норми (правові стандарти), котрі орієнтують та стимулюють розвиток і зближення національних законодавств [8, с. 11]. Саме тому перспективним напрямом наукових досліджень слід вважати питання відповідності норм кримінального процесуального законодавства України, особливо його засад, змісту міжнародних стандартів у цій сфері.

Література

1. Сімонович Д. В. Європейські стандарти забезпечення прав людини у досудових стадіях кримінального процесу України : монографія / Д. В. Сімонович. – Харків : Ника-Нова, 2011. – 272 с.
2. Подковенко Т. О. Принцип антропоцентризму в контексті сучасного праворозуміння / Т. О. Подковенко // Юридичний вісник. – 2012. – № 2(23). – С. 21-25.
3. Туляков В. А. Некоторые вопросы современной уголовно-правовой политики / В. А. Туляков // Юридические науки и образование – Вып 35 – Баку: Сада, 2012 – С.246-261.
4. Волинка К. Г. Теорія держави і права: навч. Посіб / К. Г. Волинка. – К.: МАУП, 2003. – 240 с. – с. 229–232.
5. Загальна теорія держави і права: [Підручник для студентів юридичних вищих навч. закладів] / М. В. Цвік, О. В. Петришин, Л. В. Авраменко та ін.; За ред. д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України М. В. Цвіка, д-ра юрид. наук, проф., акад. АПрН України О. В. Петришина. – Харків : Право, 2011. – 584 с.
6. Кримінальний процес : підручник / Ю.М. Грошевий, В.Я. Тацій, А.Р. Туманянц та ін.; за ред. В.Я. Тація, Ю.М. Грошевого, О.В. Капліної, О.Г. Шило. – Х. : Право, 2013. – 824 с.
7. Дроздов О.М. Джерела кримінально-процесуального права України : дис. ... канд. юрид. наук. Спец. 12.00.09 – кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза. / О.М. Дроздов. – Х., 2004. – 24 с.
8. Узунова О. В. Міжнародно-правові договори України як джерела кримінально-процесуального права : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 – кримінальний процес і криміналістика; судова експертиза / О. В. Узунова. – Київ, 2008. – 18 с.
9. Андрушко П. П. Міжнародні договори як джерело кримінального права / П. П. Андрушко, М. М. Васюк // Часопис Київського університету права. – 2013. – № 3. – С. 224–226.
10. Загурський О. Джерела Кримінально-процесуальної політики України / О. Загурський // Юридична Україна. – 2012. – № 9. – С. 112–117.

11. Омельченко О. Є. Джерела, які визначають порядок кримінального провадження / О. Є. Омельченко // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. – № 2. – 2013. – С. 32–37.
12. Сироїд Т. Л. Правова основа та механізми захисту прав людини на міжнародному регіональному рівні / Т. Л. Сироїд // Вісник Академії митної служби України. Серія: "Право". – № 1 (12). – 2014. – С. 79–86.
13. Славова Н. О. Антропоцентризм як принцип правотворчості / Н. О. Славова // Правничий часопис Донецького університету. – 2013. – № 1. – С. 134–142. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pchdu_2013_1_22
14. Завальнюк В. В. Принципи антропологічної парадигми права / В. В. Завальнюк // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук.пр. / редкол.: С. В. Ківалов (голов. ред.), В. М. Дрьомін (заст. голов. ред.), Ю. П. Алєнін [та ін.] ; МОНмолодьспортУкраїни, НУ «ОЮА». – Одеса :Юрид. л-ра, 2012. – Вип. 66. – С. 473–477.
15. Філін Д. В. Західно європейська антропологічна модель, як основа реформування кримінально-процесуального законодавства України / Д. В. Філін // Судова реформа в Україні: проблеми і перспективи: матеріали наук.-практ. конф., 18–19 квітня 2002 р., м. Харків / Редкол.: Сташис В. В. (голов. ред.) та ін. – К.; Х.: Юрінком Інтер, 2002. – С. 224–226.
16. Голубов А. Є. Щодо шляхів гуманізації кримінального судочинства України / А. Є. Голубов // Форум права. – 2010. – № 2. – С. 99–104 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2010-2/10gaekcu.pdf>
17. Письменний Д. П. Удосконалення кримінального процесуального законодавства України: стан і перспективи / Д. П. Письменний // Юридичний часопис національної академії внутрішніх справ. – 2013. – № 2. – С. 38–47.
18. Шило О. Судовий захист як вид державного захисту прав і законних інтересів людини в правовій державі / О. Шило // Вісник Академії правових наук України. – 2006. – № 2 (45). – С. 203–213.
19. Ганзицька Т. С. Міжнародні стандарти прав людини : теорія та практика реалізації в Україні / Т. С. Ганзицька, М. В. Штанько // Порівняльно-аналітичне право. – 2015. – № 4. – С. 16–18.
-

ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Ткаченко Наталья Николаевна - соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

УДК 343.148

В статье обосновывается актуальность исследования правового статуса субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве. Выясняется сущность и содержание правового статуса субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве. Анализируются положения нормативно-правовых актов, определяющих права и обязанности судебных экспертов. Указывается на обусловленность правового статуса субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве их профессиональным и процессуальным статусами.

Ключевые слова: правовой статус, субъекты судебно-экспертной деятельности, уголовное производство, права, свободы, обязанности.

Articolul fundamentează relevanța studiului statutului juridic al subiecților activităților expertizelor judiciare în cadrul procedurilor penale. Se dovedește esența și conținutul statutului juridic al subiecților activităților expertizelor judiciare în cadrul procedurilor penale. Se analizează prevederile actelor normative care definesc drepturile și responsabilitățile experților judiciari. Se specifică condiționarea statutului juridic al subiecților activităților criminalistice în cadrul procedurilor penale, statutul lor profesional și procedural.

Cuvinte cheie: statut juridic, subiecții activităților expertizei judiciare, proceduri penale, drepturi, libertăți, obligații.

The article substantiates the relevance of the study of the legal status of forensic activity subjects in criminal proceedings. It turns out the nature and content of the legal status of forensic activity subjects in criminal proceedings. We analyze the provisions of regulations that determine the rights and obligations of experts. The author highlights the conditionality of the legal status of these entities and their professional and procedural status.

Keywords: legal status, the subjects of forensics, criminal proceedings, rights, freedoms, responsibility.

Постановка проблемы. Уголовное производство как разновидность человеческой деятельности имеет свое направление, средства и методы реализации, а также субъектов его осуществления. Более того, такая деятельность должна и реализуются в рамках действующего законодательства. В соответствии с положениями Уголовного процессуального кодекса Украины [1] как основного кодифицированного нормативно-правового акта,

регулирующего процедуру осуществления уголовного производства, ради достижения основных задач предварительного расследования и судебного производства возможно использование специальных знаний. Это означает, что к производству привлекаются лица, владеющие такими знаниями. Последние в зависимости от формы использования специальных знаний, которыми они обладают, могут привлекаться в качестве специали-

ста, судебного эксперта или свидетеля. А это означает, что указанные лица в зависимости от их статуса в уголовном производстве наделяются различным объемом полномочий. В силу указанного особую актуальность приобретает вопрос о правовом статусе субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы о понятии, видах, правовом статусе субъектов судебно-экспертной деятельности часто исследовались в научных трудах таких ученых, как В. В. Галушко, А. Н. Ещук, А. И. Жеребко, В. А. Журавель, Н. И. Клименко, А. А. Кравченко, С. П. Лапта, А. И. Лозовой, И. В. Пирог, П. И. Репешко, Г. Л. Сопильник, Т. А. Татарников, В. В. Тищенко, В. В. Федчишина, М. Г. Щербаковский, В. В. Юсупов и другие.

Не решенные ранее проблемы. Несомненно названные ученые сделали важный вклад в развитие судебной экспертологии и судебной экспертизы. Однако их наработки не решили всех проблемных вопросов. В частности, до сих пор не выработано единой позиции к трактовке термина «субъект судебно-экспертной деятельности», в классификации этих субъектов. Также отсутствует однозначность в определении правового статуса указанных субъектов: нет общего подхода к определению его объема и содержания.

Цель и задачи статьи. В связи с указанным ставим перед собой цель решить следующую научную задачу – с помощью анализа существующих научных взглядов и положений действующего законодательства Украины определить сущность и содержание правового статуса субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве.

Изложение основного материала. Как отмечает К. М. Соколецкая, в правовой статус человека и гражданина в праве Украины включаются общечеловеческие ценности, основанные на необходимости соблюдения норм и принципов, закрепленных в нормах национального и международного законодательства [2, с. 13-14]. Более того, правовой статус является своеобразным отражением социального статуса лица, поскольку указы-

вает на то, какое место в обществе оно занимает и какую общественную роль выполняет. То есть верно утверждение С. Д. Порошук по поводу того, что правовой статус указывает на реальное положение личности в системе общественных отношений, а право закрепляет это положение, вводит его в законодательные рамки и обеспечивает возможностью государственной поддержки [3, с. 44]. Ведь сложные связи между государством и индивидами, а также между индивидами в государственно-организованном обществе фиксируются государством в правовой форме – в форме прав, свобод, обязанностей. В своем единстве именно они составляют правовой статус индивида, отражающий особенности социальной структуры общества, уровень развития демократических институтов и состояние законности. К тому же правовой статус предоставляет субъектам отношений определенные гарантии реализации своих прав и одновременно предотвращает злоупотребления предоставленными им правами [4, с. 95, 97]. Согласно с этим, отражение положения лица в системе общественных отношений происходит опосредованно, через полномочия лица, которыми оно наделяется с учетом специфики сферы его функционирования. В связи с этим считаем, что правовой статус субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве находит свое выражение в их полномочиях, которыми они наделяются как другие участники уголовного судопроизводства и как субъекты судебно-экспертной деятельности. Другими словами: правовой статус субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве является сложной категорией, поскольку характеризует таких субъектов одновременно как с их профессиональной принадлежности (как субъекта судебно-экспертной деятельности), так и их процессуального статуса (как другого участника уголовного судопроизводства). А это значит, что правовой статус названных субъектов определяется как законодательством, регулирующим судебно-экспертную деятельность, так и уголовным процессуальным законодательством Украины.

Характеристика правового статуса субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве невозможна без предварительного выяснения содержательного наполнения понятия правового статуса. Этот вопрос в юридической литературе не нашел однозначного решения. В частности, господствуют различные подходы к определению содержания правового статуса. Одна группа ученых включает в него исключительно юридические права, свободы и обязанности [5, с. 170], вторая – указанный перечень дополняет юридическими гарантиями реализации прав и обязанностей [6, с. 3-11; 7, с. 77-79], а третья – рядом с названными выделяет такие элементы, как правовые принципы, правосубъектность, юридическая ответственность, правоотношения статусного типа и т.д. [8, с. 231; 9, с. 129, 149; 4, с. 95-96]. Мы являемся сторонниками первого подхода и предлагаем к правовому статусу субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве включать их юридические права, свободы и обязанности. По нашему убеждению, особенности обеспечения юридических прав, свобод и обязанностей, а также особенности привлечения к юридической ответственности за совершенные правонарушения освещаются в контексте вопроса о юридических правах, свободах и обязанностях названных субъектов.

Как уже отмечалось, правовой статус закрепляется на нормативно-правовом уровне. Не является исключением и правовой статус субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве. В связи с этим следует проанализировать правовые акты, регулирующие сферу обеспечения и проведения судебной экспертизы, а также процедуру осуществления уголовного производства. При этом следует обратить внимание на то, что судебно-экспертная деятельность в уголовном производстве заключается в оказании помощи правоохранительным органам в части применения специальных знаний, которыми эти субъекты наделены. В зависимости от формы использования специальных знаний указанные субъекты могут привлекаться к уголовному производству в качестве специа-

листа, судебного эксперта или свидетеля. Соответственно у них будет отличаться объем прав и обязанностей, обусловленных их процессуальным статусом. Более того названные выше лица, с учетом их профессионального статуса, могут быть привлечены к уголовному производству в качестве судебных экспертов или специалистов.

В законе Украины «О судебной экспертизе» определяются права и обязанности судебного эксперта. Причем анализ положений упомянутого нормативно-правового акта указывает на неисчерпаемость перечня прав и свобод судебного эксперта, поскольку другие права и обязанности судебного эксперта предусматриваются процессуальным законодательством. Согласно ст. 12 указанного закона независимо от вида судопроизводства судебный эксперт обязан: провести полное исследование и дать обоснованное, объективное письменное заключение; по требованию лица или органа, привлекающего эксперта, судьи, суда дать разъяснения относительно данного им заключения; заявлять самоотвод при наличии предусмотренных законодательством оснований, исключающих его участие в деле; и тому подобное. В то же время согласно ст. 13 этого закона независимо от вида судопроизводства судебный эксперт имеет право: знакомиться с материалами дела, касающихся предмета судебной экспертизы, и подавать ходатайство о предоставлении дополнительных материалов; указывать в заключении эксперта на выявленные в ходе проведения судебной экспертизы факты, имеющие значение для дела и по поводу которых ему не были поставлены вопросы; с разрешения лица или органа, назначивших судебную экспертизу, присутствовать при проведении следственных или судебных действий и заявлять ходатайства, касающиеся предмета судебной экспертизы; подавать жалобы на действия лица, в производстве которого находится дело, если эти действия нарушают права судебного эксперта; получать вознаграждение за проведение судебной экспертизы, если ее выполнение не является служебной задачей; проводить на договорной основе экспертные исследования по вопросам, представляющим интерес

для юридических и физических лиц, с учетом ограничений, предусмотренных законом; и другие [10].

В Уголовном процессуальном кодексе Украины эксперт отнесен к другим участникам уголовного производства. В соответствии со ст. 69 названного нормативно-правового акта экспертом в уголовном производстве является лицо, которое владеет научными, техническими или другими специальными знаниями, имеет право в соответствии с Законом Украины «О судебной экспертизе» на проведение экспертизы и которой поручено провести исследование объектов, явлений и процессов, содержащие сведения об обстоятельствах совершения уголовного преступления и дать заключение по вопросам, которые возникают в ходе уголовного производства и относятся к сфере его знаний. Эксперт в уголовном производстве наделяется правом знакомиться с материалами уголовного производства, относящихся к предмету исследования; заявлять ходатайства о предоставлении дополнительных материалов и образцов; присутствовать при совершении процессуальных действий, касающихся предметов и объектов исследования; излагать в заключении экспертизы выявленные в ходе ее проведения сведения, имеющие значение для уголовного производства и по поводу которых ему не были поставлены вопросы; задавать вопросы, касающиеся предмета и объектов исследования, лицам, которые принимают участие в уголовном производстве; получить вознаграждение за выполненную работу и возмещение расходов, связанных с этой работой; заявлять ходатайства об обеспечении безопасности в предусмотренных законом случаях; пользоваться другими правами, предусмотренными законом «О судебной экспертизе». Среди обязанностей эксперта законодатель выделил личное проведение полного исследования; предоставлять обоснованное и объективное заключение; предоставлять в случае необходимости разъяснения заключения эксперта; прибытие и предоставление ответов на вопросы во время допроса; обеспечение сохранности объекта экспертизы; неразглашении сведений об обстоятельствах уголовного преступления и

хода уголовного производства, исследования; заявление о самоотводе при наличии оснований; уточнение содержания или объема поручения; сообщение о невозможности проведения экспертизы по поставленным вопросам или без привлечения других лиц [1].

Вместе с тем к числу других участников уголовного производства относится и специалист. Последним является лицо, которое владеет знаниями и навыками применения технических или иных средств и может предоставлять консультации во время досудебного расследования и судебного разбирательства по вопросам, требующим соответствующих специальных знаний и навыков. Из приведенного видно, что специалист также является осведомленным лицом и привлекается к уголовному производству для оказания помощи в части применения специальных знаний. В качестве примера, он может привлекаться к проведению такого процессуального действия, как получение образцов для экспертизы для отбора образцов для проведения экспертизы. То есть очевидно, что специалист также может совершать действия подготовительного характера, необходимые для проведения судебной экспертизы, а значит является субъектом судебно-экспертной деятельности. Права и обязанности специалиста в уголовном производстве закреплены в ст. 71 Уголовно-процессуального кодекса [1].

Также может возникнуть ситуация, когда эксперта нужно допросить по поводу методики, которая использовалась для проведения экспертного исследования, или по другим вопросам, которые связанные с проведением судебной экспертизы. В таких случаях процессуальный статус эксперта обуславливается тем, на какой стадии такой допрос проводится. Ведь в Уголовном процессуальном кодексе Украины не закреплена такое следственное (сыскное) действие, как допрос эксперта во время досудебного расследования. При этом, во время судебного разбирательства согласно ст. 356 названного Кодекса возможен допрос эксперта в суде. Поэтому на стадии досудебного расследования эксперта при наличии необходимости будут допрашивать в качестве свидетеля. Это означает, что он будет поль-

зываются правами и обязанностями свидетеля, закрепленными в ст. 66 Уголовно-процессуального кодекса [1].

Права и обязанности судебных экспертов регламентируются рядом с законом «О судебной экспертизе» и уголовным процессуальным законодательством подведомственными правовыми актами [11; 12]. Анализ последних позволил сделать вывод, что подведомственные правовые акты дублируют положения о правах и обязанностях экспертов, закрепленных на уровне соответствующих законов.

Выводы. Правовой статус субъектов судебно-экспертной деятельности в уголовном производстве характеризуется объемом прав, свобод и обязанностей указанных субъектов. Последние закрепляются нормативно-правовыми актами, регулирующими сферу обеспечения и проведения судебной экспертизы, а также процедуру осуществления уголовного производства. Также правовой статус указанных субъектов определяется их профессиональным и процессуальным статусами.

Литература

1. Кримінальний процесуальний кодекс України : закон України від 13.04.2012 № 4651-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 9-10, № 11-12, № 13. – Ст. 88.
2. Соколицька К. М. Особливості цивільно-правового положення іноземних громадян в Україні : дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.03 / Соколицька Клавдія Михайлівна. – Харків, 2004. – 183 с.
3. Порошук С. Д. Загальні основи теорії соціально-правового захисту співробітників міліції / С. Д. Порошук. – Запоріжжя : ЗЮІ, 2001 – 134 с.
4. Панчишин А. В. Поняття, ознаки та структура категорії “правовий статус” / А. В. Панчишин // Часопис Київського університету права. – 2010. – № 2. – С. 95-98.
5. Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР / Н. В. Витрук. – М. : Юрид. лит., 1985. – 175 с.
6. Лепёшкин А. И. Правовое положение советских граждан / А. И. Лепёшкин. – М. : Мысль, 1966. – 56 с.
7. Швидкій І. І. Особливості правового регулювання праці працівників ДАІ як суб’єктів трудових правовідносин : дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.05 / Швидкій Ігор Іванович. – Харків, 2009. – 190 с.
8. Матузов Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. – 293 с.
9. Колодій А. М. Права, свободи і обов’язки громадянина в Україні : [підручник для студ. ВНЗ та працівників місцевого самоврядування] / А. М. Колодій, А. Ю. Олійник. – К. “Правова єдність”, всеукраїнська асоціація видавців, 2008. – 350 с.
10. Про судову експертизу : закон України від 25.02.1994 № 4038-XII // Відомості Верховної Ради України. – 1994. – № 28. – Ст. 232.
11. Про затвердження Інструкції про призначення та проведення судових експертиз та експертних досліджень в системі Служби безпеки України : наказ Служби безпеки України від 29.05.2015 № 371, зареєстрований у Міністерстві юстиції України 22.06.2015 за № 738/27183 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE27183.html
12. Про затвердження Положення про Експертну службу Міністерства внутрішніх справ України : наказ Міністерства внутрішніх справ України від 03.11.2015 № 1343, зареєстрований у Міністерстві юстиції України 06.11.2015 за № 1390/27835 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1390-15>

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСІБ, ЯКІ ЗАЙМАЮТЬСЯ СЕКСУАЛЬНОЮ ЕКСПЛУАТАЦІЄЮ

Небитов Андрій Анатолійович - кандидат юридичних наук, здобувач кафедри кримінології та кримінально-виконавчого права Національної академії внутрішніх справ

В статті досліджено поняття личности преступника, характеристику личности преступника, а также охарактеризована личность преступника, виновного в сексуальной эксплуатации. Обосновано, что качественная криминологическая характеристика личности преступника позволяет разработать и эффективно реализовать мероприятия по предупреждению этому виду преступлений.

В статті досліджено поняття личности преступника, характеристику личности преступника, а также охарактеризована личность преступника, виновного в сексуальной эксплуатации. Обосновано, что качественная криминологическая характеристика личности преступника позволяет разработать и эффективно реализовать мероприятия по предупреждению этому виду преступлений.

The paper studied the concept of offender, offender characteristics and personality characterized perpetrators of sexual exploitation. It is proved that the qualitative criminological characteristic offender allows you to develop and effectively realize measures to prevent this type of crime.

Постановка проблеми. Однією з найбільш прибуткових видів злочинної діяльності з давніх-давен вважається сексуальна експлуатація людей. Сучасна криміногенна ситуація свідчить про те, що й нині цей вид аморальної суспільно небезпечної діяльності активно функціонує, удосконалює свої форми та трансформується в нові види.

У сучасному світі сексуальна експлуатація набуває все більшого поширення. Особливу стурбованість викликає втягнення до неї неповнолітніх і малолітніх. Лише за даними Дитячого фонду ООН (ЮНІСЕФ), близько двох мільйонів дітей щорічно використовують у «секс-індустрії», а в Інтернет-мережі розміщено безліч фото- та відеоматеріалів, на яких демонструється сексуальне насильство над

дітьми. Україна перебуває в списку лідерів світової індустрії дитячого порноринку. За даними Інтерполу, дохід від фото- та відео-порнографії, виробленої в Україні, становить понад 100 млн дол. на рік. Дані Фонду Internet Watch Foundation свідчать про те, що за рівнем популярності дитячої порнографії в Інтернеті Україна посідає сьоме місце у світі.

Стан наукового дослідження. Проблемам сексуальної експлуатації в кримінально-правовому та кримінологічному вимірі приділяли увагу в своїх роботах П. П. Андрушко, Ю. М. Антонян, І. О. Бандурка, Ю. В. Баулін, В. В. Вітвицька, Б. В. Волженкін, Н. О. Горб, В. Т. Дзюба, В. В. Дзундза, А. І. Долгова, О. О. Дудоров, А. І. Єлістратов, О. М. Ємець, О. М. Ігнатов, М. Й. Коржанський, О. М. Кос-

тенко, В. В. Кузнецов, В. А. Ломако, Н. О. Лопашенко, М. І. Мельник, М. П. Михайленко, В. О. Навроцький, В. В. Налуцишин, Р. П. Олійничук, В. І. Осадчий, М. І. Панов, О. В. Паньчук, Г. І. Піщенко, С. П. Репецький, О. П. Рябчинська, А. В. Савченко, Н. О. Семчук, П. П. Сердюк, В. М. Смітєнко, В. В. Сташис, А. Х. Степанюк, В. Я. Тацій, Ю. М. Ткачевський, А. П. Тузов, Є. В. Фесенко, В. Д. Філімонов, П. Л. Фріс, М. І. Хавронюк, В. І. Шакун, Н. М. Ярмиш, С. С. Яценко та ін.

Проте комплексно питання запобігання сексуальній експлуатації в Україні не вирішувались, на сьогодні немає єдиного погляду з цілої низки важливих питань стосовно особи злочинця.

Відтак, **метою дослідження** є визначення складових кримінологічної характеристики особи злочинця, а також всебічне та якісне дослідження характеристики осіб, які займаються сексуальною експлуатацією.

Виклад основного матеріалу дослідження. У юридичній літературі існує багато поглядів на поняття особи злочинця. Наприклад, на думку І. М. Даньшина, особа злочинця – це сукупність істотних і стійких соціальних рис й ознак, соціально значущих біопсихологічних особливостей індивіда, які, об'єктивно реалізуючись у конкретному вчиненому злочині, надають вчиненому діянню характеру суспільної небезпечності, а винній у цьому особі – ознак суспільної небезпечності, у зв'язку з чим вона і притягається до відповідальності, передбаченої кримінальним законом [1, с. 65].

Початковий момент появи «особи злочинця» збігається з фактом вчинення злочину. При визначенні моменту появи особи злочинця не можна не враховувати процесуального аспекту цієї проблеми, зокрема принципу презумпції невинуватості [2]. Отже, можна зробити висновок, що про особу злочинця може йтися лише тоді, коли така особа вчинила злочин, що констатовано в обвинувальному вироку суду, який набрав законної сили.

На сьогодні у кримінологічній науці існує чимало аспектів щодо дослідження особи злочинця. Так, О. М. Джужа зазначає, що особу злочинця потрібно вивчати на трьох рівнях:

одиночному, коли визначаються риси певного злочинця; груповому – для характеристики злочинців у певній підсистемі злочинів; на загальному рівні [3, с. 32]. Водночас вивчення особи здійснюється для того, щоб знайти типові риси деформації особи, що необхідно враховувати при здійсненні заходів запобігання аналогічним злочинам. Саме на цьому рівні буде надана кримінологічна характеристика осіб, які вчиняють злочини, пов'язані із сексуальною експлуатацією.

При визначенні структури особи злочинця виділяють соціально-демографічні, кримінально-правові, особистісно-рольові, морально-психологічні риси особи [4, 5]. Так, В. І. Шакун виокремлює п'ять підструктур, а саме: 1) що містять такі соціально-демографічні ознаки, як соціальне походження, сімейний стан і посадове становище, національну і професійну належність, рівень матеріальної забезпеченості; 2) які утворюють рівень розумового розвитку, культурно-освітній рівень, знання, навички та вміння; 3) до якої входять моральні якості, ціннісні орієнтації і прагнення особистості, її соціальні позиції і зв'язки, інтереси, потреби, схильності, звички; 4) що формує психічні процеси, риси і стани особи; 5) що складається із соціального змісту і прояву таких біофізіологічних ознак, як стать, вік, стан здоров'я, особливості фізичної конструкції та ін. [6, с. 499].

Відтак, особу злочинця потрібно характеризувати не однобічно, виділяючи лише негативні риси, хоча це є специфічним для особи злочинця, а й характеризувати її всебічно, виділяючи при цьому і позитивні якості, що суттєво впливає на визначення суспільної небезпеки особи злочинця, обрання винному міри покарання та здійснення виховного впливу у процесі відбування покарання. На підставі наведеного вважаємо доцільним включити цю підструктуру характеристики особи злочинця. На нашу думку, найбільш важливими підструктурами особистості злочинця є такі: 1) соціально-демографічні; 2) кримінально-правові; 3) соціальні ролі та рольові очікування; 4) морально-психологічні; 5) загальнозначущі позитивні людські якості; 6) суто психологічні й біологічні особливос-

ті. Дотримуючись цієї послідовності, спробуємо дослідити особу, яка вчиняє злочини, пов'язані із сексуальною експлуатацією.

Характеристику особи злочинця, винного в сексуальній експлуатації, почнемо з аналізу соціально-демографічних ознак, які в поєднанні з властивостями особистості злочинця окреслюють, насамперед, його соціальний портрет.

Соціально-демографічну характеристику особи злочинця, який вчинив злочини, пов'язані із сексуальною експлуатацією, доцільно почати з такого критерія, як стать особи. Результати аналізу осіб, які вчиняють розглядуваний злочин (за матеріалами вивчених кримінальних справ (проваджень), свідчать про те, що такими особами зазвичай є чоловіки – 80,8 %. Водночас однаково особи як жіночої, так і чоловічої статі. Також 5,7 % респондентів зазначили, що ці злочини можуть вчиняти й жінки. За статистичними даними МВС України, наявним є стійке збільшення кількості жінок, які беруть участь у зазначених злочинах (2012 рік – 104 жінки, 2013 рік – 114, 2014 рік – 113, 2015 рік – 189 жінок, які вчинили злочин, передбачені ст. 301, 302, 303 Кримінального кодексу України).

Переважає в чоловічих соціальних групах жінка завжди намагається своєю поведінкою довести відповідність вимогам та правилам цього середовища. Таким чином, вона має бути більш жорстокою та цинічною, у жодному разі не дати підстав вважати себе слабкою, коли в соціальній групі переважає культ фізичної та психологічної сили [7, с. 31]. Щодо національності особи злочинця та його етнічної належності, то згідно з результатами дослідження, переважна більшість 98 % осіб є представниками української національності, але деякі з них є вихідцями з країн Закавказзя, а незначний відсоток злочинців становлять представники інших слов'янських держав (Росія, Білорусь та інші країни – 2 %).

Вік особи – важлива ознака особи злочинця, яка дозволить виявити протиправну активність різних за віком груп. Згідно зі статистичними даними, найбільшу кількість осіб, які вчинили злочини, передбачені-

ст. 301–303 Кримінального кодексу України, становлять особи віком 35–50 років – 44,5 %. Це пов'язано, насамперед, з тим, що більшість злочинців сформовані як особистість, індивіди, які мають значний життєвий досвід та визначальний набір соціальних контактів. Особи віком від 14 до 18 років становили 20,0 %; від 18 до 35 років – 22,2 %. Незначну частку становили особи віком від 50 років і старші – 13,3 %, адже з кількістю прожитих людиною років її криміногенна активність значно зменшується.

Серед злочинців, які займаються сутенерством або втягненням у заняття проституцією, найбільший прояв активності спостерігається у віковій групі від 31 до 40 років [8]. Щодо високих вікових меж самих сутенерів, то варто зазначити, що це пояснюється тим, що для організації заняття проституцією потрібен певний життєвий досвід, організаційні здібності, деяка обізнаність щодо методів діяльності правоохоронних органів, а також певні зв'язки з працівниками цих структур, можливості придбання та використання різних технічних засобів і пристроїв для проведення негласних заходів.

Важливою ознакою особи злочинця є його освітній рівень. Саме він визначає соціальний аспект життєдіяльності людини. Освітня характеристика дозволяє виявити залежність злочинної поведінки від рівня освіти та інтелектуального розвитку, а також визначити коло інтересів і потреб особи [1, с. 91]. Що ж до освітнього рівня осіб, які вчиняють розглядувані нами злочини, то варто зазначити, що згідно зі статистичними даними більшість осіб, які вчинили зазначені злочини на момент вчинення злочину мали вищу освіту – 17,5 % злочинців; незакінчену вищу освіту – 17,5 %; повну середню освіту – 24,6 %; середню спеціальну освіту – 7,0 %; неповну середню освіту – 12,4 %; початкову освіту – 7,0 %; ніде не навчалися і не працювали – 14,0 %. На підставі цих даних можна дійти висновку, що найбільше злочинів даної категорії вчиняють особи, які мають середню освіту, оскільки вона була обов'язковою в Радянському Союзі, що й зумовило такий рівень освіти в переважній більшості злочинців.

Узагалі, за загальним правилом, освітній рівень особи не можна розглядати як криміногенний фактор. Отже, у нашому випадку низький рівень освіти не є визначальною ознакою, проте дуже суттєво впливає на поведінку осіб, які вчиняють розглядуваний злочин.

При соціально-рольовому підході враховуються особливості взаємодії особистості із соціальним середовищем. Родинний стан та наявність дітей має важливе значення для соціально-демографічної характеристики особи злочинця, адже наявність сім'ї передбачає певні обов'язки, які індивід повинен виконувати з метою забезпечення нормального існування інституту сім'ї в суспільстві, виховання дітей, передання їм усього доброго й позитивного також впливає на будь-яку особу в суспільстві. Стосовно особи злочинця розглядуваного злочину встановлено, що значна частина цієї категорії осіб (30,2 %) на момент вчинення злочину не перебували у шлюбі. Із тих, хто перебував у шлюбі (28,6 %), у доброзичливих стосунках перебувала половина осіб, в інших шлюб був близький до розпаду. Варто відзначити й той факт, що більшість одружених осіб характеризувались позитивно в сім'ї. На момент вчинення злочинів, пов'язаних із сексуальною експлуатацією, розлучені особи становили – 28,6 %, ті, хто перебував у цивільному шлюбі, – 12,6 %.

Між несприятливим станом у сім'ї, зрадами, розлученнями та сутенерством й іншими діями, пов'язаними з організацією заняття проституції, є певний зв'язок, який деякою мірою породжує споживацьке, байдуже ставлення до жінки (чоловіка), як до особистості, а також руйнує уявлення про інститут сім'ї як такий. У деяких випадках слід враховувати наступну закономірність: з ростом судимостей збільшується кількість осіб, що не перебувають у шлюбі [9, с. 157].

Місце роботи має важливе значення в соціально-демографічній характеристиці особи злочинця, оскільки від того, чи зайнята особа суспільнокорисною працею, залежить її ставлення до певних прав та обов'язків, її суспільний статус.

За узагальненими матеріалами вивчених кримінальних справ (проваджень) більшість осіб, які займалися злочинними діями, що пов'язані із сексуальною експлуатацією, офіційно були безробітними, хоча працездатними 19,7 %. Серед виявлених осіб були й підприємці (15,8 %), і часто ці підприємства були лише прикриттям їх злочинної діяльності (власники саун, готелів, салонів краси, модельних агентств, служби таксі та ін.), службовці (14,5 %) та керівники (10,5 %). У 10,5 % випадків злочини, пов'язані із сексуальною експлуатацією, вчиняли робітники, у 8,0 % – непрацездатні особи і у 1,3 % випадків – студенти.

Розглядаючи масив кримінальних справ (проваджень), порушених за ст. 301, 302, 303 КК України, ми не виявили жодної, в якій суб'єктом даного злочину був державний службовець чи посадова особа. Тому викликає запитання про доцільність встановлення кримінальної відповідальності за вчинення дій, передбачених ст. 301–303 КК України службовою особою з використанням свого службового становища.

Серед головних мотивів учинення злочинів, пов'язаних із сексуальною експлуатацією, можна виділити корисливий, у ролі додаткового в даному випадку виступає сексуальний. У зв'язку з цим, можна здійснити таку класифікацію злочинців. Щодо ставлення винних до вчиненого злочину, то варто констатувати, що 82,4 % осіб, які вчинили вказаний злочин, повністю визнали себе винними, 13,7 % частково визнали свою провину та 3,9 % себе не визнали винними взагалі.

До першої групи належать особи, які вчиняють злочини даної категорії заради матеріальної вигоди, так звані «бізнесмени». Для них сексуальна експлуатація не більше ніж бізнес і є джерелом отримання прибутку.

Другу групу становлять особи, які вчинили злочини, пов'язані із сексуальною експлуатацією, з метою задоволення власних статевих потреб.

Соціально-демографічні дані, взяті у статистичному вираженні, стосовно осіб, які вчинили злочин, надають цінну кримінологічну інформацію, необхідну для успішного

здійснення заходів соціальної профілактики [10, с. 27].

Кримінально-правову характеристику особи злочинця слід почати з розгляду об'єктивної сторони та способів учинення даного злочину. Загальновідомо, що об'єктивна сторона розглядуваного злочину характеризується вчиненням таких альтернативних дій, як втягнення особи в заняття проституцією, примушування до заняття проституцією, сутенерство.

Можна зробити висновок, що у вивчених кримінальних провадженнях у 47,4 % цей злочин було вчинено шляхом втягнення в заняття проституцією, коли внаслідок дій винного інша особа схиляється до заняття проституцією. Характерним у 38,1 % наявним було безпосередньо сутенерство як дії особи із забезпечення заняття проституцією іншою особою. І в 14,5 % цей злочин було вчинено шляхом примушування до заняття проституцією, найчастіше з використанням обману (59,2 %), уразливого стану потерпілої особи (25,4 %), шантажу (9,3 %), із застосуванням або погрозою застосування насильства (6,1 % відповідно).

Як показали результати дослідження, більша частина осіб, які вчинили вказаний злочин, не були судимі 77 %. Попередня судимість цієї категорії осіб здебільшого була пов'язана з вчиненням злочинів проти моральності, статевої свободи та недоторканності, проти власності.

Визначаючи тривалість злочинної діяльності, варто вказати, що відповідно до результатів дослідження, у 71,3 % злочинів, пов'язаних із сексуальною експлуатацією, вона продовжувалась до одного року (інколи навіть менше одного місяця), 16,7 % – від одного до трьох років, 12 % – більше трьох років.

Щодо морально-психологічної характеристики особи злочинця, то її вивчення зумовлене тим, що це дає можливість охарактеризувати внутрішній зміст особистості. У більшості осіб, які вчинили розглядуваний злочин, відсутні моральні принципи та переконання, зазвичай у них спостерігається дещо примітивний, звужений світогляд. Морально-психологічний портрет злочинця значною

мірою допомагають відтворити відомості, які можна отримати з місця проживання, навчання, роботи, відбування покарання, а також за відомостями, які характеризують спосіб життя особи, її інтереси та проведення дозвілля.

Так, органи досудового розслідування та судові органи при характеристиці особи злочинця з морально-психологічної точки зору недостатньою мірою враховують ці ознаки та обмежуються занадто формальними характеристиками з місця проживання чи роботи (а іноді й ці дані відсутні).

Узагалі можна зробити висновок, що особи, які займаються сексуальною експлуатацією, часто виявляються непоганими знавцями психології потенційних жертв, адже вони вдало знаходять і використовують на свою користь найбільш уразливі риси характеру останніх. Так, наприклад, громадянин П., зустрівшись у м. Вінниці зі знайомою громадянкою З., знаючи про її скрутний матеріальний стан та наявність на утриманні малолітньої дитини, запропонував їй надавати сексуальні послуги за плату, зобов'язуючись підшукувати клієнтів, перевозити та охороняти її, а отримані кошти розподіляти порівну між ними. Громадянка З., враховуючи збіг тяжких сімейних і матеріальних обставин, погодилася, та громадянин П. у подальшому забезпечував зайняття нею проституцією на території м. Вінниці [11].

Висновки. Відтак, вивчення соціально-демографічних характеристик осіб, які займаються сексуальною експлуатацією, дає можливість з'ясувати коло осіб, схильних до злочинної діяльності з метою проведення профілактичної роботи. Така інформація є особливо цінною для працівників митної і прикордонної служб, тому що особи, які займаються сексуальною експлуатацією, зазвичай самі супроводжують своїх жертв за кордон.

Соціально-демографічна, морально-психологічна та кримінально-правова характеристики перебувають у нерозривному зв'язку й інколи породжують одна одну.

Наведені вище ознаки не вичерпують змісту структури та головних рис кримінологічної характеристики особи, яка вчиняє злочини, пов'язані з дитячою порнографією, і лише

контурно окреслюють уявлення про його сутність, тип, характер та рушійну силу поведінки. Особа, яка вчиняє злочини, пов'язані з дитячою порнографією, потребує значно глибшого наукового дослідження з боку кримінології, психології, психіатрії, кримінального права. Водночас наші дані доволі переконливо свідчать про те, що саме кримінологічна характеристика особи, яка вчиняє злочини, пов'язані з дитячою порнографією, дає змогу розробити й ефективно реалізувати заходи запобігання цьому виду злочинів.

Виходячи з вищевикладеного та отриманих у ході дослідження даних, можна в загальних рисах описати портрет особи злочинця, який вчиняє злочини, пов'язані із сексуальною експлуатацією. Здебільшого це чоловіки (80,8 %), які не зайняті суспільно корисною працею (19,7 %). Найчастіше ці особи не перебувають у шлюбі (30,2 %). За віковою характеристикою переважають особи віком 35–50 років (44,5 %), які мають вищу або незакінчену вищу освіту (17,5 %) чи повну середню освіту (24,6 %), володіють технічними навичками роботи з телекомунікаційними мережами. Отже, таких осіб можна віднести до корисливо-насильницького типу злочинця, що характеризується зневажливим ставленням до таких цінностей, як нормальний фізіологічний та моральний розвиток дитини й загальноприйняті у статевій сфері правила поведінки.

Література

1. Кримінологія: Загальна і Особлива частини : підруч. для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл. / І. М. Даньшин, В. В. Голіна, О. Г. Кальман, О. В. Лисодєд. – Харків : Право, 2003. – 453 с.
2. Соловей О. О. Кримінологічна характеристика осіб, які вчиняють злочини, пов'язані з дитячою порнографією / О. О. Соловей // Митна справа. – 2011. – № 3 (75). – С. 153–159.
3. Кримінологія : навч.-метод. посіб. / [Василевич В. В. та ін. ; за заг. ред. О. М. Джужи] ; Київ. нац. ун-т внутр. справ. – К. : Атіка, 2008. – С. 32.
4. Антонян Ю. М. Системный подход к изучению личности преступника / Ю. М. Антонян // Советское государство и право. – 1974. – № 5. – С. 89–90.
5. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве : учеб. пособие / П. С. Дагель. – Владивосток, 1970. – 132 с.
6. Шакун В. І. Суспільство і злочинність : монографія / В. І. Шакун. – Київ : Атіка, 2003. – 784 с.
7. Луняк О. М. Кримінологічна характеристика психології злочинця та профілактика насильницьких злочинів : навч. посіб. / О. М. Луняк. – Ніжин, 2004. – 91 с.
8. Злочинність в Україні. Основні показники стану та структури злочинності за 2004–2014 роки : стат. зб. – Київ : ВПЦ МВС України, 2015. – 201 с.
9. Кримінологія : учеб. / под. ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – [3-е изд, перераб. и доп.]. – М. : Юрист, 2004. – С. 157.
10. Благая А. Б. Личность преступника и потерпевшего от торговли людьми / А. Б. Благая // Борьба с торговлей людьми : материалы міжнар. наук.-практ. конф. (Донецьк, 26 черв. 2008 р.). – Донецьк : Донецький юрид. ін-т ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка, 2008. – С. 27.
11. Кримінальна справа № 1-29 // Архів Ленінського районного суду м. Вінниці за 2012 рік.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ, УВОЛЕННЫХ В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ И В СВЯЗИ С СОКРАЩЕНИЕМ ЧИСЛЕННОСТИ ИЛИ ШТАТА РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Сосна Борис - доктор права, и.о. профессора Европейского университета Молдовы, конференциар Комратского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института правовых и политических исследований Академии наук Молдовы

Автор предпринял попытку проанализировать законодательство, регулирующее увольнение работников по вышеуказанным основаниям, порядок защиты нарушенных прав и ответственность за незаконное увольнение, обратить внимание на противоречивые нормы, препятствующие защите нарушенных прав, и внести предложения, направленные на устранение пробелов и противоречий.

Автор обращает внимание на право незаконно уволенного работника обратиться не только в суд в течение 3-месячного срока исковой давности, но и в Государственную инспекцию труда и в Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства, если работодателем была допущена дискриминация.

Ключевые слова: ликвидация предприятия, сокращение численности, штат работников, судебная инстанция, моральный ущерб, материальный ущерб.

Autorul a făcut o încercare de a analiza legislația care reglementează concedierea angajaților în legătură cu motivele de mai sus, protejarea drepturilor încălcate și răspunderea pentru concedierea ilegală, să acorde atenție la normele contradictorii care împiedică protecția drepturilor încălcate, precum și să facă propuneri pentru a rezolva lacunele și neconcordanțele. Autorul atrage atenția asupra dreptului angajatului concediat în mod ilegal de a apela nu numai la instanța de judecată în termen de 3 luni conform termenului de prescripție dar și la Inspekția Muncii de Stat și Consiliul pentru prevenirea și eliminarea discriminării și asigurării egalității, în cazul în care angajatorul a admis discriminarea angajatului.

Cuvinte cheie: lichidarea întreprinderii, reducerea de personal, statele de angajați, instanța de

The author made an attempt to analyze the legislation governing the dismissal of workers on the above reasons, the order to protect the violated rights and responsibility for wrongful dismissal, to pay attention to contradictory rules that prevent the protection of violated rights, and to make proposals to address the gaps and inconsistencies.

The author draws attention to the right of unlawfully dismissed employee to appeal not only to the court within 3 months of the limitation period but also to the State Labour Inspectorate and the Council for the Prevention and Elimination of Discrimination and for Equality, if the employer has discriminated against.

Keywords: enterprise liquidation, downsizing, state employees, court, moral damages, economic loss.

Актуальность темы объясняется несовершенством законодательства, регулирующего увольнение в связи с ликвидацией предприятия и в связи с сокращением численности или штата работников предприятия, а также

ответственность за нарушение трудового законодательства и порядок защиты нарушенных прав.

Любое увольнение влечет негативные последствия для работника, ибо он теряет ос-

новной или даже единственный источник существования.

Наиболее негативно влияет увольнение на пенсионеров, получающих мизерные пенсии, ибо возможности их трудоустройства весьма ограничены.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей защиты прав работников, уволенных в связи с ликвидацией предприятия и в связи с сокращением численности или штата работников предприятия согласно законодательству Республики Молдова.

Изложение основного материала. Автор освещает законодательство, регулирующее увольнение, а также следующие способы правовой защиты:

- обращение в суд с заявлением о рассмотрении индивидуального трудового спора о восстановлении на работе и компенсации материального и морального ущерба, причиненного незаконным увольнением;

- обращение в Государственную инспекцию труда с заявлением о привлечении к административной ответственности;

- обращение в Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства;

- обращение в суд с иском о признании факта дискриминации и взыскании причиненного дискриминацией морального и материального ущерба.

В трудовом законодательстве, судебной практике и в юридической литературе применяются понятия «увольнение», «прекращение индивидуального трудового договора», «расторжение индивидуального трудового договора».

Понятие «увольнение» тождественно понятию «расторжение индивидуального трудового договора».

Понятие «увольнение» по объему является более узким, чем понятие «прекращение индивидуального трудового договора». Понятие «прекращение индивидуального трудового договора» включает в себя все основания прекращения индивидуального трудового договора, в том числе прекращение индивидуального трудового договора в связи со смертью работника, в связи со смертью рабо-

тодателя – физического лица, другим обстоятельствам, независящим от воли сторон.

В соответствии с пунктом b) части (1) ст. 86 Трудового кодекса Республики Молдова (далее – ТК РМ) № 154-XV от 28.03.2003 года увольнение – расторжение по инициативе работодателя индивидуального трудового договора, заключенного на неопределенный срок, и срочного индивидуального трудового договора допускается в случае ликвидации предприятия либо прекращения деятельности работодателя – физического лица [1].

Пункт b) части (1) ст. 86 ТК РМ предусматривает 2 основания увольнения: ликвидация предприятия и прекращение деятельности работодателя – физического лица.

Работодатель, который является физическим лицом, имеет право в любое время по своему усмотрению прекратить свою деятельность и уволить работника с выплатой выходного пособия, предусмотренного ст. 186 ТК РМ.

Порядок увольнения в связи с прекращением деятельности работодателя – физического лица трудовым законодательством не регламентирован.

ТК РМ не дает определения понятия «ликвидация предприятия».

В Гражданском кодексе Республики Молдова (далее – ГК РМ) № 1107-XV от 06.06.2002 года применяется понятие «ропуск юридического лица» [2].

Согласно части (2) ст. 86 ГК РМ роспуск юридического лица влечет открытие процедуры ликвидации, за исключением случаев объединения и дробления, следствием которых являются роспуск юридического лица, прекращающего свое существование, без его ликвидации и передача всего его имущества в том состоянии, в котором оно находилось в момент объединения или дробления, юридическим лицам – приобретателям.

Согласно части (1) ст. 60 ГК РМ правоспособность юридического лица приобретается в момент его государственной регистрации и прекращается в момент его исключения из государственного реестра.

Порядок увольнения в связи с ликвидацией предприятия имеет много общего с поряд-

ком увольнения в связи с сокращением численности или штата работников предприятия (пункт с) части (1) ст. 86 ТК РФ).

Увольнение в связи с ликвидацией предприятия отличается от увольнения в связи с сокращением численности или штата работников предприятия.

Во-первых, в случае ликвидации предприятия увольнению подлежат все без исключения работники ликвидированного предприятия, в том числе и работники, увольнение которых в связи с сокращением численности или штата работников предприятия запрещено ст. 251, 252 и частью (4) ст. 388 ТК РФ.

Во-вторых, увольнение в связи с ликвидацией предприятия производится без соблюдения требований части (2) ст. 86 ТК РФ и ст. 87-ТК РФ, т.е. без предварительного согласия профсоюзного органа предприятия.

В-третьих, увольнение в связи с ликвидацией предприятия производится без соблюдения требований пункта с) части (1) ст. 88, частей (2) и (3) ст. 88 ТК РФ.

В-четвертых, при увольнении в связи с ликвидацией предприятия не учитывается преимущественное право на оставление на работе, установленное частями (1) – (3) ст. 183 ТК РФ.

Согласно части (4) ст. 88 ТК РФ в случае ликвидации предприятия работодатель обязан соблюдать условия процедуры увольнения, предусмотренные пунктами а), б), в), г) и и) части (1) ст. 88 ТК РФ.

В соответствии с частью (1) ст. 88 ТК РФ работодатель вправе уволить работников в связи с ликвидацией предприятия либо сокращением численности или штата работников (пункты б) и в) части (1) статьи 86) только при условии:

а) издания юридически или экономически обоснованного приказа (распоряжения, решения, постановления) о ликвидации предприятия либо сокращении численности или штата работников;

б) издания приказа (распоряжения, решения, постановления) об извещении работников под расписку за два месяца до ликвидации предприятия либо сокращения численности или штата работников. В случае сокращения

численности или штата работников предприятия извещаются только лица, рабочие места которых сокращаются;

с) письменного предложения работнику одновременно с извещением об увольнении в связи с сокращением численности или штата работников предприятия другого места работы (должности) на данном предприятии (при условии, что такое место работы (должность) существует на предприятии, а извещенный работник соответствует требованиям, необходимым для его замещения);

д) сокращения в первую очередь вакантных рабочих мест;

е) расторжения индивидуального трудового договора в первую очередь, с работниками, работающими по совместительству;

ф) предоставления работнику, подлежащему увольнению, одного рабочего дня в неделю с сохранением средней заработной платы для поиска другой работы;

г) представления агентству занятости населения в установленном порядке информации о подлежащих увольнению работниках за два месяца до увольнения;

h) обращения в профсоюзный орган за согласием на увольнение работников в порядке, установленном настоящим кодексом;

и) письменного уведомления не менее чем за три месяца профсоюзных органов предприятия и соответствующей отрасли о реорганизации или ликвидации предприятия, влекущих массовое сокращение рабочих мест, и ведения с ними переговоров о соблюдении прав и интересов работников. Критерии массового сокращения рабочих мест устанавливаются коллективными соглашениями.

При увольнении в связи с сокращением численности или штата работников предприятия работодатель обязан соблюдать требования части (2) ст. 86, ст. 87 и частей (1) и (2)-ст. 183 ТК РФ.

Согласно части (2) ст. 86 ТК РФ не допускается увольнение работника в период пребывания его в медицинском отпуске, ежегодном оплачиваемом отпуске, учебном отпуске, отпуске по беременности и родам, частично оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, допол-

нительном отпуске без сохранения заработной платы по уходу за ребенком в возрасте от трех до шести лет, в период исполнения государственных или общественных обязанностей, а также в период откомандирования, за исключением случаев ликвидации предприятия.

ТК РМ не предусматривает, какие последствия влечёт нарушение части (2) ст. 86 ТК РМ.

Отдельные суды в случае нарушения требований части (2) ст. 86 и признают такие увольнения незаконными и выносят решения о восстановлении работников на работе и взыскании материального и морального ущерба, причиненного незаконным увольнением. Другие суды выносят решения о продлении даты увольнения на срок отпуска.

Предложение. Считаем целесообразным дополнить ст. 86 частью (3), согласно которой в случае нарушения части (2) ст. 86 ТК РМ суд выносит решение о восстановлении на работе. Такое предложение соответствует требованиям части (2) ст. 88 ТК РМ, в соответствии с которой в случае неиздания приказа (распоряжения, решения, постановления) об увольнении работника по истечении двухмесячного срока после предварительного извещения эта процедура не может быть повторена в течение того же календарного года. В двухмесячный срок не включаются периоды нахождения работника в ежегодном оплачиваемом отпуске, учебном и медицинском отпуске.

Согласно части (1) ст. 87 ТК РМ увольнение работников – членов профсоюза в случаях, предусмотренных пунктами с), е) и г) части (1) статьи 86, допускается только с предварительного письменного согласия профсоюзного органа (профсоюзного организатора) предприятия. В остальных случаях увольнение допускается после предварительной консультации с профсоюзным органом (профсоюзным организатором) предприятия.

Согласно части (3) ст. 87 ТК РМ руководители первичной профсоюзной организации (профсоюзные организаторы), не освобожденные от основной работы, не могут быть уволены без предварительного согла-

сия вышестоящего профсоюзного органа. Согласно части (4) ст. 87 ТК РМ профсоюзные органы (профсоюзные организаторы), указанные в частях (1)–(3), обязаны сообщить работодателю в течение 10 рабочих дней со дня его обращения свое аргументированное в письменной форме согласие или несогласие (консультативное мнение) с увольнением работника. В случае неполучения работодателем ответа в указанный срок согласие (консультативное мнение) соответствующего органа подразумевается.

Нарушение требований ст. 87 ТК РМ влечёт согласно части (2) ст. 89 ТК РМ восстановление работника на работе.

Согласно части (3) ст. 88 ТК РМ сокращенное рабочее место не может быть восстановлено в штате предприятия в течение календарного года, в котором имело место увольнение работника, его занимавшего.

Одним из обязательных условий законности увольнений в связи с сокращением численности или штата работников предприятия является соблюдение работодателем требований частей (1) и (2) ст. 183 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 183 ТК РМ в случае сокращения численности или штата работников преимущественное право на оставление на работе предоставляется работникам, имеющим более высокую квалификацию и производительность труда.

Согласно части (2) ст. 183 ТК РМ при равной квалификации и производительности труда преимущественное право на оставление на работе имеют:

- а) семейные работники, имеющие на содержании двух или более лиц и/или инвалида;
- б) работники, в семьях которых нет других лиц с самостоятельным доходом;
- с) работники, имеющие большой трудовой стаж на данном предприятии;
- д) работники, пострадавшие вследствие несчастного случая на производстве или получившие профессиональное заболевание на данном предприятии;
- е) работники, повышающие свою квалификацию в высших и средних специальных учебных заведениях без отрыва от работы;

f) инвалиды войны и члены семей военнослужащих, погибших или пропавших без вести;

g) участники боевых действий по защите территориальной целостности и независимости Республики Молдова;

h) изобретатели;

i) лица, получившие или перенесшие лучевую болезнь или другие заболевания, связанные с облучением вследствие аварии на Чернобыльской АЭС;

j) инвалиды, в отношении которых установлена причинная связь между наступлением инвалидности и аварией на Чернобыльской АЭС, участники ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в зоне отчуждения в 1986-1990 годах;

k) работники, имеющие несколько поощрений за успехи в труде и не имеющие дисциплинарных взысканий (статья 211);

l) работники, которым осталось не более пяти лет до установления пенсии по возрасту.

Согласно части (3) ст. 183 ТК РМ в случае, когда отдельные лица, перечисленные в части (2), соответствуют нескольким критериям из предусмотренных в данной части, преимущественное право на оставление на работе имеют лица, соответствующие большему числу критериев. При равенстве их количества преимущественное право на оставление на работе принадлежит лицу, имеющему больший стаж работы на данном предприятии.

Вывод. Анализ статей 86-89, 183 ТК РМ даёт основание для вывода, что увольнение в связи с сокращением численности или штата работников предприятия может считаться законным, если работодателем соблюдены все следующие условия:

1. должность работника была сокращена;

2. уволенный работник не относится к категории работников, увольнение которых по этому основанию запрещено ст. 251 и 252 и частью (4) ст. 388 ТК РМ;

3. соблюдено установленное частями (1)-(3) ст. 183 ТК РМ преимущественное право на оставление на работе;

4. соблюдены требования ст. 87 ТК РМ;

5. при увольнении несовершеннолетнего работника соблюдены требования ст. 257 ТК РМ, согласно которой увольнение работников в возрасте до восемнадцати лет, за исключением случая ликвидации предприятия, допускается только с письменного согласия территориального агентства занятости населения с соблюдением общих условий увольнения, предусмотренных настоящим кодексом.

6. были приняты меры к трудоустройству работника;

7. о предстоящем увольнении работник был предупрежден за 2 месяца и был уволен в последний день срока [9, с. 99-100].

В подпункте с) пункта 18 Постановление Пленума Высшей судебной палаты РМ № 9 от 22.12.2014 года «О судебной практике рассмотрения споров, которые возникают в процессе заключения, изменения и прекращения индивидуального трудового договора» (неофициальный перевод на русский язык опубликован в журнале «Кадры и заработная плата» № 2 (98) 2015 год, стр. 75-103) указано: «Расторжение индивидуального трудового договора возможно при условии, что работник не имеет преимущественного права на то, чтобы остаться на работе».

Таким образом, расторжение индивидуального трудового договора увольнение в связи с сокращением численности или штата действительно при соблюдении следующих условий:

- сокращение численности или штата действительно имело место. Данный факт должен быть подтвержден приказом о сокращении принятием нового штатного расписания. Следует учесть, что новое штатное расписание должно быть принято до наступления событий, связанных с сокращением персонала.

- работник не пользуется преимущественным правом быть оставленным на работе».

Работодатели пытаются уклониться от соблюдения требований ст. 183 ТК РМ путём сокращения должностей более квалифицированных работников, а затем увольняют их в связи с сокращением численности или штата работников предприятия, ссылаясь на пункт б) части (1) ст. 88 ТК РМ, согласно которой о

предстоящем увольнении извещаются только лица, рабочие места которых сокращены.

Предложение. Считаю необходимым исключить второе предложение пункта б) части (1) ст. 88 ТК РФ, как противоречащее ст. 183 ТК РФ, которая закрепляет преимущественное право на оставление на работе, как необходимое условие правомерности увольнения.

Уволенные по вышеупомянутым основаниям работники имеют право на выходное пособие и др. выплаты.

Согласно части (1) ст. 186 ТК РФ работникам, уволенным с предприятия в связи с его ликвидацией или прекращением деятельности работодателя – физического лица (пункт б) части (1) статьи 86) либо сокращением численности или штата работников (пункт с) части (1) статьи 86), гарантируется:

а) выплата за первый месяц выходного пособия в размере суммированного среднего размера одной недельной заработной платы за каждый год, проработанный на данном предприятии, но не менее одной средней месячной заработной платы. Если предприятие является правопреемником ранее реорганизованного предприятия и индивидуальный трудовой договор с данными работниками ранее не был прекращен (статья 81), учитываются все годы работы;

б) выплата за второй месяц выходного пособия в размере среднемесячной заработной платы, если уволенное лицо не было трудоустроено;

с) выплата за третий месяц выходного пособия в размере среднемесячной заработной платы, если после увольнения работник зарегистрировался в течение 14 календарных дней в территориальном агентстве занятости населения в качестве безработного и не был трудоустроен, что подтверждено соответствующей справкой;

д) выплата при ликвидации предприятия по письменному соглашению сторон сумм, связанных с увольнением работника, полностью за все три месяца в день его увольнения.

Средняя заработная плата для выплаты выходного пособия определяется в соответствии с постановлением правительства РФ № 426 от 26 апреля 2004 года «Об утвержде-

нии порядка исчисления средней заработной платы» [3].

Согласно пункту 3 Порядка исчисления средней заработной платы в среднюю заработную плату включаются следующие виды оплаты труда и компенсаций:

заработная плата за выполненную работу или отработанное время согласно действующим на предприятии формам и системам оплаты труда – по сдельным расценкам, почасовым (дневным) ставкам, месячным должностным окладам, заработкам, исчисленным в процентах от выручки или долях от прибыли, заработная плата, установленная работнику в нетарифной системе оплаты труда, окладам за заслуги и т. д.; надбавки и доплаты к почасовым (дневным) ставкам и месячным окладам, а также другие выплаты компенсационного характера, непосредственно связанные с работой, предусмотренные законодательством и коллективными договорами;

доплаты за совмещение профессий (должностей), в том числе за исполнение обязанностей временно отсутствующего работника, за расширение зон обслуживания или увеличение объема работы, выполняемой в течение установленной законодательством продолжительности рабочего дня (рабочей смены);

выплаты стимулирующего характера: премии, установленные согласно действующей на предприятии системе оплаты труда, в том числе премии, выплачиваемые из прибыли; годовые премии; вознаграждение за общие результаты работы по итогам года; ежемесячные процентные надбавки и ежегодные вознаграждения за выслугу лет; надбавки к заработной плате за коллективные достижения, профессиональную компетентность, за высокую эффективность труда и выполнение отдельных особо важных или срочных работ, интенсивность труда и т. д. При этом премии и указанные вознаграждения включаются в заработок того месяца, в котором они были начислены по расчетным документам, и учитываются при определении среднего заработка за 12 календарных месяцев полностью либо в суммах, приходящихся на каждый ме-

сяц в случае расчетного периода иной продолжительности;

доплаты за работу в ночное время и за по-
сменную работу;

оплата работы в выходные и праздни-
чные дни, сверхурочной работы;

суммы индексации заработной платы,
исчисленные в соответствии с законодатель-
ством;

разница между ранее получаемым сред-
ним заработком и новой заработной платой
в случае перевода работника по состоянию
здоровья или в связи с производственной не-
обходимостью на другую, нижеоплачиваемую
работу за период, предусмотренный дейст-
вующим законодательством;

гонорар штатных творческих работников
редакций газет, журналов, издательств, теле-
графных агентств и агентств печати, телеви-
дения, радио и других средств массовой ин-
формации в случае выплаты его за счет ли-
тературного (творческого) фонда указанных
организаций;

другие выплаты постоянного характера,
связанные непосредственно с работой.

Перечень выплат, которые не включаются
в среднюю заработную плату, содержится в
пункте 4 Порядка исчисления средней зар-
ботной платы. В среднюю заработную плату, в
частности, не включаются выходное пособие,
пособие по безработице и другие пособия, не-
зависимо от источников выплаты.

Согласно пункту 5 Порядка исчисления
средней заработной платы для исчисления
средней заработной платы устанавливаются
следующие расчетные периоды:

- для работников сельскохозяйственных
предприятий и работников, рабочее время
которых не поддается учету (надомники,
штатные заготовители сельскохозяйствен-
ной продукции, вторичного и иных видов
сырья, продавцы разносной и развозной
торговли, агенты фотопредприятий, другие
аналогичные категории работников); для
педагогических кадров доуниверситетского
образования, для работников, оплачиваемых
сдельно, в случаях, когда заработная плата
выплачивается один раз, при завершении
работ, за все время их выполнения; а также

для работников предприятий, включая ме-
дицинских и фармацевтических работников,
которые в течение года работали в режиме
неполного рабочего дня или неполной рабо-
чей недели различной продолжительности, –
за 12 последних календарных месяцев, пред-
шествовавших событию, с которым связана
соответствующая выплата (с первого по пер-
вое число). Для работников, проработавших
на данном предприятии менее года, средняя
заработная плата начисляется за фактически
проработанные календарные месяцы. При
отсутствии оперативных данных за послед-
ний месяц для определения суммы выплат
рабочим-сдельщикам в расчет принимается
средний заработок за 12 месяцев, предше-
ствовавших событию, без последнего меся-
ца, который заменяется другим, непосред-
ственно предшествовавшим 12-месячному
периоду;

- для работников, занятых на сезонных
работах, при исчислении пособия за неис-
пользованные дни отпуска – продолжитель-
ность сезона (до 6 месяцев);

- для работников, заключивших индиви-
дуальный трудовой договор на срок до 2 ме-
сяцев – срок договора;

- в остальных случаях средняя заработная
плата определяется из расчета трех календар-
ных месяцев работы, предшествовавших со-
бытию, с которым связана соответствующая
выплата (с первого по первое число). Для
работников, проработавших на данном пред-
приятии менее трех месяцев, расчетный пе-
риод устанавливается исходя из фактически
проработанного времени.

Для исчисления пособия по безработи-
це средняя заработная плата определяется
из расчета 12 или 3 календарных месяцев
работы, предшествовавших месяцу прекра-
щения индивидуального трудового договора
(с первого по первое число), с соблюдением
положений абзаца третьего пункта 11 Поряд-
ка исчисления.

В соответствии с пунктом 10 Порядка
исчисления средней заработной платы в
случае применения трехмесячного расчет-
ного периода средняя заработная плата ис-
числяется:

1) за один рабочий день – путем деления заработной платы за 3 месяца, включающей все виды заработка и компенсаций, перечисленные в пункте 3 настоящего порядка исчисления, а также сохраненный заработок на время командировок на число фактически отработанных дней за этот период (включая отработанные дни во время отдыха и праздников);

2) за один календарный день – путем умножения средней заработной платы за один рабочий день, исчисленной в соответствии с подпунктом 1 настоящего пункта, на коэффициент, равный соотношению числа рабочих дней в расчетном периоде согласно календарю рабочей недели, установленной на предприятии, и числа календарных дней за тот же период без учета нерабочих праздничных дней, указанных в статье 111 Трудового кодекса;

3) за один час – путем деления заработной платы за 3 месяца, указанной в подпункте 1 настоящего пункта, на число фактически отработанных за этот период часов (включая сверхурочные часы).

При исчислении средней заработной платы в порядке, предусмотренном в подпунктах 1, 2 и 3 настоящего пункта, не учитываются дни (часы), в которые работник не работал на предприятии, за исключением прогулов по вине работника, а также выплаченные за эти дни (часы) суммы.

Если в одном из месяцев 3-месячного расчетного периода работник не работал и не имел заработка, месяц (месяцы) этого периода не исключается из расчетов и не заменяется другим месяцем.

Вывод. Как видно из содержания Порядка исчисления средней заработной платы, данный Порядок довольно противоречив и запутан.

А подпункт 2) пункта 14 Порядка исчисления средней заработной платы противоречит норме законодательного акта, имеющего большую юридическую силу – пункту d) части (1) ст. 186 ТК РМ.

В подпункте 2) пункта 14 Порядка исчисления средней заработной платы указано: «Для выплаты выходного пособия, выраженного в средних недельных заработных пла-

тах, определяется путем умножения средней заработной платы за один календарный день на 7 дней или среднечасовой заработной платы на 40 часов (35 часов, 30 часов – в случае сокращенной продолжительности рабочего времени) и на количество полных лет, отработанных на данном предприятии с даты последнего поступления на работу».

Согласно части (2) ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова (далее – ГПК РМ) № 225-XV от 30.05.2003 года, если при рассмотрении гражданских дел установлено, что закон или другой нормативный акт противоречит закону или другому нормативному акту, имеющему большую юридическую силу, судебная инстанция применяет нормы закона или другого нормативного акта, имеющего большую юридическую силу [4].

Предложение. Считаю необходимым изменить подпункт 2) пункта 14 Порядка исчисления средней заработной платы, установив, что выходное пособие за первый месяц определяется путем умножения одной средней недельной заработной платы на число полных лет, проработанных на данном предприятии.

В последний день 2-месячного срока извещения работника об увольнении, установленного пунктом b) части (1) ст. 88 и пунктом d) части (1) ст. 184 ТК РМ, работодатель должен издать приказ (распоряжение, решение, постановление) об увольнении.

Данный приказ в соответствии с частью (3) ст. 81 ТК РМ должен быть доведен до сведения работника под расписку не позднее дня освобождения.

В соответствии со ст. 93 ТК РМ в целях обеспечения защиты персональных данных, хранящихся у работодателя, работник имеет право на:

а) получение полной информации о своих персональных данных и порядке их обработки;

б) свободный бесплатный доступ к своим персональным данным, включая право на получение копий любого правового акта, содержащего его персональные данные, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством;

с) определение своих представителей для защиты своих персональных данных;

d) доступ к относящимся к нему медицинским данным, в том числе через медицинского работника по его выбору;

e) требование об исключении или исправлении неверных и/или неполных персональных данных, а также данных, обработанных с нарушением требований настоящего кодекса. При отказе работодателя исключить или исправить неверные персональные данные работник имеет право заявить в письменной форме работодателю о своем несогласии, обновила его;

f) обжалование в судебную инстанцию любых неправомерных действий или бездействия работодателя, допущенных при получении, хранении, обработке и защите персональных данных работника.

Пункт b) ст. 91 даёт работнику право на получение копии любого правового акта, содержащего его персональные данные. К таким правовым актам относится и приказ об увольнении.

Предложение. Считаем, что законодатель должен дополнить ст. 81 ТК РМ частью (4), обязывающей работодателя выдать работнику копию приказа об увольнении.

В день увольнения работодатель обязан выдать работнику его трудовую книжку и выплатить все причитающиеся работнику суммы.

Согласно части (5) ст. 66 ТК РМ при прекращении индивидуального трудового договора трудовая книжка возвращается работнику в день освобождения от работы.

Ответственность за задержку трудовой книжки установлена пунктом d) части (1) ст. 330 и ст. 151 ТК РМ. Условие применения ответственности за задержку трудовой книжки установлено ст. 151 ТК РМ, согласно которой при задержке выдачи трудовой книжки по вине работодателя при освобождении работника ему выплачивается средняя заработная плата за все время вынужденного отсутствия на работе, обусловленного невозможностью устроиться на работу на другом предприятии из-за отсутствия трудовой книжки. В этом случае средняя заработная плата выплачивается бывшему работнику его бывшим рабо-

дателем согласно письменному соглашению сторон, а в случае спора – на основании решения судебной инстанции.

Вывод. Формулировка ст. 151 ТК РМ практически не позволяет привлечь работодателя к материальной ответственности за задержку трудовой книжки, ибо работник не сможет доказать, что именно задержка трудовой книжки помешала его трудоустройству.

Пункт b) части (1) ст. 57 ТК РМ обязывает работника предъявить при приёме на работу трудовую книжку.

Трудовая книжка необходима при назначении пенсии и при приватизации квартиры.

Предложение. Считаем необходимым отменить ст. 151 ТК РМ, оставив в силе пункт d) части (1) ст. 330 ТК РМ.

Сроки расчета при прекращении индивидуального трудового договора установлены ст. 143 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 143 ТК РМ при отсутствии спора о размерах всех причитающихся работнику от предприятия сумм расчет производится:

a) в случае прекращения индивидуального трудового договора с работником, продолжающим работать до дня освобождения, – в день освобождения;

b) в случае прекращения индивидуального трудового договора с работником, не работающим до дня освобождения (в случае медицинского отпуска, отсутствия на работе без уважительных причин, лишения свободы и пр.), – не позднее чем на следующий день после предъявления освобожденным работником требования о расчете.

Согласно части (2) ст. 143 ТК РМ в случае возникновения спора о размере сумм, причитающихся работнику при освобождении, работодатель во всяком случае обязан выплатить в срок, указанный в части (1) ст. 143 ТК РМ, неоспариваемую сумму.

Материальная ответственность работодателя за нарушение установленных ст. 143 ТК РМ сроков расчёта при увольнении установлена частью (2) ст. 330 ТК РМ, согласно которой в случае задержки по вине работодателя выплаты заработной платы (статья 142), отпускного пособия (статья 117), выплат в свя-

зи с освобождением (статья 143) или других выплат (статьи 123, 124, 127, 139, 186, пункт j) статьи 227, часть (8) статьи 228 и др.), причиняющихся работнику, ему выплачиваются дополнительно за каждый день просрочки 0,1 % от суммы, не выплаченной в срок.

Учитывая, что задержка расчёта в условиях инфляции и роста цен причиняет работникам материальный ущерб, считаем целесообразным изменить часть (2) ст. 330 ТК РМ, увеличив размер компенсации за задержку расчёта с 0,1 % до 0,5 %.

Для того, чтобы взыскать с работодателя установленную частью (2) ст. 330 ТК РМ компенсацию, работник должен до обращения в суд обратиться к работодателю с заявлением в соответствии со ст. 332 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 332 ТК РМ письменное заявление работника о возмещении материального и морального ущерба подается работодателю. Работодатель обязан зарегистрировать заявление работника, рассмотреть его, издать соответствующий приказ (распоряжение, решение, постановление) в течение 10 календарных дней со дня регистрации заявления и довести его до сведения работника под расписку. Согласно части (2) ст. 332 ТК РМ, если работник не согласен с приказом (распоряжением, решением, постановлением) работодателя либо если приказ (распоряжение, решение, постановление) не был издан в срок, предусмотренный частью (1), работник вправе обратиться в судебную инстанцию для разрешения возникшего индивидуального трудового спора (раздел XII).

Работник, считающий своё увольнение незаконным, имеет право обратиться непосредственно в суд первой инстанции в соответствии с подсудностью, установленной частью (2) ст. 38 или частями (2) или (3) ст. 39 ГПК РМ с заявлением о разрешении индивидуального трудового спора об отмене приказа об увольнении, восстановлении на работе и взыскании материального и морального ущерба, причиненного незаконным увольнением.

Заявления работников рассматриваются судами в порядке, установленном ст. 89, 348-355 ТК РМ и ГПК РМ.

При этом следует учитывать, что имеется противоречие между частью (2) ст. 89 ТК РМ, согласно которой при рассмотрении индивидуального трудового спора судебной инстанцией работодатель обязан доказать законность и привести основания перевода или освобождения работника, и частью (1) ст. 118 ГПК РМ, согласно которой каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений, если законом не установлено иное.

Это противоречие разрешается в соответствии с частью (3) ст. 6 закона РМ «О законодательных актах» № 780-XV от 27.12.2001 года, в соответствии с которой в случае противоречия между нормой общего законодательного акта и нормой специального законодательного акта, имеющих равную юридическую силу, применяется норма специального законодательного акта [5].

Работник должен обратиться в суд до истечения 3-месячного срока исковой давности, установленного пунктом d) части (1) ст. 355 ТК РМ.

Согласно части (1) ст. 89 ТК РМ работник, незаконно переведенный на другую работу или незаконно освобожденный от работы, может быть восстановлен на работе посредством прямых переговоров с работодателем, а в случае спора – решением судебной инстанции.

Материальная ответственность работодателя за незаконное увольнение работника установлена ст. 90 ТК РМ, которая гласит: «При восстановлении на работе работника, незаконно переведенного на другую работу или незаконно освобожденного от работы, работодатель обязан возместить ему нанесенный ущерб».

Возмещение работодателем ущерба, нанесенного работнику, включает:

а) обязательную компенсацию за весь период вынужденного отсутствия на работе в размере не менее средней заработной платы работника за этот период;

б) возмещение дополнительных расходов, связанных с обжалованием перевода на другую работу или освобождения от работы

(консультация специалистов, судебные расходы и др.);

с) возмещение причиненного работнику морального ущерба.

Размер суммы возмещения морального ущерба определяется судебной инстанцией с учетом оценки действий работодателя, но не может быть меньше среднемесячной заработной платы работника.

Вместо восстановления на работе стороны могут заключить мировое соглашение, а в случае спора судебная инстанция может взыскать с работодателя в пользу работника с его согласия дополнительную компенсацию, помимо сумм, указанных в части (2), в размере не менее трех его средних месячных заработных плат».

Согласно частям (1) и (2) ст. 256 ГПК РМ немедленному исполнению подлежат решения о выплате одной средней заработной платы за вынужденное отсутствие на работе в случае восстановления работника на работе и решения о восстановлении работника на работе.

Работодатель обязан исполнить требование ст. 256 ГПК РМ и в то же время имеет право обжаловать решение суда первой инстанции в апелляционном порядке в соответствии со ст. 357, 358, 360-390 ГПК РМ. Определение апелляционной палаты считается окончательным и подлежит исполнению в принудительном порядке.

Определение апелляционной палаты может быть обжаловано в соответствии со ст. 429-445 ГПК РМ в кассационном порядке непосредственно в Высшую судебную палату РМ.

Если Высшая судебная палата РМ отменит определение апелляционной палаты и решение суда первой инстанции и вынесет новое решение об отказе в иске работника, работодатель вправе требовать поворота исполнения, который осуществляется в соответствии со ст. 157-160 Исполнительного кодекса Республики Молдова (далее – ИК РМ) № 443-XV от 24.12.2004 года (в редакции закона РМ № 143 от 02.07.2010 года) [6].

Согласно части (1) ст. 157 ИК РМ в случае отмены решения, приведенного в исполне-

ние, и вынесения после нового рассмотрения дела решения об отклонении иска полностью или частично либо определения о прекращении производства или об оставлении заявления без рассмотрения судебная инстанция по своей инициативе выносит решение о возврате ответчику (должнику) за счет истца (взыскателя) всего того, что было взыскано по отмененному решению, а также исполнительных расходов.

Вывод. Таким образом, работник, искивые требования которого удовлетворили суд и апелляция палата, в случае отмены этих судебных постановлений должен будет вернуть работодателю не только полученные им от работодателя суммы, но и расходы по исполнению судебного решения.

Данная норма затрудняет свободный доступ к правосудию. **Предложение.** Считаем необходимым дополнить ИК РМ нормой, запрещающей поворот исполнения судебных решений, вынесенных по искам работников.

При этом следует учесть, что КЗоТ РМ, утративший силу с 1 октября 2003 года, запрещал поворот исполнения судебных решений, вынесенных в пользу работников.

Незаконное увольнение влечёт не только материальную ответственность работодателя перед работником, но и административную ответственность, установленную Кодексом о правонарушениях Республики Молдова (далее – КоП РМ) № 218-XVI от 24.10.2008 года [7].

Согласно части (1) ст. 54² КоП РМ любое различие, исключение, ограничение или предпочтение по признакам расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии или убеждений, пола, возраста, сексуальной ориентации, ограниченных возможностей, взглядов, политической принадлежности, а также на основе любого другого признака, следствием которого являются ограничение или подрыв равных возможностей или отношения при найме на работу или увольнении, в непосредственной трудовой деятельности и профессиональной подготовке, совершенное путем:

а) размещения объявлений о найме на работу с указанием условий и критериев, пре-

пытствующих или благоприятствующих определенным лицам;

b) необоснованного отказа лицу в найме на работу;

с) необоснованного отказа в допуске лиц к курсам повышения профессиональной квалификации;

d) дифференцированной оплаты за работу одного вида и/или объема;

e) дифференцированного и необоснованного распределения трудовых заданий, вытекающего из предоставления некоторым лицам менее благоприятного статуса, влечет наложение штрафа на физических лиц в размере от 100 до 140 условных единиц, на должностных лиц в размере от 200 до 350 условных единиц и на юридических лиц в размере от 350 до 450 условных единиц.

Согласно части (1) ст. 57 КоП РМ умышленное нарушение более чем на два месяца установленного срока выплаты заработной платы, уплаты взносов обязательного государственного социального страхования, премий обязательного медицинского страхования, а также осуществления других выплат постоянного характера, установленных законодательством, влечет наложение штрафа на физических лиц в размере от 50 до 100 условных единиц, на должностных лиц в размере от 100 до 200 условных единиц и на юридических лиц в размере от 200 до 300 условных единиц.

Протоколы о правонарушениях, предусмотренных ст. 54² КоП РМ, согласно части (2) ст. 423⁵ КоП РМ, имеют право составлять в коллегиальном порядке члены Совета по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства.

Протоколы о правонарушениях направляются для рассмотрения по существу в суд первой инстанции.

Правонарушения, предусмотренные ст. 55-61 в соответствии с частью (1) ст. 409 КоП РМ, устанавливаются Государственной инспекцией труда.

Согласно части (2) ст. 409 КоП РМ констатировать правонарушения и составлять протоколы вправе директор Государственной инспекции труда и его заместители, началь-

ники территориальных инспекций труда и их заместители, инспектора труда.

Согласно части (3) ст. 409 КоП РМ протоколы о правонарушениях передаются для рассмотрения по существу в суд первой инстанции, в районе деятельности которого находится представляемый констатирующим субъектом орган.

Согласно части (1) ст. 385 КоП РМ констатирующим субъектом является представитель органа публичной власти, разрешающий в пределах своей компетенции дело о правонарушении в установленном настоящим кодексом порядке.

Согласно части (3) ст. 399 КоП РМ дело о правонарушении рассматривается констатирующим субъектом, на чьей подведомственной территории совершено правонарушение. Он может назначать наказания, предусмотренные Особенной частью Книги II, в пределах своей компетенции и лишь при исполнении обязанностей.

Согласно части (2) ст. 30 КоП РМ общий срок давности привлечения к ответственности за правонарушение составляет 3 месяца.

К сожалению, срок давности привлечения к ответственности за правонарушения, посягающие на трудовые права, составляет 3 месяца.

Предложение. Считаю необходимым увеличить этот срок до 12 месяцев.

Незаконно уволенный работник может обратиться одновременно в суд с заявлением о восстановлении на работе и с жалобой в Государственную инспекцию труда для привлечения должностных лиц работодателя к административной ответственности.

Кроме того, в соответствии с законом РМ «Об обеспечении равенства» № 121 от 25.05.2012 года уволенный работник может обратиться в Совет по предупреждению и ликвидации дискриминации и обеспечению равенства по поводу дискриминации, запрещенной ст. 7 этого закона [8].

Согласно ст. 12 этого закона Совет осуществляет следующие функции:

a) рассматривает соответствие действующего законодательства стандартам по недискриминации;

b) выдвигает предложения о внесении изменений в действующее законодательство в области предупреждения и борьбы с дискриминацией;

c) утверждает консультативные заключения о соответствии проекта нормативного акта законодательству в области предупреждения и борьбы с дискриминацией;

d) осуществляет мониторинг порядка выполнения законодательства в данной области;

e) собирает информацию о масштабах, состоянии и тенденциях явления дискриминации на общенациональном уровне и подготавливает исследования и доклады;

f) направляет органам публичной власти предложения общего характера о предупреждении и борьбе с дискриминацией, а также об улучшении отношения к лицам, подпадающим под действие настоящего закона;

g) содействует повышению уровня информированности и осведомленности общества в целях ликвидации всех форм дискриминации в контексте демократических ценностей;

h) сотрудничает с международными организациями, имеющими полномочия в области предупреждения и борьбы с дискриминацией;

i) рассматривает жалобы лиц, полагающих себя жертвами дискриминации;

j) обращается в соответствующие органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного производства в отношении должностных лиц, допустивших в своей деятельности дискриминационные действия;

k) устанавливает правонарушения, содержащие элементы дискриминации, в соответствии с Кодексом о правонарушениях;

l) информирует органы уголовного преследования в случае совершения дискриминационных актов, содержащих элементы преступления;

m) способствует мирному разрешению конфликтов, возникших в результате совершения дискриминационных актов, путем примирения сторон и поиска взаимоприемлемого решения;

n) выполняет иные функции, установленные настоящим законом и положением о деятельности Совета.

Литература

1. Официальный монитор РМ № 159-162 от 29.07.2003 г.
2. Официальный монитор РМ № 82-86 от 22.06.2002 г.
3. Официальный монитор РМ № 73-76 от 07.05.2004 г.
4. Официальный монитор РМ № 130-134 от 21.06.2013 г.
5. Официальный монитор РМ № 36-38 от 14.02.2002 г.
6. Официальный монитор РМ № 160-162 от 07.09.2010 г.
7. Официальный монитор РМ № 3-6 от 16.01.2009 г.
8. Официальный монитор РМ № 103 от 29.05.2012 г.
9. Сосна Б.И., Романдаш Н.Т., Горелко Н.А., Баурчулу А.П. Трудовые споры. Учебно-практическое пособие. Кишинев, 2004.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЙ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ

Босый Дмитрий - докторант Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, судья Судебной инстанции города Кагул

Автором в данной научной статье исследуются теоретико-правовые проблемы дифференциаций правовых норм при регулировании труда профессиональных спортсменов и тренеров, а также отдельно изучены виды и основания дифференциаций.

Ключевые слова: дифференциация, труд, спортсмен, тренер, спорт, санкций, дисциплинарная ответственность, правовое регулирование.

Autorul în acest articol analizează aspectele teoretico-juridice ale diferențierii normelor juridice privitor la reglementarea muncii sportivilor profesioniști și antrenori, precum și sunt studiate în mod separat felurile și baza diferențierilor.

Cuvinte cheie: diferențierea, munca, sportiv, antrenor, sport, sancțiuni, răspunderea disciplinară,

The author in this article examines the scientific-theoretical legal problems differentiations right norms in labor regulation of professional athletes and coaches, as well as separately studied species and base differentiations.

Keywords: differentiation, labor, athlete, coach, sports, sanctions, disciplinary responsibility, legal regulation.

Актуальность темы исследования определяется малоизученностью проблемы дифференциации правового регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров, недостаточностью теоретической разработкой, а так же ее практической и научной значимостью.

Целью настоящей работы является исследование проблем дифференциаций правовых норм при регулировании труда профессиональных спортсменов и тренеров, а также исследование видов и оснований дифференциаций.

Одним из главных свойств трудового права на ранних этапах его развития выступала дифференциация. Рассматривая данное явление в совокупности с другими правовыми явления-

ми, такими как равенство, индивидуализация, ограничение прав, уступчивость регулирования трудовых правоотношений, возможно будет найти новый подход к данному правовому явлению [22, с. 6].

А. С. Пашков дает определение дифференциаций как «расхождение в нормах права, суть которых состоит в особенностях структуры, природы и режима труда и отдыха работников» [35, с. 106].

Ю. П. Орловский определил понятие дифференциация как «разносторонность в правовом регулировании, поскольку происходит регулировать различные по своему составу правоотношения связанные с условиями труда, место работы, организационно-правовой формой предприятия, в которой работает ра-

ботник, возрастными качествами работника и др.» [27, с. 93].

С. Л. Рабинович-Захарин являясь одним из первых исследователей понятия дифференциация, исследовал комплексно и всесторонне данное правовое явление и определил его в широком смысле как различного рода расхождение и ступенчатость в правовых нормах, которые зависят от различных условий труда» [23, с. 17].

И.О.Снигирева дифференциацию рассматривает как «расхождения в содержании рабоче – трудовых отношений по различным стабильным свойствам». Автор делает акцент на независимые стабильные обстоятельства, которые и определяют разносторонность в структуре норм трудового права [28, с. 83-91].

В литературе отмечаются тенденции углубления дифференциации в правовом регулировании трудовых отношений.

Так, С. Ю. Головина справедливо отмечает, что «новый смысл приобретает территориальная дифференциация норм трудового права. На смену географической и климатической дифференциации пришла территориальная, это связано, например, с техногенным фактором, который вызывает необходимость в дополнительной правовой регламентаций трудовых отношений рабочих, которые работают и проживают на территориях, на которых произошла авария Чернобыльской АЭС, и других зараженных территориях» [12, с. 79-80].

Ряд авторов предусматривают расширение основания дифференциации на отдельных субъектов, то есть на работодателей, подчеркивая, что до настоящего момента такая дифференциация ограничивалась исключительно правовым статусом работника или служащего.

В Трудовом кодексе РМ принципы трудового права можно расстраивать с двух сторон, с одной стороны, это равенство всех работников без какой-либо дискриминаций, а с другой стороны, возможность дискриминаций трудовых прав, которые закреплены в Разделе X ТК РМ, получившее название «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» [41, р. 256].

Основания дифференциации можно подразделить на две основные группы:

1) В первую группу входит отраслевая или профессиональная дифференциация (регулирование труда спортсменов, тренеров, работников культуры, работников дипломатических органов и т.д.); дифференциация, зависящая от условий труда (работа по совместительству, сезонная работа, труд руководителей, тяжелый труд и т.д.); дифференциация по правовому положению работодателя (работодатели физические лица, работодатель государство, работодатель – религиозная или общественная организация). В данную группу также входит и дифференциация по территориальному признаку. Все вышеперечисленные виды дифференциаций являются объективными и не зависят от личностных качеств работника [29, с. 115].

2) Вторую группу оснований дифференциаций называют субъективной, поскольку она зависит от субъекта и присущих ему признаков, таких как пол, возраст, семейное положение и т.д. Другими словами в трудовом праве дифференциация зависит от производственных или защитных свойств данной отрасли права [36, с. 66-68].

В ст. 245 ТК РМ предусмотрены два вида правового регулирования: 1) нормы-изъятия, которые ограничивают действие и применения общеправовых норм; 2) нормы-дополнения, которые дополняют правовое регулирование для определенных категорий работников.

Нормы-дополнения не направлены на отмену действия общеправовых норм, а действуют вместе с общими, тогда как нормы-изъятия направлены на отмену и замену общеправовой нормы.

С. Ю. Головина предложила дополнить вышеуказанные виды норм нормами – приспособлениями, которые будут реализовывать общую норму с учетом специальных видов трудовых отношений, хотя данное суждение не будет столь принципиальным, поскольку такого рода норм можно отнести к отдельным видам норм – дополнениям [13, с. 116].

Г. С. Скачкова дает определение дифференциаций как «разделение норм права в зависимости от юридических фактов, целью которых является конкретизация общих норм трудового права к отдельным категориям участников трудовых отношений» [26, с. 220].

Вполне обоснованным считаем ввести в науку понятие «специальный субъект трудового права», которое будет отражать не только дифференциацию, но и односторонность прав и обязанностей данных субъектов.

Интересна позиция А. М. Лушникова, который с учётом социологического подхода предлагает выделять четыре вида дифференциации (разнообразия) в трудовых отношениях по субъективным признакам:

1) *разнообразие по естественным признакам* (цвет кожи, язык, пол, возраст и т.д.). Это признак должен быть направлен, на обеспечение равенства в правовом смысле, за исключением случаев, когда такая дифференциация не возможна в силу характера и режима труда, особой защиты определенных категорий работников и т.д.

2) *разнообразие по естественной неравноценности* (ум, физическая сила, здоровье). В данном случае необходимо выделить конкретные признаки, позволяющие разграничивать данную неравноценность (диплом об образовании, производственные показатели, чин, класс, деловые качества и т.д.). Такого рода разграничение будет оправданным и обоснованным, поскольку неравенство будет предоставлять преимущества в случае продвижения по карьерной лестнице и повышений заработной платы и др.

3) *разнообразие социальной дифференциации по принципиально равным позициям*. Данное разнообразие предполагает дифференциацию по равным позициям, например, работники одинаковых специальностей или должностей в разных предприятиях или в секторах национальной экономики, работники выполняющие однородную работу в различных отраслях жизнедеятельности, руководителя одного ранга в различных предприятиях и т.д.

4) *разнообразие в зависимости от социального статуса работника и занимаемой им должности*. К такой дифференциации относят технических работников, менеджеров, административный персонал, руководство, исполнительный персонал, различного рода специалистов (главный, ведущий, старший) и т.д. Такого рода неравенство необходимо в силу разделе-

ния конкретных работников по социальному критерию выполняемого ими труда [24, с. 5].

Е.В. Астраханцева предлагает также выделять «дифференциацию в зависимости от экономической видов деятельности» и подчеркивает необходимость рассмотреть следующие виды дифференциаций, такие как «межотраслевая дифференциация» – разделения норм права независимо от различных видов экономической деятельности; «отраслевая дифференциация» – зависит от видов экономической деятельности; «внутриотраслевая или внутривидовая дифференциация» – разделение на виды деятельности внутри конкретной отрасли. Такого рода дифференциация предусматривает возможность и необходимость закрепления в трудовом законодательстве понятия «экономическая деятельность» [7, с. 28].

Следует отметить, что дифференциация по различным основаниям может быть установлена не только законодательными актами, но локальными нормативными актами, а также коллективными договорами и соглашениями [43, р. 312].

А. М. Лушников отмечает, что права работников могут быть ограничены только трудовым кодексом или в порядке, предусмотренным им. Другими словами дифференциация может улучшать положение работника «положительная дифференциация», а также ухудшать путем установления более жестких дисциплинарных мер – «отрицательная дифференциация» [20, с. 13].

В связи с этим следует отметить, что упомянутая норма ст. 245 ТК РФ содержит лишь общий принцип ограничения применения отрицательной дифференциации. Для эффективной его реализации соответствующие нормы ТК РФ должны быть необходимым образом сформулированы.

По другому обстоит дело, когда отрицательная дифференциация устанавливается в случаях и в порядке, предусмотренных ТК РФ. В Кодексе встречаются формулировки, позволяющие однозначно толковать их как законодательное разрешение на снижение уровня гарантий или ограничение трудовых прав работников. Например, можно привести норму, которая в отдельных случаях разреша-

ет установление в коллективных соглашениях нормы позволяющие увеличивать работникам, занятым с вредными условиями труда, продолжительность ежедневной работы и отклоняться от общих норм трудового законодательства.

Однако имеют место и обратные примеры. Эти исключения закреплены в ст. 325 ТК РФ, где указано, что «труд творческих работников, в частности режим работы и отдыха, продолжительность работы и отдыха, порядок оплаты труда устанавливаются нормами трудового законодательства, а также иными нормативно-правовыми актами направленными на регламентирование трудовых правоотношений, локально-правовыми и коллективными актами» [15, с.182-187].

В этой формулировке нет прямого указания на то, что законодатель имеет в виду отрицательную дифференциацию, ведь указанные особенности регулирования труда могут, в принципе, и улучшать положение работника.

Вывод о негативном для работников характере данной нормы можно сделать только путем систематического толкования, а значит, возможны ошибки и споры при её применении.

Основной проблемой для более четкого формулирования подобных норм является невозможность дать исчерпывающий перечень гарантий и трудовых прав, снижение уровня или ограничение которых допускается. Следует также отметить, что трудности формулирования норм, предусматривающих отрицательную дифференциацию, не ограничиваются технико-юридическими и лингвистическими проблемами. В большой степени они обусловлены соображениями социально-политического и психологического характера. В самом деле, учитывая, что в процессе законотворчества необходимо, чтоб работники (их представители), работодатели (их представители) и государство пришли к единому мнению путем согласования общих интересов по проблемам регулирования социально-трудовых отношений и связанных с ними экономических отношений, трудно предположить, что социальные партнеры, в частности, представители работников, согласуют норму, в которой

будет содержаться прямое указание на право работодателя своими локально-нормативными актами, ухудшать положение работников по сравнению с установленным трудовым кодексом, причем в неопределенной заранее сфере [30, с. 78].

В ст. 325 ТК РФ, посвященной общим положениям дифференциации регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров, предпринята попытка в определенной степени решить указанные проблемы. Структура статьи, порядок и форма изложения направлены на то, чтобы, по крайней мере, облегчить толкование и применение норм данной статьи. В ней дается общее правило о порядке установления особенностей регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров, а также и говорится, что отрицательная дифференциация возможна только непосредственно нормами трудового кодекса с особенностями, предусмотренными действующим законодательством [42, р. 211].

По поводу форм дифференциации в юридической литературе были высказаны различные суждения. Однако, они, скорее, относятся к спорам о терминологии, нежели о сути норм.

По мнению С. Л. Рабинович-Захарина, сопоставление между общими и специальными правовыми нормами выражается в следующих формациях: изъятие, дополнение или приспособление [23, с. 18].

Н. Г. Александров отдельно выделял такие специальные нормы, как нормы-изъятия; нормы, конкретизирующие общие нормы; нормы, предусматривающие дополнительные льготы и нормы, предусматривающие повышенную ответственность [5, с. 352].

В. Н. Толкунова классифицирует специальные нормы на нормы-дополнения, нормы-изъятия и нормы-применения и объясняет такую классификацию наличием дополнений, изъятий из общих норм и новыми способами их применения: И нормы — применения она определяет как новые способы применения общих норм к отдельным категориям работников [33, с. 120-122].

Ф. Б. Штивельберг в своей работе «Основания и пределы дифференциации трудового права России» не согласен с мнением, что

нормы-дополнения всегда улучшают положение работников по сравнению с общими нормами трудового законодательства. В качестве примера он приводит ст. 278 ТК РФ, которая содержит дополнительные основания для расторжения трудового договора с руководителем организации, которые вряд ли можно характеризовать как улучшающие положение работника. Однако предусмотренные трудовым законодательством общие основания прекращения трудовых отношений с руководителями предприятий не приостанавливают своего действия [38, с. 15].

Также Ф. Б. Штивельберг выразил несогласие, нормы изъятия направлены на порабощение или ухудшение положение работника в сравнении с общими нормами трудового законодательства. Например, это проявляется в прямом запрете применения труда несовершеннолетних лиц не достигших возраста восемнадцати лет на опасных и с вредными условиями труда работах, данная норма является по своей сути нормой-изъятием и направлена на усиление защиты прав несовершеннолетних по сравнению с общими нормами трудового права.

Ю. П. Орловский обоснованно отмечал, что в основе отличия между нормами-дополнениями и нормами – изъятиями заключается не принцип улучшения или порабощения положения работника, а их сравнение с общими нормами трудового законодательства. Так нормы-дополнения направлены не на отмену общих норм, а действуют наряду с общими нормами. Тогда как нормы-изъятия направлены на отмену общих норм и заменяют своим действием нормы общего права. С данной точкой зрения следует согласиться и нам [14, с. 171].

В науке трудового права неоднократно высказывалось мнение, что помимо общепризнанных норм-изъятий и норм-дополнений, дифференциация проявляется также в виде норм-альтернатив [8, с. 48; 34, с. 65].

Такая позиция была подвергнута справедливой критике на основании того, что введение данных норм практически означает замену общепризнанных норм-приспособлений нормами-альтернативами, в чем нет необходимости.

Новое подтверждение справедливости этой критики дает принятие Трудового кодекса, в котором, в отличие от КЗоТ, содержится большее количество диспозитивных, а не императивных норм. Очевидно, что признание той или иной нормы нормой-альтернативой будет только одной из дополнительных характеристик этой специальной нормы (в данном случае диспозитивной), но сама она останется либо нормой – изъятием, либо нормой – дополнением [39, р. 110-112].

Резюмируя вышеизложенное, следует согласиться с А. М. Лушниковым, который предлагает считать, что дифференциацию, трудовых прав работников отличают следующие основные характеристики:

1) участниками дифференциаций трудовых прав являются органы принимающие нормативные акты или социальные партнеры принимающие коллективные соглашения и договоры;

2) выделяют «положительную» и «отрицательную» дифференциацию. Положительная направлена на увеличение трудовых гарантий работников, тогда как отрицательная влечет за собой уменьшения уровня трудовых гарантий и ограничение прав работников, которые устанавливаются только ТК РФ или в порядке, предусмотренном ТК РФ.

3) в качестве оснований дифференциаций выступают объективно – субъективные признаки трудовой деятельности работника.

4) дифференциация реализуется путем принятия норм-изъятий или норм-дополнений, которые имеют приоритетное действие перед общими нормами.

4) посредством дифференциаций осуществляется единое правовое регулирование и обеспечивается равенство трудовых прав работников.

5) общими границами дифференциации являются, в первую очередь, принципы трудового права как отрасли.

По общему правилу, дифференциация не должна приводить к дискриминации работников в трудовых отношениях.

При признании наличия дифференциации в сфере труда проблема дискриминации десятилетиями или замалчивалась, или считалась

чем-то экзотическим, никак не свойственным советско-российскому обществу. Однако сегодня возникает необходимость в четком разделении дифференциации и дискриминации. Возможно ли вообще рассмотрение этих аспектов правового регулирования трудовых отношений в связи друг с другом применительно к спортсменам и тренерам? [17, с. 48].

Олимпийская хартия провозгласила принцип не дискриминаций и определила, что дискриминацией является любая форма ущемления прав страны или лица по расовому, религиозному, национальному, половому признаку или по другим мотивам [2].

Международная конвенция против апартеида в спорте, так же провозгласила принцип не дискриминации, по всем мотивам, называемый еще «олимпийским принципом» [1].

Против дискриминаций в спортивном движении так же выступила Парламентская Ассамблея ЕС, которая была зафиксирована в резолюции «О недопущении дискриминации по отношению женщинам в спорте» (1996) [3].

Одним из фундаментальных принципов трудового права выступает принцип запрета дискриминаций в сфере труда. Данный принцип прямо закреплен в ст. 8 ТК РМ, который запрещает прямую или косвенную дискриминацию работников по признаку пола, расы, языка, цвета кожи, вероисповедания, политических убеждений, социального происхождения, наличия физических, умственных или психических отклонений и т.п. Также не будет считаться дискриминацией установленные конкретные требования для работника обусловленные спецификой труда или предусмотренных законодательством [31, с. 25-30].

Трудовой кодекс РМ, с одной стороны, провозглашает принцип не дискриминаций (ст. 8), с другой стороны, разрешает дискриминацию путем дифференциации, которая проявляется в Разделе X «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников». В связи с этим в рамках отрасли трудового права актуальным является проблема разделения понятий дифференциация и дискриминация трудовых прав работников.

Дифференциация с учетом субъективных и объективных характеристик труда не долж-

на превращаться в свою противоположность – дискриминацию [20, с. 53-66].

Понятие «дискриминация» тесно связано с понятием «равноправие», «правовое равенство».

Г. В. Мальцев выделяет, что «правовое равенство» как особая научная категория бывает двух основных видов равенства в правовом формальное равенство, то есть равенство всех перед законом, и равноправие, другими словами совокупность прав, свобод и обязанностей, единых для всех граждан государства, закрепленные в Конституций и законодательстве. В другом смысле равноправие предполагает возможность реализации механизма «формального права» [21, с. 120-123].

Также подходит к этому вопросу В. А. Лебедев, который разграничивает два понятия юридического и правового равенства. По его мнению, указанные категории имеют общие черты, так как направлены на обеспечение равенства, но и имеют отличительные черты. В юридическом смысле равенство осуществляется формальное равенство прав и свобод граждан, а правовое предусматривает равенство в формальном смысле, а так же обеспечивает реальное равноправие [19, с. 215-216].

Реализация принципа равенства и дифференциация на практике не всегда возможна без нарушения принципа не дискриминаций.

Одним из примеров дискриминаций в области спорта может послужить следующий случай, так теннисистке из Израиля Пеер Шахар было отказано в выдаче визы для въезда в Дубай, и в результате этого она вынуждена была пропустить международный турнир по теннису. Совет директоров WTA, изучив данный случай, пришел к выводу, что имело место дискриминации спортсменки, а организаторы турнира были оштрафованы за не принятие мер по недопущению дискриминаций, и обязал организаторов предоставить спортсменке место для участия в следующем году в турнире независимо от ее рейтинга путем прямой квалификации.

Вышеуказанный случай не является единственным, поскольку в мировом спорте не решена проблема допуска спортсменов для участия

в соревнованиях в силу визовых и миграционных политик государств.

Представляет интерес прецедент, который произошел с южноафриканским легкоатлетом Писториусом Оскаром, которые изъявил желания участвовать на Олимпийских играх с протезами обоих ног вместе со здоровыми атлетами, однако ему федерацией было отказано, в силу того, что протезы дают ему преимущество. Однако Спортивный арбитраж в Лозанне (CAS), рассмотрев данное дело, принял решение, что Оскар имеет право участвовать на любых соревнованиях наравне со здоровыми атлетами.

Можно задаться вопросом о справедливости и объективности такого решения. Однако формально можно не допустить к участию в соревнованиях по данному основанию, но следует также помнить, что имеется и объективная необходимость, поскольку спорт для всех, для мужчин и женщин, для инвалидов, для детей и взрослых [18, с. 354].

Приведем еще один пример: Один из немецких спортсменов Штопель пытался требовать снятия запрета на участие в состязаниях по синхронному плаванию, который был наложен Международной федерацией плавания (FINA). Указанный атлет в составе команды стал чемпионом Германии среди молодежи, но участие на международных соревнованиях была ограничена. Возникает вопрос: Какое решение будет принято решением Спортивным арбитражным судом и получит ли он разрешение на участие в международных состязаниях?

Следует отличать дифференциацию от индивидуализаций прав трудящихся. Некоторые авторы эти понятия объединяют в единое, и индивидуализация выступает как способ проявления дифференциации.

Однако, следует согласиться с А. М. Лушниковым в том, что эти понятия по своему содержанию являются разными. Во-первых, индивидуализация имеет место на договорном уровне и применяется к конкретному работнику, тогда как дифференциация имеет более широкое применение и носит нормативный характер, и распространяется на отдельные категории работников (спортсмены, работники культуры, женщины, руководители и т.д.).

Во-вторых, индивидуализация в отличие от дифференциаций не направлена на уменьшение или ограничение трудовых гарантий работников, установленные нормативными и коллективными актами. Таким образом, при регулировании трудовых правоотношений индивидуализация и дифференциация занимают самостоятельные места, так как дифференциация регулирует трудовые отношения на нормативно – правовом уровне, а индивидуализация является способом реализаций права.

Особенности правового статуса спортсменов и тренеров заключаются в том, что труд данных работников должен регламентироваться с учетом норм спортивного законодательства и потребностей спортивных организаций, осуществляющих деятельность в сфере спорта.

В целях настоящего исследования рассмотрим и перечислим основные особенности правового регулирования труда спортсменов и тренеров, рассматриваемые как субъектная дифференциация.

1. Труд спортсменов и тренеров в большей степени регулируется локальными правовыми актами, которые принимаются спортивными клубами (работодателями) с учетом правил, принятых национальными спортивными федерациями по отдельным видам спорта.

2. Особенности правового регулирования режима труда и отдыха спортсменов и тренеров, а также порядка оплаты труда устанавливаются коллективными и локально-правовыми актами.

3. Законодательством не установлены ограничения для спортсменов и тренеров на работу по совместительству.

4. Спортивные федерации наравне с работодателями осуществляют контроль за деятельностью спортсменов и тренеров, а в случае нарушения законодательства и регламентов вправе применять к ним спортивные санкции.

5. ТК РФ не предусматривает дополнительные основания для расторжения трудового договора со спортсменом и тренером.

Существенной отличительной чертой правового регулирования трудовых отношений спортсменов, тренеров следует считать то, что трудовое законодательство дает право

устанавливать особенности режима труда и отдыха, привлекая их к сверхурочным работам, в выходные и нерабочие праздничные дни, особенности оплаты труда и др. в коллективно-локальных актах.

Вывод: Учитывая вышеизложенные особенности, работодатель обязан соблюдать общие требования, касающиеся продолжительности рабочей недели, которая не должна превышать 40 часов в неделю, а в отношении спортсменов-работников в возрасте до 18 лет, не должна превышать установленной в ч. (2) ст. 96 ТК РФ.

На данный момент, чтобы не вылезать за рамки установленных ограничений, достаточным являются уже закрепленные в трудовом кодексе общие способы дифференциации. Так согласно ст. 99 ТК РФ, суммирование рабочего времени позволяет производить чередование тренировки высокой интенсивности с периодами отдыха. В соответствии с ч. (9) ст. 100 ТК РФ, возможно разделение рабочего дня на определенные части, например, чередование утренних и вечерних тренировок. Было бы целесообразно установить ненормированный рабочий день, что снимет проблему о необходимости продления рабочего времени в случае обоснованных увеличений времени при проведении соревнований.

Думается, что ранее была высказана точка зрения о категорическом отсутствии возможности правового регулирования рабочего времени спортсменов способами, предусмотренными в трудовом законодательстве, в первую очередь, связано с отсутствием правовой базы, изданной спортивными организациями, поскольку они не издавали соответствующих локальных нормативных актов направленных на регулирование рабочего времени спортсменов, но, а также вообще, не учитывали рабочее время спортсменов.

Предложения: Было бы правильно устранить все пробелы и привести возникшую практику в соответствие с новшествами, но для этого необходимо будет длительное время и приложение больших усилий, но все эти изменения будут направлены на полное и все стороннее правовое регулирование труда спортсменов и тренеров с учетом специфики

спорта без нарушения единства регулирования трудовых правоотношений.

Действующее трудовое законодательство закрепило нормы регламентирующие порядок прекращения (расторжения) трудовых отношений по обоюдному согласию сторон, и в связи с этим ограничил в этой части права, как работника, так и работодателя [44, р. 125].

По общему правилу согласно ст. 85 ТК РФ, работник вправе подать в отставку по собственному желанию, с обязанностью письменно уведомить за две недели до предстоящей отставки своего работодателя, тогда как работодатель вправе уволить работника только при наличии оснований, указанных в законе (ст. 86 ТК РФ), при строгом соблюдении установленной процедуры [40, р. 190].

Отмечаем, что для отдельных категорий работников предусмотрен иной порядок расторжения трудового договора. Так, например, согласно ст. 265 ТК РФ, руководитель предприятия подает в отставку путем письменного уведомления работодателя за один месяц до предстоящей отставки [37, с.32-34].

Для педагогических работников введены дополнительные основания увольнения, в том числе и по инициативе работодателя (ст.301 ТК РФ) [32, с. 39].

Следует особо отметить, что ТК РФ не закрепил законодательно отдельные дополнительные основания для прекращения трудовых отношений со спортсменами и тренерами, а так же отсутствуют сроки, необходимые для предварительного уведомления, о предстоящей отставке, поэтому при отставке спортсмены и тренера должны уведомлять работодателя о предстоящей отставке по общим основаниям согласно ст. 85 ТК РФ.

Киселев И.Я. предложил сделать более гибкое регулирование трудовых отношений в силу наличия в западной литературе такого мнения, как необходимость и потребность развития современных рыночных отношений. Он так же высказал мнение, что от гибкости такого регулирования в большей степени будет зависеть развития трудового права как социально-правового института для современного общества [16, с. 67-68].

В то же время, усиление гибкости правового регулирования труда настоятельно требуется и в других сферах деятельности. Так, в последнее время стали широко известны случаи подмены трудовых отношений гражданско-правовыми в организациях, связанных с телевидением. Есть информация о том, что успешно бытовавшая ранее в спорте практика оформления работника (спортсмена) в качестве индивидуального предпринимателя с последующим заключением с ним договора оказания услуг сейчас широко применяется компаниями, занятыми производством кино и телефильмов.

По всей видимости, существующую степень гибкости регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников следует признать недостаточной. Конечно, нельзя допустить полного регулирования трудовых отношений, но необходимо искать компромиссы, позволяющие сочетать гибкость и сохранение основных трудовых прав работника [16, с.71].

Можно было бы в будущем дополнить трудовое законодательство такой санкцией, как обязанность работника оплачивать работодателю определенную денежную сумму, и распространить данную обязанность и на других работников, имеющих определенное влияние и играющих важную роль в экономической деятельности работодателя. А в случае отсутствия такой нормы такие правоотношения перестанут быть трудовыми.

Характерную черту трудового правоотношения составляет дисциплина труда и ответственность.

Под дисциплиной труда понимается система норм, направленных на регулирование должного поведения работников, входящих в штат предприятия или организаций, труд которых основан на коллективной кооперации [10, с. 126].

Следует подчеркнуть, что труд спортсменов и тренеров, подпадающий под юрисдикцию трудового права, привлекается соответственно к ответственности, предусмотренной нормами трудового законодательства, которая может быть дисциплинарной и материальной.

Так же, кроме вышеуказанных ответственностей, спортсмены и тренера за нарушение трудового законодательства могут быть привлечены к ответственности за правонарушения, к уголовной и спортивной ответственности.

Власов А. А. обоснованно отметил, что «между нарушением правил игры, грубой игрой, правонарушением и уголовным деянием отсутствуют четкие границы» [11, с. 14]. В связи с этим, ряд ученых предложил ввести еще один вид ответственности – спортивную ответственность [6, с. 50].

Спортивная ответственность, в свою очередь, может быть двух основных видов: 1) соревновательная; 2) спортивно-дисциплинарная. Данные виды ответственности как специфические устанавливаются и применяются на основании принятых спортивными федерациями регламентов и положений. Однако такое деление спортивной ответственности является условным. Поэтому исследуем данные виды ответственности более подробно.

Дж. К. Брайттон провел исследование природы «нарушения правил» и пришел к мнению, что с точки зрения психологии и социологии нарушение правил в спорте является нормальным и предвиденным явлением, поскольку нарушение правил является неотделимой частью любого спортивного соревнования и диктуется особенностями стратегий различных видов спорта. [9, с. 120]. Так, чтоб избежать атакующих действий соперника, спортсмен может покинуть пределы спортивной площадки, то есть осознавать, что нарушает запрет на выход за пределы площадки, которые прямо предусмотрены в правилах отдельных видов спорта [25, с. 17].

Вывод: В результате проведенного анализа спортивных санкций, установленных в регламентах и правилах, принятых спортивными федерациями по различным видам спорта, то можно отметить, что чаще всего в большинстве случаев санкции и наказания, применяемые к спортсмену, нарушившему правила, имеют целью поставить его или его команду в менее выгодное положение, чем его соперника,

и предоставляют тем самым его сопернику более выгодные условия.

Применять такие виды санкций целесообразно исключительно в рамках спортивных состязаний, поэтому такого рода ответственность будет называться соревновательной или состязательной.

К другой разновидности спортивной ответственности – спортивно-дисциплинарной – относится, прежде всего, спортивная дисквалификация.

Отмечая механизм реализации спортивных санкций, следует отметить, что он в каждом спорте практически одинаковый. Так, международная спортивная организация по соответствующему виду спорта принимает и утверждает определенные правила, регламенты, кодексы, которые и в конечном итоге ложатся в основу национальных дисциплинарных кодексов.

Подводя итог всему сказанному, можно отметить, что в законодательстве Республики Молдова отсутствуют правовые нормы, которые давали бы возможность международным спортивным организациям применять к спортсменам и тренерам спортивные санкции, а именно спортивную дисквалификацию.

Литература

1. Международная конвенция против апартеида в спорте (Нью-Йорк, 16 мая 1986 г.). В: Ведомости Верховного Совета СССР от 25 мая 1988 г. №21 ст. 331.

2. Олимпийская хартия Международного Олимпийского Комитета (в действии с 1 сентября 2004 года). Она-лайн: www.olympic.ru (посещен 15.07.2016)

3. Резолюция 1092 (1996) о недопущении дискриминации женщин в спорте и, особенно в участии в Олимпийских Играх. Он-лайн: <http://assembly.coe.int> (посещен 15.07.2016)

4. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948.

5. Александров Н. Г. Советское трудовое право. М.: Госюриздат, 1954.

6. Амиров И. М. Юридическая ответственность в сфере спорта (вопросы теории и практики): учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2006.

7. Астраханцева Е. В. Некоторые особенности правового регулирования труда и социального обеспечения работников здравоохранения: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 2008.

8. Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права. В: Советское государство и право. М.: Наука, 1971, № 10.

9. Брайент Дж. К. Психология в современном спорте. М., 1978.

10. Бугров Л. Ю. Трудовое право и спорт. В: Спортивное право: перспективы развития: Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Пермь, 1992.

11. Власов А. А. Чрезвычайные происшествия и несчастные случаи в спорте. М.: Советский спорт, 2001.

12. Головина С. Ю. Основания и пределы дифференциации в трудовом праве. В: Российское трудовое право на рубеже тысячелетий. Ч. 1. СПб., 2001.

13. Головина С. Ю. Правовое регулирование труда отдельных категорий работников. М., 2003.

14. Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право: вопросы теории / Отв. ред.: Иванов С.А. М.: Наука, 1978.

15. Капша Т. М. Нормирование труда в Республике Молдова: социально – правовые аспекты. В: Сборник научных статей и тезисов Международной экономической научной конференции «A new view on the economy – the trend of innovative development» Венгрия, Будапешт, 2014.

16. Киселев И. Я. Новый облик трудового права стран Запада (прорыв в постиндустриальное общество). М. 2003.

17. Куренной А.М. Дифференциация или дискриминация? В: Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда и социального обеспечения: Материалы Пятой Международной научно-практической конференции / под ред. К. Н. Гусова. М.: 2009.

18. Курс российского трудового права. СПб., 1996. Т.1.

19. Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и

гражданина (теория и практика современности). М., 2005.

20. Лушников А. М., Лушникова М.В. Социальное равенство, дифференциация и запрет дискриминации в зеркале трудового права. В: Правовое регулирование труда в современной России: общие положения, отраслевые институты, эффективность реализации права. Сб. Саратов, 2007.

21. Мальцева Г. В. Проблемы юридического равенства в сфере буржуазной идеологии. В: Проблемы государства и права в современной идеологической борьбе. М., 1983.

22. Пушников А. М. Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда. В: Проблемы дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере труда и социального обеспечения: Материалы 5-й Международной научно-практической конференции / под ред. К.Н. Гусова. М., 2009.

23. Рабинович-Захарин С. Л. Единство и дифференциация советского трудового права. Дисс. канд.юрид. наук. М., 1947.

24. Рожников Л. В Трудовые договоры специальных субъектов трудового права. Дисс. канд. юрид. наук. М., 1999.

25. Рукопашный бой: Правила соревнования. М., 2003.

26. Скачкова Г. С. Расширение сферы действия трудового права и дифференциации его норм. М., 2003.

27. Словарь по трудовому праву / Отв. ред. Ю.П.Орловский. М.: БЕК, 1998.

28. Снигирева И. О. К вопросу об отраслевой дифференциации советского трудового законодательства//Советское государство и право. М.: Наука, 1964. № 11.

29. Сосна Б. Особенности регулирования трудовых правоотношений отдельных категорий работников. (Конспект лекции.) Кишинев 1999.

30. Сосна Б., Онофрей А., Баурчулу А., Горелко Н., Захария С. Правовое и экономическое регулирование рынка труда. Научно-практическое пособие. Комрат, 2004.

31. Сосна Б., Решетникова А., Ротару И. Право на труд и его судебная защита. В: Социальное и пенсионное право. 2008. № 3.

32. Сосна Б., Босый Д. О некоторых проблемах, возникающих при применении законодательства, регулирующего прекращение индивидуальных трудовых договоров с педагогическими работниками. В: Закон и жизнь. 2012. №9.

33. Толкунова В.Н. Дифференциация правового регулирования женского труда. В: Сов. Государство и право. 1968. №11.

34. Трудовое право России: проблемы теории. Отв. ред. С. Ю. Головина, Екатеринбург, 2006. С. 65 (автор главы Ф. Б. Штивельберг).

35. Трудовое право: Энциклопедический словарь. 4-е изд. / гл. ред. Иванов С. А. М.: Советская энциклопедия, 1979.

36. Трудовое право России: проблемы теории. Отв. ред. С.Ю.Головина. Екатеринбург, 2006.

37. Тудор Капша. Труд руководителя – собственника: социально – правовые аспекты. В: Contabilitate și audit 2013. № 7.

38. Штивельберг Ф. Б. Основания и пределы дифференциации трудового права России: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

39. Belu C. Dreptul muncii. Craiova: Editura Universitaria, 2012.

40. Codul muncii comentat si adnotat cu legislatie, doctrina si jurisprudenta, vol. II. Coord. Alexandru Ticlea. Bucuresti: Universul Juridic, 2008.

41. Comentariu științifico-practic la Codul muncii al Republicii Moldova (cu toate modificările și completările operate la 01.03.2014) / Capșa Tudor, red. șt. Sosna B., Airapetean A. Chișinău: Universitatea de Studii Europene din Moldova, 2014.

42. Sosna Boris, Capșa Tudor ș.a .Dreptul muncii: Întrebări și răspunsuri. Manual practice. Chișinău, 2013.

43. Ștefănescu I. Dreptul muncii. Ediția II. București: Lumina Lex, 2002.

44. Tudor Capșa. Comentariul la Codul muncii al Republicii Moldova. В: Кадры и заработная плата. 2013. № 10.

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ПРАВООЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Вердиян Григорий Вачаганович - кандидат юридических наук, доцент
Российской правовой академии Министерства юстиции России**

Статья посвящена изучению места и роли принципа добросовестности в современном гражданском праве. Данное понятие исследуется в связи с рассмотрением отдельных гражданских правоотношений. Существует ряд гражданских правоотношений, где значение добросовестности не исследовалось должным образом, например в обязательствах, вследствие неосновательного обогащения или в отношениях по признанию сделок недействительными. В статье делается вывод о том, что в российском гражданском законодательстве есть нормы, где законодатель специально указывает на ничтожность условий договора, противоречащих принципу добросовестности. Как правило, речь идет о тех сделках, где наиболее высока вероятность ущемления интересов одной из сторон.

Ключевые слова: добросовестность, принцип гражданского права, справедливость, разумность, Гражданский кодекс, добросовестный приобретатель, владение, собственность.

Articolul analizează locul și rolul principiului bunei-credințe în dreptul civil modern. Acest concept este investigat în legătură cu luarea în considerare a relațiilor civile individuale. Există o serie de raporturi juridice civile, în cazul cărora principiul de bună-credință nu a fost investigat în mod corespunzător, cum ar fi obligațiile ca urmare a îmbogățirii fără justă cauză sau în ceea ce privește recunoașterea tranzacțiilor nule. Articolul concluzionează că, în dreptul civil rus sunt norme juridice, în care legiuitorul indică în mod intenționat nulitatea clauzelor contractuale, contrar principiului bunei-credințe. De regulă, este vorba despre acele tranzacții, în care cel mai probabil poate fi adus prejudiciu intereselor uneia dintre părți.

Cuvinte cheie: bună-credință, principiu de drept civil, echitate, rezonabilitate, Codul civil, cumpărător de bună-credință, posesie, proprietate.

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), содержащие понятие добросовестности либо недобросовестности, как оценочные категории являются вспомогательными по отношению к нормам, предусматривающим ответственность лица за наступившие последствия (применить там, где мы ссылаемся на автора, называющего указанные нормы зонтичными).

Как представляется, пределы применения указанной оценочной категории в гражданском праве и законодательстве России напрямую зависят от наступивших послед-

ствий, поскольку не всякое недобросовестное поведение субъекта отношений является следствием ненаступления ожидаемых последствий, установленных договором или законом. Судебной защите подлежат лишь те права, которые не наступили либо наступили вопреки условиям договора или установленных законом правил и существенно отличаются от тех, на наступление которых рассчитывала сторона, и что не последовало в результате недобросовестного поведения (злоупотребления правом) субъекта отношений. Отдельно следует остановиться на всту-

пившем в силу 1 марта 2013 г. Федеральном законе от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который ввел в текст ГК РФ понятие принципа добросовестности, чего не было ранее. Согласно данному Закону ключевая для понимания правовой природы и содержания понятия «добросовестность» статья 10 ГК РФ была изложена в новой редакции.

В науке гражданского права и комбинационный подход подвергается критике. Так, по мнению М.А. Григорьевой, «содержание субъективного гражданского права не может включать в себя возможность распоряжения поведением обязанного лица, а только возможность свободы поведения самого управомоченного субъекта». В современной юридической литературе суть возражений в отношении этого подхода сводится к тому, что «смысл и ценность абсолютного права заключены не в том, что кто-то другой обязан что-то сделать (или не сделать), а в том, что управомоченный субъект вправе сам осуществлять такие действия, которые никто, кроме него, не может реализовать», а в относительном правоотношении в большинстве случаев нельзя сказать, что «наряду с возможностью требовать от обязанного лица каких-то действий управомоченное лицо обладает возможностью самостоятельно осуществить свое право». Думается, изложенная критика недостаточно аргументирована и обедняет содержание субъективного гражданского права, не учитывает его многогранности в рамках существующего правоотношения (абсолютного или относительного). Следуя этой критике, придется признать, что в абсолютном правоотношении управомоченное лицо будет обладать правом, которое третьи лица могут не учитывать в своем поведении, а в относительном правоотношении управомоченное лицо никак не может быть активным. Такое положение дел противоречит самой практике правоосуществления.

Вместе с тем в науке не всеми учеными разделяется мнение о возможности включения в содержание субъективного права правомочия на защиту этого права. Критические

замечания основаны на том, что, во-первых, «правомочие на защиту субъективного права не может входить внутрь самого же, защищаемого при его посредстве, субъективного права (поскольку возможность защиты имеет своим предметом все субъективное право в целом, такая возможность не может существовать, будучи частью этого же целого». Во-вторых, это не позволяет разграничить правоотношения на регулятивные и охранительные и приведет к необоснованному выводу о том, что возможность защиты всякого субъективного права принадлежит управомоченному еще до нарушения этого права. В-третьих, «возможность защиты субъективного права возникает одновременно и из одного с ним основания», что означает безжизненность правомочия на защиту до правонарушения¹. В-четвертых, «началом течения исковой давности следует признать момент возникновения субъективного права, а не момент его нарушения», что противоречит содержанию института исковой давности. В-пятых, возможность защиты права не может принадлежать лицу иному, чем то, которому принадлежит право, что противоречит существу охранительных правоотношений².

В современном гражданском праве понятие добросовестности исследуется, как правило, в связи с рассмотрением отдельных гражданских правоотношений. Такое многообразие проявления категории добросовестности, по мнению Т.Ю. Дроздовой, требует систематизации знаний о ней, а также определения практического значения данной категории в гражданских правоотношениях³.

Отраслевую реализацию принципа добросовестности в гражданском праве России невозможно анализировать без уяснения этого понятия в механизме гражданско-правового регулирования. Роль принципа добросовест-

¹ См.: Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдем? // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4.

² См.: Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12(40).

³ См.: Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Дисс...канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.

ности, на наш взгляд, может быть уяснена из буквального толкования ст. 6 ГК РФ, согласно которой требования добросовестности, разумности и справедливости не относятся (выделено нами. – Г.В.) к общим началам и смыслу гражданского законодательства. При этом необходимо заметить, что в теории аналогия права традиционно основывается на правовых принципах⁴.

В соответствии с п. 2 ст. 1102 ГК отношения вследствие неосновательного обогащения возникают между сторонами вне зависимости от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. Это означает, что при рассмотрении спора о взыскании неосновательного обогащения суды не должны учитывать, в частности, наличие вины обогатившегося лица (т.е. в его действиях при приобретении имущества отсутствовала та степень заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по условиям оборота) или же виновность (например, в форме неосторожности) в действиях потерпевшего. Например, по одному из дел истец предъявил к ответчику требование о взыскании неосновательного обогащения. Истец указал, что во исполнение договора поставки, заключенного между ним и ответчиком, им были перечислены денежные средства, составляющие сумму предварительной платы по договору. Указанный платеж был совершен по ошибочным реквизитам, а именно денежные средства были перечислены на иной расчетный счет ответчика, чем тот, который был указан в договоре. Повторным платежом истец перечислил ответчику денежные средства на счет, указанный в договоре. Впоследствии у банка, в котором был открыт счет, на который истец ошибочно перечислил денежные средства, была отозвана лицензия на право осуществления банковских операций и в отношении него было возбуждено дело о несостоятельности⁵.

⁴ См.: Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. – С. 7.

⁵ См.: Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12(40).

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, указав, что в данном деле ответчик не приобрел имущество в пользование, так как остаток по расчетному счету в банке-банкроте им снят не был. Апелляционный суд оставил решение суда в силе, указав, что в действиях ответчика отсутствует вина, ошибочное перечисление денежных средств произошло по вине самого истца. Окружной суд отменил состоявшиеся по делу судебные акты и удовлетворил иск, указав, что в силу п. 2 ст. 1102 ГК характеристика действий лиц, являющихся участниками спора о неосновательном обогащении, не имеет правового значения. Кроме того, ответчик является единственным лицом, имеющим право требования от банка возврата ошибочно уплаченной денежной суммы в рамках конкурсного производства (см. постановление ФАС МО от 20.09.2005-Н КГ-А40/8704-05).

В другом деле тот же окружной суд дал более подробное толкование п. 2 ст. 1102 ГК, указав, что указанная норма права устанавливает обязанность возвратить неосновательно приобретенное имущество независимо от вины потерпевшего, приобретателя либо третьих лиц (см. постановление ФАС МО от 18.09.2005 N КГ-А40/7365-05).

Еще в одном деле истец обратился в суд с иском о взыскании с государственного органа неосновательно полученной арендной платы по договору аренды земельного участка. Истец указал, что он являлся арендатором земельного участка, на котором были расположены несколько зданий, принадлежащих ему на праве собственности. В отношении одного из объектов им заключен договор купли-продажи, по которому право собственности на здание, а также право пользования земельным участком под зданием перешло к третьему лицу. Однако границы земельного участка, являвшегося предметом договора аренды, заключенного с ответчиком, изменены не были, арендная плата вносилась истцом в прежнем размере. Ответчик возражал против удовлетворения иска, указывая, что изменения границ участка не произошло по вине самого истца, так как им не была предоставлена информация об отчуждении здания, располо-

женного на арендуемом им земельном участке. Суд удовлетворил исковые требования, отметив, что возражения ответчика не основаны на нормах гл. 60 ГК, так как в соответствии с п. 2 ст. 1102 ГК наличие или отсутствие вины в действиях потерпевшего не имеет правового значения (см. постановление ФАС СЗО от 14.07.2005 N А56-7160/04)⁶.

В другом споре государственный орган требовал уплаты с ответчика неосновательно сбереженных денежных средств, составляющих плату за пользование земельным участком без надлежащим образом оформленного договора аренды. Ответчик, возражая против иска, указывал, что договор аренды не был заключен по вине государственного органа. Суд иск удовлетворил со ссылкой на п. 2 ст. 1102 ГК, указав, что вопрос вины в данном деле обсуждаться не должен (см. постановление ФАС СКО от 17.01.2005 N Ф08-6024/04). Аналогичного подхода придерживаются и другие окружные суды (см. постановления ФАС ВВО от 15.11.2001 N А11-2793/2001-К1-11/168, ФАС ЦО от 04.02.2003 N А62-159/00).

Из содержания п. 2 ст. 1192 ГК можно также сделать вывод о том, что при применении норм гл. 60 ГК не должна приниматься во внимание добросовестность участников правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения. Однако изучение судебных актов по вопросу о возможности применения понятия «добросовестность» в делах о взыскании неосновательного обогащения свидетельствует об обратном. В некоторых случаях суды отказываются удовлетворять исковые требования о взыскании неосновательного обогащения, ссылаясь на недобросовестное поведение истца. Например, по одному из дел истец предъявил требование о взыскании неосновательно сбереженной платы за пользование имуществом. Суд установил, что истец является собственником недвижимого имущества, которым пользуется ответчик. Между сторонами был заключен

договор аренды указанного имущества, однако он не был зарегистрирован в установленном законом порядке. Истец настаивал на том, что, пользуясь имуществом без должного правового основания и не внося плату за пользование, ответчик неосновательно сберег денежные средства за его, истца, счет.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен. Постановлением апелляционного суда решение отменено, в удовлетворении иска отказано. Суд указал, что истец имеет все документы, необходимые для государственной регистрации договора аренды, однако он не предпринял каких-либо действий по его регистрации. Суд счел такое поведение недобросовестным. Постановлением окружного суда апелляционное постановление было оставлено без изменения (см. постановление ФАС ЦО от 11.10.2006 N А08-5291/05-10).

В еще одном деле суд отказал во взыскании убытков, причиненных изменением стоимости имущества, составившего неосновательное обогащение, которое было невозможно возвратить в натуре по следующей причине: ответчик исполнил обязанность по возврату стоимости имущества, составляющего неосновательное обогащение, в непродолжительный срок с момента обнаружения факта обогащения. Суд признал такое поведение добросовестным, и это послужило основанием для отказа в иске (см. постановление ФАС СКО от 09.01.2007- N Ф08-6745/06).

Подобная практика также является неверной по причинам, которые были изложены нами выше. Существует еще один случай, когда суды при рассмотрении споров о взыскании неосновательного обогащения принимают во внимание добросовестность поведения участников соответствующих правоотношений. Это ситуация, когда истец возражает против истребования от него неосновательного обогащения в натуре, ссылаясь на то, что он является добросовестным приобретателем спорного имущества. Например, по одному из дел суд рассматривал требование о возврате неосновательно приобретенного цемента. Суд установил, что

⁶ См.: Галушкин А.А. К вопросу о повышении эффективности исполнения судебных решений и обеспечения установленного порядка деятельности судов в Российской Федерации на современном этапе // Правовая инициатива. 2013. № 4.

ответчик приобрел цемент, принадлежащий истцу, у третьего лица по возмездной сделке. При этом было установлено, что сделка, которая являлась основанием для приобретения ответчиком цемента, не признана в установленном порядке недействительной. Суд признал ответчика добросовестным приобретателем цемента и в иске о возврате неосновательного обогащения отказал (см. постановление ФАС ВВО от 14.04.2006-Н А43-26622/2004-28-864).

В данном деле обращают на себя следующие обстоятельства. Во-первых, суд уклонился от рассмотрения вопроса о праве собственности на предмет иска – цемент. Правильным было бы, если бы суд признал, что ответчик приобрел право собственности на цемент (а это, собственно, и есть главное последствие добросовестного приобретения имущества от неуправомоченного отчуждателя), следовательно, право собственности истца на цемент прекратилось и вместе с этим прекратилось и его право на иск о неосновательном обогащении⁷. Таким образом, корректным основанием для отказа в иске было бы не добросовестное приобретение имущества, а возникновение у ответчика права собственности на это имущество⁸. Во-вторых, из текста постановления следует, что цемент был украден у истца. Следовательно, сам по себе факт добросовестного приобретения цемента не мог породить у ответчика права собственности, так как в соответствии со ст. 302 ГК собственник имеет право виндицировать имущество,

утраченное им против его воли, даже от добросовестного приобретателя. Таким образом, сама по себе ссылка на добросовестность при приобретении имущества также не будет иметь самостоятельного значения, так как помимо добросовестности для возникновения у приобретателя права собственности на спорное имущество необходим юридический состав (добросовестность и возмездность приобретения, выбытие вещи из владения собственника не против его воли).

Литература

1. Галушкин А.А. К вопросу о повышении эффективности исполнения судебных решений и обеспечения установленного порядка деятельности судов в Российской Федерации на современном этапе // Правовая инициатива. 2013. № 4.
2. Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12(40).
3. Грудцына Л.Ю. Народ, гражданское общество и Конституция // Государство и право. 2014. № 1.
4. Грудцына Л.Ю. Средний класс как основа формирования и развития гражданского общества // Образование и право. 2010. № 3(7).
5. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве / Дисс...канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004. – С. 31-32.
6. Лагуткин А.В. Россия на распутье: куда пойдём? // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4.
7. Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. С. 7.

⁷ См.: Грудцына Л.Ю. Средний класс как основа формирования и развития гражданского общества // Образование и право. 2010. № 3(7).

⁸ Грудцына Л.Ю. Народ, гражданское общество и Конституция // Государство и право. 2014. № 1.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВООТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мухтасарова Татьяна Радиковна - заместитель руководителя, статс-секретарь Департамента здравоохранения города Москвы (Россия)

В истории цивилизации феномен частной собственности имеет исключительное значение, выражает одну из глобальных тенденций социально-экономического развития. Право собственности появилось в глубокой древности, зародившись вместе с обществом. Выделение же правового института частной собственности историки связывают с периодом Римской республики. Даже позже, в период Средневековья, институт права собственности не получил столь широкого развития в Европе, как в Риме. Последующее Новое время и становление новоевропейской цивилизации уточнили типологию общностей людей, содержание договорных отношений, стандартов и норм общежития. Капиталистический способ производства расставил свои акценты, сформировав социальную структуру общества в соответствии с отношением собственности на средства производства.

Ключевые слова: собственность, право собственности, государство, имущество, вещь, наследство, налогообложение, экономика, владение, пользование, распоряжение.

În istoria civilizației, fenomenul proprietății private are o importanță majoră, exprimă una dintre tendințele globale în dezvoltarea socială și economică. Dreptul de proprietate își are originea din cele mai vechi timpuri, și a apărut odată cu societatea. Conturarea instituției juridice a proprietății private, istoricii o asociază cu perioada Republicii Romane. Chiar și mai târziu, în timpul Evului Mediu, instituția drepturilor de proprietate nu a primit o astfel de dezvoltare largă în Europa, ca în Roma. Ulterioara Noua Eră și formarea civilizației europene a stabilit tipologia comunităților de oameni, conținutul relației contractuale, standardele și normele căminului. Modul de producție capitalist și-a pus accentul formînd structura socială a societății, în conformitate cu raportul de proprietate asupra mijloacelor de producție.

Cuvinte cheie: proprietate, dreptul de proprietate, stat, bunuri, obiect, moștenire, impozitare, economie, posesie, utilizare, dispoziție.

In the history of a civilization the phenomenon of a private property has exclusive value, expresses one of global tendencies of social and economic development. The property right appeared in an extreme antiquity, having arisen together with society. Historians connect allocation of a legal private property institution with the period of the Roman republic. Even later, in the period of the Middle Ages, the institute of the property right has no so broad development in Europe, as in Rome. The subsequent New time and formation of new European civilization specified typology of communities of people, the maintenance of the contractual relations, standards and norms of a hostel. The capitalist way of production placed the accents, having created social structure of society according to the property relation on means of production.

О частной собственности в свое время рассуждали философы самых разных направлений и культур: Г. Гегель, И. Бентам,-

Ж. Сисмонди, Л. Фон Штейн, Дж. Локк, Т. Гоббс,- Ж.-Ж. Руссо, Ф.А. Чан-Кай-Си. Если обратиться к русской филологии, то под собственностью

понималась «собность, собственность, собь, собина, именье и всякая вещь, как личное достояние чье. Право собственности или право собины, безусловного владения чем, навсегда, обладанье» [10]. Законодатель в древнерусском праве стремился отразить не юридическое содержание права собственности, а его продолжительность и возможность передачи по наследству, так как существовали термины «впрок», «на веки» «вечное потомственное владение» и т.д. [8]

В России сам термин «частная собственность» не употреблялся вплоть до конца XVIII в. (правления Екатерины II); данное понятие заменялось определениями «купля», «отчина», «примысел», «приданое» и т.п. Важным событием XVIII в. стал манифест Екатерины II «О свободе промыслов», закрепивший права частной собственности не только на поверхность, но и на недра земли. Право собственности как субъективное право является первым и основным из вещных прав, определяющих отношение человека к вещам и отношения людей по поводу вещей. Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом [6]. Общность людей на основе договорного начала, единые стандарты и нормы поведения обусловили новое качество общества, принципиально отличного от античного. Последующее Новое время и становление новоевропейской цивилизации уточнили типологию общностей людей, содержание договорных отношений, стандартов и норм общежития. Капиталистический способ производства расставил свои акценты, сформировав социальную структуру общества в соответствии с отношением собственности на средства производства.

Частная собственность на средства производства определяет роль каждой малой или большой социальной группы в организации общественного производства, определяет меру обмена, распределения и потребления произведенного продукта. В конечном итоге, частная собственность на средства производства определяет место этих социальных групп в исторически сложившейся системе общества. Поскольку экономические отношения, связанные с господством частной собственности на средства производства, нуждаются в закреплении и ос-

вящении через политику и право, мораль и религию, то наряду с процессом самоорганизации эмансипированного гражданина складывается механизм оформления нового статуса государства как института бюрократии. Функция защиты внешних границ и обеспечения территориальной целостности дополняются функцией регламентации жизни общества. Что касается процесса самоорганизации людей, то он изначально ориентирован на «становление и развитие сообщества вольных людей» [12], связанных материальными интересами.

С учетом «слабости юридических традиций и чувства права в России» [16] представляется необходимым начать исследование становления правоотношений и права собственности не с правового, а с философско-нравственного (во многом – религиозного) аспекта. О собственности и зависимости от нее человека говорится еще в Евангелие от Луки: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» [11]. Под сокровищем понималось какое-либо имущество, принадлежащее человеку (на которое оно имел право собственности, а третьи лица не могли претендовать); в каком месте (доме, городе) будет находиться эта собственность, о том месте и будет думать человек (все ли нормально с его имуществом, не посягнул ли кто на него и т.д.). Право собственности появилось в глубокой древности, зародившись вместе с обществом. Выделение же правового института частной собственности историки связывают с периодом Римской республики. Даже позже, в период Средневековья, институт права собственности не получил столь широкого развития в Европе, как в Риме. Как отмечал А.В. Венедиктов, в течение ряда столетий европейские средневековые государства вообще обходились без специального термина, обозначающего это понятие. Лишь в наиболее развитой в правовом отношении Германии в XIII–XIV вв. появляется соответствующая терминология [1].

Приобретая какую-либо собственность (например, квартиру, участок земли), человек обретает определенную экономическую независимость от окружающих его людей и системы сложившихся общественных отношений, в том числе, он обретает некоторую независимость (которая, особо это отметим, возлагает на него ряд обязанностей) от государства. Если

переложить это на сегодняшний день, то в современной России имеющий дорогостоящую собственность человек вряд ли может рассчитывать и претендовать на социальную помощь и поддержку (льготы и гарантии) со стороны государства, ведь согласно ст. 7 Конституции РФ «достойную жизнь» он себе уже обеспечил, освободив от этого свое государство.

Поскольку экономическое отчуждение приводит к политическому, то индивид в ипостаси подданного оказывается отчужденным от власти бюрократии. Однако индивид в ипостаси гражданина стремится не только защитить, но и расширить пространство своей частной жизни, завладеть собственностью, компенсировать свою политическую зависимость через свою включенность в структурно организованные по интересам большие или малые социальные группы (с учетом гражданства индивида) [5], а также включенность в экономику путем завладения недвижимым имуществом. Именно таким образом (и в этом – большая роль института собственности) оформлялось гражданское общество как уникальное сообщество собственников цивилизации эпохи модерна с ориентиром на снятие конфликтов цивилизованным способом, апеллируя к взаимному доверию.

Нельзя не согласиться с позицией И.Е. Фарбера и В.А. Ржевского, согласно которой «власть определяется типом собственности, но это одна сторона дела. Политическая власть влияет на собственность. Задача определить тип взаимоотношений политической власти и собственности падает исключительно на конституционное право». В практическом нормативно-правовом регулировании это означает, что содержание этих отношений должно быть определено нормами конституции конкретного государства [18]. Последнюю мысль разделяет и В.С. Основин: «Среди всех многообразных общественных отношений есть одна область, являющаяся исключительно монополией советского государственного права. Это область конституирования основных экономических, политических и организационных принципов, узаконения основных форм устройства Советского социалистического государства» [15]. Касаясь нормативно-правового регулирования института собственности, О.Е. Кутафин отме-

чает, что «конституционное регулирование отношений собственности имеет свою специфику. Она выражается в том, что его главной задачей является юридическое закрепление форм собственности, признаваемых государством». На основании этого суждения ученый делает справедливый вывод, что «именно конституционные нормы призваны решать вопрос о том, какие формы собственности государством признаются и гарантируются» [14].

Согласно Конституции РФ 1993 г., единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Конституция закрепила свободу экономической деятельности, признала частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности. Эти конституционные положения устанавливают новые правовые отношения между органами государственного управления и экономическими структурами [2]. Очевидно, что Конституция РФ, рассчитанная на длительный период действия, не может и не должна закреплять исчерпывающего перечня форм собственности, поскольку с развитием экономической системы страны неизбежно возникает необходимость его дополнения. Смысл конституционного регулирования в условиях рыночной экономики, очевидно, сводится к закреплению плюрализма форм собственности, их равноправия и законодательных гарантий прав собственника. Из сказанного можно сделать вывод, что конституционно-правовое содержание института собственности в современном обществе определяется исторически конкретным типом экономической системы страны, закрепленным ее Основным законом.

В свою очередь, тип экономической системы страны определяется соотношением политических сил в обществе, закрепленным в виде конкретной политической системы, и находится под влиянием социальной структуры общества, которая также фиксируется Основным Законом. Таким образом, право собственности как конституционно-правовой институт может быть определено как гарантированная государством власть собственника над вещью или иными материальными и нематериальными благами (потенциально используемыми в хозяйственных целях), ограниченная законом в той мере, в

которой это соответствует потребностям политической, социальной и экономической систем конкретного государства[9]. Известно, что экономика (в первую очередь, ее государственный сектор) влияет на структуру государственного управления по-разному, в зависимости от той или иной экономической системы. Так, в условиях огосударственной экономики, когда экономические отношения осуществляются, в основном, в рамках государственности, управляются и государственными органами, экономические законы и закономерности слабо учитываются или вовсе игнорируются. Экономические отношения подвергаются государственно-властному принудительному регулированию. Иное назначение государственного управления в условиях рыночной экономики. Оно стремится обеспечить правовое регулирование рыночных отношений, направлено на экономическую и иную поддержку отраслей и предприятий путем предоставления кредитов, снижения налогов и финансовой поддержки. Государственные структуры, основываясь на праве, ведут контроль и не допускают монополизма в экономике, обеспечивают конкуренцию товаропроизводителей и т.д.

В условиях рыночных отношений все более проявляется вторичность права и управления по отношению к законам экономики, когда правовая система закрепляет различные формы собственности на средства производства, и когда производители продукции ориентированы не на «заказ» государства, не на цены, установленные им, а на рынок, рыночные цены, на спрос и предложение. Основными принципами регулирования экономических отношений в условиях формирования экономической основы гражданского общества в России являются: многообразие и равноправие всех форм собственности на землю; свобода труда, предпринимательства и иной не запрещенной законом деятельности; свобода перемещения товаров, услуг и финансовых средств. Эффективное воплощение в жизнь вышеизложенных принципов и реализация социально-экономических прав граждан в сфере экономических отношений зависит: а) от скорейшего выхода страны из экономического кризиса, б) от разумной и предсказуемой экономической политики государства в различных ее областях.

По мнению российских ученых, в частности, А.П. Кочеткова, для формирования новой социальной структуры России важное значение имеет создание «среднего класса» (предприниматели, научно-техническая интеллигенция). Для того, чтобы создать в России «средний класс», должна измениться социально-экономическая система нашего общества, а ее изменению в позитивную сторону способствует возможность (и правовые основания, государственные гарантии ее реализации) иметь в частной собственности имущество. Сейчас в России «средний класс», по оценкам различных специалистов, охватывает 15-20% населения против 60-70% в странах Запада[2].

Но насколько возможно вмешательство государства в экономические отношения, на которых, в частности, базируется и посредством которых реализуется право частной собственности? Каким должно быть это вмешательство? По мнению немецких ученых, экономическая и социальная политика любого государства должна быть прагматическим смещением методов, ибо ни либерально-экономическая доктрина в духе М. Фридмана, ни государственная опека в духе Дж. Кейнса не могут в современных условиях решить ставшие перед обществом проблемы. Однако главная задача общества остается прежней – гарантировать безопасность (в широком смысле) для своих членов, и эту задачу нельзя решить без социального государства и институтов гражданского общества, поскольку рынок всегда есть источник постоянной экономической и социальной напряженности[13]. Например, социально-экономическая система Германии организована на рыночных принципах, но регулируется разносторонним вмешательством государства в экономику. Государство несет ответственность за социальное благосостояние, за развитие и функционирование экономики, за выполнение всех общественных задач, в том числе и тех, которые не могут быть правильно решены рыночной экономикой[4].

Подведем некоторые итоги. Во-первых, поскольку экономическое отчуждение приводит к политическому, постольку индивид, вступающий в экономические отношения (в большинстве случаев, это отношения собственности) и успешно в них адаптирующийся, оказывается

отчужденным от власти бюрократии, а государство перестает быть ему обязанным оказывать (при определенных условиях, в частности, после завладения собственностью – недвижимым имуществом) определенную социальную помощь и поддержку. Экономические отношения, делающие человека относительно независимым от государства, способствуют развитию иных общественных связей, что благотворно сказывается на развитии в стране институтов гражданского общества и правоотношений собственности.

Во-вторых, существует и обратная зависимость между экономикой и собственником, являющимся частью гражданского общества. Будучи вовлеченным в правоотношения собственности (санкционированные государством и контролируемые лишь в определенных пределах уполномоченным государственным органом), человек обретает известную дистанцию от государства, учится самостоятельно мыслить и осознает собственные возможности, в частности, в сфере отстаивания своих интересов (в том числе, в суде [3]), а также в экономической сфере. Свободные рыночные отношения являются своего рода «онтологическим фундаментом», на котором могут быть построены полноценные правоотношения в сфере собственности членов гражданского общества.

В-третьих, без класса частных собственников не было бы полноценных экономических и социальных отношений (и их прогрессивного развития), а отсутствие эффективно развивающейся экономики, свидетельствующее так или иначе о контролирующей роли государства над общественной жизнью, только затрудняло бы появление класса частных собственников и развитие правоотношений собственности в современной России.

Литература

- [1] Венедиктов А.В. Избранные труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2004. – С. 43.
- [2] Влазнев В.Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования / Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 132.
- [3] Галушкин А.А. К вопросу о повышении эффективности исполнения судебных решений

и обеспечения установленного порядка деятельности судов в Российской Федерации на современном этапе // Правовая инициатива. 2013. № 4.

[4] Галушкин А.А. Научная журналистика на современном этапе // Правовая инициатива. 2012. № 1.

[5] Галушкин А.А. Некоторые вопросы деятельности ФМС России: гражданство, иммиграция // Правовая инициатива. 2012. № 5.

[6] Гражданское право. Учебник для вузов. Ч. 1 / Под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгалов, В.А. Плетнева. – М., 2001 г. – С. 58.

[7] Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12(40).

[8] Грудцына Л.Ю. Свобода и гражданское общество // Образование и право. 2011. № 1(17). С. 22-30.

[9] Грудцына Л.Ю. Средний класс как основа формирования и развития гражданского общества // Образование и право. 2010. № 3(7).

[10] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – С. 253.

[11] Евангелие от Луки, 12, 21 – 12, 46.

[12] Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт написания ключевых политических понятий. – М., 1997. – С. 160-169.

[13] Кочетков А.Л. Россия на пороге XXI века. – М., 1988. С. 46-49.

[14] Кутафин О.Е. Конституционные основы общественного строя и политики СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – С. 76.

[15] Основин В.С. О некоторых методологических вопросах реализации конституционных норм / Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. – М.: Издательство ИГиП РАН, 1982. – С. 13-16.

[16] Рене Д., Спинози Р.Ж. Основные правовые системы современности. – М., 1997. – С. 118.

[17] Социальное государство и защита прав человека. – М., 1988. Ч. 1. С. 107.

[18] Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1967. – С. 216.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ КАК ПРЕСТУПНОЕ ДЕЯНИЕ ПРОТИВ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Алиев Сабухи Осман оглу - доктор философии по праву, докторант
Института Философии, социологии и права Национальной Академии Наук
Азербайджана**

Являясь субъектом предпринимательства, банк выступает в роли важного посредника развития экономики, постоянно изменяющегося для адаптации к существующим обстоятельствам и международной среде, и параллельно требующего инноваций в правовой среде. Современный банк осуществляет многогранную деятельность, характеризуется крупным денежным оборотом и создает базу экономического прогресса, финансируя различные сферы экономики.

Борьба с преступлениями, посягающими на денежный и финансовый оборот, экономические отношения, связанные с банковской деятельностью, иными словами, на финансово-кредитную сферу (кредитно-финансовый сектор экономики), является одной из актуальных задач уголовного права. В период, когда банковская деятельность приобрела немалый масштаб внутри страны, и этой сфере уделяется особое внимание, крайне необходимо ведение научных исследований об уголовно-правовых аспектах регулирования данной деятельности и подготовка соответствующих предложений.

В данном контексте представленная статья характеризует изготовление поддельных денег или ценных бумаг как преступное деяние, совершаемое против банковской деятельности, и кратко анализирует уголовно-правовые нормы, предусмотренные Уголовным Кодексом Азербайджанской Республики в отношении данного преступления.

În calitate de subiect antreprenorial, banca acționează ca un mediator important al dezvoltării economice, în continuă schimbare pentru a se adapta la circumstanțele predominante și mediului internațional, și, în același timp, solicitând inovări în mediul juridic. O bancă modernă desfășoară activități multilaterale, se caracterizează printr-un volum de fluxuri monetare și creează o bază pentru progresul economic prin finanțarea diferitor sectoare ale economiei.

Lupta împotriva ilegalităților, care afectează fluxurile financiar – bancare, relațiile economice, legate de activitatea bancară, cu alte cuvinte, sfera financiară și creditară (sectorul financiar-bancar al economiei), este una dintre sarcinile actuale ale dreptului penal. În perioada în care activitățile bancare s-au răspândit la scară largă în țară, iar acestui domeniu i se acordă o atenție deosebită, este necesar să se efectueze cercetări cu privire la aspectele de drept penal ale reglementării acestei activități și pregătirea unor propuneri relevante.

În acest context, articolul prezentat descrie falsificarea banilor sau a titlurilor de valoare ca o acțiune criminală comisă împotriva activităților bancare, precum și pe scurt analizează dispozițiile normelor prevăzute de Codul penal al Republicii Azerbaidjan în legătură cu această crimă.

Being a subject of entrepreneurship, bank acts as a significant mediator for developing economy, constantly adapting to existing circumstances and to international community, in parallel demanding innovations and customization in legal system.

Contemporary bank gets engaged in wide ranges of activities, is characterized by large cash turnover and establishes basis for economic progress via financing various areas of economy.

Prevention of crimes offending against cash and financial turnover, as well economic relations related to bank activity, financial-credit sphere (financial-credit sector of economy) is one of vital tasks of criminal law. Considering popularization of bank activity throughout the country, and special attention to this area, we stress the necessity of conducting scientific researches of criminal and judicial aspects of this activity regulation and making relevant suggestions.

In the context presented, the article characterizes manufacturing counterfeit money or securities as crime act against bank activity, briefly analyses penal and legal norms against such crime provided by Criminal Code of the Republic of Azerbaijan.

Являясь преступным деянием, изготовление поддельных денег наносит ущерб экономическим интересам любой страны, нарушает ее денежную и кредитную систему, становится причиной девальвации валюты, усиливает инфляцию, наносит материальный вред государству и отдельным лицам. Наряду с этим, данное деяние должно быть отнесено к ряду преступлений, совершаемых против банковской деятельности. Полагаем, что для высказывания данного мнения есть достаточные основания и аргументы. По крайней мере, потому, что Центральный Банк Азербайджанской Республики (впоследствии АР) выполняет такие важные функции, как определение денежной политики государства, организация оборота наличных средств. Данные полномочия приписаны Центральному Банку АР в соответствии со статьей 5 Закона «О Центральном Банке Азербайджанской Республики». Согласно части 2, статьи 19 Конституции АР Центральный Банк выпускает и изымает из обращения денежные знаки, организует изготовление денежных знаков или выдает заказ на их изготовление, при необходимости меняет существующие в обращении наличные и металлические деньги на новые денежные знаки. Необходимо учесть, что денежные знаки, выпускаемые Центральным Банком, должны быть немедленно приняты по их номинальной стоимости на территории Азербайджанской Республики для ведения любых платежей, включения в счета и осуществлении денежных переводов. Таким образом, подделка денежных знаков, выпускаемых Центральным Банком, несомненно, является преступлением против банковской деятельности. Также надо помнить, что в качестве предмета преступления по изготовлению поддельных денег выступают банковские билеты (банкоматы) и металлические деньги, выпускаемые Центральным Банком АР. В дополнение к вышесказанному, необходимо отметить, что согласно статье 32.1.1 Закона АР «О Банках», банки правомочны вести операции по депозитам, т.е. привлекать денежные средства для вклада (депозита). С другой стороны, они оказывают услуги по переводу денежных средств. В данном случае, банки, безусловно, несут материальный ущерб при получении поддельных денег в результате

операций по переводу денежных средств или принятия вкладов, ибо вручаемые им средства переходят в распоряжение банков. При выявлении подделки денег, они изымаются из обращения. Экспертное заключение о фальсификации денежных знаков принимается со стороны Центрального Банка АР. Необходимо отметить, что по завершении судебного делопроизводства по уголовному делу о фальсификации денежных знаков поддельные денежные знаки передаются Центральному Банку. Стоимость невозвращаемых поддельных денег не компенсируется (статья 39.5 Закона «О Центральном Банке АР»).

Указанное свидетельствует, что криминальное деяние по подделке денежных знаков является преступлением, совершаемым против банковской деятельности. Аналогично можно утверждать относительно фальсификации ценных бумаг. Согласно статье 32.1.4 Закона АР «О Банках», Банки также оказывают услуги по переводу ценных бумаг. С другой стороны, банки обладают правом выпускать ценные бумаги. Естественно, подделка ценных бумаг в первую очередь наносит ущерб банку. Необходимо помнить, что предметом преступления по подделке могут быть не только денежные знаки, но и ценные бумаги.

Подделка в данной области предусматривает ответственность, предусмотренную статьей 204 Уголовного Кодекса (после - УК) АР. Согласно данной статье, изготовление поддельных денег, ценных бумаг или иностранной валюты, или изготовление поддельных ценных бумаг, выраженных в иностранной валюте с целью продажи, а также их приобретение или продажа влекут за собой уголовную ответственность.

Общественная опасность данного деяния заключается в том, что оно посягает на основы экономической безопасности и финансовой мощи государства, общепринятые правила денежного оборота, выполнение рыночными институтами своих функций в полном объеме. Отношения, вытекающие из общественной деятельности указанных сфер, являются объектом преступного посягательства. Таким образом, непосредственным объектом преступления по подделке выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование денежного оборота. Основными и главными

ми участниками денежного оборота, одним из профессиональных субъектов являются банки. Поэтому данное преступление в первую очередь, направлено против банковской деятельности. Хотим еще раз напомнить, что данное деяние посягает именно на общественные отношения, возникшие в сфере денежного оборота. Оно нарушает стабильность маната, являющегося национальной валютой АР, а также затрудняет регулирование денежного оборота.

Что касается предмета преступления по изготовлению поддельных денег или ценных бумаг, надо отметить, что при толковании данных деяний их предмет играет важную роль. Предмет анализируемого нами преступления перечисляется в диспозиции статьи 204.1 УК АР:

- деньги;
- ценные государственные бумаги;
- иностранная валюта;
- ценные бумаги, выраженные в иностранной валюте.

Под деньгами подразумеваются денежные знаки, выпущенные Центральным Банком АР и не изъятые из обращения. Согласно статье 36.1 Закона «О Центральном Банке АР» денежные знаки могут быть выпущены в обращение в бумажном и металлическом виде. Бумажные денежные знаки выпускаются в форме банковских билетов (банкнот) Центрального Банка АР и считаются средством обращения. Металлические денежные знаки представляют собой монеты, выкованные (отлитые) из металла.

В соответствии с Частью 1, статьи 19 Конституции АР, денежной единицей Азербайджанской Республики является манат. Один манат равняется 100 (сотне) копеек.

Бумажные и металлические денежные знаки становятся предметом преступления только в том случае, когда они обладают способностью перемещения, нахождения в государственном обращении. Иными словами, при подделке бумажных и металлических денежных знаков, находящихся в официальном обращении как средство платежа, они становятся предметом преступления. Изготовление денежных знаков, изъятых из государственного обращения и оборота, не приводит к возникновению преступного состава, предусмотренного статьей 204 УК АР. Это объясняется тем, что изготовление де-

нежных знаков, изъятых из обращения, преследует обычно цель коллекционирования. Только денежные знаки, находящиеся в официальном обращении, могут стать предметом вышеупомянутого преступления.

Под государственными ценными бумагами подразумеваются ценные бумаги, выпускаемые от имени АР. Например, государственные облигации, приватизационные чеки и т.д.

Понятие «иностранная валюта» включает в себя денежные знаки, а именно банкноты (бумажные деньги) и монеты (металлические деньги), находящиеся в обращении на территории иностранного государства или группы иностранных государств и считающиеся официальным средством платежа. Необходимо учесть, что иностранная валюта не допускается в качестве средства платежа на территории Азербайджанской Республики. Ибо согласно части 3, статьи 19 Конституции АР, на территории Азербайджанской Республики запрещено использование других денежных единиц в качестве средства оплаты, кроме маната. Наряду с этим, иностранная валюта может быть использована как платежное средство на территории АР только при разрешении Центрального Банка АР.

Ценные бумаги, выраженные в иностранной валюте, представляют собой чеки, векселя, аккредитивы, а также фондовые бумаги (акции, облигации) и иные долговые обязательства. Возникает интересный вопрос: почему ценные бумаги, законно выраженные в иностранной валюте, причислены к возможным предметам преступления, предусмотренного статьей 204 УК АР, а ценные бумаги, выраженные в национальной валюте (чеки, векселя, аккредитивы, акции, облигации и пр.), не относятся к ним? Ведь согласно Закону АР «О валютном регулировании», ценные бумаги выражаются и в национальной валюте, т.е. манате. Поэтому мы считаем целесообразным указание ценных бумаг в национальной валюте АР в качестве возможных предметов преступления, предусмотренного статьей 204 УК АР. Также нельзя отрицать тот факт, что в уголовно-правовой практике АР встречаются случаи подделки ценных бумаг, выраженных в национальной валюте. Справедливым, логически оправдан-

ным и закономерным является второй вопрос: почему и на каких основаниях законодатель считает только государственные ценные бумаги предметом преступления, и не включает другие виды ценных бумаг в список предметов данного преступления? Ведь в зависимости от эмитента (выпускающего бумаги) различаются три вида ценных бумаг: государственные ценные бумаги, муниципальные ценные бумаги, и частные ценные бумаги. В случае выпуска ценных бумаг со стороны соответствующего органа исполнительной власти или уполномоченного государственного органа их называют государственными ценными бумагами (Статья 997-1.1 ГК АР). Муниципальные ценные бумаги выпускаются со стороны муниципалитетов в порядке, установленном законодательством. Частные ценные бумаги подразумевают ценные бумаги, выпущенные отдельными частными организациями. Даже банки могут выпускать собственные ценные бумаги, руководствуясь статьей 19.3 Закона АР «О Банках».

Из волеизъявления законодателя в статье 204.1 УК АР становится очевидным, что только государственные ценные бумаги могут стать предметом подделки. А почему не включить муниципальные и частные ценные бумаги в данный список? Почему не предусматривается уголовная ответственность в отношении лиц, подделывающих данный вид ценных бумаг? Такой подход законодателя к данному вопросу, в первую очередь, противоречит конституционной норме, утверждающей, что нет верховенства какой-либо собственности над другой ее формой, и все виды имущества защищены в равной степени (часть 2, статья 20 Конституции АР). А имущество может быть как государственное, так и муниципальное и частное: все они упомянуты в части 2, статьи 13 Конституции АР. Ценные бумаги могут быть отнесены как к предмету государственной собственности, так и муниципального и частного имущества.

Считаем, что законодатель должен признать муниципальные и частные ценные бумаги в качестве предмета преступления по подделке. В противном случае, он допускает дискриминацию и нарушение прав. Для исключения дискриминации и нарушения прав также в предмет

преступления по подделке должны быть включены иные ценные бумаги, выраженные в национальной валюте АР (манате). Такой подход, несомненно, также стал бы правовой основой для борьбы против подделки ценных бумаг, выпускаемых банками. Законодатель, в частности, должен отказаться от употребления термина «государственных ценных бумаг» в диспозиции статьи 204.1 УК АР, и заменить его на «ценные бумаги, выраженные в национальной валюте Азербайджанской Республики». Тем самым, будет устранена дискриминация, и предотвращаются случаи нарушения прав.

Что касается объективной стороны преступления по подделке, она характеризуется тремя действиями, иными словами, выражается в трех действиях: одно из действий заключается в изготовлении предмета подделки (денежных знаков, ценных бумаг, выраженных в манате, иностранной валюты, ценных бумаг, выраженных в иностранной валюте).

Под изготовлением подразумевается производство предмета подделки любыми способами в полном или частичном виде (напр., изменение номинала денежной валюты, фальсификация номера, серии и иных реквизитов денежного знака и ценной бумаги). Предмет подделки должен в возможной степени быть похожим на оригинал валюты и ценной бумаги по форме, размерам, цвету и прочим основным параметрам. Сходство с оригиналом должно быть настолько близко, чтобы обеспечить участие предмета подделки в денежно-кредитном обращении. В противном случае, ввиду наличия множества очевидных расхождений с оригиналом денег или ценных бумаг, они не смогут участвовать в денежно-кредитном обороте. Поэтому действие лица, занимающегося изготовлением предмета подделки, не подпадает под статью 204 УК АР: такое действие обвиняемого лица считается хулиганством, ответственность за которое предусмотрено в статье 178 УК АР.

Валюта (национальная и иностранная валюта) и ценные бумаги должны быть изготовлены не со стороны государства, а поддельным путем. В данном случае могут быть использованы соответствующие средства, в том числе, копировальные машины. Например, при рассмотрении Судом Азербайджанской Республи-

ки по Тяжким Преступлениям (нынешнее название) уголовного дела по обвинению Велиева Заманата Мюслюм оглу от 24 января 2008 г. по статье 204.3.2 УК АР, на открытом судебном заседании было выявлено, что З.М.Велиев с помощью копировального аппарата ("HPDESJET F2180") изготавливал поддельные денежные знаки в особо крупном размере.

Другим действием, характеризующим объективную сторону анализируемого преступления, является приобретение предмета подделки. Так, приобретение лицом поддельной валюты или ценных бумаг влечет за собой ответственность, предусмотренную статьей 204 УК АР. Необходимо отметить, что приобретение поддельной валюты или ценных бумаг должно быть с целью продажи.

Третье действие, характеризующее объективную сторону анализируемого преступления, заключается в продаже поддельной валюты или ценных бумаг. Под продажей поддельных денег или ценных бумаг подразумевается их использование в качестве средства платежа при приобретении товаров, оказании услуг или выполнении работ. В целом, термин «продажа» выражает отчуждение поддельных денег или ценных бумаг в любом виде (например, обмен, дар, выдача в долг и пр). Поэтому законодатель должен употребить термин «реализации» вместо «продажи» в диспозиции статьи 204.1 УК АР. Никому не безызвестно, что понятие «реализовываться» более емкое и соответствующее в данном случае. Однако поддельная валюта или ценные бумаги должны реализовываться как средства платежа, что является обязательным признаком (элементом) обсуждаемого нами действия. Например, при рассмотрении уголовного дела со стороны Сабунчинского районного суда по обвинению Бабаева Джахангира Беюкага оглу 9 июня 2010 г., было постановлено лишить его свободы на срок 5 лет 6 месяцев ввиду использования поддельных денег в качестве средства платежа.

Мы выступаем перед законодателем со следующим предложением: исключить деяние по приобретению из действий, характеризующих объективные стороны преступления по подделке. Дело в том, что лицо обычно приобретает поддельную валюту или ценные бумаги с целью

реализации. Если они не реализованы, может идти речь о не завершенном преступлении на подготовительном этапе: данное действие лица должно классифицироваться по статье 28 (подготовка преступления) и статьей 204.1 УК АР. Само по себе приобретение валюты или ценных бумаг с целью реализации не является завершенным деянием, а считается подготовкой к преступлению (незавершенным преступлением). Необходимо учесть, что в данном деянии лица не присутствуют все признаки преступного состава, и поэтому деяние не может быть признано завершенным.

Лицо в момент изготовления поддельных денег или ценных бумаг осознает, что оно продает поддельные деньги и ценные бумаги и желает этого. Значит, субъективная сторона преступления по подделке характеризуется прямым умыслом.

Субъектом преступления выступают дееспособные лица, достигшие 16 лет.

Литература

1. Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики. Баку: Правовая литература, 2001;
2. Комментарии к Уголовному Кодексу Азербайджанской Республики / Под редакцией Ф.Й. Самандарова. – Баку: Digesta, 2001;
3. Закон Азербайджанской Республики "О Банках". 16 января 2004 г., № 590-ПQ;
4. Волженский Б.В. Экономические преступления. СПб.: «Питер», 2002;
5. Л.Д.Гаухман, С.В.Максимов. Преступления в сфере экономической деятельности. – М, 1996;
6. Л.Д.Гаухман. Хозяйственные преступления. – М, 1995;
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / Под ред. Л.В.Иногамовой-Хегай, А.И.Парога, А.И.Чучаева. – М.: Инфра-М, 2006;
8. Уголовное право России. Часть общая и особенная. Учебник / Под ред. А.И.Парога. – М.: Проспект, 2008;
9. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМОЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УКРАИНЕ, НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ

Кобзева Татьяна Анатольевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, хозяйственного права и финансово-экономической безопасности Учебно-научного института права Сумского государственного университета

УДК 342.5(477)

В статье, на основе научных взглядов ученых, исследован опыт Германии и Франции по управлению финансовой системой. По поводу организации и функционирования механизма управления финансовой системой в Федеративной Республике Германии выделены важные моменты, которые могут быть полезными для Украины, в частности: активное участие институтов гражданского общества в процессе контроля за законностью и эффективностью использования бюджетных средств; налаживание развитых координационных связей между центральными и местными органами управления финансовым сектором. Доказано, что механизм управления финансовой системой Франции имеет вид секторальной модели, для которой характерно наличие очень сложной структуры органов управления финансами, а основная роль в этой деятельности принадлежит многочисленным министерским управлениям, которые проверяют различные аспекты функционирования финансовой сферы Франции.

Ключевые слова: зарубежный опыт, управление, финансовая система Украины, Германия, Франция.

Articolul, bazat pe opiniile cercetătorilor, vizează analiza experienței Germaniei și Franței privind sistemul de management financiar. În ceea ce privește organizarea și funcționarea mecanismului de control al sistemului financiar în Republica Federală Germania sunt evidențiate punctele importante, care pot fi utile pentru Ucraina, în special: o participare activă a societății civile în procesul de monitorizare a legalității și eficienței utilizării fondurilor bugetare; stabilirea legăturilor de coordonare între organele centrale și locale de conducere a sistemului financiar. Este dovedit faptul că mecanismul francez de control al sistemului financiar ia forma modelului sectorial, care se caracterizează prin prezența unei structuri complexe a organelor de gestiune financiară, iar rolul principal în această activitate îi revine numeroaselor departamente ministeriale, care controlează diferite aspecte de funcționare ale sectorului financiar francez.

Cuvinte cheie: experiența străină, gestionarea, sistemul financiar al Ucrainei, Germania, Franța.

International Experience of Managing Financial System and the Possibilities of Its Use in Ukraine, by the Example of Germany and France

The author of the article, based on scientific views of scientists has studied the experience of Germany and France on managing the financial system. With regard to the organization and functioning of the financial system control mechanism in the Federal Republic of Germany the author has highlighted important points, which can be useful for Ukraine, in particular: an active civil society participation in the process of monitoring the legality and effectiveness of use of budgetary funds; the establishment of the developed coordination between the central and local governments in managing the financial sector. It has been proved that the French financial system control mechanism has the form of sectoral model, which is characterized by the presence of very complex financial structure of government, and the main role in this activity belongs to numerous ministerial offices that monitor different aspects of the French financial sector.

Key words: international experience, management, financial system of Ukraine, Germany, France.

Постановка проблемы. Сегодня Украинское государство стремится в полной мере приобщиться к западноевропейским интеграционным процессам, а также построить собственную экономику по европейскому образцу. Но достижение этой цели невозможно без исследования зарубежного опыта управления финансовой системой и возможности его использования в Украине. На важность изучения зарубежного опыта развития финансовой системы, как важного условия развития и совершенствования отечественного финансового сектора национальной экономики, акцентировал внимание ряд исследователей. Так, например, С. Е. Коновал отмечает, что в последние годы общемировой тенденцией является либерализация и глобализация финансовых систем и, как следствие, повышение мобильности капитала и рост экономических рисков. Именно поэтому государственное регулирование финансовых систем приобретает все большее значение. Однако, следует отметить, что недостаточно исследованным является использование мирового опыта государственного регулирования финансовой системы с позиции его адаптации к украинским реалиям.

Состояние исследования. Исследованию зарубежного опыта управления финансовой системой и возможности его использования в Украине уделяли внимание в своих исследованиях такие ученые, как: Т.А. Кизима, Н.Я. Кравчук, В.П. Горин, И. Ткаченко, А.Н. Пастухова, Ю.М. Руденко, В.В. Токарь, Л.А. Миргородская, С.И. Юрия, В.М. Федосова, М.С. Горшенев, К.А. Закоморная, В.А. Рияка и другие. Однако, по нашему мнению, особое внимание следует уделить опыту ведущих европейских стран в области управления финансовой системой.

Именно поэтому **целью** статьи является исследовать опыт Германии и Франции в сфере управления финансовой системой и определить возможности его использования в Украине.

Изложение основного материала. Федеративная Республика Германия является страной с самой мощной экономикой в Европе, за что ее по праву называют одним из «ло-

комотивов» мировой экономики. По уровню экономического развития, величине экономического потенциала, доле в мировом производстве, степени участия в международном разделении труда и другим важнейшим критериями она относится к числу наиболее высокоразвитых государств мира, входит в так называемую «большую семерку» [1, с.176].

Специфика финансовой системы Германии обусловлена ее территориально-политическим строем - она является федеративной парламентской республикой. В зависимости от того, о каком аспекте финансовой сферы идет речь, а именно о бюджетном процессе или управлении рынком финансовых услуг, можно выделить следующие основные субъекты механизма управления национальной финансовой системой Германии:

1) в бюджетном процессе главную роль играют такие органы и их структурные подразделения:

а) Министерства финансов (готовит проект бюджета на уровне федерации) и правительство (представляет проект бюджета на рассмотрение парламента)

б) представительные органы:

- Бундесрат (предварительное рассмотрение и утверждение проекта закона о бюджет) [2, с.218]. Следует отметить, что вопросы, касающиеся суверенных прав федеральных земель, особенно финансовые и административные, обычно являются предметом дискуссий и споров, и поэтому в среднем чуть больше половины всех законопроектов проходит через верхнюю палату парламента. Кроме того, Бундесрат вправе сформулировать отрицательное заключение по любому из законопроектов, но только небольшое их количество не получает одобрения в верхней палате [3, с.14];

- Бундестаг (утверждает проект бюджета), в составе которого функционируют: бюджетный комитет (традиционно председатель этого комитета избирается от представителей оппозиционных партий)

- Подкомитет по проверке отчетности (участвует в проверке выполнения бюджета);

- Федеральная счетная палата - высший контрольный орган ФРГ в сфере государ-

ственных финансов (осуществляет контроль по отдельным направлениям выполнения бюджета);

в) Федеральный казначейский двор - независимое государственное учреждение, действующее согласно Федеральной и земельным конституциям, функциональное назначение которого заключается в контроле за экономической и финансовой деятельностью (в т.ч. он может проверять работу Министерства финансов) [2, с.218] .

В процессе рассмотрения бюджета каждая из палат парламента Германии имеет право вносить поправки в проект бюджета и требовать соответствующую необходимую информацию от правительства. В бюджетном процессе Германии действует принцип разделения властей, согласно которому исполнение бюджета - абсолютная компетенция правительства, и парламент не имеет права требовать от правительства, чтобы оно в полном объеме выполняло отдельные статьи (как правило, контролируются лишь основные показатели). Согласно немецкого бюджетного права, министр финансов может осуществлять дополнительные расходы только в том случае, когда есть экономия по другим статьям расходов, не выходя из утвержденных контрольных цифр. Фактическое выполнение бюджета возложено на Министерство финансов, а кассовое - на Бундесбанк [2, с.218].

Контроль же за исполнением бюджета осуществляют, как исполнительные органы власти через свои соответствующие специальные структурные звенья, так и законодательные, в частности через Федеральную счетную палату. Кроме того, оценку эффективности финансовой деятельности Минфина осуществляет Федеральный казначейский двор. По результатам проверок контролирующих органов проводится регулярное информирование общественности. Стоит отметить, что и сами общественные институты осуществляют контроль за законностью, целесообразностью и рациональностью использования государственных бюджетных средств.

На уровне отдельных субъектов федерации, управление бюджетным процессом осуществляют соответствующие местные пред-

ставительские и исполнительные органы власти, а также представители общественности.

Что касается регулирования рынка финансовых услуг в Германии, то в начале 2000-х годов она отказалась от децентрализованного управления данной отраслью и ввела новый финансовый мегарегулятор - Федеральную службу по регулированию финансовых рынков (ФСРФР), которая была создана путем слияния Федерального управления банковского надзора, Федерального управления страхового надзора и Федеральной комиссии по ценным бумагам [2, с.245]. Данный субъект управления финансовой сферой подчиняется Федеральному министерству финансов ФРГ. Руководство Федеральной службой регулирования финансовых рынков осуществляет Исполнительный комитет, Президент и Административный совет. Исполнительный комитет состоит из Председателя и четырех Главных исполнительных директоров. Права и обязанности ФНФП регулируются уставом, утвержденным Федеральным министерством финансов [2, с.245]. Интересно, что содержание ФСРФР осуществляется за счет средств финансовых учреждений, которые находятся под ее контролем. При этом для обеспечения эффективного использования средств создан специальный административный совет, который состоит из представителей финансовых учреждений, парламента и нескольких федеральных министерств. ФСРФР подчинена Министерству финансов ФРГ [2, с.246].

В организационную структуру ФСРФР входят департаменты: по контролю за кредитными операциями; по контролю за страховыми компаниями; по надзору за торговлей на рынке ценных бумаг. Кроме этих подразделений, существуют три департамента, которые занимаются общими вопросами (развитие финансовых рынков, страхование финансовых активов, борьба с отмыванием «грязных» денег) [2, с.245].

Также на завершении стоит отметить, что в составе судебной ветви существует отдельная группа судов, занимающихся рассмотрением дел финансового характера.

Таким образом, опираясь на вышеизложенный материал по организации и функци-

онированию механизма управления финансовой системой в Федеративной Республике Германии, можем выделить следующие важные моменты, которые могут быть полезными для Украины, а именно:

- полное отстранение парламента от непосредственного выполнения бюджета, однако активный и тщательный контроль с его стороны за выполнением последнего правительством, в частности Минфином Германии;

- активное участие институтов гражданского общества в процессе контроля за законностью и эффективностью использования бюджетных средств;

- налаживание развитых координационных связей между центральными и местными органами управления финансовым сектором;

- введение органа-мегарегулятора финансовой сферой страны, который не только осуществлял бы контрольно-надзорные, лицензионные и другие управленческие функции в указанной области, но и противодействовал преступности в ней.

Следующая страна - Французская Республика, которая также выступает одним из мировых лидеров по уровню экономического развития. По своему территориально-политическому устройству Франция - это унитарная президентская республика, то есть ее главным должностным лицом является президент. Его позиции одни из самых сильных в мире среди стран, имеющих институт президентства. Страна разделена на 22 региона, 96 департаментов и около 36 тыс. коммун. В состав Франции входят 5 заморских департаментов, 4 заморские территории и территория с особым статусом - Майот [1, с.192].

Главным законодательным органом страны выступает парламент, который имеет две палаты - Национальное собрание (нижняя палата) и Сенат. Депутаты Национального собрания избираются прямым голосованием, а Сенат - косвенным голосованием. В Сенате представлены территориальные коллективы республик, а также французов, проживающих за пределами основной территориальной части Франции [1, с.192-193].

Центральным органом исполнительной власти является Правительство Франции,

которое проводит политику Нации. По Конституции Франции 1958 правительство несет ответственность перед парламентом.

Следует также отметить, что характерной чертой органов государственной власти является наличие Экономического и социального совета, который дает заключения по проектам законов, декретов, консультирует правительство по вопросам экономического или социального характера, сообщает в парламенте по соответствующим проектам или предложениях [4; 1, с.193].

Финансовая система Франции как унитарного государства - двухуровневая, включающая общегосударственные и местные финансы. В состав финансовой системы входят следующие звенья: центральный (государственный) бюджет, местные бюджеты, специальные фонды и финансы государственных предприятий. Особенностью финансовой системы Франции является создание и функционирование целой системы фондов специального назначения, специальных счетов и присоединенных бюджетов, некоторые из которых находятся в составе бюджета, а остальные - внебюджетные. Все они в определенной степени юридически и организационно самостоятельны и имеют собственные источники формирования доходов [5].

Главными участниками бюджетного процесса во Франции являются:

- Президент;
- Правительство;
- Парламент;
- Специальные государственные учреждения - Министерство экономики и финансов, Национальный кредитный совет, Банковская контрольная комиссия, Экономический и социальный совет [2, с.262].

Главным субъектом составления проекта бюджета является Министерство экономики и финансов Франции. После согласования правительством проект подается в парламент, где происходит его рассмотрение в обеих палатах с последующим принятием. Если после двух совместных обсуждений в обеих палатах парламента проект бюджета не получит одобрение, президент имеет право своим указом объявить бюджет законом

[2, с.264]. Следует отметить, что в настоящее время парламент Франции при утверждении доходов бюджета, кроме собственно плана поступлений, парламент также одобряет: объем фонда оплаты труда и численности занятых в общественном секторе, объемы доходов и отчислений, которые передаются в фонды ЕС; отчет о движении денежных средств правительства; максимальный уровень государственного долга и его годовой прирост. Парламент одобряет только новые миссии и программы, однако депутаты могут выдвигать предложения по перераспределению ресурсов между отдельными программами. Таким образом, с проведением бюджетной реформы, обсуждение расходов бюджета в парламенте фактически представляет собой не дебаты по поводу объемов финансирования министерств и ведомств, а определение целей государственной финансовой политики [2, с.265].

Что же касается исполнения бюджета, то этот процесс осуществляется целым рядом финансовых служб. При этом следует отметить, что для Франции характерно наличие довольно сложной и разветвленной системы финансового контроля, значительная часть которого осуществляется именно в сфере использования бюджетных средств.

Основными субъектами такого контроля являются:

- Парламент, который реализует этот контроль как непосредственно через свои соответствующие комиссии, так и с помощью Счетной палаты;

- Счетная палата, которая в соответствии со статьей 42 Конституции Франции (1958 г.) помогает парламенту в контроле над деятельностью правительства. Она помогает Парламенту и Правительству контролировать выполнение финансовых законов и законов о финансировании социального обеспечения, а также оценивать все направления деятельности органов публичной власти в интересах населения. Обнародовав свои доклады, она способствует информированию граждан. Счета публичных административных ведомств ведутся в надлежащей форме и честно. Они правильно отражают результаты их

управленческой деятельности, их имущество и их финансовое положение [4];

- многочисленные министерские управления и ведомства, осуществляющие административный контроль за финансовой сферой. Особая роль здесь принадлежит Министерству бюджета, государственной отчетности и государственной службы, а именно его подразделениям: бюджетному управлению, Главному управлению публичной отчетности, Службе бюджетного и бухгалтерского контроля министерств [2, с.266].

Также административное инспектирование и контроль во Франции осуществляет Генеральная инспекция финансов, которая подчиняется Министерству бюджета, государственных расчетов и государственной реформы и Министерству экономики, промышленности и занятости; Генеральная инспекция администрации, которая подчиняется Министерству внутренних дел, заморских территорий и территориальных коллективов; Генеральная инспекция социальных дел, которая подчиняется Министерству труда, социальных отношений семьи и социальной солидарности. Эти органы осуществляют по своему направлению: контроль и проверку деятельности и последовательности выполнения процедур, оценку эффективности всех структур, которые получают государственные средства; аудит и оценку оперативности внедрения стратегических решений с целью помощи учреждениям улучшить их стратегии, повысить качество услуг и усовершенствовать управление ресурсами; консультативную помощь по внедрению рекомендаций, предоставленных инспекцией. С экономической преступностью борется управление конкуренции, расходов и борьбы с экономическими преступлениями, подчиненное Министерству экономики, промышленности и занятости, а с коррупцией - Центральная служба предупреждения коррупции, подчиненная Министерству юстиции [6, с.29-31].

Отдельно стоит несколько слов сказать о финансовых судах Франции, главным среди которых является Основной суд Счетной палаты Франции (Счетная палата), кроме того, во Франции действуют и региональные суды

по аудиту, которые проверяют государственные финансы, государственные учреждения (в том числе других судов) и общественные организации. Суд Счетной палаты публикует годовой отчет и может направлять уголовные дела в органы прокуратуры. Он также может непосредственно оштрафовать государственных казначеев за неправильное использование средств и направить государственных служащих, злоупотребляющих расходованием средств, в суд финансовой и бюджетной дисциплины [6, с.28]. Основные и региональные суды по аудиту не судят бухгалтеров частных организаций. Однако в некоторых случаях они могут проводить ревизии их деятельности, особенно когда организация получила правительственный контракт на коммунальные услуги, требующие постоянного пользования общественным достоянием или если организация является участником торгов по государственному контракту. Суд Счетной палаты часто ведет дела различных государственных учреждений, парламентских комиссий и общественных ассоциаций, но он может также обратить свое внимание на действия любого французского гражданина или организации, действующей во Франции [6, с.28].

Выводы. По поводу организации и функционирования механизма управления финансовой системой в Федеративной Республике Германии выделены важные моменты, которые могут быть полезными для Украины, в частности: активное участие институтов гражданского общества в процессе контроля за законностью и эффективностью использования бюджетных средств; налаживание развитых координационных связей между центральными и местными органами управления финансовым сектором. Механизм управления финансовой системой Франции имеет вид секторальной модели, для которой характерно наличие очень сложной структуры органов управления финансами. При этом основная роль в этой деятельности принадлежит многочисленным министерским управ-

лением (ведомствам, комиссиям, инспекциям), которые проверяют различные аспекты функционирования финансовой сферы Франции. Однако, наличие перекрестного контроля, который позволяет различным ведомствам проверять деятельность друг друга, а также активное участие законодательной и судебной власти в процессе наблюдения за соблюдением режима законности в финансовой сфере, позволяют избежать тотальной коррумпированности и забюрократизованности, которые, как правило, присущи очень сложным и разветвленным управленческим механизмам.

Литература

1. Миргородська Л.О. Фінансові системи зарубіжних країн: Навчальний посібник. — К.: Центр учбової літератури, 2008. — 320 с.
2. Фінанси зарубіжних країн: навчальний посібник / [Кізіма Т. О., Кравчук Н. Я., Горин В. П. та ін.]; за ред. О. П. Кириленко. — Тернопіль: Економічна думка, 2013. — 287 с.
3. Система державного управління Федеративної Республіки Німеччина: досвід для України / авт.-упоряд. : Ю. В. Ковбасюк, С. В. Загороднюк, П. І. Крайнік ; за заг. ред. Ю. В. Ковбасюка. — К.: НАДУ, 2010. — 76 с. — (Серія видань з міжнародного досвіду державного управління).
4. Конституція Франції від 1958 року // [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf
5. Фінанси: Підручник / За ред. С.І. Юрія, В.М. Федосова. - К.: Знання, 2008.-611с. // [Електронний ресурс] – Режим доступу:http://pidruchniki.com/13281022/finansii/finansova_sistema_frantsiyi#985
6. Система державного управління Республіки Франція: досвід для України / авт.-уклад. Л. А. Пустовойт ; за заг. ред. Ю. В. Ковбасюка. - К. : НАДУ, 2010. - 56 с. - (Серія видань з міжнародного досвіду державного управління).

ДЕСЯТИЛЕТИЮ ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
ГОСУДАРСТВОВОЕДА ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПОБОРНИК ПРАВА И ЗАКОННОСТИ:
АКАДЕМИК ЮРИЙ ТОДЫКА

Аникин Владимир - доктор хабилитат политических наук, доктор философии, конференциар, действительный член Дома ученых Тель-Авива (Израиль)

В материале, посвященном доктору юридических наук, профессору, академику права – Юрию Николаевичу Тодыке, рассказывается о становлении его как профессионального ученого-юриста в Советской Молдавии, где основными направлениями его научной деятельности являлись проблемы совершенствования деятельности Советов народных депутатов всех уровней, а также вопросы, связанные с правовым и нормативным регулированием агропромышленной интеграции в Молдавской ССР. Подробно повествуется о деятельности Ю.Н. Тодыки в должности заведующего кафедрой конституционного права Национального университета «Юридической академии имени Ярослава Мудрого» в г. Харькове (Украина).

Ключевые слова: Юрий Николаевич Тодыка, Советы народных депутатов, агропромышленная интеграция, конституционное право, «Тодыковские чтения».

Acest articol dedicat doctorului în științe juridice, profesorului universitar, academicianului în drept - Iuri Nikolaevici Todîca, descrie formarea lui ca om de știință și avocat în Moldova sovietică, unde direcțiile principale ale activității sale științifice erau problemele îmbunătățirii activității Sovietelor deputaților poporului de toate nivelurile, precum și aspectele legate de reglementarea legală a integrării agroindustriale RSS Moldovenenești. Se relatează în detalii despre activitatea lui Todîcă Iu.N. în calitatea sa de șef al Catedrei de drept constituțional al Academiei de Drept «Iaroslav cel Înțelept», Universitatea națională din Harkov (Ucraina).

Cuvinte cheie: Iuri Nikolaevici Todîca, Sovietul deputaților poporului, integrarea agro-

In the material dedicated to the Doctor of juridical sciences, Professor, Academician of the legal rights Yuri Nikolayevich Todyke, is describes his formation as a professional scientist-jurists in Soviet Moldavia. There the main directions of his scientific activity were the issues of improvement of the activity of the Soviets of Public Deputies of all levels, as well as issues related to the legal and regulatory process of agro industrial integration in the Moldavian SSR. Is detailed described about Y. N. Todyke activity as the head of the Department of Constitutional Law of the National University "Law Academy named after Yaroslav the Wise" in Kharkov (Ukraine).

Key words: Yuri Nikolayevich Todyke, Soviets of Public Deputies, agro industrial integration, Constitutional Law, «Todyke's Readings».

Первое знакомство с Юрием Тодыкой состоялось при весьма необычных обстоятельствах. В начале лета далекого 1970 года группа сотрудников республиканской комсомольской газеты «Молодежь Молдавии» в числе пяти человек, обуреваемые страстным желанием приобщиться к научной деятельности, в числе которых, признаюсь, был и ваш покорный слуга, явились

в тогдашний Отдел философии и права Академии наук Молдавской ССР. Помнится, пришли мы, как выяснилось, в неприсутственный день, не подозревая о таковом, да еще и в обеденное время. Вот тогда-то и выслушал нас единственный присутствующий в секторе права молодой человек, представившийся Юрием Тодыкой. Он вразумительно объяснил, что, по его мнению,

**Юрий Николаевич
Тодыка**

каждому из нас – шаг за шагом – предстоит сделать в первую очередь (забегая вперед, отмечу, что только двое из нас связали свою жизнь с наукой). Наведя справки, мы узнали, что Юрий Тодыка – недавний выпускник юридического факультета Кишиневского государственного университета (1969), продолжает учиться в аспирантуре Института государства и права Академии наук СССР и пишет кандидатскую диссертацию. Закончив аспирантуру (1972), Юрий Тодыка в том же году успешно защищает кандидатскую диссертацию «Руководство районного Совета деятельностью сельских Советов депутатов трудящихся» (Институт государства и права АН СССР) и зачисляется в штат Отдела Философии и Права АН МССР (сектор права). С этого времени Юрий Тодыка начинает свой успешный творческий путь в юриспруденции.

Нужно сказать, что довольно быстрый рост научной карьеры Юрия Тодыки – от младшего научного сотрудника до ученого секретаря сектора права – во многом связан с тем, что в секторе к этому времени сложился крепкий творческий коллектив ученых-правоведов в лице докторов и кандидатов юридических наук – Е.Г. Мартынчика, П.С. Никитюка, В.И. Мокряка, В.Н. Винника, Д.К. Грамы и др. В эти годы Ю.Н. Тодыка продолжает более глубокую разработку намеченной им в кандидатской диссертации темы – совершенствование деятельности Советов депутатов трудящихся (переименованы в Советы народных депутатов Конституцией 1977 года) в изменившихся условиях государственного и хозяйственного строительства, развития культуры и науки. С завидным постоянством, одна за другой, со свойственной автору настойчивостью и удивительной трудоспособностью, в свет появляются книги: «Органы государственной власти и управления Молдавской ССР» (в соавторстве: Е.Г. Мартынчик) (Кишинев, 1976); «Руководство районного Совета нижестоящими Советами де-

путатов трудящихся» (Кишинев, 1977); «Конституционные основы организации и деятельности местных Советов народных депутатов» (Кишинев, 1979); «Полномочные органы народной власти: статус Советов и руководство экономикой» (в соавторстве: П.С. Никитюк) (Кишинев, 1982); «Местные Советы и трудовые коллективы» (Кишинев, 1983); «Законодательство о Советах в действии» (Кишинев, 1984); «Предварительное производство в социалистическом уголовном процессе» (в соавторстве: Е.Г. Мартынчик, Д.В. Милушев) (Кишинев, 1986); «На демократических основах (материал в помощь лектору Общества «Знание» МССР» (Кишинев, 1989); «Совершенствование деятельности Советов народных депутатов: организационно-правовые аспекты» (Кишинев, 1990) и др. Чего греха таить – были у Ю.Н. Тодыки, как и у многих из нас в то время, и так называемые проходные, обязательные работы, отвечающие тогдашним идеологическим установкам.

Как видно, переход Ю.Н. Тодыки на ответственную государственную службу – помощником Председателя Президиума Верховного Совета Молдавской ССР (1984) – не только укрепил творческие связи с бывшими коллегами из сектора права Отдела философии и права, но и открыл новые масштабные задачи, связанные с интенсификацией процессов в агропромышленном комплексе республики, ставшей к этому времени одним из лидеров в стране по практическому решению данной проблемы. Необходимо подчеркнуть, что во второй половине минувшего столетия агропромышленная интеграция приобрела особую актуальность и научно-практическую значимость, представляя собой органическое объединение и эффективное функционирование специализированных сельскохозяйственных предприятий, промышленных, перерабатывающих и других организаций для решения важных народнохозяйственных задач. Их решение позволяло создать наиболее благоприятные условия для эффективного использования сельскохозяйственного и промышленного труда. В 1970-х - 1980-х годах Молдавская ССР стала опытной площадкой практической реализации идеи агропромышленной интеграции не только для отечественных, но и зарубежных ученых и производственников [2].

В решение наиболее острой проблемы – создания и совершенствования правовой и нормативной базы агропромышленной интеграции – и были направлены усилия Ю.Н. Тодыки и его коллег. Свет увидели труды, написанные в русле его излюбленной тематики – роли Советов народных депутатов в этом направлении: «Местные Советы и агропромышленная интеграция: (организационно-правовые проблемы руководства» (Кишинев, 1985); «Государственный аппарат и проблемы охраны природы в условиях АПК» (в соавторстве: В.Н. Винник, В.И. Мокряк) (Кишинев, 1986); «Агропромышленному комплексу – внимание Советов» (Кишинев, 1987); «Местные Советы в условиях интенсификации сельскохозяйственного производства» (Кишинев, 1988) и др. Важным результирующим актом исследований Ю.Н. Тодыки в области агропромышленной интеграции явилась успешная защита им докторской диссертации «Деятельность местных Советов народных депутатов в сфере АПК: Актуальные проблемы теории и практики» (Институт государства и права АН СССР, 1988). Заслуги Ю.Н.Тодыки в развитии юридической науки и юридического образования в Советской Молдавии (одновременно с основной работой он преподавал на юридическом факультете Кишиневского государственного университета), были по достоинству оценены: ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры» республики. О высоком научном авторитете Ю.Н. Тодыки свидетельствует тот факт, что он стал одним из соавторов Конституции Молдавской ССР 1978 года и ряда других нормативных актов. Его имя было названо среди других видных юристов Молдавской ССР в основной отечественной энциклопедии [6].

Решение Юрия Николаевича Тодыки принять предложение работать на должности профессора кафедры государственного права Харьковского юридического института (1990), похоже, открыло новый этап в его жизни. Сильной стороной его творческой личности было умение правильно определить главное направление приложения своих интеллектуальных возможностей и исследовательских способностей. Это драгоценное для ученого качество со всей очевидностью проявилось и на «малой родине» (Ю.Н. Тодыка родился в Украине). Возглавив

кафедру двумя годами спустя после своего прихода, он, в соответствии с возросшими потребностями юридической науки и современными условиями, сумел кардинально переориентировать ее деятельность: она и поныне называется – кафедра конституционного права Украины в составе Национального университета «Юридической академии Украины имени Ярослава Мудрого» (новое название с 2010 г.).

Все сделанное Ю.Н. Тодыкой для развития украинской юриспруденции с начала 1990-х по 2007 годы поражает воображение. Большому кораблю, как говорится, сопутствовало большое плавание. Конечно, его молдавские коллеги-правоведы искренне радовались его научным успехам. Масштаб научных исследований Ю.Н. Тодыки и возглавляемой им кафедры говорит сам за себя. Юридические изыскания были посвящены решению актуальных проблем конституционного строя в Украине, совершенствованию его демократических основ, развитию конституционного процесса, теории конституции, толкованию конституции и законов Украины, определению правового статуса граждан, иностранцев и беженцев, функционированию органов государства и местного самоуправления, вопросам избирательной системы, гражданства, государственно-правовой конфликтологии.

По существу, возникла научная школа конституционного права, в развитие которой значительный вклад внес Ю.Н. Тодыка, о чем свидетельствуют изданные им лично и в соавторстве работы: «Гражданство Украины: конституционно-правовой аспект» (1996), «Конституция Украины – основа стабильности конституционного строя и реформирования общества» (в соавторстве) (1997), «Выборы народных депутатов Украины: конституционно-правовой аспект» (в соавторстве) (1998), «Конституционный Суд Украины и прокуратура в конституционно-правовом механизме обеспечения прав граждан» (на укр. яз.) (1998), «Конституционное право Украины: отрасль права, наука, учебная дисциплина» (1998), «Основы конституционного права Украины (на укр. яз.) (1998), «Президент Украины: конституционно-правовой статус» (в соавторстве) (1999), «Основы конституционного строя Украины» (1999), «Конституционно-правовой статус иностранцев, беженцев в Украине (1999),

«Конституция Украины: проблемы теории и практики» (2000), «Конституционные основы формирования правовой культуры» (2001), «Толкование конституции и законов Украины: теория и практика» (2003), «Правовое и конституционное государство: соотношение понятий» (2005), «Процессуальные нормы в конституционном праве Украины» (2006). На счету Ю.Н. Тодыки немало публикаций в ведущих отечественных юридических изданиях («Право Украины», «Проблемы законности» и др.), а также во многих научных сборниках. Трудился Ю.Н. Тодыка с полной отдачей своих сил и интеллекта до последних дней жизни. В активе академика Академии правовых наук Украины, доктора юридических наук, одного из самых молодых академиков в стране, профессора – более 250 научных и научно-методических работ общим объемом 470 п. л., в том числе – свыше сорока монографий (!). Ю.Н. Тодыка подготовил два доктора и шестнадцать кандидатов юридических наук [8].

Поистине недожженный талант Ю.Н. Тодыка проявил в области организации науки и педагогики. Он активно участвовал в организации Отделения государственно-правовых наук Академии правовых наук Украины (АПрНУ), являлся первым ответственным секретарем редакции журнала «Вестник Академии правовых наук Украины» (1993-1994). Будучи избранным действительным членом (академиком) Академии правовых наук Украины (АПрНУ), он с января 1996 года возглавил Отделение государственно-правовых наук АПрНУ. Многие поколения студентов-юристов и практических работников будут помнить его лекции. Известна его плодотворная деятельность по предоставлению экспертных заключений по делам, которые находились на рассмотрении в Конституционном Суде Украины [8]. Ю.Н. Тодыке было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники Украины». В 2004 году на областном конкурсе «Высшая школа – лучшие имена», объявленном Главным управлением образования и науки Харьковской областной администрации, он был признан лучшим в номинации «Заведующий кафедрой». Ю.Н. Тодыка являлся одним из ответственных редакторов значительного научного труда – «Конституционное право Украины» (на укр. яз.), рекомендованного министерством об-

разования и науки Украины в качестве учебника для студентов высших юридических заведений и факультетов страны (учебное пособие отмечено премией имени Ярослава Мудрого).

Возглавляемая Ю.Н. Тодыкой харьковская научная школа конституционализма получила высокую оценку политического и научного руководства страны. Под влиянием Ю.Н. Тодыки сформировалось мировоззрение многих известных ныне юристов, которые именно благодаря его усилиям вышли на широкий научный, политический и предпринимательский путь. По свидетельству ректора Национального университета «Юридической академии имени Ярослава Мудрого» В.Я. Тація, ученики Ю.Н. Тодыки «развивают обозначенные им направления научных исследований, предлагают свои пути разрешения сложных государственно-правовых задач, принимают активное участие в законопроектной деятельности, а также выступают в качестве научных экспертов, представляя свои заключения по поводу обращений в Конституционный Суд Украины». Университет продолжает занимать передовые позиции в юридическом образовании среди юридических учебных заведений Украины [7, с. 7]. Достойной памятью выдающемуся ученому-правоведу являются ежегодные, плавно перешедшие из «Конституционных чтений» (с 2008 г.) и проводимые с 2011 года в рамках Международных научных конференций молодых ученых, аспирантов и студентов – популярные «Тодыковские чтения», проходящие в стенах Национального университета «Юридической академии имени Ярослава Мудрого». Как правило, на обсуждение участников конференций выносятся наиболее значительные работы академика Ю.Н. Тодыки, имеющие непреходящее значение для развития современной юридической науки. По результатам обсуждения выпускаются сборники лучших тезисов и сообщений участников конференции, которые открываются статьями или извлечениями из значительных монографий академика права Ю.Н. Тодыки. Например, сборник сообщений «Верховенство права як основа сучасного конституціоналізму. VI «Тодиківські читання»» открывается статьей Ю.Н. Тодыки – «Верховенство права, верховенство конституции и законов Украины как принцип основ конституционного строя» (извлечение из моно-

графии «Основы конституционного строя»: учебное пособие (1999) [3]. На IX «Тодыковские чтения» (21-22 октября 2016 года), заявлена излюбленная и выстраданная Ю.Н. Тодыкой тема – «Принципы современного конституционализма и Основной Закон Украины» [8].

Естественным продолжением идей и творческих мыслей Ю.Н. Тодыки является научная деятельность его дочери Светланы, которая пошла по стопам отца, опубликовав совместно с ним и лично ряд заметных работ [10]. Заслуживают внимания статьи коллег Ю.Н. Тодыки по проблемам конституционного права, верных продолжателей его дела – А.П. Евсеева, Е.В. Супрунюка и В.Д. Яворского – соавторов многих с наставником монографий и статей, а также других авторов, благодарно обращающихся лично к его трудам и развивающим идеи наставника в современных условиях [4].

О непреходящих ценностях принципов конституционного права в европейской юридической науке, разрабатываемых академиком права Ю.Н. Тодыкой и его последователями, свидетельствует выход в свет сборника научных статей, подготовленный коллективами кафедр конституционного права Национального университета «Юридической академии имени Ярослава Мудрого» и Российской академии правосудия, посвященного теоретическим основам народовластия, особенностям конституционно-правового регулирования применения форм непосредственной демократии, гарантиям политических прав граждан, а также правоприменительной практики в этой области. Примечательно, что в предисловии к сборнику ректор Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого» академик В.Я. Тацкий особо подчеркнул неоценимый вклад академика права Ю.Н. Тодыки в развитие конституционного права в Украине [5, с. 7].

Пример вдумчивого и заботливого отношения к трудам выдающегося отечественного правоведа показала редакция ведущего юридического издания страны – «Право Украины», посвятившего специальный номер журнала актуальной проблеме «Конституционные основы совершенствования государственности и правовой системы Украины», который от-

крывается статьей Ю.Н. Тодыки «Конституция как социальная ценность». Многоаспектность проблемы конституционализма раскрывается в статьях более двадцати видных представителей отечественной юриспруденции. Кроме того, под рубрикой «Выдающиеся юристы» в журнале опубликован аналитический материал – «Юрий Николаевич Тодыка – видный отечественный ученый-конституционалист (1942-2007)» [9]. Наконец, не счесть количество ссылок на труды академика права Ю.Н. Тодыки в работах его коллег-юристов из разных стран.

Помнится, в общении с коллегами, друзьями Ю.Н. Тодыке нельзя было отказать во взаимной открытости и доброжелательности, которые, отнюдь, не переходили в фамильярные отношения. Он щедро делился своими идеями и внимательно относился к мнению других людей, всячески помогал. Во многом благодаря его моральной поддержке я возглавил отдел советского строительства в теоретическом партийном журнале, пользовался его консультациями во время подготовки работы «Сессия – основная организационная форма работы Советов: из практики сессионной деятельности местных Советов народных депутатов Молдавской ССР» (Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1987), содействовал публикации его статей. В свою очередь, когда мне потребовались зарубежные научные публикации при подготовке докторской диссертации по материалам Республики Молдова, Ю.Н. Тодыка помог опубликовать одну из них в сборнике научных статей по результатам XII Харьковский политологических чтений. Другая статья была подготовлена в соавторстве с ним. Прошло пятнадцать лет, но моя благодарность безмерна [1]. Премного благодарен в посреднических усилиях в этом вопросе дочери Ю.Н. Тодыки – Светлане Юрьевне, которая жила в те годы в Кишиневе и по учебным делам часто бывала в Харькове. Ю.Н. Тодыка служил примером ведения здорового образа жизни, умело сочетая напряженную интеллектуальную работу с физическими нагрузками. Многих он вовлек в многокилометровые пробежки в кишиневском городском парке «Долина Роз» и в занятия йогой.

Вышло так, что творческая научная жизнь Юрия Николаевича Тодыки волею судьбы как бы разделилась на две половинки: становление

его как профессионального юриста состоялось в Молдавии, а поразительный расцвет научной деятельности совпал с жизнью на родной ему Украине. Время показало, что исследования Ю.Н. Тодыки и его единомышленников в области основ конституционализма и правового государства представляют одинаковую ценность как для украинского, так и молдавского народов, их государственности. Это является подтверждением той непреложной истины, что в юридической науке, также как и в других отраслях ее, не существует национальных границ. Истинный творец науки – преданный ей,двигающий ее и добивающийся высоких целей – Человек. Таким был и остается в нашей памяти Юрий Николаевич Тодыка. Светлая ему память!

Литература

1. Анікін В.І. Правова держава і громадянське суспільство в аспекті становлення конституціоналізму. В: Українська державність: становлення, досвід, проблеми. Збірник наукових статей (за матеріалами XII Харківських політологічних читань). Харків: «Право», 2001; Анікін В.І., Тодика Ю.М. Роль Конституції України у становленні громадянського суспільства. В: Шляхи формування громадянського суспільства в Україні. Забезпечення права людини на свободу слова та інформацію (за матеріалами «круглого столу», проведеного 11 квітня 2001 року в м. Харкові). Харків, 2001.

2. Блаж И.Д. (Кишиневский политехнический институт). Проблемы оптимального планирования производства аграрно-промышленных комплексов: Автореферат диссертации... Одесса, 1972. - 20 с.; Качуровский В.М. Резервы повышения эффективности производства в агропромышленных объединениях виноградарско-винодельческого направления (на материалах Молдавской ССР). Автореферат диссертации... Москва, 1984. - 20 с.; Боко М.Ф. (Народная Республика Конго). Сельскохозяйственная кооперация в Молдавской ССР... Автореферат диссертации... Москва, 1982. - 20 с.

3. Верховенство права як основа сучасного конституціоналізму. VI Тодиківські читання. В: Зб. тез... Міжнародної наук. конф. (27-29 вересня) 2013 року. Харків: Права людини, 2013. с. 20-23. Доступно: <https://www.hse.ru/pubs/share/>

direct/document/112410643; library.nlu.edu.ua/.../cgiirbis_64.exe?/.../Тодыка и др.

4. Евсеев А.П. Вопросы правовой культуры в трудах Ю.Н. Тодыки. В: Другі конституційні читання: 36 тез наук доп. Міжнар. наук. конф. молодих учених... пам'яті Ю.М. Тодики. – Харків: Право людини, 2009, с. 18-20; Его же. Концепция парламентского права в трудах академика Ю.Н. Тодыки. В: Треті конституційні читання: зб. тез наук. доп. і повідомл. Міжнар. наук. конф. молодих учених... пам'яті академика права Ю.М. Тодики (28-29 травня) 2010 р. Харків: Права людини, 2010, с. 385-386; Его же. Соотношение правового и конституционного государства. В: Развитие української правової системи за роки незалежності. Тези доп. і наук. повідомл. студент. наук. конф... за 2003-2004 навч. рік. Харків: Нац. юрид. Акад. України ім. Я. Мудрого, 2004, с. 39; Мирошниченко Ю. Учредительная власть Украинского народа: сущность, содержание, проблемы и перспективы. В: Право Украины. 2012, № 3-4, с. 23-29 и др.

5. Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине: сборник научных трудов. Харьков: Право, 2012. – 296 с. Доступно: library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/SBORNIKI_2012/Konst_pravov_osnovu_2012.pdf

6. Молдавская Советская Социалистическая Республика. В: Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978, 3-е издание. Т. 16: Юридическая наука. Доступно: bse.ua.ru/BSE/1603.htm

7. Тацій В.Я. Предисловие. В: Конституционно-правовые основы народовластия в России и Украине: сборник научных трудов. Харьков: Право, 2012.

8. Юрий Николаевич Тодыка (1942–2007). Доступно: ru.tchytannya.org.ua.

9. «Юрий Николаевич Тодыка – видный отечественный ученый-конституционалист (1942-2007). В: Право Украины, 2012. № 3-4, с. 383-384. Доступно: pravoua.com.ua/store/cdownload/pravo_ukr_3_4_ru

10. Тодыка Ю.Н., Тодыка С.Ю. Конституционное право Украины: учебное пособие. Харьков: Райдер, 2003. – 280 с.; Они же. Конституционно-правовой статус человека и гражданина в Украине. Киев: Видавничий дім, 2004. – 367 с.; Тодыка С.Ю. Народовластие в условиях глобализации. Харьков: Право, 2005. – 334 с. и др.

НАУКОВО-ПРАКТИЧНИЙ ЖУРНАЛ

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
"SUPREMACY OF LAW"**

**REVISTA ȘTIINȚIFICĂ INTERNAȚIONALĂ
"SUPREMAȚIA DREPTULUI"**

**МІЖНАРОДНИЙ НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА»**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА»**

№ 3

Комп'ютерний набір. Формат 60x84/8. Папір офсетний.
Друк офсетний. Умовн. друк. арк 20,92
Зам. № 1730

ТзОВ «Дрогобицька міська друкарня»
м.Дрогобич, вул. І.Мазепи, 7,
тел./факс 2-23-35, тел.: 3-38-50, 2-23-76